

Д.П. УРСУ

Ч О Б А Н - З А Д Е Б Е К И Р

ЖИЗНЬ. СУДЬБА. ЭПОХА

120-летию со дня рождения
поэта-классика крымскотатарской
литературы, видного ученого-тюрколога
и общественного деятеля
Бекира Чобан-заде посвящается

Д.П. УРСУ

НБ ОНУ

08/08/13

Бекир Чобан-заде

ЖИЗНЬ. СУДЬБА. ЭПОХА

2-е издание

Бекир Чобан-заде
(1893—1937)

Научной библиотеке ОНУ им. И. И. Метелкова
от гитателя с Симферополь 60-летними стажом
— с признательностью²⁰¹³ за приобретенные знания
и наводки культуры — искренне Д.П. Урсу
30.10.2013

УДК92Чобан-заде:8.07
ББК83.3(4Укр-6Крмтат)-8
У72

У72 Урсу Д.П.
Бекир Чобан-заде. Жизнь. Судьба. Эпоха. — 2-е издание. — Симферополь: КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2013. — 276 с. + вкл. 24 с. : илл. — На русском языке.

ISBN 978-966-354-587-5

УДК92Чобан-заде:8.07
ББК83.3(Крмтат)-8

Книга является первой научной биографией профессора Бекира Чобан-заде, поэта-классика крымскотатарской литературы, видного ученого-тюрколога и общественного деятеля. Она создана на широкой базе документальных источников, главным образом архивных, снабжена приложениями и иллюстрирована оригинальными фотодокументами. 2-е издание посвящено 120-летию со дня рождения Бекира Чобан-заде.

Расчитана на широкий круг читателей: преподавателей школ и вузов, студентов и учащихся старших классов, а также всех тех, кто интересуется историей, культурой, литературой Крыма.

У72 Урсу Д.П.
Бекі́р Чобан-заде. Життя. Доля. Доба. — 2-е видання. — Симферополь: КРП «Видавництво «Кримнавчпеддержвидав», 2013. — 276 с. + вкл. 24 с. : іл. — Російською мовою.

ISBN 978-966-354-587-5

УДК92Чобан-заде:8.07
ББК83.3(Крмтат)-8

Книга є першою науковою біографією професора Бекі́ра Чобан-заде, поета-класика кримськотатарської літератури, відомого вченого-тюрколога та суспільного діяча. Вона створена на широкій базі документальних джерел, переважно архівних, має додатки та ілюстрована оригінальними фотодокументами. 2-е видання присвячене 120-річчю від дня народження Бекі́ра Чобан-заде.

Розрахована на широке коло читачів: викладачів шкіл і вищих навчальних закладів, студентів і учнів старших класів, а також всіх тих, хто цікавиться історією, культурою, літературою Криму.

© Урсу Д.П., 2013
© КРП «Видавництво «Кримнавчпеддержвидав», 2013
ISBN 978-966-354-587-5

Наукова бібліотека
Сімферопольського університету

ВВЕДЕНИЕ

Человек из легенды

Знаменитый французский поэт Шарль Бодлер, оставивший ряд замечательных жизнеописаний своих современников, писателей и композиторов, как-то заметил: «Бывают биографии, которые легко писать, например, тех людей, у которых жизнь вкraj заполнена событиями и приключениями. Для этого достаточно собрать и классифицировать факты, снабдив их датами»¹. С этим утверждением можно согласиться лишь при условии, что в распоряжении биографа имеются в достаточном количестве документальные источники, позволяющие точно расставить факты жизни его персонажа на временной лестнице. Если же этого нет, информация о жизни бедна и противоречива; если, наконец, сам герой повествования постарался какие-то периоды или факты представить потомкам не так, как было на самом деле, тогда написание биографии яркой личности, о которой говорит Бодлер, превращается в тяжелый и длительный исследовательский труд, требующий большого упорства, критического анализа источников и литературы по теме.

Эти соображения приходят на ум, когда приступаешь к описанию полной загадок и тайн жизни Бекира Чобан-заде. Многогранный талант — выдающийся

поэт, классик крымскотатарской литературы, знаменитый ученый-тюрколог, лидер национально-освободительной борьбы, энергичный и авторитетный руководитель системы образования, один из архитекторов «золотого пятилетия» культурного возрождения Крыма — Чобан-заде оставил множество литературных и научных трудов, но крайне скупно писал о собственной жизни. В архивах найдены лишь автобиография и две собственноручно заполненные анкеты переписи ученых кадров² — совсем мало для полного жизнеописания.

Биография Чобан-заде соткана из противоречий, окружена мифами и легендами, которые он в немалой степени сам же и создавал. Биографы запутались в хитросплетениях его извилистого жизненного пути, с огромным трудом устанавливая одни точные факты и даты, в то время как другие по-прежнему остаются в тумане. На сегодняшний день абсолютно достоверны лишь место и время рождения, обстоятельства и время гибели. Между 15 мая 1893 года и 13 октября 1937 года остается много загадок и спорных гипотез. Раз сохранилась собственноручно написанная автобиография ученого, то, казалось бы, и споров не должно быть. Однако это не так, ведь автобиография есть документ личного происхождения, а значит, субъективный, поскольку каждый человек имеет право на свою версию собственной жизни, на свою правду. Ее задача — дать идеализированный образ данной личности, ее, так сказать, каноническое, образцовое жизнеописание, очищенное от всяких сомнительных элементов. В эпоху тоталитаризма излишне откровенные автобиографии становились в руках чекистов компроматом и влекли за собой самые тяжкие последствия. Заново «переписав» собственную жизнь, Чобан-заде заслужил звание Великого мистификатора. Однако он старался напрасно: желая сбить с толку ищущих из НКВД, он вконец запутал своих биографов и историков. Что же касается следователей-чекистов, то досоветский период жизни Чобан-заде — где и когда он учился, как называлась тема докторской диссертации и т. п. — их совсем не интересовал. Только после возвращения в Крым в 1920 году он попадает в поле зрения ГПУ—НКВД и, зная об этом, как в биографии, так и в анкетах дает полные и достоверные сведения о себе.

Итак, Бекир Чобан-заде как по объективным причинам — отсутствие документальных источников, недоступность архивных материалов, многолетнее замалчивание в научной литературе, так и по субъективным соображениям, о которых сказано выше, постепенно превратился в легендарную личность, одну из главных фигур национальной мифологии. Ныне это, образно говоря, знакомый незнакомец — его имя на устах у всех, поэзию знают младшие

школьники, стихи печатает массовая пресса, переводят и перепечатывают литературные и научные труды, но его подлинная жизнь изобилует лакунами, датировка событий противоречива, авторы, пишущие о нем, вновь и вновь повторяют старые ошибки, добавляя к ним новые домыслы.

Приступая к написанию первой научной биографии нашего легендарного соотечественника, мы стремились показать его жизненный путь на фоне и в тесной связи с эпохой, ибо человека нельзя изучать, тем более — понять, вне бега времени, вне социополитического и культурного контекста. Рефлексия над личностью героя нашей книги требует глубокого знания событий и процессов, происходивших в тех странах и краях, где он жил: в России, Турции, Венгрии, Крыму и Азербайджане. Скитания Чобан-заде продолжались, в сущности, всю жизнь. На его долю пришлось быть свидетелем, иногда — и участником, величайших потрясений первых сорока лет XX столетия — нескольких революций, мировой и гражданской войн, гибели трех великих империй, кровопролитий, массового насилия и голода, становления большевистской формы тоталитаризма, деградации человеческой морали. Все эти катаклизмы не могли не оставить глубоких следов во впечатлительной душе поэта-романтика. Без знания исторического контекста можно сбиться на поверхностный пересказ случайных событий, расположенных в хронологическом порядке, на фактографию без понимания глубинных истоков и причинно-следственных связей. Мы будем стремиться, поэтому, выявить внутреннюю логику жизненных поступков Чобан-заде.

Прежде чем двинуться дальше в рассмотрении биографии «человека из легенды», следует подвести итог тому, чем располагает наука на сегодняшний день, или, говоря другими словами, рассмотреть историографию проблемы. Жизнь и творчество Чобан-заде отражены в литературе разного плана, из которой можно составить приличную библиотеку. Это монографии, статьи, справочные статьи и заметки как исследовательского, так и популярного характера. Первые биографические сведения, хотя и краткие, но точные, собирались с помощью анкеты в 1926 году во время Всесоюзной переписи научных кадров СССР. Спустя два года по ее итогам вышел многотомный справочник «Наука и научные работники СССР». В 6-ом томе имеется заметка о Чобан-заде следующего содержания: Бекир Чобан-заде, доктор филологии, профессор Азербайджанского государственного университета, отрасль науки — тюркология, дата рождения — 16 мая 1893 года, место рождения — Карасубазар³. Так и хочется воскликнуть: если бы все пишущие о Чобан-заде ошибались лишь

на один день (вместо 15 мая напечатано 16), не было бы столько споров и досадных недоразумений.

О литературном творчестве Чобан-заде с минимальным количеством биографических сведений в те годы писали А. Лятиф-заде⁴, академик А. Крымский⁵, А. Булдеев (см. приложение 13). Один из немногих крымскотатарских писателей, Чобан-заде упомянут в первом издании Большой советской энциклопедии (том вышел в 1934 году). В заметке верно указаны год рождения и национальность, образование получил в Турции и Венгрии, специалист в области тюркского (азербайджанского) языка и литературы. Затем написано: «... крупный деятель в области латинизации национальной письменности в СССР» и в скобках добавлено оценочное суждение, совершенно излишнее в энциклопедии: «допустивший ряд ошибок»⁶. В третьем издании БСЭ (1978 года) текста больше, но и больше фактических ошибок: годы жизни указаны неверно, место рождения — тоже. Имеются преувеличения, свидетельствующие о невежестве автора заметки: «Автор нескольких книг стихов и поэм»⁷. Между тем к этому времени была опубликована замечательная статья Ф.Д. Ашнина, в которой в основном правильно и довольно подробно освещался жизненный путь крымскотатарского поэта и ученого⁸. Другие авторы эту статью, как правило, игнорировали и продолжали нагромождать ошибки.

Как это ни покажется парадоксальным, литературное и научное наследие Чобан-заде известно гораздо лучше, чем его жизненный путь. Поэтическому творчеству поэта-классика посвящены вступительные статьи Эшрефа Шемьи-заде и Шакира Селима, которые предваряют собрание его поэтических сочинений. Шемьи-заде написал предисловие к первому посмертному сборнику (Ташкент, 1971), второй автор — к сборнику, вышедшему на Родине латинским алфавитом спустя 30 лет⁹. Обе статьи подтвердили справедливость еще одной мысли Бодлера — лучшим критиком поэта может быть только другой поэт. Анализ идейного содержания и особенностей стихосложения Чобан-заде дал Шевкет Юнусов в кандидатской диссертации «Крымскотатарская поэзия 1920-х годов» и в нескольких публикациях в научной прессе (журнал «Йылдыз» и др.)¹⁰.

Следует сказать особо о крупном вкладе в изучение литературной деятельности Чобан-заде турецкого автора Исмаила Отара, инициатора создания в Стамбуле мемориальной библиотеки имени великого крымчанина, в которой также хранится политический архив Джафера Сейдамета. Отар спас и ввел в научный оборот поэтический дневник Чобан-заде, который он писал в Будапеште в 1919—1920 годах. В нем помещены стихи, рассказы, статьи, конспекты

прочитанных книг, обширные цитаты на венгерском, французском и немецком языках. Поражают широта интересов и эрудиция молодого ученого — здесь выписки из трудов классиков мировой литературы — мадам де Сталь, Гюго, Флобера, И. Тэна, Э. Ренана, из работ выдающихся востоковедов А. Вамбери, В. Радлова, Т. Нёльдеке, А. Мюллера и др. Эту рукопись после тщательной подготовки И. Отар издал в 1999 году. В книге опубликованы стихотворения Чобан-заде на крымскотатарском и турецком языках, факсимиле рукописи стихов, глоссарий, а также письма и статьи¹¹. Сборник предваряет краткий биографический очерк, о котором мы скажем несколько позже.

Что касается научного наследия Чобан-заде, то его изучением занимался ряд ученых как в Азербайджане, так и в Турции. Наиболее солидные труды принадлежат перу Адиля Бабаева¹² и Кенана Аджара¹³. Биографические разделы в работах этих авторов, как и упомянутого выше Отара, не имеют самостоятельного характера, так как составлены на основе компиляции трудов предшественников, без использования документальных источников. Лишь в книге Бабаева приведены пространные выдержки из судебного-следственного дела Чобан-заде 1937 года, однако без комментариев и сопоставительного анализа. На базе этого же источника сделана статья Ф.Д. Ашнина и В.М. Алпатовой, которая окончательно прояснила вопрос о последних месяцах жизни Чобан-заде, внесла полную ясность в дату и обстоятельства его гибели¹⁴. Не удивительно, что эта небольшая по объему работа публиковалась шесть раз — на русском (дважды), крымскотатарском, польском и турецком (дважды) языках.

Если кратко сказать о биографических публикациях (а их подавляющее большинство), то приходится признать, что им не хватает как раз того, о чем говорил Бодлер, — точной датировки событий. Отсутствие документов или неумение с ними работать, нехватку проверенных данных многие авторы возмещают собственным воображением, некритически повторяют народную молву. Кроме того, некоторые из них не следят за новой литературой, не читают того, что пишут более сведущие авторы, переписывают ошибки друг у друга и даже изобретают новые. Так по причине непрофессионализма происходит мифологизация образа Чобан-заде; он теряет точные временные координаты и реальные черты и превращается в фольклорного героя наподобие Чора-батыра. Этому способствует и то, что в условиях депортации крымскотатарский народ был, в сущности, превращен в «народ без истории», по выражению Гегеля. Память о прошлом сохранялась лишь в виде устной народной истории, которая лишена хронологической арматуры точной датировки. Родственники

Чобан-заде (сестра, жена, приемный сын), а также его знакомые сберегли и передавали из уст в уста лишь образ человека и некоторые явления его жизни, но не достоверные датированные факты¹⁵. Именно на народной молве основывались литераторы и публицисты, писавшие с конца 1960-х годов о Чобан-заде, поскольку не имели возможности работать с документальным материалом, да и, честно признать, не имели для этого необходимых навыков.

Мифологизация Чобан-заде, часто неосознанная, но иногда — и с умыслом, шла по линии его героизации, превращения в общественно значимого «культурного героя», преувеличения тех или иных реально существовавших качеств и черт характера. Вот несколько примеров. Азербайджанские авторы утверждают, что Чобан-заде закончил историко-филологический факультет Будапештского университета (как увидит читатель, такого факультета не было) с золотой медалью¹⁶. Хотя авторы беззастенчиво переписали автобиографию самого Чобан-заде и выдали ее за собственный опус, в ней этой детали нет. После долгих поисков обнаружилось, что они перепутали лицей в Стамбуле с университетом в Будапеште, так как именно лицей он закончил с отличием, как утверждают более знающие А.Б. Таймаз и Ш. Бекторе.

Еще одно направление мифотворчества — это фантазирование насчет учебы Чобан-заде в разных университетах, а затем пребывание в них же на должности профессора. Пишут, что он учился в Стамбульском, Будапештском и Венском университетах. Крымские чекисты в секретной справке, говоря об образовании Чобан-заде, утверждали: «Учился в Константинополе, Вене и Будапеште»¹⁷. Что касается его профессорства, то с одинаковой мерой неточности называют университеты в Будапеште, Лозанне и даже... Неаполе. Все это беспочвенные выдумки: впервые Чобан-заде был утвержден в должности профессора в Крымском университете 3 марта 1922 года (см. приложение 4).

Особенно много преувеличений встречается, когда речь заходит о количестве печатных работ ученого. Первую библиографию составил Ф.Д. Ашнин в качестве приложения к упомянутой выше статье, положившей начало научной реабилитации Чобан-заде. Его библиография составлена безупречно с точки зрения существующих правил, она насчитывает 97 позиций. Сафтер Нагаев к своему обширному очерку, который он считает художественным и поэтому требует права на вымысел, приложил библиографию, хотя для подобного жанра это делать не принято. Здесь перечислены 129 публикаций, причем их заглавия не даются на языке оригинала, что является грубым нарушением установленных норм. В нескольких позициях отсутствуют указания на название

журнала, место выхода, год и номер¹⁸. Больше всего в отношении количества публикаций Чобан-заде нафантазировал А. Юдакин. Сам себе противореча, он пишет дословно следующее: публикаций у Чобан-заде более 150, а издано работ 110 (как это может случиться?), из них 40(?) монографий¹⁹. Но в пристатейной библиографии названо лишь 28 публикаций, в том числе 14 монографий.

Особенно небрежно, можно сказать, беззастенчиво обращается с биографией уважаемого поэта и ученого крымский автор И. Керимов. Будучи весьма плодовитым писателем, он заполняет свои статьи и заметки о Чобан-заде массой фактических ошибок, нелепостей и выдумок. Так, изобилует несообразностями его буклет «На стыке веков» (1996 год), выпущенный в качестве методического пособия для школ. Здесь буквально в каждой строчке можно обнаружить ошибку. Чего стоит, например, такой «перл»: Чобан-заде получил среднее образование в Карасубазарской средней школе. Если два раза повторено слово «среднее», то какое образование получил Чобан-заде, обучаясь в лицее в Галатасарае? Или еще такая выдумка: «защитил докторскую диссертацию с присвоением звания профессора» (такого нет нигде в мире). Неверно указаны место рождения, год смерти; Крымский университет назван «Таврическим», факультет тоже назван неправильно и т. д. и т. п. Эти ошибки повторены и в авторитетной «Антологии тюркских литератур» (том 13), к которой И. Керимов подготовил краткие биографии крымскотатарских писателей. Интересен такой факт: на одной и той же странице годы жизни Чобан-заде указаны дважды по-разному: 1891—1938 (обе даты неверны) и 1893—1938²⁰. Подобные же ошибки встречаются и в биографиях других крымскотатарских писателей (А. Одабаша, А. Лятиф-заде).

Некоторые авторы биографий Чобан-заде подают как факты почерпнутые из народных легенд утверждения, что он был наркомом просвещения Крымской АССР и ректором Крымского университета. В соответствующих главах мы подробно обсудим механизм возникновения этих слухов. Мифология охватила и личную жизнь поэта. Известно, что он был дважды женат и что детей у него не было. Однако в народной молве появились два сына, оба под его фамилией и с отчеством Бекирович. Почти детективная история произошла со вторым из них, который появился на свет три года спустя после смерти отца.

Не повезло Чобан-заде не только с биографами, но и с корректорами. К фактическим ошибкам в тексте они добавили опечатки: то запятую поставят не в том месте (в статье А. Крымского из одного получаются два человека:

Бекир Сидки и Чобан-заде), то вместо «15» печатают «16» или просто «5» (как в первой статье Ф.Д. Ашнина), тем самым вводя читателей в заблуждение относительно дня рождения поэта.

Кроме отечественных, писали о Чобан-заде и иностранные авторы. Об этом нам приходилось писать в другом месте²¹. Тем не менее коротко повторим основной вывод: западные публицисты, в том числе турецкие, питались в основном крохами информации, попадавшей из-за «железного занавеса» на страницы эмигрантской прессы, не имевшей в СССР своих корреспондентов. Кроме того, существовала жестокая цензура, имя Чобан-заде, как и многих других жертв террора, не попадало в печать. Неудивительно поэтому, что и заграничные издания, хотя и в меньшей степени, поддерживали легенду о Чобан-заде. Так, Джафер Сейдамет, хорошо знавший Чобан-заде, в книге, вышедшей сначала на французском, а затем переведенной на польский язык, идеализируя своего друга, утверждает: «Скромный сын пастуха достиг двойного доктората в философии и филологии»²². Речь, конечно, идет о докторской степени: доктор философии мог быть специалистом в любой области науки, но это не значит, что он одновременно был доктором в двух дисциплинах.

Многие иностранные публикации обошла непроверенная информация о последних днях Чобан-заде. Так, Э. Киримал (настоящая фамилия Шынкевич) сообщил, что в октябре 1936 года из Крымского педагогического института была уволена, затем репрессирована группа преподавателей — крымских татар и что якобы среди них был и Чобан-заде²³. Эту выдумку повторил и развил американский автор: Чобан-заде был сослан в Сибирь, где он умер зимой 1938 года на берегу реки где-то к западу от Урала²⁴. С географией у почтенного профессора в школе были, видимо, нелады: Сибирь, как известно даже троечникам, лежит к востоку от Урала. Эти же фантазии затем повторили М. Улькюсал и А. Фишер²⁵.

Об уровне информированности и точности иностранных авторов можно судить по сведениям «Ежегодника мусульманского мира», вышедшего в 1923 году в Париже. Вот несколько сведений о Крымской автономной республике без комментариев, пусть читатель сам оценит их достоверность: Крым признан автономной республикой 13 октября (?) 1921 года; Конституция, принятая курултаем, якобы признана Советами 10 января 1922 года (?). В Крыму был избран мусульманский президент Сеит-Алиев (Саид-Галиев был не «президентом», а, пользуясь современной терминологией, премьер-министром)²⁶. Количество подобных примеров можно множить до бесконечности.

Было бы большим оптимизмом считать, что легенды и мифы, связанные с именем Чобан-заде, — дело прошлого. Нет, эта традиция, которую никак нельзя назвать научно продуктивной, продолжается до сих пор. Так, бойкий публицист недавно повторил давно опровергнутые измышления о том, что Чобан-заде во время Первой мировой войны попал в плен к австрийцам, а затем чудесным образом превратился в студента столичного университета. И еще один миф продолжает существовать: будто он был избран членом Академии наук СССР²⁷. Известный журналист в содержательной политологической статье мимоходом роняет замечание о том, что Чобан-заде похоронен... рядом с Исмаилом Гаспринским в ограде Зинджирлы-медресе²⁸. Действительно, там лежит еще один видный крымский патриот, но зовут его Амет Озенбашлы.

Характерная черта многих непрофессиональных биографий, пространных или кратких, — отсутствие дискуссии, столкновения мнений, аргументации собственной точки зрения, боязнь критики и самокритики. Вместо того, чтобы следовать кодексу научной этики, каждый пишущий о Чобан-заде высказывает те или иные суждения, как правило, не ссылаясь на источники и полностью игнорируя прежде выдвинутые версии. Этому могут быть два объяснения: или не знают литературу по предмету, а это можно обнаружить сплошь и рядом, или не умеют доказать свою правоту. Встречается и простое перечисление различных дат и событий, взятое у разных авторов, причем при этом не отдается предпочтения никому. Так, например, И. Отар приводит три даты поступления «пастушка из Карасубазара» в школу-рушдие (1904, 1905, 1906) и две даты ее окончания (1908, 1909), не раскрывая собственного взгляда на спорный вопрос²⁹.

Подводя итоги краткому историографическому обзору биографических работ о Б. Чобан-заде, можно прийти к выводу, что, несмотря на ряд содержательных публикаций, он по-прежнему остается «человеком из легенды». Как сказал лауреат Нобелевской премии по литературе У. Черчилль, это — «загадка, окруженная тайнами». Задача настоящей книги — на основе широкого круга документальных источников, воспоминаний, прессы и критического анализа имеющейся литературы дать научное жизнеописание Б. Чобан-заде, осветить его деятельность как поэта, ученого и общественного деятеля. Информация о его жизни собиралась кропотливым трудом в течение длительного времени по крупицам в различных архивах: Государственном архиве Автономной Республики Крым, Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном архиве социально-политической истории, Российском

государственном архиве литературы и искусства (г. Москва), Петербургском филиале Архива Российской академии наук. Впервые были изучены ранее засекреченные материалы НКВД Крыма и Военной коллегии Верховного Суда СССР, которые ныне временно хранятся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (г. Подольск). В научный оборот вводятся уникальные неопубликованные источники, хранящиеся в библиотеке Исмаила Отара (Стамбул), в том числе личные документы Б. Чобан-заде, а также материалы архива Галатасарайского лицея.

Перед Вами, уважаемый читатель, не только результат многолетнего исследования — точные факты, события, люди, нерешенные, спорные проблемы, но и описание тяжкого пути исторического познания, процесс поиска истины. Далеко не все вопросы решены, однако они сформулированы с достаточной определенностью и тем самым дают импульс для новых поисков. Наконец, если автор покажется слишком резким в своих критических замечаниях, то это не вызвано ни в коей мере какими-либо соображениями личностного плана. Главное его стремление — установление истины, именно в этом и заключается подлинное уважение к памяти «человека из легенды» — Бекира Чобан-заде.

Автору остается выразить глубокую благодарность всем тем, кто давал ему ценные советы при подготовке книги, прежде всего наставникам — Ф.Д. Ашнину и Исмаилу Отару, коллегам и ученикам. Особую признательность выражаю доктору Дитеру Керлу (Йенский университет, Германия), профессору Генрику Янковскому (Познаньский университет, Польша), профессору Айдеру Меметову (Таврический национальный университет), главному научному сотруднику Петербургского отделения Института востоковедения РАН Я.В. Василькову, крымским писателям Аблязизу Велиеву и Шакиру Селиму, молодым ученым Розе Аирчинской, Нариману Абдульваапову, Насыру Бекирову, Нариману Сейтягьяеву. Большую помощь оказал своими обширными библиографическими познаниями главный библиограф Одесской государственной научной библиотеки, известный писатель Г.Д. Зленко. Особую благодарность хочу высказать уважаемой Хатидже-ханум Булгаковой (Кипчакской), лично знавшей Б. Чобан-заде и поделившейся своими ценными воспоминаниями и фотографиями, впервые публикуемыми в настоящей книге.

Газета «Голос Крыма» неизменно поддерживала автора в его начинаниях и в предварительном порядке напечатала некоторые главы из подготовленной книги. Шлю свою благодарность главному редактору Эльдару Сеитбекирову и всему коллективу газеты. Фрагменты книги публиковались также в педаго-

гическом журнале «Тасиль», редактор которого Сафуре-ханум Каджаметова оказала большую помощь в организации поездки в Стамбул. Выражаю ей глубокую признательность.

* * *

Выход в свет первой документальной биографии Чобан-заде был встречен научной общественностью с интересом. На нее опубликовали положительные рецензии в востоковедных изданиях Киева, Харькова, Анкары, в частности, в престижных журналах «Східний світ» и «Journal of Modern Turkish Studies». Несколько заметок напечатали крымские газеты. Рецензенты отмечали оригинальность замысла книги, её стройную композицию и прочную документальную базу, обоснованность выводов и блестящий литературный стиль. Отдельные главы и фрагменты книги были перепечатаны в Казани журналом «Гасырлар авазы / Эхо веков» и в Баку (в спецвыпуске журнала «Türkologiya»). Редакция казанского журнала, предваряя текст статьи, дала сведения об авторе, назвала его «видным исследователем истории крымскотатарского народа», а его книгу «первой научной биографией профессора Б. Чобан-заде».

После выхода первого издания этой книги прошло почти 10 лет. За это время, кроме книги Сафтера Нагаева «Иште санъа, Чобан огьлу!» (2007), которая, в сущности, является слегка расширенной перепечаткой прежних статей, заслуживают упоминания ещё две работы. Нариман Сеитягьяев под названием «Меним языларым...» (2009) выпустил полное собрание поэзии и прозы Чобан-заде. В предисловии он дал основательный анализ литературного мастерства писателя. По тщательности подготовки и основательности анализа эту работу можно ставить рядом с академическими изданиями.

Другая книга — «Последняя рукопись Сабри Айвазова. Дело партии «Милли Фирка» (2009) содержит материал о биографии Чобан-заде и проливает дополнительный свет на его политическую деятельность в Крыму.

Необходимость второго издания книги о жизни и деятельности Чобан-заде вызвана, во-первых, тем, что его биография по-прежнему малоизвестна, о чем свидетельствуют многочисленные ошибки, как в СМИ, так и в интернете, в частности, в Википедии. Во-вторых, первое издание давно разошлось и стало недоступным для молодых читателей — школьников, студентов, жаждущих узнать подлинную судьбу великого сына крымскотатарского народа Бекира Чобан-заде — выдающегося поэта, ученого, общественного деятеля.

Часть I. ГОДЫ СТРАНСТВИЙ

Глава 1. Пастушок из Карасубазара

*Мені тринадцятий минало.
Я пас ягнята за селом.*

Т. Шевченко

Бекир Чобан-заде родился 15 мая 1893 года в Карасубазаре, уездном городе Таврической губернии. Несмотря на неточности и путаницу в некоторых публикациях, дата и место рождения, а также его происхождение не вызывают никаких сомнений. Однако определенное расхождение во мнениях может вызвать вопрос о том, по какому календарному стилю указано время рождения — по юлианскому (старому) или по григорианскому (новому). Между тем хорошо известно, что до введения нового летоисчисления в январе 1918 года все даты указываются по старому стилю. Стало быть, в наше время днем рождения Чобан-заде следует считать 27 мая.

Что касается его родителей, то их социальное положение хорошо известно. Сам Чобан-заде неоднократно указывал на свои бедняцкие корни, особенно в ту эпоху, когда было принято гордиться своим пролетарским происхождением. В автобиографии он кратко сказал: «Отец был пастухом-

батраком». Более подробно он писал в статье в газете «Бакинский рабочий»: «По своему происхождению я сын чабана-пастуха и сам был пастухом до 15-летнего возраста». Говорил он об этом не только в прозе, но и в стихах:

В моем роду нет ни мурз, ни именитых баев.

Мой отец — пастух, моя мать — простая женщина.

Его отца звали Ваап (Вагаб), мать, по словам первого биографа, — Захиде. Со своей стороны, сестра Бекира вспоминала, что ее мать звали Ваде-шерфе. Несколько слов скажем о сестре: родилась Зелиха (Зулейха) в 1904 году, то есть была моложе брата на 11 лет и совсем мало знала его в детстве. Если и были в семье другие дети, кроме Бекира и Зулейхи, то о них ничего не известно; возможно, они не дожили до взрослой жизни. Родители, как предполагает Таймаз, умерли в 1932 году¹.

Творческое наследие Чобан-заде известно под различными именами и псевдонимами. Его хороший знакомый, поэт Шевки Бекторе, писал, что сначала мальчика называли Эбу-Бекиром в честь праведного халифа Абу-Бекира. Позже, когда он учился в рушдие, к нему пристало прозвище Ситки. Это имя еще одного халифа и по-арабски означает «верный, преданный». Свои первые литературные и научные публикации он подписывал псевдонимами Чобанзаде Бекир, Чобаноглу Бекир Бавбек, Бекир Джавбек, Кырымлы Чобаноглу и, наконец, Бекир Сидки. Последнее имя официально зафиксировано в документах эпохи: грамоте о зачислении в Будапештский университет 1916 года, собственноручно написанном заявлении ректору 1919 года. Паспорт, по которому он вернулся в Крым, выдан 23 июня 1920 года на имя «господина доктора Сидки Бекира». По утверждению И. Отара, уже в 1916—1919 годах он свои стихи подписывал Бекир Сидки Чобанзаде (Бекторе дает несколько иное написание — «Ситки»)².

Итак, можно прийти к выводу, что на современное написание своей фамилии Бекир перешел лишь после возвращения в Крым со второй половины 1920 года. Тогда исчезли из документов и «Бавбек», и «Сидки». Правда, окончательная версия фамилии часто писалась по-русски без дефиса или с заглавной буквой во второй части: Чобанзаде или Чобан-Заде.

Имея в виду эти предварительные положения, обратим внимание на сохранившуюся в Архиве АН Азербайджана, недавно опубликованную автобиографию Чобан-заде³. Она написана приблизительно в 1935—1936 годах, когда ученый уже прошел кампанию жестокой огульной критики и публичного шельмования, был психологически сломлен. В этом документе,

1615718

как и в заполненной ранее анкете переписи научных работников, Чобан-заде свое начальное образование определяет в четыре года (1904—1908), проведенных в Карасубазарском рушдие⁴. В автобиографии он пишет: «В 8-летнем возрасте начал посещать приходскую школу и через три года, то есть в 1904 году, поступил в Новометодную прогимназию “Рушдие”, которую окончил в 1908 году». Следующая фраза звучит так: «Затем был отправлен Мусульманским благотворительным обществом в Константинополь для продления учебы». По логике этого предложения следует, что в Стамбул он выехал в год окончания школы, то есть в 1908 году. Такую точку зрения высказывали те биографы, которые были знакомы с автобиографией (В. Асланов, А. Тагирзаде, А. Гулиев), так считал и автор настоящих строк.

Другие ученые (А.Б. Таймаз, Ф.Д. Ашнин, С. Нагаев, А. Бабаев) без ссылки на какие-либо документы утверждают, что в Стамбул выпускник рушдие уехал в 1909 году. В предисловии к сборнику стихотворений (Ташкент, 1971) А. Шемьи-заде пишет, что Чобан-заде стал учиться в рушдие в 1906 году, а в 1909 году окончил его и уехал в Стамбул. Первоисточником этих сведений стали или семейное окружение (сестра Зулейха, вторая жена), или же статья Таймаза, опубликованная в 1954 году и, конечно, известная Шемьи-заде.

Однако Таймаз допустил явную ошибку, когда писал, что рушдие, где учился сын карасубазарского чабана, находилось в Акмесджите (Симферополе). Ясность в этот спор мог бы внести И. Отар, в руках которого скопилось немало подлинных документов, которые он, к сожалению, весьма скупо публикует и очень редко комментирует. Однако в его последней книге⁵ со ссылкой на статью С. Нагаева утверждается, что Чобан-заде обучался в Стамбуле в 1909—1914 годах. Другие авторы слепо следуют за авторитетами и не пытаются разобраться в этой хронологической путанице.

Мы же, чтобы найти первопричину смещения даты обучения в Турции, вернемся назад и послушаем забавную историю, рассказанную Ашниным со слов Зулейхи и второй жены Р.Г. Чобан-заде (полное имя — Ругия Гиреевна Абдулина). Вот что говорит Ашнин: «До 13 лет будущий ученый и поэт шел по стопам отца: работал по найму подпаском-гуртоправом у местных богачей. Только на четырнадцатом году жизни (то есть в 1906 году. — Д.У.) он смог пойти в школу и — скорее смеха ради, чем всерьез — был принят сверх нормы в первый класс. Поэтому в течение целого года его именовали не иначе, как “учеником № 43”. Однако исключительная природная одаренность и прилежание позволили “ученику № 43” в течение первого года обучения

усвоить всю программу начальной школы и рискнуть выступить на экзаменах наравне с выпускниками. Ответы были настолько блестящими, а испытуемый держался с таким достоинством, что все только ахнули: “Вот так Чобан-заде (сын чабана)”»⁶. Похоже на известную всем легенду о Ломоносове.

Со школьных лет Чобан-заде сохранился единственный аутентичный документ — воспоминания Зулейхи в ее письме Б. Гафарову. Спустя 50 лет после описываемых событий память не сохранила точных дат; кроме того, рассказчица говорит о четырех классах, хотя точно известно, что срок обучения в рушдие был определен в три года. Вот как она ярко описывает пастушка из Карасубазара: перед нами курчавый мальчик со смуглым скуластым лицом и умными серыми глазами. На нем куций полушубок, подпоясанный кожаным ремнем, чабанские штаны, за плечом большая пастушья сумка с куском черствого хлеба. Одним словом, мы видим заправского чабана, как будто сошедшего с иллюстраций о Крыме, которые помещал дореволюционный журнал «Нива».

Когда такой мальчик или, точнее, подросток (ведь ему было уже 13—14 лет) появился в школе, никто не обратил на него внимания. Летние экзамены он попросил сдавать не со своим классом (кстати сказать, все дети учились в одном помещении), а с выпускниками. Вначале ему отказали, но, благодаря заступничеству Айвазова и Медиева, приглашенных в качестве почетных гостей на торжество, решение было изменено, и он сдавал экзамены со старшеклассниками. Бекир поразил собравшихся своими блестящими ответами на все вопросы. Тогда Айвазов будто бы сказал: «Браво, молодец, сын чабана (Чобан-заде)». Так родилось шуточное прозвище, которое Бекир, став взрослым, взял сначала как псевдоним, а затем в качестве законной фамилии⁷.

После знакомства с воспоминаниями Зулейхи напрашиваются вопросы, в том числе, такой: был ли это действительно выпускной экзамен или вступительный в рушдие? Дело в том, что удивить присутствующих своими познаниями Бекир мог и при зачислении в рушдие, так как дети проходили соответствующие испытания при большом отсеве. Так, известно, что для вступления в открытую в Симферополе школу-рушдие на вступительные испытания пришли более сотни детей, но зачислены были только 28 из них⁸. Есть еще один вопрос к Зулейхе: в рассказе об успехах Бекира на экзамене фигурируют лишь Айвазов и Медиев, но ниже она упоминает, что на выпуск приезжал И. Муфтий-заде, председатель благотворительного общества

«Джемиет хайрие», по инициативе которого якобы Чобан-заде и был отправлен в Турцию для продолжения образования. Перед нами вновь несоответствие историческим источникам: Муфтий-заде возглавлял благотворительность в Симферополе, а в Карасубазаре был свой председатель, и им в это время был Медиев.

В воспоминаниях сестры живописно рассказано о том, как Бекиру собирали пожертвования на дальнейшую учебу. Расстелили на земле перед мечетью большой платок, был объявлен сбор средств на благое дело — отправку в Турцию двух детей бедняков: самого Бекира и его соседа, сына покойного муллы Джемаледина Шемикедина, тоже отличника по имени Абдул-Керим. Богачи и бедняки, учителя, муллы, торговцы, ремесленники, вся мусульманская община кто сколько мог жертвуют на богоугодное дело. Это была, понятно, лишь первоначальная сумма, а затем благотворительное общество в течение нескольких лет регулярно посылало деньги в Стамбул. Конечно, заканчивает свой рассказ Зулейха, вместе с Бекиром и Керимом богачи отправляют и своих тупоголовых сыновей, которые в учебе остаются в Стамбуле, как и в Карасубазаре, далеко позади Бекира Вагап-оглу.

Отправка для продолжения образования, вне всякого сомнения, стала поворотным моментом в первый период жизни Чобан-заде, и он сам отлично понимал значение этого события. Не случайно он вернулся к этому факту собственной биографии опосредованно, описав его в поэтической форме в написанном в 1917 году стихотворении «Студент». Оно посвящено, как предполагают литературоведы, обучавшемуся на медицинском факультете Новороссийского университета Халилю Чапчакчи, с которым Чобан-заде подружился в Одессе летом 1914 года. Позже, как известно, они стали политическими соратниками в рядах освободительного движения.

Вспоминая собственную биографию, поэт описывает сбор пожертвований на продолжение обучения сына бедных родителей⁹.

Однажды в сельской мечети после намаза

Несколько человек затеяли беседу:

— Пусть наши люди тоже изучают языки,

Чтобы хоть немного общаться с русскими.

... Вот сын Аксеита очень смысленный, ну просто огонь.

Давайте отдадим его в науку, пусть учится читать газеты.

... Муфтий сказал, что, как мулле предписано знать арабский,

Так и всем остальным, чтобы исполнять закон, надо знать русский.

Итак, прихожане решили послать сына бедняка Аксеита на учебу, теперь нужно собрать деньги на дорогу и проживание в далеком городе. Прошел клич:

— Эй, мусульмане, кто сколько сможет

Бросайте деньги на платок, не раздумывайте.

Это в несколько раз превышает закят.

Мало кому выпадает честь совершить такое благодеяние.

В одно мгновение в платок муфтия

Посыпались деньги, словно ливень...

В городе мальчика (его зовут Селимом) приветливо встретили учителя, говоря: «Из этого мальчика вырастет большой джигит».

Спустя несколько лет поэт (себя он называет Бавбеком) встретился с повзрослевшим Селимом, теперь студентом университета, в жалком подвале. При слабом свете свечи молодой человек с вдохновением говорит о своей великой мечте — овладеть науками, изучить историю, собрать народные песни, служить народу: «... Мы поклялись любить и защищать обездоленных». Стихотворение заканчивается оптимистично: «В его усталых глазах на бледном лице я вижу свет восходящей зари». Провидческий дар великого поэта видит в жизни вымышленных героев *собственную судьбу*. И студент Селим, и поэт Бавбек, его друг, — оба они олицетворяют прошлое и будущее самого Чобан-заде.

В собственноручно написанных документах Чобан-заде (кроме названных выше, в нашем распоряжении находятся анкетные данные протокола допроса 7—9 февраля 1937 года в Бакинской тюрьме) датировка обучения смещена на один год назад: рушдие закончил в 1908 году, лицей в Стамбуле — в 1914 году, университет в Будапеште — в 1918 году¹⁰.

Относительно учебы Чобан-заде в Карасубазаре и Стамбуле у нас имеется еще одно свидетельство в судебно-следственных делах крымчан 1937 года. Вот как отвечал К. Джемалединов на вопрос любознательного следователя:

«Вопрос: С профессором Чобан-заде вы давно знакомы?

Ответ: С Чобан-заде я знаком с малых лет. Мы вместе родились в г. Карасубазаре, там учились в высшей начальной школе. А затем вместе приблизительно в 1908 году уехали учиться в Турцию, в г. Константинополь. Здесь мы вместе окончили в 1914 году среднюю турецкую школу...»¹¹.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что имеются две версии относительно того, уехал ли Чобан-заде в Турцию в 1908 году или 1909 году, каждая из которых требует дополнительных изысканий. Некоторые авторы

проявляют полную растерянность. Так, Отар дает разные даты вступления Чобан-заде в рушдие (1904, 1905, 1906) и ее окончания (1908, 1909), никак не комментируя и не высказывая собственную точку зрения. Читателю остается теряться в догадках.

Попытаемся высказать свою точку зрения. Раньше автор этих строк, следуя собственноручно заполненным Чобан-заде документам, склонялся к мнению об его отъезде из Крыма в 1908 году и окончании лицея в Стамбуле в 1914 году. Теперь, после углубленного изучения имеющихся источников, а также учитывая выявленную недостоверность названных выше документов, автор считает более вероятным временем поступления Чобан-заде в лицей для продолжения образования 1909 год. Основанием для такого вывода являются сообщаемая Таймазом дата окончания учебы — декабрь 1915 года — и показания Джемалединова о возвращении Чобан-заде в 1914 году в Турцию для завершения учебы в лицее. Точно известно, что полный курс в этом учебном заведении длился 6 лет. Таким образом, отсчитав назад 6 лет, мы получим искомую дату. Кроме того, следует обратить внимание на неуверенность Джемалединова, когда он называет год отъезда в Турцию — «приблизительно в 1908 году». Итак, можно считать установленным, что Чобан-заде был отправлен для получения полного среднего образования в Стамбул в 1909 году. Тогда, рассуждая ретроспективно, в рушдие он поступил в 1906 году, когда ему исполнилось 13 лет. Это как раз тот возраст, когда другой великий поэт, Тарас Шевченко, закончил свое пастушье детство.

Что собой представляло рушдие, в котором будущий филолог и поэт получил базовое образование? Новометодные неполные средние школы рушдие, или, по русской терминологии того времени, высшие начальные школы, возникли по инициативе И. Гаспринского и других передовых педагогов. Первая из них была открыта в Бахчисарае в сентябре 1905 года при материальной поддержке местного мусульманского благотворительного общества. Вскоре подобные школы появились и в других городах Крыма, в том числе Карасубазаре¹². Из Турции по разрешению Министерства народного просвещения Российской империи были приглашены четверо опытных преподавателей. В Карасубазарское рушдие был направлен Юсуф Зия, который, как утверждает Таймаз, заложил основы нравственности и патриотизма в душе Бекира Бавбека.

Глава 2. Лицеист в Стамбуле

Время учебы Б. Чобан-заде в Стамбуле — наименее известный период его жизни. Приводимые в различных публикациях сведения основаны на устной традиции и не подтверждаются документально. Единственная точная дата, указанная в статье А.Б. Таймаза, — 8 (21) декабря 1915 года. Этим днем помечен аттестат зрелости, выданный Чобан-заде, однако неясно, что означает эта дата: окончание учебы или выдачу документа на руки. Кроме того, этот аттестат никто, кроме Таймаза, не видел, и попытки найти его в личном архиве Джафера Сейдамета не увенчались успехом.

Как сказано в предыдущей главе, сам Чобан-заде постоянно утверждал, что в лицее он учился в 1908—1914 годах, но никак не упоминал о полученном в декабре 1915 года документе. Хорошо известно, что обучение в Галатасарайском лицее длилось 6 лет, поэтому наше предположение об отсчете времени назад от декабря 1915 года с целью определить время приезда Чобан-заде в Будапешт не лишено оснований. Однако более углубленное знакомство с организацией учебного процесса на месте внесло коррективы: срок обучения не всегда длился 6 лет, так как хорошо подготовленный ученик мог сразу поступить во второй класс. Бывали случаи, когда за 1 год отличник сразу осваивал материал за 2 класса. Об этом мы скажем далее.

Попытка найти разгадку возникшей проблемы определения хронологических рамок пребывания Чобан-заде в Турции не дала положительных результатов. Конечно, легче всего было турецким авторам, но, хотя о Чобан-заде писало не менее десяти человек, начиная с первой брошюры о нем, вышедшей в Стамбуле еще в 1939 году, ни один из них не работал с документальными источниками. Казалось бы, что может быть проще — заглянуть в архив лицея в Галатасарае, который содержится в отличном состоянии, и поискать в списках учеников и выпускников сведения о Бекире Сидки. Увы, этого никто не сделал. Даже К. Аджар, автор солидной диссертации о языковедческих трудах Чобан-заде, к биографии поэта и ученого ничего нового не добавил. В подготовленной на базе диссертации книге пребыванию Чобан-заде в Стамбуле он посвятил всего 1 (?) страницу¹. Никак не аргументируя свою точку зрения, Отар и Бекторе относят время пребывания Чобан-заде в Стамбуле к 1908—1914 годам². Кенан Аджар

считает, что это произошло в 1909—1915 годах. Однако никакой дискуссии между ними не произошло, каждый игнорирует мнение другого и не аргументирует собственное.

Что же касается отечественных авторов, то Ф.Д. Ашнин относит время учебы Чобан-заде в Стамбуле к 1909—1915 годам³, а С. Нагаев — к 1909—1914 годам⁴. Если обобщить имеющуюся литературу по проблеме, то вырисовываются 3 точки зрения на время пребывания Чобан-заде в турецком лицее: 1908—1914, 1909—1915 и 1909—1914 годы. Другими словами, он мог приехать в 1908 или 1909 году, а закончить учебу в 1914 или 1915 году. Прежде чем попытаться на документальной базе рассмотреть критически эти версии, остановимся на вопросе об отправке крымскотатарской молодежи на учебу в Турцию в начале XX века.

Эту тему более или менее подробно затрагивали в своих публикациях Э. Лазерини, Х. Кырымлы и совсем недавно — Юнус Кандым⁵. Однако в этих книгах мало конкретики, так как выезжающие на обучение даны в общем списке, *недифференцированно* по годам и месту дальнейшей учебы, а ведь учились они в разных городах и различных учебных заведениях. Нет и указаний на то, сколько времени они провели в Турции и закончили ли полный курс обучения. Лишь в книге Кандыма кратко сообщается, что Челебиджихан поступил учиться в 1906 году в школу идадие в Стамбуле, после окончания которой продолжил образование на юридическом факультете местного университета.

Некоторые дополнительные сведения можно почерпнуть из судебно-следственных дел 1937 года. Так, относительно А. Лятиф-заде удалось узнать, что он в 1909 году провел в школе идадие всего 6 месяцев и вернулся в Крым в связи со смертью отца. Мамут Недим учился год в школе идадие тоже в 1909, затем колесил по стране, в Измире занимался в учительской семинарии, затем учился вновь в Стамбуле и, наконец, закончил обучение в 1914 году в Бурсе. Он остался в Турции, работал учителем, а для получения высшего образования в 1917 году уехал в Германию⁶. О Чобан-заде в следственном деле таких подробностей нет, его образование следователей не интересовало. Они ограничились теми сведениями, которые имелись в анкетах и автобиографии.

Из Крыма на учебу в Турцию ежегодно отправлялись десятки молодых людей, их поток расширился после младотурецкой революции 1908 года. Абсолютное большинство из них продолжало образование в школах типа

идадие, и лишь наиболее подготовленных принимала привилегированная школа повышенного типа — *султанские мектебы*. Султанская школа в Галатасарае представляла собой вершину системы среднего образования в Османской империи. Нелишне познакомиться с различными видами школ, поскольку в нашей литературе нередко их путают. Среднее и высшее образование в Турции этого периода представляли такие школы:

идадие — общеобразовательная средняя школа первой ступени с пятилетним обучением в городах, четырехлетним — в сельской местности;

рушдие — общеобразовательная средняя школа второй ступени с четырехлетним обучением в городах, трехлетним — в сельской местности;

султанские — полная средняя школа, лицей с шестилетним сроком обучения;

алие — высшая школа⁷.

В начале XX века в Стамбуле функционировало более 30 школ идадие и около 20 — типа рушдие, лишь одна, в районе Галатасарай, носила название султанской.

Султанская школа была основана в 1868 году после посещения султаном Абдулазизом Всемирной выставки в Париже и его знакомства с постановкой школьного дела во Франции. «В ней занимались, как писал академик А. Крымский, по преимуществу подданные Османской империи нетурецкой национальности — греки, армяне, евреи, арабы, а также тюркоязычные студенты из Российской империи»⁸. Долгое время преподавание в школе велось на французском языке, и лишь постепенно перешли на турецко-османский, хотя французское влияние оставалось сильным⁹.

Ведущий российский педагогический журнал того времени поместил две статьи о школьной реформе в Турции, в обеих упоминается Султанская школа, переименованная в 1910 году в Галатасарайский лицей. «Это — единственное оттоманское учебное заведение, где почти все преподавание ведется на французском языке», — говорится в первой статье и подчеркивается, что в нем образование поставлено лучше сравнительно с другими подобными школами. Далее русский автор пишет, что в 1907 году лицей сделался жертвой огня. На некоторое время занятия были прекращены. Однако младотурецкое правительство нашло для занятий новое помещение, а на старом месте спешно было построено новое здание, существующее до сих пор. Императорский лицей в Галате, как он назывался в русской прессе того времени, занимает обширную благоустроенную территорию, он имеет

общежитие, столовую, учебное здание с прекрасными кабинетами, спортивный зал и небольшой стадион⁹.

Проведенная младотурками реформа, кроме смены названия, ограничилась исключением из программ преподавания латинского и древнегреческого языков, на их место был поставлен арабский. Кроме того, увеличился объем предметов, излагаемых на турецком языке, хотя внимание к французскому по-прежнему остается большим. Наконец, не забыто и общественно-политическое значение лицея, его преподавателей и студентов, ставших опорой новой прогрессивной власти. Русский автор отмечает этот факт: «Лицей находится под строгим и непосредственным контролем комитета "Единение и прогресс" (то есть руководящего органа младотурецкой революции)»¹⁰. И, действительно, когда в апреле 1909 года в Стамбуле была предпринята попытка контрреволюционного переворота, преподаватели и студенты лицея в Галате вышли на демонстрацию протеста во главе со своим директором Т. Фикретом. Среди участников демонстрации был, вполне вероятно, и повзрослевший карасубазарский пастушок.

Тевфик Фикрет (1867—1915) был не только знаменитым поэтом, но и крупным политическим деятелем. В начале XX века он пользовался огромной славой, особенно популярным был среди молодежи, зачитывавшейся его поэмой «Туман», проникнутой скрытой критикой султанского режима¹¹. В 1908—1910 годах он был директором Галатасарайского лицея. После отставки Фикрета лицей в течение десяти лет возглавлял видный педагог Салих Ариф, ставший впоследствии ректором университета и министром просвещения¹².

Мы видим, таким образом, что во время обучения Чобан-заде как в стране, так и в школе происходят огромные перемены. Революция и контрреволюция, реформа школьной системы и превращение Султанской школы в передовой лицей, смена директора — все эти события не могли не оказать на молодого провинциала большого влияния, развивая его кругозор и воспитывая патриотические чувства, понимание национальной и религиозной идентичности. Он сам позже в газетной статье, опубликованной в Будапеште, вспоминал свою наивность. Так, впервые увидев турецкого султана, он не удержал слез и от радости расплакался. Учителям пришлось успокаивать разволновавшегося подростка¹³. Ведь для него султан был не только главой крупнейшего тюркского государства, но и халифом — повелителем правоверных, стоявшим во главе мусульманской общины всего мира.

В 1908—1914 годах в Стамбуле, Измире, Бурсе собралось довольно много крымчан, они создали Общество крымскотатарских студентов, в которое входили будущие видные деятели культуры: Челебиджихан Челебиев, Джафер Сейдамет, Амди Бекиров, Мидат Рефатов, Керим Джемалединов, Мамут Недим, Расим Афузов, Абдулла Лятиф-заде (пробыл только полгода), Якуб Кемаль, Амет Шукри, Мустафа Ситки, Якуб Аблямитов, Абибулла Одабаш и др. Время учебы этих молодых людей совпало с бурными событиями в истории Турции: летом 1908 года произошла младотурецкая революция, в апреле следующего года был свергнут ненавистный народу кровавый султан Абдул Хамид. Лицеисты не только были свидетелями демократизации общественной жизни, но и сами втягивались в политическую деятельность. У них пробуждается национальное самосознание, растет чувство патриотизма в понимании культурной и языковой общности всех тюрков. Участвовали они в работе пантюркистских обществ «Тюрк Дернеги» и «Тюрк Оджагы», основанных выходцами из России.

Общественная зрелость крымскотатарской молодежи в Турции, ее стремление к национальному освобождению и прогрессу нашли яркое проявление во время приезда в Стамбул Исмаила Гаспринского. Он был встречен с подлинным ликованием студентами и учениками школ, видевших в нем «Великого Отца», апостола правды и добра. Не случайно под впечатлением этих встреч и выступлений Абибулла Одабаш написал проникновенное стихотворение «Улу Бабай» («Великий Отец»). О незабываемых днях общения с Гаспринским немало написано в воспоминаниях Джафера Сейдамета¹⁴. Вместе со всеми приветствовал и внимательно слушал Учителя и лицеист из Галаты по имени Бекир Сидки¹⁵, в будущем прославленный поэт и ученый Чобан-заде.

Однако Чобан-заде главное внимание уделяет не политике, а самообразованию (он посещает вечерние курсы французского и арабского языков при университете), начинает писать стихи. В 1913 году выходит сборник «Молодые татарские писатели», в котором за подписью Бекир Бавбек напечатано стихотворение «Анань кьайда?» («Где твоя мать?»). Эта публикация также имеет продолжительную традицию неправильной датировки. Дело началось еще в 1927 году, когда поэт А. Лятиф-заде поместил в украинском литературном журнале статью «Краткий обзор крымской татарской литературы». В ней автор допустил грубую ошибку — вышедшую в 1911 году поэму Тимурджана (Абибулла Одабаш) «Алтын Ярык» («Золотое

пламя») приписал авторству трех молодых поэтов — Челебиджихана, Бекира Сидки и Чобан-заде. В действительности Бекир Сидки и Чобан-заде — это одно лицо, и разделила их, может быть случайно, только запятая. А стихотворение молодой поэт опубликовал двумя годами позже¹⁶. Эту ошибку затем повторил акад. А. Крымский в статье «Литература крымских татар», помещенной в сборнике «Студії з Криму» (Киев, 1930); за ним — и другие крымские литературоведы. Вот цена одной *лишней запятой*.

Рассмотрев социокультурный контекст пребывания Чобан-заде на обучении в Турции и познакомившись с тем учебным заведением, где он познавал азы наук, попытаемся определить точные временные координаты его пребывания в Галатасарайском лицее. Как сказано выше, никто из писавших прежде о Чобан-заде: ни турецкие авторы, ни отечественные — не сделал попыток документировать свои публикации; они черпали информацию из устных преданий или переписывая друг друга. Единственный документ, о котором многие говорят, но видел лишь один автор, А.Б. Таймаз, — это аттестат зрелости от 8 (21) декабря 1915 года.

Автор настоящей работы, проявив настойчивость, получил возможность поехать в Стамбул и непосредственно в архиве Галатасарайского лицея продолжить поиски материалов по биографии Чобан-заде. Благодаря любезности дирекции лицея мы без всякой волокиты и задержки получили необходимые документы. Следует подчеркнуть, что архив находится в идеальном порядке, по его фондам готовится полный свод данных о выпускниках за все годы существования лицея. В настоящее время уже имеется в напечатанном виде том в 1184 страницы за 1932—1970 годы (Galatasaray Liseliler, cilt 2). Материалы за предыдущие годы, когда документация заполнялась на французском, а затем — на турецком арабским алфавитом, находятся в работе.

Нами был изучен обширный реестр выпускников лицея за 1914—1915 учебный год, который, как предполагалось, был последним для Чобан-заде. Документ заполнен арабской графикой, но на титульном листе есть надпись латиницей «Kûnye 1330—31», которую нам помог расшифровать сотрудник архива. Надпись означает «Выпуск 1330—1331 годов хиджры», или 1914—1915 годов по современному летоисчислению. Список выпускников заполнен не только чисто турецкими именами, к которым непременно присоединяется ученое звание «эфенди»: Али-Махмуд-эфенди, Аббас-Омар-эфенди, Махмуд-Кязим-эфенди, но и такими странными на первый взгляд, как

Николай-эфенди, Константин-эфенди, Ашот-эфенди и даже Жан-эфенди. К нашему величайшему разочарованию, выпускника по имени Бекир Сидки обнаружить не удалось. Это наводит на мысль о том, что названная Таймазом¹⁷ дата 8 (21) декабря 1915 года скорее всего означает не день окончания учебы (занятия в лицее обычно заканчиваются в начале июля), а время выдачи документа на руки. Иначе говоря, Чобан-заде мог закончить лицей год—два назад, а получить аттестат зрелости на руки в этот день¹⁸.

Поиски в архиве лицея между тем продолжались. В списках учащихся за 1910—1911 и 1911—1912 учебные годы удалось найти лицеиста по имени Бекир Сидки. Эти документы оформлены на французском языке, но годы в заполненных графах указаны по хиджре (чтобы перевести на современный календарь, следует добавить цифру 584). Что же мы узнаем о лицеисте Бекире Сидки в списке на 1910—1911 учебный год? Место и время рождения — Трабзон, 1307 год х. (1891 год), поступил на учебу в октябре 1325 года х. (1909 год). Как можно узнать в следующей графе, класс разделен на две части: ученик мог быть в 4-ом турецком классе и одновременно только в 1-ом, где преподавание шло на французском. Бывали и обратные несоответствия: ребята армянской или греческой национальности, например, учились в 5-ом классе французской секции и только во 2-ом — в турецкой. Знакомый нам Бекир Сидки избежал подобного раздвоения: он учится в 4-ом классе в обеих секциях. Иначе говоря, он знал предметы, излагаемые на французском языке так же хорошо, как и те, что преподавались на турецком. Однако в его статусе произошли серьезные перемены, они указаны в последней графе «Observations» («Примечания»): он стал интерном (то есть жил в интернате за государственный счет), и поэтому изменился его личный номер: раньше он был 971-м, теперь стал 433-м¹⁹.

Теперь рассмотрим внимательно список учащихся за 1911—1912 учебный год (см. фрагмент документа в иллюстрациях). Бекир Сидки записан уже под новым номером 433, хотя в скобках дается и старый. Год и место рождения указаны прежние: 1307 год х. (ниже помечен и возраст — 20 лет) и Трабзон. Две другие графы вызывают удивление: время поступления в лицей изменено с 1325 года х. на 1326 год х. (1910 год), что можно объяснить лишь небрежностью канцеляриста. Самая большая неожиданность ожидает нас в графе «класс». Если Бекир на французском отделении учится в 5-ом классе, то на турецком он сделал скачок и учится уже в 6-ом. Другими словами, за учебный год Бекир Сидки прошел два класса.

Этот казус можно истолковать по-разному. С одной стороны, в лицее принципиально возможно закончить обучение раньше установленного срока в шесть лет. Запомним этот вывод. С другой стороны, юноша по имени Бекир показывает исключительные способности, настойчивость и усердие в учении. Последнюю мысль можно подтвердить еще одним фактом, взятым из того же документа. Следующим по порядку после Бекира, под номером 434, записан Хасан Нешат; он в лицее учится с 1321 года х. (1905 год), то есть поступил на 4 года раньше Бекира. Теперь они сравнялись — оба учатся в 6-ом турецком классе. Зато во французской секции Хасан отстает от Бекира на один год²⁰.

Вернемся к Бекиру и попытаемся еще раз проанализировать несоответствие года и места рождения тем данным, которые нам известны из других источников. Можно предположить, что он увеличил себе возраст на 2 года, желая казаться взрослее, а вместо Карасубазара назвал Трабзон, чтобы скрыть свой приезд из России, отношения с которой у османов никогда не были дружественными.

Читатель, конечно, заметил, что обнаруженные в архиве лица в Галатасарае документы не только не облегчили задачу уточнения биографии Чобан-заде, а лишь ее *усложнили*. Как человек, много работавший в архивах разных стран, автор смеет заверить читателя, что подобное случается не так уж редко. Однако любое знание, каким бы оно ни было малым или противоречивым, двигает науку вперед, дает возможность предлагать иные альтернативы, обсуждать версии, которые прежде казались маловероятными.

В 1914 году после сараевского убийства и вступления Европы в июльский дипломатический кризис, чреватый мировой войной, русское правительство потребовало возвращения всех студентов из иностранных университетов. Вернулся и Чобан-заде, однако вскоре уехал в Одессу изучать русский язык. Об этом имеется бесспорное свидетельство — написанное здесь стихотворение «Къоркъакъ» («Трус»).

Следует вспомнить о том, что с началом мировой войны 1 августа 1914 года Турция объявила о нейтралитете, и российско-турецкая граница еще три месяца оставалась открытой. Именно этим обстоятельством воспользовался Чобан-заде, подлежащий мобилизации в царскую армию. Послушаем, что рассказывает его друг и соученик Джемалединов:

«Вопрос: Кто еще вместе с вами возвратился из Турции летом 1914 года?

Ответ: Вместе со мной из Турции возвращался Чобан-заде, который, приехав, как и я, в г. Карасубазар, узнал, что подлежит призыву в царскую

армию как 1893 года рождения, при содействии некоторых татар города Карасубазар, которые материально ему помогли, выехал обратно в Турцию»²¹.

Вот единственно верная разгадка тайны, над которой с 1954 года, когда появилась первая статья Таймаза, вот уже 50 лет бились все биографы: как во время войны России с Австро-Венгрией Чобан-заде оказался студентом Будапештского университета? Был ли взят в плен венграми на фронте или перебежал к ним? И как, не зная венгерского языка, мог стать студентом словесного факультета. Каждый автор отвечал на эти вопросы соответственно своему воображению. Ш. Бекторе, а за ним И. Отар выстроили сложную цепочку: Чобан-заде перебрался из Одессы в Кишинев, откуда проник в Румынию и, наконец, в Турцию²². С. Нагаев предлагает другую схему: молодой крымчанин попал в плен, а затем венгерские коммунисты якобы вывозят его и направляют на учебу в университет²³.

Итак, можно считать доказанным, что летом 1914 года Чобан-заде побывал в Крыму, затем нелегально (или по суше маршрутом, указанным Бекторе, или по морю) возвращается в Турцию. Ясно также и то, что в лицее он больше не учится, раз среди выпускников 1915 года его имени нет. Значит, он лицей закончил еще в 1914 году, но аттестата зрелости в спешке отъезда не получил. Цепочка ретроспективных рассуждений, основанных на анализе и сопоставлении различных сведений, позволяет прийти к выводу о том, что закончил он лицей меньше, чем за положенные шесть лет. Указанная в архивном документе дата приема в лицей 1909 год верна. Поэтому можно считать установленным, что Чобан-заде учился в Галатасарайском лицее с 1909 по 1914 год. Получается, что С. Нагаев, много работавший над изучением биографии Чобан-заде, оказался прав; он, однако, лишь интуитивно предугадал эту датировку, но не смог документально доказать.

Теперь зададим себе следующий вопрос: почему Бекир Сидки осенью 1914 года с риском для жизни возвращается в Турцию? Логичным ответом будет такой: жажда знаний, желание продолжить образование в высшем учебном заведении. В Одессе, как нам представляется, он убедился в том, что в местный университет ему путь закрыт как в силу получения среднего образования в Турции, так и из-за недостаточного владения русским языком. Больше шансов у него будет в Стамбуле, причем не исключалась вероятность уехать на учебу в один из европейских университетов.

На возможность такого развития событий указывают недавно найденные в Будапеште документы из архива коллегіума им. барона Этвёша, где Чобан-заде

проживал в 1916—1919 годы. Их обнародовала венгерский тюрколог и переводчик стихов Чобан-заде Мария Ньири на симпозиуме в Македонии (май 2000 года)²⁴. Подробнее мы остановимся на анализе этих материалов в следующей главе, сейчас отметим те моменты, которые относятся к стамбульскому периоду жизни Бекира Сидки.

В публикации М. Ньири приведена переписка директора коллегіума с Министерством культов и народного просвещения Венгрии и деканом философского факультета университета по поводу Чобан-заде. В переписке приводятся неизвестные по другим источникам биографические сведения о Бекире Сидки, составленные, по всей видимости, с его слов, без представления каких-либо документов. Здесь мы встречаемся с такими утверждениями: беженец из России, окончил в 1914 году с отличием словесное отделение Султанской школы (лицея), два года учился в Одесском и некоторое время — в Стамбульском университетах. Желая продолжить образование в Будапеште, обратился за помощью к венгерскому генеральному консулу в Стамбуле. По ходатайству последнего Министерство культов и народного просвещения Венгрии направило Бекира Сидки в коллегіум им. барона Этвёша с рекомендацией о его приеме.

Такова фактологическая канва обнаруженных документов. Их анализ позволяет утверждать, что слова об учебе в Одесском университете — чистой воды фантазия. Что же касается Стамбульского университета, то пребывание в нем Чобан-заде вполне вероятно. После возвращения в Турцию осенью 1914 года и до отъезда в Будапешт в декабре следующего года у Чобан-заде была возможность посещать лекции по тюркологии в этом университете. Именно здесь преподавал венгерский ученый Д. Месарош, который, по словам Бекторе, помог Бекиру выехать в Будапешт (см. приложение 14). Относительно генерального консула можно задать вопрос, не его ли вывел Чобан-заде под именем уважаемого господина Липота Мошони в своей статье, напечатанной в будапештской газете в 1918 году? Этот человек был большим любителем романтической поэзии и познакомил молодого крымчанина с поэмой «Толди», переведенной им на турецкий язык. Два поэта не могли не испытывать симпатии друг к другу.

Итак, к декабрю 1915 года, благодаря содействию Месароша и Мошони (или одного из них), благоприятно решился вопрос о поездке на учебу в Будапешт. Вот именно тогда и понадобился Бекиру Сидки документ — аттестат об окончании лицея в Галате. Он его и получает 8 (21) декабря 1915

года. Такова примерно схема событий, реконструированная с наибольшей долей вероятности по имеющимся на сегодня документальным данным. Отныне можно считать установленными следующие факты в биографии Чобан-заде:

1909—1914 годы — время обучения в лицее;

лето 1914 года — поездка в Крым, пребывание в Одессе;

осень 1914 года — нелегальное возвращение в Стамбул;

с осени 1914 до осени 1915 годов — посещение Стамбульского университета на правах вольного слушателя, знакомство с профессором Месарошем и генеральным консулом Венгрии;

декабрь 1915 года — положительное решение просьбы об учебе в Будапеште, получение необходимого документа в Галатасарайском лицее;

январь 1916 года — отъезд в Венгрию.

Глава 3. Студент в Будапеште

Вскоре после получения аттестата зрелости Чобан-заде приезжает в Венгрию. Жизнь и учеба в Будапеште оставили мало документальных свидетельств. Исследователи, доверившиеся автобиографии, считали, что он стал студентом Будапештского университета в 1914 году. Ф.Д. Ашнин и С. Нагаев относят это событие к 1916 году, Г. Янковский пишет о второй половине 1915 года, хотя ему известна дата выдачи аттестата в Галатасарайском лицее. Наконец, А.Б. Таймаз утверждал, что Чобан-заде прибыл в Венгрию после окончания лицея и сразу поступил в университет¹. Все эти авторы в той или иной мере ошибались.

Чтобы выяснить сущность этой проблемы, столь запутанной в литературе о Чобан-заде, следует ее разделить на две части: время прибытия в Венгрию и время поступления в университет. Эти даты не совпадают, между ними значительный разрыв, о котором многие биографы не догадывались. Совершенно ясно, что выпускник стамбульского лицея, не зная ни одного венгерского слова, не мог тотчас стать студентом университета в Будапеште. Даже несмотря на его уникальные лингвистические способности, требовался

некоторый период обучения иностранному языку и адаптации к новым условиям. Как долго длился этот период и что делал бывший лицеист в это время? К счастью, мы располагаем достоверным документом, который сообщает точную дату принятия Чобан-заде в студенты университета. Этот документ сохранился в личном архиве Джафера Сейдамета и опубликован в книге И. Отара². Собственно говоря, это нечто в виде грамоты или диплома о вступлении в студенческую корпорацию: ректор Королевского венгерского университета торжественно объявляет, что Бекир Сидки, родившийся 15 мая 1893 года в Крыму в Карасубазаре, вписан в реестр студентов университета на курс научной филологии для обучения на стационаре. В документе представлена дата: 12 октября 1916 года.

Теперь у нас есть точный ориентир, от которого можно отправиться как вперед по течению времени и рассмотреть годы обучения в университете, так и назад, чтобы попытаться хотя бы предположительно восстановить утраченное звено между получением аттестата (21 декабря 1915 года) и поступлением в университет (12 октября 1916 года). Рассуждая логически, Чобан-заде мог отправиться в Венгрию сразу же после получения аттестата зрелости, то есть в последние дни 1915 года³, или же в начале следующего. Обстоятельства этой поездки неизвестны, однако на сей счет имеется позднейший рассказ самого Чобан-заде. В статье 1918 года, опубликованной в одной венгерской газете, он вспоминает, что в начале Первой мировой войны после многих злоключений добрался из Одессы до Стамбула, где познакомился с благородным и щедрым венгром по имени Липот Мошони. Именно с его помощью он затем достиг столицы Венгрии⁴. Нет оснований сомневаться в искренности этих слов (см. приложение 2).

Итак, уже в начале 1916 года Чобан-заде находится в Венгрии, и прежде, чем стать студентом, примерно на девять месяцев должен найти приют и пропитание. Сохранились достоверные сведения о том, что ему пришлось хлебнуть немало горя. Как вспоминала рассказ брата его сестра Зелиха, ему довелось работать в хозяйстве крупных землевладельцев — венгерских баронов, нуждавшихся в рабочей силе из-за мобилизации их батраков. Сохранились и воспоминания профессора Рашоньи. Он передал слова Дьюлы Немета, принявшего участие в судьбе Чобан-заде, о том, что тот заплатил взятый задаток и тем спас молодого человека от ярости помещика⁵. Одновременно абитуриент из Карасубазара старательно изучал венгерский язык. Наконец, осенью 1916 года мечта юноши осуществилась — он стал

студентом Будапештского университета и поселился в коллегии им. барона Йозефа Этвёша, где получал полное государственное обеспечение.

Прежде чем двинуться дальше, следует сказать несколько слов об университете, поскольку система высшего образования в Австро-Венгерской империи сильно отличалась от устройства российских университетов. К тому времени в Венгерском королевстве, составной части двуединой империи Габсбургов, насчитывалось четыре университета: в Будапеште и Дебрецене, а также в Клуже и Братиславе. Два последних после развала империи в 1918 году перешли к Румынии и Чехословакии.

Кроме того, имелось 10 юридических академий и 44 теологических факультета. Самым крупным и знаменитым был Будапештский королевский университет, имевший традиционную средневековую структуру из четырех факультетов: теологического, юридического, медицинского и философского. Последний факультет состоял из двух отделений — словесного и естественного. Основал университет в первой половине XVII века ученый-богослов, священник-иезуит Петер Пасмани, имя которого и было затем ему присвоено. Количество студентов колебалось довольно значительно: так, в зимний семестр 1912—1913 учебного года насчитывалось 7800 студентов, а в летний — уже более 14 тысяч. Их обучали более ста профессоров, а также приват-доценты, лекторы, ассистенты и другие преподаватели, причем все имели степень доктора философии. Деканы избирались на один—два года, а ректора назначали по ротации из профессоров разных факультетов; их затем утверждал министр просвещения⁶.

Длительность обучения в венгерских университетах также не соответствовала российской традиции: полный курс обучения составлял шесть семестров (три года). Выпускники, сдавшие дополнительный специальный экзамен и написавшие письменную научную работу, получали степень *доктора философии* в той или иной отрасли знания. В России до университетской реформы 1884 года о лучших выпускниках говорили: «окончил факультет со степенью кандидата». В Венгрии этот обычай (с заменой кандидата на доктора) продолжал действовать. Здесь после получения степени доктора надо было еще учиться год—два, чтобы стать, например, преподавателем средней школы. Это объясняется тем, что университет давал *образование*, но не *специальность*. Другими словами, профессию приобретали путем последипломного обучения.

Еще одно отличие от российских университетов — наличие коллегiums

для иногородних студентов. Это заведение сочетало в себе преподавание с проживанием и питанием студентов. Коллегиум при Будапештском университете носил имя знаменитого писателя барона Йожефа Этвёша (1813—1871). Иногда писателя путают с его сыном — выдающимся физиком Лорандом, имя которого было присвоено всему университету уже после Второй мировой войны. Таким образом, статус Чобан-заде можно определить *двойко*: и как студента словесного отделения философского факультета университета, и как студента коллегиума им. барона Этвёша. Эта двойственность тоже вела к терминологической путанице, тем более при переводе слова «коллегиум» пришедшим из англо-американской реальности термином «колледж». Будапештский коллегиум был похож скорее на классические колледжи Оксфордского университета, но никоим образом на современные колледжи США — высшие учебные заведения низкого уровня аккредитации.

О коллегииуме Этвёша подробные сведения даны в упомянутом выше докладе М. Ньири, к которому приложены документы об обучении в нем Чобан-заде. Коллегиум был открыт в 1895 году по инициативе министра культов и просвещения Венгрии, всемирно известного физика Лоранда Этвёша, и назван в честь его отца, не менее знаменитого писателя барона Йожефа Этвёша. Это учебное заведение имело целью покончить с дефицитом учительских кадров в стране и было организовано по образцу Высшей нормальной школы в Париже. Все студенты (их насчитывалось 100) проживали в общежитии, причем треть из них, происходивших из бедных семей, содержались за государственный счет. Коллегиум Этвёша считался структурным подразделением университета, в нем жили и обучались в основном студенты философского факультета. При этом, кроме лекций в университете, они посещали семинарские занятия в самом коллегииуме, прежде всего по языкам, их приобщали к научно-исследовательской работе. Остается добавить, что в 1911 году для коллегиума было построено новое здание (оно сохранилось донныне). После установления в Венгрии просоветского режима это учебное заведение в 1949 году было закрыто⁷.

Публикуемые М. Ньири документы из архива коллегиума Этвёша свидетельствуют о том, что его руководство приняло самое живое участие в судьбе «беженца из Крыма» Бекира Сидки, как он именуется в переписке с министерством просвещения и деканом философского факультета. Из этих материалов становится известно, что за помощью в коллегиум он впервые

обратился 7 февраля 1916 года. Зная эту дату, мы с уверенностью можем утверждать, что Чобан-заде приехал в Будапешт в период между 21 декабря 1915 года и 7 февраля 1916 года. Скорей всего, это произошло в январе 1916 года.

Однако первое обращение Чобан-заде о принятии в коллегиум не было удовлетворено, можно думать, по двум причинам: из-за отсутствия свободных мест (учебный год в университете начинался в середине сентября) и незнания им венгерского языка, что делало невозможным нормальное обучение. Вот тогда и настали для него тяжелые дни поиска работы, пристанища и пропитания. Видимо, ему действительно пришлось хлебнуть немало горя, зарабатывая на хлеб тяжелым трудом в сельском хозяйстве, у какого-то крупного землевладельца-барона. Работы хватало, так как венгерская деревня из-за мобилизации молодых мужчин нуждалась в рабочей силе. Одновременно он интенсивно изучал венгерский язык. Не оставляли его без помощи и венгерские тюркологи Д. Месарош и Д. Немет. Последний, по имеющимся документам, спустя некоторое время дал самую положительную характеристику подготовленности Чобан-заде к обучению в университете и в немалой степени способствовал принятию в коллегиум Этвёша.

12 октября 1916 года советник министра просвещения доктор Лайош Тот направляет директору коллегиума отношение, в котором сообщает, что министерство считает возможным принять русского беженца Бекира Сидки, по происхождению *крымского татарина исламского вероисповедания*, в студенты университета и коллегиума им. барона Этвёша. Уже 23 октября того же года министерство получило ответное письмо, которое содержит ряд прежде неизвестных биографических данных (о них сказано в предыдущей главе). По существу вопроса директор сообщает, что Бекир Сидки еще до полного оформления всех документов уже 9 октября приступил к занятиям в университете. Он прошел собеседование с проф. Д. Неметом, где показал достаточные знания для продолжения образования в нашем университете. Далее говорилось, что поскольку все 100 мест в коллегииуме уже заняты, то необходимо указание министерства о его зачислении сверх штата. Он будет считаться первым претендентом на освободившееся место в общежитии.

В январе 1917 года директор коллегиума пишет декану философского факультета пространное письмо с положительной характеристикой студента Бекира Сидки-бея, юноши крымскотатарского происхождения, принятого на обучение по личному распоряжению господина министра просвещения.

Названный студент *очень способный*, три месяца изучает в университете венгерский язык и преуспел в этом. Сегодня он говорит бегло по-венгерски, но при чтении продолжает пока пользоваться словарем. К концу второго семестра, без сомнения, он овладеет языком в достаточной мере». В письме говорится о тяжелом материальном положении студента: он получает стипендию в 200 крон, половина уходит на питание и совсем мало остается на покупку одежды и другие необходимые расходы.

Сохранился еще один документ, датированный 30 июня 1918 года, в котором руководство коллегіума им. барона Этвёша обращается к министру просвещения с ходатайством об оказании материальной помощи уроженцу Крыма студенту Бекиру Сидки-бею. В письме сообщается, что в апреле текущего года он успешно сдал экзамен на звание учителя венгерского и турецкого языков. Молодой человек обладает большими способностями, но не получает материальной помощи ниоткуда. Затем следует такой вывод: «студент вполне достоин нашей помощи». Предлагалось взять его на полное государственное обеспечение и назначить ему повышенную стипендию. К сожалению, ответ министра не сохранился в бумагах коллегіума Этвёша⁸. Да и вряд ли он был положительным, летом 1918 года Австро-Венгерская империя находилась в глубоком финансовом кризисе, вскоре она потерпит полное военное поражение и исчезнет с политической карты мира. Именно в это время, как представляется, Чобан-заде был вынужден давать уроки турецкого языка в Восточной академии — среднем специальном учебном заведении Будапешта, чтобы как-то справиться с материальными трудностями.

Выбор Чобан-заде учебного направления — тюркской филологии — был как нельзя более удачным. Будапештский университет приобрел во всем мире славу одного из ведущих центров востоковедения. Здесь во второй половине XIX—начале XX века работала блестящая плеяда ориенталистов, как тюркологов, так и арабистов. Достаточно назвать такие имена: А. Чома де Кёрёши, Армин Вамбери, Игнац Гольдцигер, Дьюла Немет, Лайош Фекете, Дьюла Месарош, Лайош Лигети⁹. Именно в Будапеште граф Кун в 1881 году впервые опубликовал полный текст и перевод бесценного памятника тюркского языка и словесности «Codex Cumanicus», который станет объектом изучения в диссертации Чобан-заде. Среди его учителей — светила востоковедения академик арабист И. Гольдцигер (1850—1921), тюркологи Дьюла Немет (1890—1976), Дьюла Месарош (1883—1957), Игнац Кунош.

Чобан-заде упоминает в своей автобиографии преподавателя Синнеи, судьба которого нам неизвестна¹⁰. Кафедра восточных языков на словесном отделении философского факультета была основана в 1870 году, возглавлял ее в течение 35 лет гениальный тюрколог А. Вамбери. После его ухода кафедра оставалась вакантной вплоть до 1916 года, когда Д. Немет был назначен экстраординарным профессором, а спустя два года — ординарным¹¹. Заведовать кафедрой Немет стал в 1920 году и был на этом посту до 1965 года. Он хорошо себя чувствовал при всех политических режимах: при хортистах стал академиком, при коммунистах — ректором университета. Он отлично помнил талантливого ученика, но, к сожалению, о Чобан-заде не оставил ни строчки воспоминаний. Что касается Месароша, который много времени провел в Турции, то Ш. Бекторе, один из наиболее авторитетных авторов, пишет, что он проявил внимание к Чобан-заде, когда тот еще был лицеистом, оказывал ему помощь и в Венгрию они поехали вместе¹². Если это действительно было так, то странным выглядит тот факт, что ни в автобиографии, ни в своих статьях он эту фамилию не упоминает. Добавим, что Чобан-заде и Месарош встретились вновь лишь в феврале 1926 года в Баку на Всесоюзном тюркологическом съезде.

Большой интерес для нас представляет перечень предметов, которые изучал студент из Карасубазара. Хотя сохранился лишь обзор курсов за предыдущий, 1915—1916 учебный год, нет оснований сомневаться, что Чобан-заде слушал тех же преподавателей. Благодаря статье проф. Г. Янковского мы знаем, какие учебные дисциплины изучал Чобан-заде¹³.

Первый семестр, начавшийся 16 сентября 1915 года:

- основы арабской грамматики с упражнениями, И. Гольдцигер;
- чтение арабской прозы, он же;
- арабская литература сквозь столетия, Й. Шмидт;
- современные произведения турецкой литературы, И. Кунош;
- грамматика османского языка, Д. Немет;
- введение в тюркское языкознание, он же;
- чтение турецких документов по истории Венгрии, он же;
- практика по турецкому языку, Абдул Ляtif.

Второй семестр, начавшийся 23 января 1916 года:

- поэзия Мехмета Эмина, посвященная войне, И. Кунош;
- ранняя история тюрков (до конца XIII в.), Д. Немет;

- орхонские надписи, он же;
- османская литература до 1450 года, он же.

Перед нами как общие, так и специальные курсы, а также практические занятия по турецкому языку и арабской литературе. К общим курсам можно отнести «Введение в тюркское языкознание», «Основы арабской грамматики», «Граматику османского языка», «Арабскую литературу сквозь столетия» (речь, собственно говоря, идет об истории арабской литературы). К специальным курсам следует причислить такие предметы, как «Орхонские надписи», «Поэзия Мехмета Эмина», «Чтение турецких документов по истории Венгрии», «Современные произведения турецкой литературы». Привлекает внимание солидная *историческая база* будущих филологов-востоковедов, о чем сегодня можно лишь мечтать, зная, к каким пагубным последствиям привело разделение историко-филологических факультетов в нашей стране.

Благодаря любезности господина И. Отара мы имели возможность изучить зачетную книжку Чобан-заде за время его учебы, которая хранится в личном архиве Джафера Сейдамета. Этот документ впервые вводится нами в научный оборот (см. фрагмент в иллюстрациях). Номенклатура изучаемых предметов незначительно отличается от той, которая приведена в статье Г. Янковского. Например, в первом семестре 1916—1917 учебного года курсов по арабистике акад. И. Гольдцигера и проф. И. Шмидта не было, зато читались лекции по эстетике, финскому языку (вводный курс); два преподавателя излагали творчество венгерского поэта Яноша Араньи (видимо, один из них был литературоведом, другой — лингвистом). Проф. Д. Немет вел четыре предмета тюркологического цикла. Во втором семестре начинает свой курс по истории тюркской прозаической литературы Игнац Кунош. На втором году обучения (третий и четвертый семестры), кроме различных областей тюркологии, изучается арабистика и исламология (эти курсы читает акад. И. Гольдцигер); проф. Йожеф Синнеи читает финно-угроведение.

Учебный план кафедры востоковедения философского факультета отличается многопредметностью: так, в первом семестре студент изучает 14 предметов, в последнем, шестом, — 12. Всего за время обучения требуется сдать зачеты и экзамены по 84 курсам. Это, как правило, спецкурсы по узким, узловым вопросам различных областей востоковедения и угро-финской

филологии. Есть также предметы общеметодологической ориентации — эстетика, этика, психология, педагогика, история мировой литературы (спецкурс по Мольеру). Студенты углубленно изучали творчество поэтов Яноша Араньи (в первом и втором семестрах) и Михая Вёрёшмарти (в третьем и четвертом семестрах). Вне сомнения, знакомство с творчеством этих ярких представителей венгерского романтизма оказало большое влияние на формирование поэтических идеалов и мировоззрения Чобан-заде.

Что касается оценок по предметам обучения, то можно прямо сказать, что учился Чобан-заде неровно. Причин этому несколько: материальные трудности, необходимость поиска дополнительного заработка, увлечение поэзией (именно в Будапеште он написал большую часть своего поэтического наследия). Кроме того, следует учитывать такой субъективный момент, как различную требовательность преподавателей. Бросается в глаза парадокс: по дисциплинам, которые он изучал и в рушдие, и в лицее и владел ими гораздо лучше других, оценки у него ниже, чем по новым предметам. Так, по предметам тюркологического цикла проф. Д. Немет и Абдул Лятиф, ведший практические занятия, ставили ему невысокие баллы. Видимо, Чобан-заде в этих хорошо знакомых дисциплинах большого усердия не проявлял. Высокую планку по арабистике ставил акад. И. Гольдцигер, так что в предметах этого цикла Чобан-заде имел постоянно низкие оценки.

Напротив, в предметах незнакомых Чобан-заде работал с полной отдачей и получал высший балл: по финно-угорской филологии у проф. И. Синнеи, по эстетике, этике, психологии. Неизменно высший балл ему ставил проф. Фригьеш Ридл, преподававший на первом и втором курсах творчество Араньи и Вёрёшмарти¹⁴.

Определенную информацию о жизни Чобан-заде несут его письма к другу по Галатасарайскому лицейу Амди Атаману (1894—1958), которые в 1993 году опубликовал И. Отар¹⁵. Письма, по всей вероятности, попали в личный архив Джафера Сейдамета, женатого на сестре Амди Ханифе. Вообще надо сказать, что семья выходца из Крыма Эмир-Асана Атамана (Бекир-заде) оказывала постоянную поддержку Чобан-заде. Как он сам, так и его дети находились в дружеской связи и после отъезда карасубазарского лицеиста в Венгрию. Нередко вместе с письмами Амди посылал Чобан-заде и свои стихотворения. Переписка дает возможность ближе познакомиться с внутренним миром молодого поэта, переживаемыми трудностями и планами.

Первое письмо датировано 2 декабря 1916 года. Прошло лишь полтора

месяца, как Чобан-заде принят в университет. Он в боевом, оптимистическом настроении: «Я укрепляю свой дух, готов встретить любые трудности. Весь смысл жизни — работать». 20 мая следующего года он извещает друга о приближающемся завершении учебного года, но не сообщает никаких конкретных деталей о своей учебе. Зато он посылает только что написанное стихотворение «Vesselâm» («Итак, и я закончил») и много рассуждает о литературе вообще, о поэзии в частности. «Сюжеты для стихов, — делится своими наблюдениями Чобан-заде, — я нахожу везде: в трамвае, в учебной аудитории, в лесной роще или на берегу Дуная». В этом же письме он рассказывает, что повстречал трех профессоров (к сожалению, не называя их фамилий). Беседа шла о возвышенных предметах философского плана с упоминанием Лейбница, Канта, Шиллера, Гёте и Гегеля. Хотя в Венгрии государственным языком был венгерский, названные выше имена философов и поэтов дают основание предположить, что разговор шел на немецком языке. Этот язык Чобан-заде тоже освоил, о чем свидетельствуют конспекты классических трудов по филологии, которые он вел в своем поэтическом дневнике «Звуки свирели» («Къавал сеслери»). По признанию Чобан-заде, разговор с преподавателями завершился дискуссией о будущем турецко-османской культуры и государства. Беседующие пришли к выводу, что Османская империя, вступив в мировую войну, неизбежно обрекла себя на гибель. Так оно и случилось.

17 сентября 1917 года Чобан-заде сообщает о начале нового учебного года: «Надо снова работать, надо много работать. В конце учебного года (то есть в мае 1918 года. — Д.У.) придется сдавать сложный экзамен с теми, кто учил венгерский язык в течение 12 лет. Я до сих пор прилагал много усилий, чтобы совершенствовать свои знания в языке, поэтому от них отличаюсь не сильно. Упрямыства мне не занимать». Из приведенной выше информации можно, во-первых, заключить, что учебный год в Будапештском университете начинался в середине сентября и заканчивался в конце мая. Во-вторых, следует вывод о том, что в конце второго года обучения крымский студент должен был сдать сложный экзамен по венгерскому языку, в котором он весьма преуспел. О том, что дело обстоит именно так, свидетельствует найденная проф. Янковским статья в венгерской газете «Будапешт хирлап» (16 марта 1918 года), где есть упоминание о молодом поэте Бекире Сидки из Карасубазара, который заканчивает Будапештский университет и говорит по-венгерски лучше многих коренных жителей Пешта¹⁶.

Спустя месяц, в середине октября 1917 года Чобан-заде посылает своему другу Амди фрагмент поэмы «Танду»: «... чтобы ты увидел мое мастерство. Сюжет я взял из сказки балкарцев». Далее он излагает свое мнение о прочитанном номере журнала «Тюрк юрду». Он очень хвалит стихи поэтессы Халиде-ханум¹⁷ и с восхищением отзываясь о творчестве Мехмета Эмина, называя его первым, по-настоящему народным турецким поэтом.

Первая мировая война между тем приближалась к своему завершению. Государства Тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия, Турция) шли к своему поражению и распаду. Венгерский народ в таких условиях стремился на развалинах империи Габсбургов возродить собственное национальное государство. В стране назревает освободительная революция. Вместе с тем страдания войны и разруха довели до крайности социальные антагонизмы, так что Венгрия в 1918 году вступает в полосу революционных потрясений и конвульсий. Меньше чем за год, с конца октября 1918 года по сентябрь 1919 года, страна пережила три революции, установив своеобразный рекорд и опередив даже Россию, где в 1917 году произошли только две — Февральская и Октябрьская. Чобан-заде был не только свидетелем этих эпохальных событий, но и, вероятно, в какой-то степени их участником, хотя как иностранец должен был стоять в стороне от политических событий в стране пребывания.

Первая венгерская революция носила национально-освободительный характер и, что самое главное, восстановила государственную независимость страны без пролития крови. Однако, не решив социальные вопросы, первая революция, словно цепную реакцию, повлекла за собой вторую, обещавшую осуществить мечты пролетариата и беднейшего крестьянства. Вторая революция длилась всего 133 дня, с 21 марта до 1 августа 1919 года, она дала власть левым экстремистам, объявившим власть Советов, и сопровождалась красным террором и иностранной военной интервенцией. Эти две революции уничтожили либералов и левых (коммунистов, социалистов), освободили на политической арене место для правых, консервативных политических сил. Поэтому третья революция, носившая национально-консервативный характер, в сущности была контрреволюцией, применившей против прежних террористов свой собственный, не менее жестокий белый террор¹⁸.

Много лет спустя после этих трагических событий Чобан-заде в своих публикациях и анкетах утверждал, что принимал активное участие в событиях второй венгерской революции. В анкете 1931 года он записал, что в 1919 году

в течение трех месяцев редактировал газету «Шарк» («Восток»), «орган венгерской советской власти на тюркском языке», которую издавал «Дом Ленина» (по-венгерски, *Leninház*). В опубликованной в 1929 году брошюре «Курултайщина и национализм в крымскотатарской литературе» Чобан-заде заявляет: «Во время Венгерской Советской республики я редактировал орган Венгерской коммуны газету "Восток", состоял одним из политических вождей и организаторов отряда III Интернационала. Одновременно управлял восточным отделом организации венгерских нацменов под названием "Дом Ленина"»¹⁹. Современные авторы, не приводя никаких доказательств, утверждают, что Чобан-заде в 1919 году стал организатором иностранного полка в Венгерской Красной армии²⁰.

Попытаемся критически проанализировать эти утверждения. Скажем сразу, что они вызывают сомнения в своей достоверности, так как основываются исключительно на словах самого Чобан-заде. В подтверждение своих версий авторы (Ф.Д. Ашнин, С. Нагаев и другие) не могут привести никаких документальных данных. Напротив, сомневающиеся исследователи имеют солидную аргументацию. Профессор Янковский, окончивший, кстати сказать, ту же кафедру, где прошел обучение Чобан-заде, и прекрасно владеющий венгерским языком, газету «Шарк» не обнаружил ни в библиотеках, ни в библиографических указателях. Видимо, такой газеты не существовало вовсе.

Что касается иностранного полка в Венгерской Красной армии, то нами были изучены публикации венгерских и советских историков, бывших в недалеком прошлом чрезвычайно чувствительными ко всякому проявлению «пролетарского интернационализма». В двух сборниках документов, как и в многочисленных статьях, нет ни слова ни о «Доме Ленина», ни о газете «Шарк», хотя русские военнопленные издавали собственную газету под неоригинальным заглавием «Правда». В конце марта 1919 года они создали Будапештский интернациональный полк, в котором был русский батальон. Хотя в компартии была восточная группа, но фамилии ее руководителей (Шемих, Рюрцтен) носят явно не восточный характер. В опубликованных документах нельзя найти информацию о других интернационалистах, кроме русских²¹. Правда, Чобан-заде в Венгрии был зарегистрирован как подданный Османской империи, воевавшей, как известно, против царской империи вместе с Австро-Венгрией. Так что искать его среди русских интернационалистов — напрасная трата времени.

Проф. Г. Янковский самым тщательным образом изучил венгерские

коммунистические газеты этого периода и не нашел в них ни упоминаний фамилии Бекира Сидки, ни каких-либо следов турецких (или восточных) интернационалистов. Что же касается самой Венгерской Советской республики, то на любого непредвзятого историка она производит впечатление какого-то сумбурного, хаотического явления, где русский большевизм переплетался с присущим венграм свободолюбием при руководящем составе из местечковых адвокатов и бездарных журналистов. Лидер этой карикатурной революции Бела Кун (настоящее имя Арон Коген) по своему характеру не был ни руководителем, ни организатором, а лишь агитатором, призывавшим вооруженный пролетариат к кровавым расправам. В поражении Советов сыграл роль и антисемитизм народных масс, так как половина членов правительства и большая часть политкомиссаров в армии принадлежали к мелкой еврейской буржуазии²².

Венгерские советские руководители сделали робкую попытку «окоммунизировать» университет. Нарком просвещения Дьердь Лукач, впоследствии один из идеологов еврокоммунизма, назначил профессорами людей плебейского происхождения, не имевших необходимых научных званий и степеней. У «венгерской коммуны» не было ни сил, ни времени для радикального переустройства высшей школы. Университет оставался оплотом консерватизма и продолжал жить по своим собственным правилам и обычаям.

О поведении молодого крымчанина (ему исполнилось 26 лет) в эти бурные месяцы мы можем судить лишь по косвенным указаниям. Классовый инстинкт, бунтарский характер и поэтическая романтика как будто толкали его на революционные баррикады. Может быть, он и был душой со «строителями светлого будущего», но суровые будни звали к письменному столу, словарям, книгам. Ему предстояли серьезные испытания: специальный докторский экзамен (сдал в апреле 1919 года) и защита диссертации (15 мая того же года).

Чобан-заде успешно преодолел оба препятствия, и до августа, когда режим Бела Куна пал, оставалось 2,5 месяца. Именно в это время, скажем в виде гипотезы, Чобан-заде мог участвовать в революционных событиях то ли в виде редактора газеты «Шарк», то ли солдата-интернационалиста. Все это, однако, лишь предположения некоторых биографов, у которых нет других аргументов, кроме слов самого Чобан-заде, сказанных в условиях травли и запугивания.

Вернемся теперь к диссертации. Хотя биографы по-разному формулируют

ее заглавие, следует исходить из автобиографии: как настоящий ученый, Чобан-заде не мог забыть или перепутать ее название. Оно звучит следующим образом: «Кажущиеся сингармонические несоответствия в "Кодексе Куманикусе" и проблема артикуляционной базы в тюркских языках». Однако сдачу докторских экзаменов и защиту сам Чобан-заде в автобиографии почему-то относит к 1920 году. Перед нами еще одна необъяснимая загадка.

Судьба диссертации Чобан-заде сложилась прямо-таки необычно. Только один человек, проф. Иштван Мандоки, ныне покойный, признавался Г. Янковскому, что держал в руках труд Чобан-заде и даже сделал некоторые выписки. Это было в его студенческие годы (1963—1968). С тех пор никто не видел эту рукопись. Можно добавить несколько слов: известный украинский историк и востоковед Я.Р. Дашкевич опубликовал в журнале «Советская тюркология» цикл статей о «Кодексе Куманикусе». Так вот, в огромной пристатейной библиографии в сотни позиций не было ни одного упоминания о работе Чобан-заде. Приходится сожалеть об этом и высказать надежду, что какие-то следы в конце концов найдутся²³.

У нас есть возможность составить некоторое представление об этом научном труде нашего великого соотечественника опосредованно, через другую диссертацию, сохранившуюся и опубликованную, защищенную по правилам аттестации научных работ, принятым в университетах Австро-Венгерской империи.

Об одном ученом-театроведе в его биографии сказано: «Закончил Венский университет со степенью доктора философии». Это значит, что ученая степень давалась выпускникам университета после окончания полного учебного курса в шесть семестров и защиты квалификационной письменной работы. Речь идет о диссертации, найденной Е.И. Нечепоруком в архиве Венского университета и опубликованной в качестве приложения к его монографии «Чехов в Австрии» (Симферополь, 1998). Содержание этой докторской диссертации, защищенной в 1923 году в Венском университете, размеры и другие параметры близки к требованиям современной дипломной работы. Ее объем 93 страницы рукописи, к ней прилагается отзыв на 2—3 страницах двух известных ученых²⁴.

Приведем другой пример: крымскотатарский поэт Амди Гирайбай за три года обучения в Стамбульском университете (1923—1926 годы) закончил полный курс и защитил докторскую диссертацию на тему «История Крыма»²⁵.

Приведя эти факты, ни в коей мере не хотелось бы умалить научную славу Чобан-заде. Нет сомнения, что его диссертация существенно отличалась от нынешних слабых, во многих случаях компилятивных дипломных работ выпускников филологических факультетов. Просто в наше время планка требований резко понизилась.

Интересные выводы можно сделать, если внимательно вчитаться в текст докторского диплома Чобан-заде, который опубликовал в своей первой статье А. Таймаз²⁶. Он хранился вместе с зачетной книжкой в бумагах Джафера Сейдамета. Собственно говоря, это не сам документ, а перевод на турецкий язык (арабским шрифтом), заверенный в канцелярии турецкого консульства в Будапеште 9 декабря 1919 года. Подпись под ним поставил друг Чобан-заде, турецкий поэт Энис Бегич, бывший секретарем консульства. В тексте сказано: «Господин Бекир Сидки, пройдя курсы тюркской филологии, истории арабской литературы и истории венгерской литературы в венгерском университете, сдал соответствующие экзамены. Ему присуждена степень доктора философии (по-турецки *felsefe doktoru*). Подлинный диплом, выданный советом профессоров названного университета, был представлен в канцелярию турецкого консульства в Пеште 9 декабря 1334 года хиджры. Диплом был выдан 15 мая 1919 года». Г. Янковский приводит слова доктора Х. Кырымлы о том, что ныне турецкий перевод диплома, как и зачетная книжка Чобан-заде, хранится в архивах Фонда «Эмель».

Рассказав об этом, Г. Янковский, однако, переходит к другим сюжетам, не подвергнув критическому анализу этот документ. Между тем у внимательного читателя непременно возникнут вопросы как по его форме, так и по содержанию. Во-первых, где находится подлинник диплома на венгерском языке, почему с него не была снята копия, должным образом заверенная у нотариуса? Это нужно знать потому, что при присвоении Чобан-заде звания профессора 3 марта 1922 года он должен был представить в Государственный ученый совет Наркомпроса РСФСР (аналог позднейшей ВАК) соответствующий документ о наличии степени доктора или, по крайней мере, магистра. Такого документа нами не обнаружено, нет в деле и автобиографии²⁷. Впрочем, в этом нет ничего необычного: в ведомстве А.В. Луначарского — «... легковесного талантливый пошляк» (выражение К. Чуковского) — царил полный хаос. Одни преподаватели Крымского университета представили в ГУС полный набор необходимых документов (О. Акчокраклы, А.Н. Деревницкий, В.И. Филоненко), от других поступило лишь

ходатайство ректора. Вместе с Чобан-заде были утверждены профессорами А.М. Лукьяненко и М.О. Гредингер — ни один не послал в Москву документы о наличии научной степени. Учитывая сказанное выше, у нас нет оснований утверждать, что докторского диплома у Чобан-заде не было.

Во-вторых, набор указанных в турецком переводе диплома предметов вызывает недоумение. В приводимом Янковским учебном плане кафедры восточных языков (выше мы их перечислили) указаны лишь дисциплины тюркологического цикла и три — по арабистике²⁸. Об истории венгерской литературы не упоминается. Однако не вызывает сомнений то, что Чобан-заде пришлось весьма основательно изучать венгерский язык и, вполне вероятно, венгерскую литературу. Косвенно об этом говорят приведенные слова из письма А. Атаману и комплименты венгерского журналиста.

В-третьих, сам текст диплома в его турецкой редакции несколько странный: перечислены три далеких друг от друга научных направления (тюркская филология, история арабской литературы, история венгерской литературы), но не приведены оценки, полученные на экзаменах. Еще один пробел этого документа — в нем не указана тема докторской диссертации.

Вполне вероятно, что эти вопросы возникают из-за того, что университетское образование в специфических условиях Венгрии 1916—1919 годов существенно отличается от того, что нам известно о внутреннем устройстве российских университетов, и еще больше — от современных реалий. Тем не менее умолчать об этом невозможно. Остается лишь надеяться, что и это «белое пятно» в биографии Чобан-заде рано или поздно найдет рациональное объяснение на основе достоверных источников.

Как сказано выше, во время пребывания в Будапеште Чобан-заде поместил несколько статей в местной прессе: в консервативных газетах «Мадьяр фиғыело» (две статьи), «Будапешти хирлап» и в журнале «Туран», выходившем на турецком языке. Указанные в очерке С. Нагаева три статьи 1915—1918 годов без всякого библиографического описания²⁹ трудно идентифицировать. Во всяком случае, одна из них, помеченная 1915 годом, мне представляется весьма сомнительной. Мы помним, что лицей в Стамбуле Чобан-заде закончил 8 (21) декабря 1915 года; возникает вопрос, как он мог после получения лицейского аттестата в Стамбуле мгновенно напечатать статью в Будапеште? Фантастика.

О литературных трудах Чобан-заде сказано достаточно в книгах Отара и Аджара³⁰, многочисленных статьях в журнале «Йылдыз». Конечно, главная

находка — поэтический дневник Чобан-заде 1919—1920 годов «Къавал сеслери» («Звуки свирели»), сданный в библиотеку Венгерской АН профессором Ласло Рашоньи, который посещал семинары по тюркологии вместе с Чобан-заде. В этом рукописном сборнике Янковский насчитал 71 стихотворение и отдельные фрагменты (у Отара получилось всего 58). Самая ранняя работа — поэма «Танду» — датирована 3 декабря 1916 года, последняя — 22 мая 1920 года, место написания — Лозанна.

Тем временем в положении Чобан-заде к осени 1919 года назревают серьезные изменения, связанные с истечением срока его пребывания на государственном обеспечении в коллeгиуме им. Этвёша. Как явствует из опубликованного Г. Янковским документа (см. приложение 3), 15 октября 1919 года Чобан-заде просит ректора коллeгиума продлить ему обучение и, соответственно, пребывание в общежитии и получение стипендии. Однако ему в этом отказано, причины нам неизвестны. Был ли он действительно замешан в революционных событиях лета того же года? Если да и об этом знали власти, он должен был пополнить концлагеря, созданные в ходе репрессий против комиссаров и красногвардейцев. Или как иностранного подданного его бы с помощью полиции выслали в Турцию. Ничего подобного не случилось. Можно заключить поэтому, что или Чобан-заде был необычайно ловким конспиратором (об этом его дальнейшая жизнь никак не свидетельствует), или же он оставался вполне лояльным перед правосудием национально-консервативной революции, или, применяя более знакомые слова, контрреволюции фашиста Хорти.

Как бы то ни было, Чобан-заде пришлось искать работу, и он ее нашел в Восточной академии, где устроился преподавателем турецкого языка. Этот факт своей биографии он фиксирует в анкете 1931 года в разделе «Занятия опрашиваемого, начиная с 18-летнего возраста». В записи работа в Восточной академии датируется 1919—1920 годами, ее продолжительность 1,5 года. Такая длительность представляется нереальной. Мы точно знаем, что в конце марта 1920 года он навсегда покинул Будапешт. Если от этой даты отсчитать назад полтора года, то получается, что Чобан-заде начал работать в Восточной академии в сентябре—октябре 1918 года. Как раз в это время он начинает третий год в университете и целиком отдается учебе, о чем свидетельствуют его собственные признания в письмах другу в Стамбул. Потом шла подготовка к специальному экзамену и завершение диссертации, а это также требовало полного напряжения сил. Думается, что преподавать в

Восточной академии Чобан-заде начал только после защиты диссертации, хотя не исключено, что и прежде он вел там какие-то занятия. Реален и второй вариант: на работу он пошел лишь после отказа ректора продлить ему проживание в коллегии им. Этвёша.

Итак, можно считать достоверно установленными точные временные рамки студенчества будущего ученого и поэта — с 12 октября 1916 года до 15 октября 1919 года, когда он, уже имея степень доктора, просит продлить ему обучение, а также, само собой разумеется, стипендию и проживание в общежитии, потому как в заявлении он указывает свой адрес: 2-й этаж, комната 17, но получает отказ. Тогда он находит место преподавателя турецкого языка (не профессора, как бездоказательно утверждает И. Керимов) в Восточной академии — среднем специальном учебном заведении, где работает до отъезда в Швейцарию в марте 1920 года.

Среди неизвестных материалов, изученных автором во время командировки в Стамбул, имеется заграничный паспорт Чобан-заде, записи в котором позволяют определить время и маршрут его возвращения в Крым. До сих пор этот документ не введен в научный оборот, в книге И. Отара в виде иллюстрации напечатан лишь его титульный лист.

Паспорт, имеющий надписи на турецком (арабской графикой), французском и немецком языках, выписал 23 июня 1920 года генеральный консул Турции в Женеве Мунир Сурейя. Он начинается словами: «Во имя его императорского величества Султана». Под фотографией Чобан-заде генеральный консул написал по-французски и заверил печатью такие слова: «Мы удостоверяем подлинность фотографии и подписи господина Бекира Сидки».

Интересны анкетные данные, внесенные в паспорт: имя отца — *Абдул Вахаб*; профессия — *доктор медицины*; местожительство — *авеню Гомон, 1, Лозанна*; место и время рождения — *Крым, 1893*; куда направляется — *путешествует по Швейцарии*; цель поездки — *пропуск*. Не менее интересна следующая страница паспорта, где полицейский чиновник описывает внешний вид и особые приметы владельца паспорта: рост — *средний*; форма лица — *овальная*; цвет — *смуглый*; волосы — *темные*; глаза — *карие*; нос, рот — *правильной формы*; усы — *темные*; борода — *бритая*; особые приметы — *пропуск*.

Этот словесный портрет полностью соответствует фотографии молодого человека, вклеенной в документ.

Проанализируем имеющиеся в паспорте визы на въезд в Швейцарию и Италию, на выезд из Италии пароходом и отметку о прибытии в Стамбул. Внимательное изучение виз и отметок пограничного контроля позволяет сделать следующие выводы: швейцарское консульство в Будапеште выдало Бекиру Сидки разрешение на въезд 5 марта 1920 года, а уже 31 марта владделец паспорта пересек швейцарскую границу (этим же днем в австрийском городе Инсбруке Чобан-заде пометил стихотворение «Токау sarabi»). Затем, как сказано выше, 23 июня в Женеве он получил паспорт подданного турецкого султана. 2 июля итальянский консул подписал визу на въезд, которую Чобан-заде использовал на следующий день. Вскоре МИД Италии разрешил ему выезд из страны, и 8 июля через портовый город Бриндизи он покинул пределы Итальянского королевства. Последний штамп в паспорте подтверждает прибытие Чобан-заде в Константинополь (так назван Стамбул в документе) 17 июля 1920 года³⁰. Последняя дата расходится с той, которую дал А.Б. Таймаз, — 21 июля³¹, и подтверждает наши подозрения о том, что, указывая точные дни некоторых событий в жизни Чобан-заде, он не всегда был достаточно аккуратным.

Теперь следует обсудить вопрос о цели поездки Чобан-заде в Швейцарию. Утверждение некоторых досужих авторов о том, что он стал профессором Лозаннского университета, лишено всяких оснований. Не был он профессором ни в Будапеште, ни в Лозанне (там вообще нет кафедры тюркологии), ни в Неаполе (здесь Институт ориенталистики возник позже), а только в Крыму, куда он стремился всей душой. Конечная цель его поездки в Швейцарию и Италию — вернуться на родину через Турцию (Крым в это время еще находился в руках генерала Врангеля).

В Швейцарии Чобан-заде должен был встретиться со старым знакомым, лидером Народной партии Милли Фирка Джафером Сейдаметом. Что последний в апреле—мае 1920 года находился здесь, свидетельствует его письмо польскому министру А. Ахматовичу, вместе с которым он в 1918 году входил в краевое правительство Крыма генерала Сулькевича. Письмо отправлено 27 мая 1920 года из Берна³². Содержание бесед двух старых приятелей, естественно, остается неизвестным, однако можно предположить, что Джафер поддержал намерение молодого доктора философии вернуться на родину, включиться в освободительную борьбу и участвовать в возрождении национальной культуры. Он, видимо, знал, что турецкое правительство направило специальный пароход в Гамбург, чтобы забрать

своих студентов из Германии и других европейских стран, и сказал об этом Чобан-заде. Именно поэтому последний выехал в Бриндизи, а затем морем прибыл в Стамбул. На этом пароходе вернулся среди прочих и Мемет Недим, учившийся в Берлине в Высшей экономической школе.

Беседы с Чобан-заде произвели на Джафера большое впечатление. В это время он готовил книгу о Крыме, которая была напечатана в следующем году в Лозанне. В ней есть раздел о крымскотатарской литературе, и примечательно, что здесь он называет только трех выдающихся поэтов своего народа: Челебиджихана, Ниязи и Чобан-заде. Впервые в печати дана высокая оценка поэзии молодого автора, причем Джафер так восхищен, что три предложения подряд заканчивает восклицательным знаком. В книге сказано о том, что сын бедного пастуха достиг вершин знания, заслужив «двойной докторат по философии и по филологии» (это преувеличение). Затем автор с пафосом повествует о прелестных поэмах, которые сочинил молодой поэт, вдохновленный легендами и историей родного народа. И то, что от него можно ожидать много во славу языка и возвышенного идеализма крымскотатарского племени. Рядом Джафер поместил отрывки из двух стихотворений в собственном переводе на французский язык³³.

Сколько времени Чобан-заде провел в Стамбуле и встречался ли вновь с Джафером, точно неизвестно. На сей счет имеются лишь противоречивые сведения. Так, на допросах в 1937 году Айвазов вспоминал, что Чобан-заде возвратился в Стамбул на одном пароходе с Мамутом Недимом. Последний же, зная об аресте Чобан-заде и его неминуемой казни, утверждал, что тот прибыл в Стамбул месяц спустя, и не на пароходе, а поездом. В любом случае ясно, что в Швейцарии или Стамбуле Чобан-заде получил от лидера Милли Фирка мандат на руководство этой политической и культурно-просветительской организацией крымских татар. Об этом подробнее будет сказано в следующей главе.

Часть II. ГОДЫ ВОЗМУЖАНИЯ: КРЫМ

Глава 1. Во главе Народной партии

Летом 1920 года, получив в Женеве заграничный паспорт, Б. Чобан-заде через Стамбул возвращается в Крым. Кроме естественной ностальгии по Родине и желания увидеть родителей, с которыми расстался шесть лет назад, к такому шагу его толкали и более прозаические соображения. В Венгрии с осени 1919 года свирепствует контрреволюционная диктатура адмирала Хорти, причастные к краткому правлению коммунисты подвергнуты жестоким репрессиям. Университет, правда, сохранил прежнюю автономию, и особых притеснений молодой доктор восточной словесности не испытывал. Преподавательская же работа в Восточной академии, очевидно, Чобан-заде удовлетворения не приносила. Между тем в европейской печати появились сообщения о том, что в Таврическом университете с осени 1918 года открывается факультет востоковедения. Выходивший в Берлине журнал «Der Neue Orient» дважды помещал информацию по этому поводу. В первой из них говорилось, что занятия в Таврическом университете начинаются 20 сентября и что факультеты медицинский и естественных наук расположены в Ялте, а остальные в Симферополе. Позже сообщалось, что 14 октября в Симферополе в торжественной обстановке открыт первый в Крыму

университет. Назывались имена некоторых профессоров: бывшего ректора Одесского университета Деревницкого, ботаника Кузнецова, академика Андрусова, математика Тихомандрицкого¹. Перспектива обрести наконец покой на родной земле и найти приложение своим творческим силам позвала поэта и ученого в дорогу.

Обстоятельства возвращения Б. Чобан-заде в Крым долгое время оставались неизвестными. Только открытие архивов Крымского НКВД позволило приподнять завесу над этой тайной. Послушаем, что говорили об этом на допросах в 1937 году Мамут Недим и А.С. Айвазов. Первый из них, как мы помним, учился вместе с Чобан-заде в Турции, затем с помощью немецкого тюрколога профессора Шмидта, работавшего заместителем министра просвещения Османской империи, в 1917 году выехал на учебу в Берлин. В конце 1917 года Недим был принят в Высшую экономическую школу. Не сдав выпускных экзаменов, он в июне 1920 года вернулся в Стамбул на специальном пароходе, посланном в Гамбург за турецкими студентами. «Через месяц после моего приезда из Германии, — вспоминает Недим, — приехал и Чобан-заде, который остановился в одной со мной гостинице. Он рассказал, что из Будапешта ездил к Джаферу Сейдамету в Швейцарию и последний предложил ему выехать в Крым для организации националистической контрреволюционной группы». Остановим рассказ и заметим, что в это время Крым был в руках правительства Врангеля и ни о какой «контрреволюционной» деятельности речи быть не могло. Наоборот, крымскотатарская политическая организация могла бы лишь облегчить большевикам борьбу против белогвардейцев. Однако в 1937 году на такие «мелочи» энкавэдисты внимания не обращали. Далее Недим говорит о том, что после отъезда Чобан-заде в Крым в гостиницу приходили письма от Джафера, которые он якобы читал. Эти письма, утверждает Недим, носили директивный характер².

Несколько иначе этот эпизод осветил А.С. Айвазов: «В 1920 году Чобан-заде прибыл в Крым из Будапешта через Стамбул. Вместе с ним вернулся с учебы в Германии Мамут Недим. В Константинополе они провели две недели, имели переговоры с Джафером. Чобан-заде получил письмо Джафера (с предложением) принять на себя руководство Милли Фирка»³. Из этих двух версий больше доверия вызывает первая, поскольку Недим рассказывал как очевидец, а Айвазов передавал события с чужих слов. Айвазов мог не знать, что в Стамбул Недим, как и Чобан-заде, прибыл пароходом. Встреча с

Джафером состоялась скорее всего в Лозанне, где Чобан-заде провел достаточно долгое время, здесь же он получил мандат на руководство организацией для предъявления ее членам. Следует учесть и такое соображение: Лозанна в годы Первой мировой войны и после ее окончания являлась центром мусульманской эмиграции из России. Не случайно, что именно в этом городе в 1916 году прошел конгресс угнетенных народов России. Участники его требовали культурной и религиозной автономии, упразднения национальной дискриминации, изменения избирательной системы по выборам в Государственную Думу⁴. Здесь же вышла первая книга Дж. Сейдамета, описывавшая по горячим следам революционные события в Крыму⁵.

Чобан-заде, как видим, еще до того, как ступил на крымскую землю, оказался, может быть, помимо своей воли, втянутым в общественно-политическую борьбу. И все четыре года крымской жизни он был в эпицентре этой борьбы, занимая четкие патриотические гражданские позиции. Его общественная деятельность была направлена на служение народу, развитие образования и культуры, сохранение родного языка, обычаев и традиций. Высокий патриотизм, национальная сознательность и принципиальность — вот основные черты Чобан-заде как видного политического деятеля Крыма первой половины 1920-х годов. При этом следует учесть чрезвычайно сложную обстановку, в которой он жил, необходимость сочетать твердость с гибкостью, непреклонность с умением идти на разумные компромиссы, толерантность к инакомыслящим. Трудность состояла как в объективных условиях (разруха, голод, большевистский террор), так и в субъективных моментах, прежде всего узости массовой базы, непоследовательности единомышленников, раздорах и склоках.

Чобан-заде как руководителю Милли Фирка, назначенному волевым решением прежнего лидера, предстояло завоевать авторитет своих коллег, наладить контакты с новыми властителями, ибо после его возвращения в Крым (точной даты мы не знаем) спустя короткий период в 2—3 месяца на смену Врангелю пришли красные комиссары и чрезвычайки. Как изменить тактику, как сохранить организацию, как и что делать в совершенно новых условиях? Прежде чем рассказать о том, как на эти вопросы ответил Чобан-заде, остановимся вкратце на предыстории Народной партии Милли Фирка⁶.

Подробная история этой организации крымскотатарской интеллигенции остается неизвестной. Беспристрастный научный анализ следственного дела

1928 года, состоящего из 48 томов, до сих пор не сделан⁷. Собственно говоря, в этом не вина историков; дело в том, что эти материалы по-прежнему считаются засекреченными и исследователям не выдаются. Тем не менее, в нашем распоряжении имеется достаточно документации, чтобы составить о Милли Фирка самое общее представление. Речь конкретно идет о найденной автором в Архиве ГУ СБУ в Крыму аналитической справке, составленной военными прокурорами в 1958 году, то есть спустя 30 лет после описываемых явлений. Несмотря на лаконичность и свойственную эпохе фразеологию, этот документ отличается взвешенным подходом и объективностью.

Справка начинается экскурсом в прошлое: Милли Фирка (дословно — **Народная партия**) организовалась в июле 1917 года и поставила перед собой задачу создания в Крыму татарской национально-демократической республики. «С утверждением в Крыму Советской власти в 1921 году (правильно — в 1920 году) Милли Фирка встала официально на платформу признания Советской власти и тогда же поставила вопрос о ее легализации, но в этом ей было отказано. Члены Милли Фирка проникли в советский аппарат и стали занимать руководящие посты». Этот пассаж требует некоторых уточнений: советская власть установилась в ноябре 1920 года, когда войска Фрунзе заняли полуостров, «проникли» в аппарат — это, конечно, грубая натяжка. Миллифирковцы не проникли, а были приглашены на работу из-за отсутствия у новых властей квалифицированных кадров. Об этом будет подробно сказано ниже.

Нас интересует вопрос о роли и месте Чобан-заде в этой патриотической организации. В справке приведены слова одного из обвиняемых, который на допросе показал, что руководящее ядро Милли Фирка состояло из следующих лиц: Чобан-заде Б. (председатель), Озенбашлы А. (председатель после отъезда Чобан-заде в Баку), Одабаша А.А., Вели Ибраимова, Чапчакчи, Хайсеров, Хаттатова (был председателем до Чобан-заде), Айвазова А.С. Наличие в этом списке двух лиц (Ибраимова, Хайсеров) вызывает определенные сомнения, ибо оно противоречит другому, совершенно аутентичному документу.

Речь идет о «Докладной записке татарской народной партии Милли Фирка Крымскому революционному комитету» от 25 ноября 1920 года. Прошло только десять дней после занятия Крыма советскими войсками, и вот подготовлен программный документ, в котором обосновывается необходимость сотрудничества с новой властью и очерчены функции

организации в изменившихся условиях. Докладная записка весьма пространна, поэтому ограничусь ее основными положениями. Вначале говорится о близости между большевизмом и общественными идеалами Милли Фирка. «Милли Фирка является, во-первых, отражением мусульманской общественной совести, восставшей против гнета, эксплуатации, унижений и оскорблений мировым капиталом мусульманского мира, а во-вторых, жизненным путем к последнему переходу от капиталистического хозяйства к коммунально-коллективистическим отношениям». (Замечу в скобках, что этот тезис подхватил и развил М. Султан-Галиев).

Затем следует абзац о том, что «естественными противниками европейского империализма и капитализма являются две крупные силы» — Советская Россия и «с каждым днем возрастающий революционный напор в поработанном мусульманском мире». Далее идут весьма убедительные рассуждения о том, что сотрудничество необходимо не столько Милли Фирка, сколько новой власти, так как ей «...нужны работники в деле организации экономической структуры общества (совершенно сегодняшняя терминология. — Д.У.) в направлении перехода от капиталистического строя к коллективизму на трудовых основаниях». Таких работников, такую созидательную силу может дать интеллигенция, вышедшая из недр народа и хорошо знающая быт, психологию и традиции широких масс.

Свою верность народному делу Милли Фирка доказала своей историей, в документе подробно говорится об итогах ее деятельности за три года существования. Ощутимые достижения имеются в области народного просвещения: «В то время как разруха сквозила во всех областях краевой жизни, татарский народ до Февральской революции не имел ни одной светской школы выше первоначального типа. Милли Фирка в течение трех лет удалось создать по одному высшему начальному училищу в каждом уезде Крыма; татарскую женскую учительскую школу в Симферополе, татарское среднее художественное училище и учительскую семинарию в Бахчисарае, реформировать татарскую Бахчисарайскую высшую духовную семинарию Зинджирлы медресе, вводя туда гуманитарные науки, естествознание, что в мусульманском обществе достигается после слишком упорной борьбы с фанатическими предрассудками». Еще одна новаторская идея брошена в конце документа: на Востоке движущей силой революционного процесса и общественного прогресса является местная интеллигенция.

Надеясь, что все вышеприведенные аргументы убедят крымских большевиков, Милли Фирка выдвинула три предложения: легализовать организацию, передать в ее ведение религиозно-просветительские дела и управление вакуфов, наконец, разрешить издание газеты «Миллет», запрещенной белогвардейцами, а также литературных и научных журналов и книг⁸.

Через пять дней обращение Милли Фирка рассмотрел областком партии, который полностью его отклонил: большевики ни с кем не желали делиться властью. Милли Фирка была объявлена «вредным и ненужным пережитком». Более того, было решено начать против нее устную и печатную агитацию, а руководителю ведомства просвещения Исмаилу Фирдевсу было поручено написать разоблачительную брошюру⁹.

Вернемся немного назад и еще раз внимательно посмотрим на обращение Милли Фирка в ревком. Нас интересует персональный состав подписавших этот документ людей. За Председателя Центрального Комитета расписался Д. Хаттатов, затем следуют подписи членов ЦК — Айвазов, Чабанзаде Б.Г. (так в тексте. — Д.У.), за ним Чапчакчи, Одабаш, С.У. Таракчи, еще две неразборчивые подписи, одна из которых, похоже, принадлежит А. Озенбашлы. Впрочем, это не столь важно. Вызывает недоумение то, что председателем еще остается Хаттатов, хотя с мандатом на этот пост прибыл Чобан-заде. Отсюда можно сделать вывод, что смена руководства Милли Фирка, несмотря на указания Джафера Сейдамета, не прошла сразу и безболезненно. Очевидно, что только после того, как руководители партии убедились в деловых и моральных качествах заграничного посланца, ему доверили пост главы организации. Чобан-заде в самом деле очень быстро завоевал авторитет как среди своих единомышленников, так и у руководящих деятелей советского режима.

Несмотря на отказ от легализации Милли Фирка, заправила ревкома и областкома были вынуждены прибегнуть к сотрудничеству с местной крымскотатарской интеллигенцией. Документы той эпохи переполнены заявлениями о слабости коммунистов, невежестве и некомпетентности советских чиновников в Крыму, которых поразили две болезни — повсеместное пьянство и взяточничество. В Москву идет информация о «крайней слабости местных татар-коммунистов», о том, что они «не пользуются среди татарского населения влиянием, на местах никакой организаторской работы не ведется». «Работа среди татар слаба, — читаем в

другом донесении. — Коммунисты-татары политически слабо развиты»¹⁰.

Стабилизация и укрепление новой власти в значительной мере зависели от отношения к ней крымскотатарского населения. В подготовленном в обкоме партии документе «О работе среди татар» эта мысль сформулирована вполне определенно: «В Крыму работа среди татарского (большинства крымской деревни) населения есть наиважнейшая и значительнейшая задача для компартии». Обращает на себя внимание употребление двух прилагательных в превосходной степени — в сухом канцелярском стиле партаппарата такое встречается крайне редко. В документе далее сказано: «Работа среди татар является тем мерилом, которым определяется крепость и стойкость диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства»¹¹.

Как в Москве, так и в Крыму понимали, что завоевать поддержку крестьянских масс можно лишь привлекая на свою сторону интеллигенцию, авангардом которой была Народная партия. «Она была единственной группой, могущей выполнять роль связи Советов с массами», — утверждалось в одном официальном решении¹². В те годы, вспоминал крымский партдеятель, «... миллифирковцы являлись единственной работоспособной группой»¹³.

Чтобы привлечь на свою сторону массы крымскотатарского народа, нужно было опереться на интеллигенцию — такова была установка центральных властей. Официальная трактовка Милли Фирка в агитпропе ЦК была близка к истине: «организация татарской интеллигенции народнического типа». Она пользуется поддержкой многочисленного учительства, поэтому партийные идеологи ставят следующую задачу: «Самым активным элементом после молодежи является татучительство, которое необходимо было завоевать и через него распространить свое влияние на татмассы»¹⁴.

Именно так был сформулирован один из пунктов порядка дня заседания областного татарского бюро 9 января 1921 года «О привлечении татарской интеллигенции как технической силы на советское строительство». Решение было кратким — мобилизовать татарскую интеллигенцию как на техническую, так и на культурно-просветительскую работу и на борьбу с неграмотностью¹⁵.

Эта задача возлагалась на специально созданный орган в системе отдела народного образования Крымревкома, который получил название татарского подотдела и который возглавил Б. Чобан-заде. Именно он стал организатором созидательной работы в области просвещения и культуры в эти месяцы террора, голода и разрухи. Кроме того, жестокие репрессии и

грабежи привели к отторжению крымских татар от новой власти, а поэтому интеллигенция не откликнулась на призывы к сотрудничеству.

Большевики практиковали политику «кнута и пряника», сочетая угрозы со всевозможными обещаниями. Характерна тональность редакционной статьи в областной газете «Красный Крым»: «Интеллигенция в строительстве новой жизни не принимает никакого участия... Татарская интеллигенция не пользуется теми возможностями, кои предоставлены ей для работы Советской властью, саботирует... Этому должен быть положен конец. Татарская интеллигенция должна быть привлечена к работе в культурно-просветительном направлении в силу трудовой повинности принудительным порядком. Недавно татарским подотделом Крымнаробраза была объявлена регистрация этой интеллигенции. К ее стыду, явилось всего несколько человек, но их нельзя было заставить работать, ибо возложенную на них обязанность они не исполняют»¹⁶.

Уже в апреле 1921 года под влиянием Чобан-заде и других деятелей Милли Фирка происходит изменение отношения властей к татарскому населению. Та же газета, которая недавно призывала к мерам принуждения, выступает против шовинизма и требует уважительного отношения к татарской интеллигенции: «Мы должны всемерно стремиться к умелому и организованному использованию в советской работе всех честных и доказавших свою преданность советскому строю татарских интеллигентов, а это ставит перед нами вопрос о примыкающей к Милли Фирка (лево-народническая татарская группировка) татарской интеллигенции»¹⁷. Следует обратить внимание на эту оценочную характеристику Милли Фирка — **лево-народническая**, поскольку позже будут употребляться совершенно иные слова. Крымревком во главе с Бела Куном, весной 1920 года приговоренным в Венгрии к смертной казни за преступления во время 4-месячного правления, теперь в Крыму установил настоящий оккупационный режим с массовыми казнями, реквизициями и жестоким национальным гнетом. Пройдет немного времени, и орган народного комиссариата по делам национальностей, во главе которого, как известно, стоял Сталин, резко осудит «русопятскую политику ревкома»¹⁸.

В Крым был послан специальный представитель этого учреждения З. Булушев с задачей «последовательной ликвидации всех остатков национального неравенства, восстановления прав коренного населения на землю»¹⁹. Несколько позже для исправления ситуации в Крым придет

полномочная комиссия ВЦИК и Совнаркома во главе с Ш.Н. Ибрагимовым²⁰.

В Москве постоянно обращали внимание местных руководителей на международный аспект советизации Крыма. Успех в этом деле превращал полуостров в рекламную витрину для экспорта большевистской революции в страны Востока, прежде всего — Турцию. «Нужно создать здесь такую образцовую Советскую Республику, которая имела бы влияние на Турцию, привлекла бы к себе трудящихся Турции»²¹.

В конце 1923 года крымские коммунисты рапортуют о своих успехах: «Мы создали в Крыму опытно-показательный сад... Плоды нашей работы из этого сада будут передаваться на Восток, в первую очередь в Турцию... где мы должны создать резервы международной революционной армии, которая в грядущих решительных битвах сокрушит господство мирового империализма»²².

Начало стремительной политической и служебной карьеры Чобан-заде совпадает по времени с пребыванием в Крыму всемогущего председателя ревкома Бела Куна.

В связи с этим долгое время муссировалось мнение о том, что они были между собой знакомы и даже будто бы Кун оказывал ему протекцию. Если Чобан-заде издавал в 1919 году в Советской Венгрии революционную газету «Шарк», как он об этом пишет в автобиографии, и если он действительно организовал интернациональный полк в Венгерской Красной армии, как утверждают некоторые биографы, тогда вполне вероятно, что Чобан-заде и Кун были не только знакомыми, но и единомышленниками.

Кун — интеллигентный человек, юрист, окончил университет, только не столичный, как Чобан-заде, а провинциальный, в трансильванском городе Клуж (венгер. Колошвар), на 13 лет старше крымчанина²³. Он, конечно, был бы польщен, если бы к нему на прекрасном венгерском языке обратился молодой крымский татарин, блестяще образованный, доктор филологии и поэт, обаятельный в манерах.... Однако это лишь фантастические предположения. Скорее всего, ничего такого не было. Мы помним, что газета «Шарк» не выходила, полка Чобан-заде не создавал, да и характер Куна — человека жестокого, узкого догматика — не толкал его к светским беседам. Но главное в другом: пока не найдены документальные подтверждения, говорить о контактах между Куном и Чобан-заде нет оснований.

Между тем режим чрезвычайного положения в Крыму исчерпал себя, ревком выполнил свои карательные функции, и в середине ноября 1921 года

собрался Всекрымский учредительный съезд Советов. Он провозгласил Крым автономной республикой, избрал высший законодательный орган — Центральный исполнительный комитет (ЦИК) в составе 50 членов. Среди них — лидеры Милли Фирка Амет Озенбашлы, Бекир Чобан-заде, Халил Чапчакчи, а также У. Боданинский — директор Бахчисарайского дворца-музея. Кандидатом в члены ЦИК был избран Хаттатов. В правительство Крымской АССР — Совет народных комиссаров (СНК) — вошли три крымских татарина, в том числе Чапчакчи — нарком здравоохранения. Ведомство просвещения возглавил казанский татарин К. Хамзин²⁴. Новый руководитель, в отличие от Фирдевса, получил только домашнее образование, что на языке того времени означало низшее, и еще больше предшественника нуждался в советах и помощи своих компетентных сослуживцев. Другими словами, зависел от Чобан-заде, директоров педагогических учебных заведений Озенбашлы и Одабаша. Заметим, кстати, что Одабаш, как до него Чобан-заде, был принят на службу в Наркомпрос и занял ответственный пост.

Руководители крымских коммунистов, негласно признавая авторитет Чобан-заде как лидера беспартийной татарской интеллигенции, постоянно приглашали его на свои заседания и совещания, внимательно слушали его доклады и выступления. Так, на совещании местных татарских секций, которое состоялось в январе 1921 года в Симферополе, «по Наробразу докладывал тов. ЧАБАН-ЗАДЕ». К сожалению, в деле нет ни изложения доклада, ни принятого решения²⁵. В начале мая того же года татарская секция областкома партии обсуждала вопрос о проведении конференции коммунистов татар Крыма. Было решено: «В качестве гостей разрешить участвовать на конференции двум представителям от татарских рабочих организаций и заведующему татарским подотделом Наробраза т. Чабан Заде»²⁶. Нет сомнения, что Чобан-заде присутствовал как представитель ведомства просвещения лишь формально; все хорошо понимали, что приглашают **лидера** влиятельной патриотической организации Милли Фирка, которая хотя и не легализована, но активно участвует в строительстве будущей автономной республики.

Важным мероприятием, проведенным Народной партией и показавшим ее решимость отстаивать интересы крымскотатарского народа, была I Всекрымская татарская беспартийная конференция. Она состоялась 23—29 августа 1921 года в Симферополе и собрала до 700 делегатов. Ее работа и принятые решения «всколыхнули татарские деревни», как признавал

печатный орган обкома партии²⁷.

Народная партия и лично Чобан-заде провели большую подготовительную работу с тем, чтобы на конференцию были избраны национально сознательные представители народа. Через татбюро обкома удалось провести решение о привлечении на ответственные должности в советские учреждения работников крымскотатарской национальности. В коллегию наркомпроса были рекомендованы Чобан-заде и Одабаш, заместителем зав. здравоохранения Чапчакчи и членом коллегии к нему Озенбашлы (оба врачи по специальности), заместителем зав. собесом Исхакову, заведующим Госиздата Айвазова²⁸. Забегая несколько вперед, скажем, что эти предложения были выполнены лишь частично.

Партийное руководство Крыма, в свою очередь, играло на опережение и за десять дней до открытия конференции предложило ревкому, осуществлявшему тогда исполнительную власть, удовлетворить ряд требований Народной партии. Среди них следующие: издать постановление об объявлении крымскотатарского языка государственным наравне с русским, создать комиссию для вовлечения крымских татар в советский аппарат (другими словами, по татаризации), где Чобан-заде стал бы заместителем председателя, а членами — Озенбашлы, Чапчакчи, Хаттатов, Балич и др. Кроме того, президиум обкома партии признал возможным пополнить состав ревкома тремя крымскими татарами — Чобан-заде, Чапчакчи и Озенбашлы²⁹. Последнее предложение, угрожавшее поколебать монополию большевиков на власть, не было выполнено. Акулов и Поляков выдвигали его, очевидно, лишь как политический маневр.

Стенограмма и протоколы I Всекрымской конференции, к сожалению, не сохранились. Однако в фонде Крымревкома удалось найти несколько документов, принятых на ней, в частности — две резолюции: о земле и о Красной Армии. Обе они подписаны членами президиума конференции — Чобан-заде, Хаттатовым, Чапчакчи, Озенбашлы, Айвазовым, национал-коммунистами Вели Ибраимовым, Дерен-Айерлы, Баличем, а также председателем Полномочной комиссии ВЦИК Ш. Ибрагимовым. В первой резолюции с полным основанием сказано, что *земля есть вопрос жизни и смерти* для крымскотатарского народа: «Основным вопросом земельных отношений в Крыму является приостановка революционными мерами процесса вымирания коренного населения... Вымирание татар... является прямым следствием завоевания Крыма и колониционной политики России,

приведшей к полному обезземелению татар, вытеснению их из района лучших земель и к изгнанию их в леса, горы и ряды городских нищих». Резолюция требует удовлетворить земельные нужды крымских татар за счет государственного фонда и совхозов, «... сосредоточивших в своих руках сотни тысяч десятин лучшей земли».

Во второй резолюции говорилось о желательности овладения военным искусством молодыми крымскими татарами, причем они должны служить в национальных частях Красной Армии. Далее резолюция высказывала «твердое и неуклонное требование не выводить ни под каким видом татарские войсковые части из пределов Крымской Республики». Рядом с этой резолюцией находится копия заявления делегатов конференции Чапчакчи и Озенбашлы, которые были посланы в Москву с особой миссией. Они просили у Совета Труда и Обороны (СТО), возглавляемого Лениным, материальную помощь для борьбы против голода: один миллион товарами и еще один миллион валютой для закупки зерна³⁰. Ответа на прошение крымских делегатов не поступило. Напротив, крымские руководители скоро продемонстрировали свое неуважение к решениям представителей крымскотатарского народа. Созданная конференцией комиссия из 7 человек для проведения ее решений в жизнь была произвольно изменена обкомом партии — из нее был удален Зейнулла Булушев, представитель Наркомнаца РСФСР, а председателем назначен Селим Меметов, не пользовавшийся авторитетом у крымскотатарской интеллигенции. На письмо протеста, подписанное «семеркой», секретарь обкома Акулов наложил наглую резолюцию «Оставить без последствий»³¹.

Чрезвычайно активно и наступательно вел себя Чобан-заде на II-й Всекрымской татарской беспартийной конференции в начале мая 1922 года. В президиуме рядом с национал-коммунистами Дерен-Айерлы, Фирдевсом, Вели Ибраимовым, С. Меметовым места заняли Чобан-заде, Озенбашлы, Чапчакчи. Заседание открывается пением двух гимнов — «Интернационала» и патриотической песни на слова казненного большевиками Челебиджихана «Ант эткенмен» («Я поклялся»). Такое сопряжение двух идеологий символизировало начало эпохи крымскотатарского возрождения; гимны коммунистов и миллифирковцев прозвучали вместе в первый и последний раз.

С самого открытия конференции Чобан-заде вел себя как признанный политический руководитель, лидер авторитетной организации. Когда

поступило предложение дополнить предложенную повестку дня и заслушать вопрос о выполнении решений предыдущей конференции, а Фирдевс выступил против, Чобан-заде взял слово и сказал: «Я думаю, что узнать о результатах I-й конференции — законное право данной конференции, посему предлагаю содоклад к докладу тов. Гавена (председатель ЦИК Советов. — Д.У.) о привлечении татар к советскому строительству товарищей Озенбашлы и Чапчакчи, съездивших в Москву по этим вопросам». Сразу же поднялся блюститель порядка секретарь обкома Израилевич и добился выполнения линии партии: перед конференцией никто не должен отчитываться, поскольку она не есть государственный орган. Она «должна быть деловой» и не заниматься «чисто политическими вопросами». Так всем было показано, в чьих руках находится реальная власть в Крыму³².

Конференция заслушала доклады об участии крымских татар в советском строительстве и о борьбе с голодом. По второму вопросу конференция решила командировать своих представителей для сбора пожертвований среди балканских татар. Заседание конференции 5 мая проходило под председательством Чобан-заде³³.

Цитируемый выше документ, к большому сожалению, имеет дефекты, так как некий злоумышленник вырвал листы, протокол конференции прерывается на полуслове. Тем не менее сохранилось краткое, но яркое выступление Чобан-заде по международному вопросу. Оно позволяет узнать его внешнеполитические взгляды, которые, как это ни удивительно, поражают революционным романтизмом и склонностью к «экспорту революции». Это было сказано в разгар Генуэзской конференции, и разговор шел именно о ней. «По нашему мнению, — заявил Чобан-заде, — Генуэзская конференция была бы справедливой, если бы она открылась в одном из городов угнетенного Востока, например, в Ташкенте, или Каире, или в Асхабаде... Наше счастье не в конференциях, не в договорах, а в революциях и войнах. Я вполне солидарен с тов. Израилевичем, который указал на готовность Красной Армии к новым состязаниям»³⁴. Концовка речи Чобан-заде, встреченная аплодисментами, состоит из призыва «освободить Восток путем революции, восстания и войн». После таких слов нельзя не вспомнить, что Израилевич, вызвавший такой революционный порыв у Чобан-заде, как и другие партийные вожди Крыма (Гавен, Саид-Галиев, Уфимцев) вскоре будут объявлены троцкистами и удалены с политической арены, а впоследствии расстреляны.

Крымские коммунисты держались в мае 1922 года так уверенно потому, что с помощью деятелей Милли Фирка переломили социально-экономическую и политическую ситуацию и дела в Крыму пошли на поправку. А ведь совсем недавно, с весны 1921 года, обстановка была чрезвычайно тяжелой, можно сказать, *катастрофической*. Общественно-политическую деятельность Чобан-заде следует рассматривать в контексте эпохи, поэтому нельзя не сказать о двух явлениях, грозивших уничтожить не только советскую власть, но и все население Крыма, — голоде и политическом бандитизме, тесно связанных друг с другом.

Архивные документы сообщают потрясающие факты и цифры. В Москву идут панические сообщения: «бандитизм принял колоссальные размеры», «катастрофическое положение Красной Армии», «крестьяне на почве возрастающего голода относятся враждебно к советской власти», «запасов хлеба осталось на один месяц. За ноябрь (1921 года) поступило 108 тыс. пудов из Украины при месячной потребности 300 тыс. пудов. Севастопольские печатники 2 месяца не получают жалования, готовится забастовка»³⁵.

Если поначалу местная печать пыталась скрыть реальное положение с отсутствием продовольствия, то уже с осени 1921 года «Красный Крым» и «Новый мир» (на крымскотатарском языке «Ени дунья» в тогдашней транслитерации) помещают целые страницы о борьбе с голодом. «Генеральный бой голоду!» — кричит заголовок на первой полосе «Красного Крыма»³⁶. Появляется постоянная рубрика «Борьба с голодом». Вот номер за февраль 1922 года — много информации из различных городов и районов; Ялта: «Голод принимает ужасающие размеры. Население выкапывает для еды травы и посадки картофеля и чеснока. Вырываются также фруктовые деревья и виноградники (для отопления)». Общий вывод газеты: «голод усиливается»³⁷. В обзорной справке Крымского обкома партии за 1922 год, направленной в ЦК, приводятся такие цифры: в прошлом году сельскохозяйственной продукции собрано в семь раз меньше, чем в 1916 году. В октябре—ноябре 1921 года было 225 тыс. голодающих, из них 100 тыс. детей. Затем следует фраза, которую невозможно читать без содрогания: «Всей тяжестью голод ложится на татарское население горных районов Крыма и беднейшее население городов. В 1921 году от голода случилось 100 тыс. смертей, преимущественно татарского населения»³⁸. «Это вымирание целой нации», — свой приговор выносит центральная газета³⁹.

Можно привести еще несколько малоизвестных цифр. На начало мая 1922

года голодающих в Крыму 400 тыс. и около 75 тыс. погибших от голода. Председатель комиссии ЦИК по борьбе с голодом (Помгол) Израилевич приводит другие данные: в Симферополе голодает 25 тыс. человек, в Карасубазарском районе — до 30 тыс. человек⁴⁰. Больше всего голодали — и на этом сходятся все документальные источники — крымские татары: «Татарское население голодает в количестве 90 процентов, русские — 75 процентов»⁴¹.

От общих цифр перейдем на индивидуальный уровень восприятия голода 1921—1922 годов и послушаем рассказ двух крымских интеллигентов. Один из них, преподаватель местного университета, пишет 1 ноября 1921 года своему другу: «Я живу плохо, голодаю и ... почти что побираюсь. Жалование платят неаккуратно и такое маленькое, что его хватает только на один день». Вот отрывок из другого письма (май 1922 года): «Зарплата не выплачивается по 6—8 месяцев. Никто не идет работать на 6—8 миллионов, в то время как стоимость хлеба 200—250 тыс.» (за фунт, очевидно. — Д.У.)⁴².

Общие цифры людских потерь от голода, как видно из приведенных выше данных, противоречивы. Это объясняется, с одной стороны, плохо налаженной демографической статистикой. С другой стороны, администрация стремилась иногда преуменьшить, а нередко — и преувеличить потери из желания или скрыть глубину катастрофы или, напротив, получить продовольственную помощь в большем размере. Только спустя пять лет после трагедии более или менее корректные подсчеты были даны в статье Б.П. Вологодина в юбилейном сборнике⁴³. Он считает, что сокращение численности населения Крыма под влиянием голода 1921—1922 годов достигло 21 процента. В абсолютных цифрах это 150 тыс. человек, из которых погибли 100—110 тыс., выехали за пределы Крыма около 50 тыс. человек.

Ко всему сказанному нельзя не добавить, что последствия неурожая были усугублены бесчеловечной политикой властей, продолжавших выкачивать из Крыма зерно путем продразверстки. Самое странное и чудовищное состоит в том, что орган обкома партии в конце марта 1921 года выходит с ежедневным «горячим» призывом сдавать хлеб государству: «Хлебная разверстка не выполняется. Из двух миллионов пудов собрано только 947 тыс. (42,4 %). Нужно сдать во что бы то ни стало остальное. А рядом сообщения о том, что под гром пушек восставшего против большевиков Кронштадта съезд партии вообще отменил разверстку⁴⁴. Но Крым живет по законам оккупационного времени, и хлеб у голодного крестьянина чекисты и красноармейцы

продолжают выгрывать вплоть до семян будущего посева.

На V областной партийной конференции (ноябрь 1921 года) многие делегаты прямо говорили, что выкачка хлеба приняла прямо-таки характер грабежа, с применением всех испробованных в других губерниях репрессивных методов — арестов с передачей дел в ревтрибунал, конфискацией, реквизицией имущества. Изымался весь семенной материал: «Триста тыс. пудов семенного материала совсем не засеяли»⁴⁵. Изъятие зерна у крестьян, как считал Фирдевс, стало главной причиной массового голода. Кроме того, Крым поздно был включен в число голодающих районов (только 4 февраля 1922 года ВЦИК признал Крым голодающим), поэтому он долго не получал продовольственной помощи. Проведение новой экономической политики было задержано до осени с тем, чтобы собрать полностью продразверстку 1921 года. С нею, вспоминал Фирдевс, вышел большой скандал: «Сообщено было в Москву, что ожидается от продразверстки до 9 млн пудов хлеба, а собрали при чрезвычайном нажиме карательных органов до 350 тыс. пудов». Из-за этих мифических 9 миллионов центральные власти и отказывались включить Крым в число голодающих губерний. «Крым же был признан голодающим слишком поздно... Когда последствия голода выявились в ужасающих размерах. Можно смело утверждать, что нигде голод не принял таких острых форм, как в Крыму, потому что к нему не были совершенно подготовлены»⁴⁶. Слово «нигде» Фирдевс сказал напрасно, потому что в Поволжье это бедствие по своим масштабам и последствиям намного превышает его крымский вариант. От голода и вызванных им болезней там вымерло свыше 5 млн человек. Подсчитано, что беспризорных детей в Поволжье и Крыму осталось около 2 млн. В новейшем исследовании автор приходит к выводу: ответственность за эту гуманитарную катастрофу целиком ложится на бесчеловечную политику кремлевского руководства⁴⁷.

Председатель Крымского ЦК Помгола Ю. Гавен, выступая на VI областной партийной конференции (март 1922 года), привел ужаснувшие всех цифры: число голодающих достигло 500 тыс. человек, а это составляет 65 % всего населения. Затем Гавен уточнил: «Голод постиг главным образом южный район Крыма, который не был хлеботородным... Настоящий голод мы начали чувствовать в декабре, но уже в январе голод стал выражаться в таких формах, что не только сотни, но и тысячи умирали от голода. Так, в январе месяце в Крыму умерло до 10000 человек, в феврале до 15000, а в марте эта цифра должна утроиться». Особенно страдало крымскотатарское население

предгорного и южного Крыма. Гавен так описывает его состояние: «Крымские татары так связаны со своей деревней, что даже голод не может выгнать их оттуда, и они спокойно умирают в своих деревнях»⁴⁸.

Дело, однако, обстояло не совсем так. Крымские татары не умирали *спокойно*, как живописует Гавен, а брались за оружие. Кроме того, они сидели в своих деревнях не из-за присущего мусульманам фатализма, а по причине установления заградотрядов, блокировавших наиболее пострадавшие районы, они находились фактически в **осаде**. Вот отрывок из жалобы ялтинцев, которых лишили возможности обменивать сельхозпродукты на хлеб: «Власти ввели запрет на продажу табака... не давали никому свободы провоза, продажи и товарообмена и свободы личного передвижения... Собрание видит причину бедствия главным образом в действиях власти, которые привели и продолжают приводить к беспредельному понижению цены наших продуктов и к бесчисленным стеснениям закупки и провоза предметов питания из-за границы с Кавказом и с Украины»⁴⁹.

Как для самих голодающих, так и для современных историков ясно, что голод лишь отчасти был вызван природным бедствием — засухой, в действительности он стал последствием соответствующей политики. Однако партийная пропаганда целиком перенесла ответственность на стихию, стараясь таким образом снять вину с местных и центральных властей. Об этом красноречиво свидетельствует заметка в газете «Правда»: «Благодатный Крым постиг в минувшем году небывалых размеров неурожай, последствия которого превзошли все опасения. Вследствие полного отсутствия в Крыму каких бы то ни было запасов хлеба, голод в буквальном смысле этого слова наступил во многих районах раньше, чем его можно было ожидать. Не говоря уже о южном побережье Крыма, где в хлебе всегда был недостаток, голод захватил также степные районы. Голодают почти 300000 взрослых и 13000 детей... Все ужасы Поволжья имеются налицо в Крыму: целиком съеден весь скот и лошади, сельское население покидает свои жилища и наводняет города, процент смертности прогрессивно растет»⁵⁰.

Вначале ревком создал Крымский комитет помощи голодающим в Поволжье (9 сентября 1921 года). Его цель: «мобилизовать крымское население на борьбу со стихийным бедствием, охватившим несколько поволжских губерний». В его состав вошли видные общественные деятели Крыма, список открывает А.С. Айвазов и ректор университета А.А. Байков, затем следует проректор С.С. Салазкин, писатель В.В. Вересаев, Чобан-заде,

Хаттатов⁵¹. Вскоре, однако, настала пора заняться собственными делами, и 1 декабря КрымЦИК создал особый орган — Центральную комиссию помощи голодающим (Помгол) во главе с секретарем обкома Израилевичем, замененным позже Гавеном. В ее состав вошли как видные национал-коммунисты (С. Меметов, У. Ибраимов), так и представители беспартийной общественности (Б. Чобан-заде, Айше Исхакова, А.С. Айвазов). Правда, несколько позже мужественную женщину-общественницу, отличившуюся своим патриотизмом в событиях 1917—1918 годов, местные большевики пытались изгнать из этой комиссии⁵². В Москву, в президиум Помгола ВЦИК, была отправлена докладная записка с просьбой о немедленной помощи: «Голод, подобно Поволжью, охватил весь Крымский полуостров. Смертность от голода в городах и селениях Крыма увеличивается так быстро, что нет никакой возможности справиться с этим несчастьем собственными силами... В данный момент голодает 260000 взрослого населения и 113000 детей». Крымчане высказывали пожелание выделить средства хотя бы на организацию столовых для голодающих детей, поступающий продналог оставить на месте. Наконец, просить Американскую администрацию помощи (АРА) прислать в Крым комиссию для ознакомления с ситуацией⁵³.

Чобан-заде, как и его ближайшие соратники, с самого начала со свойственной ему энергией включился в работу Крымского Помгола. Его самоотверженная деятельность была замечена, и при очередной реорганизации ЦК Помгола он был избран членом президиума ЦК; вместе с ним избраны О. Дерен-Айерлы и бахчисарайский педагог Мамут Рефатов⁵⁴. Вскоре Чобан-заде в качестве представителя ЦК Помгола введен в правление Крымского совета сельскохозяйственной кооперации и в посевком⁵⁵. В состав первой организации он направлен для контроля и улучшения работы, так как на одном из заседаний ЦК Помгола резко критиковал недостатки в ее деятельности. Чобан-заде прямо заявил, что «в деревне она не пользуется никаким авторитетом» и поэтому нельзя ей передавать организацию общественного питания для голодающих⁵⁶. В октябре 1922 года Чобан-заде ходатайствует об отпуске средств для питания студентов педагогического техникума в Тотайкое. Когда из Феодосии поступила информация о порче мяса, предназначенного голодающим, Чобан-заде было поручено выехать на место для расследования и наведения порядка⁵⁷. Айше Исхакова в то же время организовала и провела неделю помощи голодающим, собранные продукты и вещи были сданы в детские сиротские приюты⁵⁸.

Что касается Айвазова, то он оставался в Турции еще несколько месяцев после окончания официальной миссии и возвращения Мамута Недима в Крым. Он организовал здесь комитеты помощи голодающим в Крыму в различных городах и селениях, публиковал в местной прессе агитационные статьи, помогал в работе советского политического представительства⁵⁹ (подробнее о работе крымской делегации см. ниже). Уже в мае 1922 года он сообщает в Крым о том, что правительство в Анкаре, находясь в состоянии войны с Грецией, согласилось принять на иждивение 10 тыс. крымских детей старше восьми лет⁶⁰. Несколько позже из Стамбула прибыла 1 тыс. мешков с зерном⁶¹.

Помощь голодающему Крыму предоставили многие правительства и международные организации. РСФСР оказала помощь в виде 300 тыс. пудов семенной ссуды. Из Грузии поступило 56 тыс. пудов муки и 1 тыс. пудов риса из Азербайджана. За счет ВУЦИК (Украина) питались 10 тыс. крымских детей, а дети Джанкойского и Евпаторийского округов — за счет Папы Римского⁶². В мае 1922 года в Крыму начала работать Американская администрация помощи, она планировала отпустить голодающим 150 тыс. пайков. Спустя некоторое время Э. Фоксу, представителю АРА, было направлено письмо с просьбой увеличить в срочном порядке количество детских пайков с 50 тыс. до 100 тыс., а также предоставить 75 тыс. пайков для взрослых⁶³. Кроме названных, помощь голодающим Крыма оказывали комитет Ф. Нансена, объединявший 17 зарубежных благотворительных организаций, Межрабпом при Коминтерне, еврейская организация Джойнт, английские профсоюзы, голландские и немецкие меннониты⁶⁴. В таких условиях патриотически настроенная крымскотатарская интеллигенция не могла сидеть сложа руки. Она принимала активное участие во всех мероприятиях, связанных с помощью голодающим. Важным мероприятием, направленным на ликвидацию тяжких последствий голода, была посылка делегации в Турцию с просьбой об оказании финансовой и продовольственной помощи. В состав делегации вошли член КрымЦИКа Мамут Недим, редактор крымскотатарской газеты, и хорошо известный в этой стране сотрудник коллегии переводчиков А.С. Айвазов, бывший в 1918 году дипломатическим представителем крымского краевого правительства в Стамбуле. По воспоминаниям Недима, крымская делегация пребывала в стране 40—45 дней, встречалась с президентом Мустафой Кемалем, председателем Национального собрания Рауф-беем, министром иностранных дел⁶⁵. Айвазов проявил себя с самой

лучшей стороны, за что заслужил благодарственное письмо советского посла С. Аралова⁶⁶.

Определенную роль сыграл Чобан-заде и его единомышленники в замирении Крыма, охваченного в 1921—1922 годах политическим бандитизмом или, по терминологии той эпохи, «зеленым движением», которое, в сущности, было *антисоветской партизанской борьбой*. В ней участвовали как русские, так и крымские татары, а также представители других национальностей. Если учитывать реальное соотношение сил, то нельзя не признать, что это движение не имело никаких шансов на успех и, следовательно, носило деструктивный характер. Большевики с ним боролись присущими им методами, проверенными в Кронштадте, на Тамбовщине и в других местах, — путем безжалостного и кровавого подавления вооруженной силой. И это неудивительно, так как во главе крымских силовых структур стояли профессиональные боевики-террористы Гавен, Манцев, Ротенберг, Реденс, Шварц, Якир. К этому списку следует добавить и Вели Ибраимова, недавно вернувшегося с Северного Кавказа, где под руководством Н. Самурского (Эфендиева) он участвовал в жестоком подавлении восстания горцев в Дагестане. Теперь, будучи членом коллегии КрымЧК, он становится председателем особой тройки по борьбе с бандитизмом. Позже он ставил себе в заслугу опыт карателя. «В 1921—1922 годах были банды огромных размеров... Нередко вместе с кулаками мы расстреливали и бедняков»⁶⁷. В районах по селам власти через органы ГПУ создавали «самосудные комиссии» (тройки), имевшие право жизни и смерти. Нельзя без омерзения читать большой очерк под характерным заглавием «Выведение в расход», опубликованный в партийном органе по материалам чрезвычайной тройки по борьбе с бандитизмом при полномочном представительстве ОГПУ в Крыму. Автор прямо-таки с каннибальским сладострастием живописует страдания обреченных людей⁶⁸.

Взгляд на Крым как на завоеванную страну привел к реставрации на его территории отвергнутых в других местах форм и методов управления. Один из крымских деятелей той поры, более грамотный, чем другие, так объяснял этот возврат к военному коммунизму и «чрезвычайщине». Военный коммунизм, сказал он, совершенно не нужен был Крыму, которому не угрожала никакая внешняя военная опасность. Именно он, «усугубленный крайне неудачным красным террором и бессмысленной местью мирному татарскому населению за антисоветские выступления в 1918 году, создал почву для развития бандитизма»⁶⁹.

Нет необходимости пространно доказывать взаимосвязь голода с политическим бандитизмом. Об этом пишут все участники тех страшных событий. Фирдевс впоследствии вспоминал: «... восстание части татар южного берега Крыма было моментом ужаса инстинкта самосохранения»⁷⁰. Более подробно эту точку зрения развивает Р. Ногаев, бывший некоторое время наркомом юстиции и прокурором республики: «Голодный люд присоединился к бандитам... ради спасения своей жизни стал на путь краж скота, барашек и птиц, и всего того, что обеспечивало ему жизнь еще на несколько дней». Далее он поясняет обстановку: «Советская власть не могла сама справиться с этим явлением без поддержки самого населения. Да вообще трудно было законными мерами, арестами и судом остановить *стихийное движение голодного люда* (выделено мной. — Д.У.)». Чтобы остановить одно зло, на него спустили другое, еще более жестокое. Выражаясь метафорически, это был **огонь, пожирающий огонь**; назывался он самосудом (в лексиконе эпохи — «чрезвычайные тройки»). «Крестьянские общества, вышедшие из колеи правопорядка, в связи с голодом начали самостоятельно расправляться, помимо власти суда, со всеми теми, кто систематически занимался кражей в деревнях... Каждая деревня начала сама расправляться с пойманными преступниками»⁷¹.

Это был первый, низший уровень бандитизма, точнее, обычная уголовщина на почве голода. Кроме нее существовал политический бандитизм на более или менее отчетливо выраженной антисоветской платформе. В 1921—1922 годах, говорил позже Вели Ибраимов, бывший председателем центральной чрезвычайной тройки, были банды огромных размеров (до 400 и более человек). В лесу скрывалось до 5 тыс. бойцов антисоветских формирований⁷².

Для подавления партизанского движения в Крым были стянуты огромные воинские силы. Причем красноармейцы были почти в таком же бедственном положении, что и крестьяне, — голодны, разуты, больны, лошади не кормлены. Вот, например, несколько штрихов из политсводки 3-й дивизии: «Снабжение продовольствием с каждым днем ухудшается, некоторые части получают только хлеб и четверть фунта хамсы... Настроение подавленное. Замечаются массовые заболевания от недоедания... Население и местные власти относятся враждебно»⁷³.

Естественно, такое воинство дисциплину соблюдало с трудом. Нередки были случаи мародерства, грабежей, взятия заложников (например, в д. Улу-

Узень). Из Бахчисарая сообщали, что карательные операции приобретают шовинистический, антитатарский характер. Проводятся аресты без всякого основания, реквизируют продукты, вещи, даже мебель⁷⁴. В Севастополе было не легче; один из выступавших на VI областной партконференции сказал: «Тюрьмы переполнены, но отпущено только 30 пайков, остальные заключенные обречены на гибель... Если будет и дальше так продолжаться, то мы взлетим на воздух»⁷⁵. Более дальновидные руководители понимали, что партизанское движение нельзя победить только насилием, нужны политические решения. Командовавший войсками в Крыму И.Э. Якир издал директиву, в которой, в частности, сказано: «Задачу борьбы с бандитами и бело-зелеными нельзя успешно разрешить только методами полевой войны». Предлагалось прекратить несанкционированные конфискации, изъятия и реквизиции, одним словом, грабежи⁷⁶.

В таких условиях национально сознательная крымскотатарская интеллигенция стремилась скорее прекратить братоубийственную бойню путем переговоров. Чобан-заде, например, как публично, так и в частных беседах с влиятельными национал-коммунистами (Фирдевсом, Дерен-Айерлы, Меметовым, О.З. Бекировым, Недимом) защищал идеи милосердия, амнистии, частичного удовлетворения требований повстанцев. С трудом эти гуманные предложения пробивали себе дорогу.

Наиболее авторитетные деятели Народной партии (Хаттатов, Айвазов, Чапчакчи) лично участвовали в переговорах о сдаче с командирами боевых отрядов. В июле прекратил сопротивление действовавший в районе Ялты отряд Мустафы Курбы⁷⁷. Много сделали для умиротворения Крыма также Ш. Ибрагимов и Вели Ибраимов. Последний, правда, полагался не столько на силу слова, сколько на мощь оружия.

Вообще надо заметить, что отношения между национал-демократами (Чобан-заде, Озенбашлы, Чапчакчи, Одабаш, Айвазов) и национал-коммунистами были чрезвычайно сложными и противоречивыми. В зависимости от конкретного дела или решаемой проблемы они становились или врагами, или союзниками. Динамика «сближения — отталкивания» в своеобразном преломлении видна из дискуссии на совещании татарских партийных работников 28 марта 1923 года. Обсуждался отчет руководителя татбюро обкома партии Дерен-Айерлы, однако помимо его желания в центре дебатов оказался вопрос об отношении к «националистам» (так на большевистском новоязе именовалась беспартийная интеллигенция,

миллифирковцы). Заявление Дерен-Айерлы «При нашем слабом культурном уровне мы вынуждены были использовать их» вызвало резкую отповедь Мамута Недима: деятельность бюро не только отрицательная, но даже контрреволюционная, ибо «националисты имели большое влияние на Дерен-Айерлы, который находился всецело в их руках». В поддержку своего товарища встали Фирдевс, Ногаев, Вели Ибраимов. Последний с присущей ему резкостью сказал: «Говорят о националистах, в таком случае возьмите их отсюда. Избавьте нас от них, возьмите расстреляйте». Ногаев честно признал: «Они (националисты. — Д.У.) в качественном отношении сильнее нас».

В заключительном слове Дерен-Айерлы напомнил о прежней близости Недима к Чобан-заде: «Он сам разве не вступил в партию по совету Чобан-заде? Недим приехал сюда в Крым по делам турецкого купца, некоего Зейтун-заде. Недим получал письма от Джафера Сейдамета». (Эти подробности, заметим в скобках, больше нигде не повторяются). После таких разоблачений Дерен-Айерлы продолжает: «В 18-ых и 17-ых годах мы все были националистами... Нам нужно использовать националистов в качестве специалистов». И приводит конкретный пример: в педтехникум в Тотайкой некого послать директором. «Хотя обвиняют Узен-Башлы (так в тексте. — Д.У.), но он человек деловой. Найдите человека (партийного, имеется в виду. — Д.У.) заменить его, мы заменим». Ему возражает молодой Тархан, ассистент партшколы, в будущем председатель ЦИК: нельзя идти на дальнейшие уступки националистам. «Идеологический и экономический фронт должен находиться в наших руках. Мы не должны повесить ключи от курятника на шею лисицы»⁷⁸.

Высокая оценка деятельности Народной партии в годы революции и позже, участие ее лидеров в советском строительстве, прежде всего в области просвещения и здравоохранения, признавали даже самые высокопоставленные партийные вожди в Кремле. Правда, не публично, а на совершенно секретных заседаниях. На заседании оргбюро ЦК в августе 1928 года под председательством Молотова констатировались такие факты: «Во главе революционного движения в Крыму стояли националисты, среди которых видными деятелями были Хаттатов, Озенбашлы, Чапчакчи, Вели Ибраимов, Муслюмов и др. Эта группа являлась основным ядром партии Милли Фирка, программой которой была национально-культурная автономия... Советская власть строилась при прямом участии националистических деятелей». Чуть позже тот же оратор признал:

«Миллифирковское влияние до самого последнего времени было огромно»⁷⁹.

Анализируя обширную стенограмму этого заседания — она занимает более 100 страниц машинописного текста, и в ней Милли Фирка упоминается множество раз, — можно сделать несколько выводов. Во-первых, в отличие от позднейших обвинений миллифирковцев в том, что они хотели оторвать Крым от СССР, перейти под протекторат Турции или же, наконец, создать некую Туранскую пантюрокскую республику, здесь вполне объективно передана программа Милли Фирка. А именно — **укрепление национально-культурной автономии крымскотатарского народа**. Во-вторых, вновь-таки в отличие от позднейших фальсификаторов истории типа Бочагова и Надинского, честно признается, что не мифический пролетариат и его «большевистский авангард» были движущей силой революционных преобразований в Крыму, а крымскотатарская народническая интеллигенция и ее партия, построенная по типу эсеровской.

В-третьих, нет ни слова о том, что фракционную борьбу среди национал-коммунистов инспирировали «националисты». Напротив, руководители Народной партии были заинтересованы в сплоченности всех сил народа — левых, центристов, правых — на почве укрепления крымскотатарской автономии, противодействия русификации и разрушению вековых устоев социального порядка. Наконец, в-четвертых, бросается в глаза такой удивительный факт: при перечислении крымских националистов, причем среди их лидеров названы и члены партии Балич, Фирдевс, Ногаев — руководители ведомства просвещения, нет фамилии Чобан-заде⁸⁰. Не упоминается он и в материалах суда над Милли Фирка в декабре того же года.

Пройдет 10 лет, и в застенках НКВД Крыма будут состряпаны целые исторические трактаты о том, что татары-коммунисты, безразлично к какой группировке они прежде принадлежали, были агентурой Милли Фирка, а Чобан-заде был всесильным «идейным вдохновителем» и «организатором» контрреволюционного антисоветского подполья. В этом отношении характерны показания Чагара и Трупчу во время следствия в 1937 году. Билял Чагар, бывший второй секретарь обкома партии и нарком просвещения, показал: «До разгрома и расстрела Вели Ибраимова среди левых и правых открыто высказывались настроения о создании независимого от советской власти татарского Крымского государства под протекторатом Турции. Левые через Селима Меметова, Мамута Недима, О.З. Бекирова и Джемалединова Керима были связаны с Милли Фирка. Правые также имели своих

представителей в Милли Фирка, от них входили Вели Ибраимов, Дерен-Айерлы, Памукчи, Шугу, Кубаев»⁸¹.

Сервер Трупчу, сменивший Чагара на посту главного идеолога крымских коммунистов, также подписал машинописный протокол с большим историческим экскурсом. Первое поколение татарских большевиков, сказал он, — это «неприкрытые агенты крымской буржуазии и ее партии Милли Фирка, которые были командированы ЦК Милли Фирка для враждебной работы в ВКП(б)». Далее он уточняет: «Эти люди сами состояли членами Милли Фирка и в период 1917—1920 годов — кто с оружием, кто с пером — выступали против ВКП(б) и Советской власти». Среди лидеров этой коварной организации обвиняемый называет Чобан-заде, забывая о том, что в указанный период он находился далеко от Крыма. Возникновение двух группировок в среде крымскотатарских коммунистов, продолжает Трупчу, инспирировано руководством ЦК Милли Фирка (Айвазов, Чобан-заде, Хаттатов) через свою агентуру — и далее следует целый список. Это делалось с целью «прикрыть и активизировать контрреволюционную деятельность, внести разложение в ряды партии, обеспечить быстрое развитие капиталистических элементов в татарской деревне на базе НЭПа и, наконец, захватить командные высоты в партийном и советском аппарате»⁸².

Надуманность подобных обвинений очевидна, однако имеется достаточно доказательств того, что в 1920—1924 годах, когда во главе Народной партии находился Чобан-заде, он пользовался огромным авторитетом среди широких слоев крымскотатарского населения, в особенности среди молодежи, для которой как политик, педагог и поэт он был настоящим кумиром. Вот конкретные факты.

Один из левых партийных деятелей, публицист Якуб Мусаниф, который в 1929—1930 годы систематически травил в крымской печати Чобан-заде, назвал его своим «идейным вдохновителем» в годы политического созревания. Почти теми же словами говорил в 1931 году студент одного из бакинских вузов Якуб Заки Мустафа, прежде учившийся в Тотайкойском педтехникуме, а затем по рекомендации Чобан-заде направленный в Баку для продолжения учебы. Известен рассказ композитора Асана Рефатова, испытавшего на себе силу идейного влияния Чобан-заде и обаяние его личности.

Большой интерес представляет характеристика Чобан-заде, составленная аналитиками Крымского ГПУ, которым нельзя отказать в проникательности.

Они признают его «талантливейшим из всех деятелей» национально-освободительного движения начала 1920-х годов и описывают в следующих выражениях: «Молодой человек лет 28 с глубоким и широким европейским образованием, крупным политическим темпераментом, властный и неустрашимый, способный публицист и поэт; пользуется среди татар неограниченным влиянием»⁸³. Читая и перечитывая приведенные выше слова, нельзя не удивляться. Поистине сказано, что высокая похвала в устах врага дороже всех иных оценок.

Чтобы закончить рассказ о Чобан-заде как лидере патриотической Народной партии, следует остановиться коротко на дискуссионном вопросе: а существовала ли вообще Милли Фирка после отказа в ее легализации в ноябре 1920 года? Окончательный вывод делать преждевременно, пока вся документация о ней по-прежнему закрыта для исследователей. Кроме того, к созданным в недрах карательного ведомства материалам нет полного доверия. Тем не менее, выскажу свое мнение: да, Народная партия существовала, о ней власти знали, но не считали ее деятельность ни контрреволюционной, ни антисоветской. Такое утверждение вполне согласуется с имеющимися документами. Так, на закрытом заседании бюро Крымского обкома партии 8 июня 1926 года был заслушан отчет местного руководителя ГПУ Торопкина. Начальник крымской тайной полиции поведал о подпольной антисоветской деятельности целого ряда организаций — монархических, белогвардейских, студенческих, упомянул и о настроении мусульманского духовенства. Не преминул сказать и такое: «Сионисты ведут себя активно»⁸⁴. О Милли Фирка не было сказано ни слова, и это умолчание не свидетельствует о том, что организация была глубоко законспирирована. Напротив, она действовала полулегально, почти открыто, на виду у всех. Дело в другом — ее работа носила общественно полезный характер, это была **созидательная деятельность**, и власти не чинили ей препятствий. Только в 1928 году, когда коренным образом изменилась политическая обстановка в стране и в Крыму, она была разгромлена, а ее видные члены репрессированы.

Как общественный деятель, Чобан-заде принимал участие в работе высшего органа управления Крымской АССР — ЦИК Советов, начиная с его I учредительного съезда. Членом ЦИК он избирался четыре раза на I—IV съездах Советов в 1921, 1922, 1923 и 1924 годах, дважды состоял членом президиума (с 30 октября 1922 года по 14 декабря 1924 года). Из состава ЦИК он был выведен лишь в июне 1925 года, когда уже несколько

месяцев проживал в Баку⁸⁵. Как говорилось выше, он избирался неоднократно в различные комитеты и комиссии. В качестве одного из высших руководителей автономной республики Чобан-заде имел, в числе немногих, право на свободный вход в правительственную ложу Крымского государственного драматического театра⁸⁶. Когда была создана областная комиссия по проведению праздника «Дервиза», Чобан-заде был включен в ее состав вместе с Вели Ибраимовым и Мамутом Недимом⁸⁷.

Трудолюбие и энергия Чобан-заде как общественного деятеля, умение работать с людьми и авторитет в массах приводили к конфликтам между разными учреждениями, желавшими иметь такого ценного работника. Вот характерный случай: в сентябре 1921 года президиум Крымревкома рассмотрел прошение Симферопольского уездного и городского (объединенного) исполкома «О немедленной организации отдела народного образования и отзыве члена исполкома тов. Чобан-заде». Составители обращения требовали как можно скорее командировать Чобан-заде в распоряжение симферопольских властей, ибо, говорилось далее, «от разрешения этого вопроса зависит работа и самого исполкома»⁸⁸. Он был избран депутатом Симферопольского городского совета и членом его президиума. Вот газетное сообщение: собрание татарского населения города Симферополя избрало в члены совета следующих товарищей: О. Дерен-Айерлы, Умера Ибраимова, Хаят Воинову, Алима Кильдишева (все от РКП). От беспартийных избраны: Б. Чобан-заде, Хаттатов, Бекир Муединов. На первом пленарном заседании горсовета Чобан-заде избран заведующим секцией народного образования. Кроме того, он единственный крымский татарин в составе постоянного президиума горсовета⁸⁹. Чобан-заде активно работал в составе комиссий ЦИК по борьбе с голодом (Помгол), по татаризации советского аппарата. Последний орган на постоянной основе был образован совместным постановлением ЦИК и Совнаркома 10 февраля 1922 года. Его задача — татаризация государственного аппарата и внедрение татарского языка в учреждения республики.

Итоги работы комиссии по татаризации при КрымЦИКе подвел новый нарком юстиции О.З. Бекиров, сменивший попавшего в немилость Фирдевса⁹⁰. Степень вовлечения татарского населения в советский аппарат, пишет он в областной газете, год за годом повышается. Из общего числа 80 членов ЦИК — 31 татарин, из 9 членов президиума ЦИК — 4 татаротника (в том числе Чобан-заде), из 9 членов Совнаркома — тоже 4 татарина. В 5 районах,

где среди населения преобладают крымские татары (Алушта, Ялта, Судак, Карасубазар, Бахчисарай), председателями райисполкомов являются представители коренного населения. Имеются успехи в татаризации системы народного просвещения. В названных выше районах успешно продвигается реализация крымскотатарского языка в качестве государственного, на него переводится все делопроизводство⁹⁰.

Задачи хозяйственного возрождения Крыма на принципах НЭПа, как и вопросы просвещения, языкового строительства, наделения крымских татар землей, стояли в центре внимания Народной партии. В начале февраля 1922 года в НКВД Крыма был официально зарегистрирован устав Симферопольского мусульманского общества «Взаимопомощь» (оно известно под названием «Шеркет»). Среди его основателей значатся С. Дж. Хаттатов, А. Лятиф-заде, А. Озенбашлы, а также учитель Бекир Ваапов. Последний не кто иной, как Б. Чобан-заде, взявший отчество вместо фамилии. В первом параграфе заявляется, что целью общества является содействие «... материальному и духовному благосостоянию своих членов посредством совместного развития и совершенствования их быта, хозяйств и промыслов на началах самостоятельности и взаимопомощи»⁹¹. В уставе имеется также параграф о благотворительности и содействии развитию культуры. «Шеркет» развернул активную экономическую деятельность, занимаясь заготовкой и сбытом табака и вина, снабжением крестьян семенным материалом. Кооператив открывал упорочные пункты для консервирования фруктов и ягод, брал на комиссию различные сельскохозяйственные продукты⁹². Успешная работа негосударственного общества вызвала зависть и подозрения властей, которые стали чинить ему всякие козни, а затем добились его слияния с бюрократическим Крымсельхозсоюзом⁹³.

Не оставалась вне внимания Народной партии и крымскотатарская молодежь. Уже в конце 1921 года был создан Союз татарской молодежи (СТМ), в который входили студенты местного университета, члены профсоюзов и татполиткурсов (так характеризует его состав партийный документ). Организация, имевшая связь с татарским управлением Наркомпроса, во главе которого стоял Чобан-заде, насчитывала 250—300 человек⁹⁴. Появление крымскотатарской молодежной организации вызвало переполох в обкоме партии. Комсомолу было дано «боевое задание» — покончить любыми путями с конкурентом в молодежной среде. Была взята линия на поглощение СТМ с одновременной чисткой ненадежных,

патриотически настроенных членов. В феврале 1922 года состоялось совместное заседание обкома комсомола и руководства СТМ, решившее объединить обе молодежные структуры. Речь, разумеется, шла о сохранении монополии комсомола и устранении всех параллельных организаций. Уже в марте СТМ потерял свою самостоятельность, а молодежный татарский клуб был объявлен комсомольским⁹⁵.

Так постепенно, по мере стабилизации социально-политического и экономического положения в Крыму, компартийная верхушка ограничивала сферу влияния Народной партии. Статус автономной республики становился иллюзорным, в большой мере — формальным. Это хорошо понимал Чобан-заде, говоривший своим соратникам, что Крым автономным является лишь на бумаге. «Нам дают крышу дома, — сказал Чобан-заде, — но ключи и лестницу не дают, стало быть, мы не сможем подняться на крышу и не можем войти в дом»⁹⁶. Войти в дом означало быть хозяином на своей земле, а для этого нужно было наполнить статус автономной республики реальным содержанием. Именно в этом направлении и работала Народная партия под руководством как Чобан-заде, так и его преемника до разгрома в 1928 году.

Глава 2. С неисчерпаемой энергией на ниве просвещения

«Просвещение составляет самую главную и основную потребность [крымских] татар».

(из архивного документа 1923 года)

Слова, вынесенные в заголовок, сказаны одним из коллег Бекира Чобан-заде, опубликовавшим в газете «Красный Крым» статью об успехах народного просвещения в автономной республике к концу восстановительного периода. Это своеобразный итог деятельности его как организатора культурно-просветительной и педагогической работы среди крымских татар. Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос, НКП) был создан, как известно, только после Первого Всекрымского учредительного съезда Советов в ноябре

1921 года. Но годом ранее, как только установилась советская власть, ревком 16 ноября 1920 года создал губернский отдел народного образования. Эта структура была разделена на пять подотделов¹. Временным заведующим был назначен известный в Крыму социал-демократ П.И. Новицкий, вскоре перешедший в университет деканом факультета общественных наук, а заведующим губнаробразом стал Исмаил Фирдевс, один из первых татар-коммунистов.

Ревком, который управлял Крымом чрезвычайными мерами в течение целого года, сочетал в своей деятельности общесоветские принципы с некоторыми специфическими подходами. К числу последних относится немедленная ликвидация религиозных школ (медресе) по приказу от 30 ноября 1920 года². Спустя две недели ревком вновь возвращается к этой проблеме и обсуждает вопрос «Об изгнании конфессионального обучения из низшей и средней школы». Решение подтверждает предыдущее — «изъять конфессиональное обучение»³. Само собой разумеется, что эти меры касались в первую очередь крымскотатарского населения, насильственно разрывая его связи с религией и вековыми традициями. Впрочем, еще 5 лет спустя в Крыму продолжали существовать подпольные религиозные школы, с которыми партийные органы вели беспощадную борьбу⁴.

Левацкие перегибы военного коммунизма выдвинули на первый план перед школой задачу трудового воспитания, подготовки послушной и усердной рабочей силы. Перед отделом народного образования в деле реформирования крымской школы ставится цель: «напрячь все усилия к проведению в жизнь принципов трудовой школы на трудовых началах»⁵. Эти положения конкретизируются в узкопрагматическом понимании функции школы, готовящей трудовые ресурсы для «хозяйственного фронта». Причем образцом для подражания взята Красная Армия. Вот как это сформулировано в тезисах наробразы «О принципах школьной политики в Крыму», принятых в январе 1921 года: «Задача восстановления народного хозяйства требует от наробразы в первую голову создания грамотного политически-сознательного солдата фронта труда... Наробраз должен использовать весь опыт организации политико-просветительской работы в Красной Армии, перенести его через весь свой аппарат в место концентрации Рабочей Армии и хозяйственного фронта»⁶.

Своеобразная милитаризация школы шла об руку с идеологической обработкой подрастающего поколения в духе коммунистической утопии.

«Цель новой школы, — сказал один из руководителей крымского наробразы, — не учеба, а воспитание в ребенке будущего нового человека»⁷. С этим лозунгом: не учеба, а воспитание — перекликается и тезис о том, что школа есть орудие борьбы с буржуазной идеологией. Поэтому все предметы, а гуманитарные — в особенности, должны быть соответствующим образом препарированы, чтобы доказать непререкаемую верность марксистских догм.

Наконец, достаточно долго в Крыму скрывалась за ширмой «коренизации» и «пролетарского интернационализма» еще одна задача школьной политики. Современный автор убедительно показал, что по отношению к народам национальных окраин царской империи проводилась целенаправленная «русификация культурно-образовательного пространства»⁸. Постепенно и исподволь это направление народного просвещения также стало проявляться в Крыму, как и в других автономных и союзных республиках.

Тенденции на *большевизацию* школы, придание ей идеологических функций противостояла другая тенденция, которую можно назвать *созидательно-гуманистической*. Она проявилась в кропотливой практической работе по сохранению и развитию школьной сети, повышению материального и культурного уровня учителей, гармоничного единства обучения и воспитания на лучших традициях гуманистической педагогики, включения народного просвещения в процесс общего культурного возрождения крымскотатарского народа. Носителями этой прогрессивной тенденции в начале 1920-х годов были Б. Чобан-заде, руководители педагогических учебных заведений А. Озенбашлы и А. Одабаш, патристически настроенные национал-коммунисты Мамут Недим и У. Балич, многие учителя, педагоги средней и высшей школы.

Прежде чем рассказать подробно о работе Б. Чобан-заде на ниве народного просвещения, познакомим читателя с несколькими программными документами, которые позволяют, с одной стороны, понять общую социокультурную обстановку в Крыму и стоящие перед народным образованием задачи, а во-вторых, узнать о планах выхода из жестокого кризиса, связанного с хозяйственной разрухой, голодом, разгулом террора и бандитизма. На совещании заведующих местными отделами народного образования 1 сентября 1921 года принята программа действий, направленная на стабилизацию численности школ, которые в большинстве своем не смогли принять детей на учебу. В резолюции сказано: «Основной задачей отделов народного образования на ближайшее время является

сохранение от развала школьного и дошкольного строительства (то есть учреждений. — Д.У.) в пределах существующей сети... В отношении всех школ устанавливается принцип максимальной концентрации в наименьшем числе помещений и максимальное сокращение штатов с доведением до нормы 1 учаций на 40 учащихся там, где это возможно»⁹.

Через несколько дней после совещания губернский отдел народного образования отправил ревкому докладную записку о помощи детям в начальную фазу голода: «Крымнаробраз знает, что первая и главнейшая его забота — спасение детей от физической и моральной гибели». Далее описываются картины начавшегося бедствия глазами детей: «... Толпы голодных детей осаждают колонии и приюты... Армия голодных детей растет с каждым днем и затопляет своим потоком все детские учреждения». Голодные дети подвержены разным болезням, в том числе инфекционным. «Детские организмы подорваны голодухой настолько, что достаточно вспыхнуть самой пустячной детской эпидемии, чтобы унести огромный процент детей в могилу». Ведомство просвещения просило 1,5 млрд руб. на заготовку дров для школ и закупку оконного стекла, а также определенное количество муки и овощей для питания детей. Кроме того, оно требовало увеличить число пайков: их тогда получали менее 14 тыс. детей, между тем уже голодали многие десятки тысяч¹⁰.

Летом следующего года Б. Чобан-заде подготовил большую докладную записку о перспективах развития образования на крымскотатарском языке. Она озаглавлена «Вопросы народного образования среди татарского населения в Крыму» и адресована правительству Крымской АССР. Если вкратце суммировать основные положения этого программного документа, то получится следующая схема:

— если количество начальных школ можно считать удовлетворительным, то школ II ступени не хватает, поэтому предлагается преимущественное развитие сети именно таких учебных заведений, а также профтехнического образования;

— взять целиком на государственное содержание опытно-показательные средние учебные заведения: Тотайкойский педагогический техникум, Симферопольский татарский рабоче-крестьянский факультет (рабфак), Симферопольские татарские фельдшерско-акушерские курсы и Бахчисарайский художественно-промышленный техникум;

— «для культурного возрождения крымских татар нужны не только

учебные заведения, но нужны еще и книги, учебники и учебная литература» на родном языке;

— «развитие образования предъявляет повышенный спрос на науки», другими словами, без научного обеспечения простой рост школьной сети не обеспечит качественных перемен; среди некоторых мер в этом направлении автор предлагает разработать научную терминологию на родном языке.

Кроме названных выше практических шагов Чобан-заде предлагает отмену платы за обучение и всемерное развитие культурно-просветительской работы среди взрослого населения¹¹.

Через некоторое время в составе ведомства просвещения был создан подотдел по просвещению татарского населения, сокращенно — татарский подотдел, который возглавил Бекир Чобан-заде. Первый найденный документ, носящий его подпись, датирован 14 декабря 1920 года. Он весьма любопытен и стоит его привести полностью. На машинописном бланке «*Крымтдел наробраза, татарский подотдел*» стоит дата и номер: «декабря 14 дня 1920, № 15». Затем следует обращение и краткий текст: «В мусульманское бюро партии Крымского ОК. Татарский подотдел Наробраза сообщает в Бюро, что им принято от и. д. Председателя бывшей Вакуфной комиссии 5 стопок писчей бумаги и около 12 пуд. бумаги для напечатания книг и брошюр. Заведующий татарским подотделом Чобан-заде»¹².

Бумагу образно называют «хлебом культуры», а в ту эпоху разрухи и упадка она была на вес золота. Обнаружив такое сокровище, честный руководитель был обязан немедленно доложить об этом партийному органу, что он и сделал. Кроме чувства долга, развитого у него высоко, Чобан-заде выполнял приказ ревкома № 61 от 2 декабря того же года за подписью Бела Куна. В нем говорилось, что ввиду бумажного кризиса все запасы бумаги передаются в исключительное ведение полиграфотдела Совнархоза, а для ее распределения создается особая межведомственная комиссия¹³. Более важным делом, чем сохранение бумаги, было восстановление нормальной работы школ, сохранение учительских кадров, налаживание культурно-просветительской работы. В кратком отчете о деятельности Крымнаробраза с момента его создания И. Фирдевс писал, что на 15 февраля сего года (очевидно, 1920. — Д.У.) в Крыму было всего 1216 школ, в них учащихся свыше 80 тыс.¹⁴ Вскоре голод приведет к резкому сокращению тех и других.

Коренным образом меняется социополитический контекст деятельности органов просвещения: они переходят под бдительный контроль

большевистской партии. Уже 30 марта 1921 года на заседании татарской секции Крымского обкома в присутствии председателя Полномочной комиссии ВЦИК Ш. Ибрагимова был заслушан доклад заведующего татарским подотделом о проделанной работе. Кроме Чобан-заде, присутствовали его подчиненные Богданович и Леманов. Как видно из краткой протокольной записи, отчет касался трех вопросов: об учебной части, о правах подотдела и о текущей работе. Главное внимание было уделено вопросу о возвращении школам и культурным учреждениям помещений, реквизированных военными и другими ведомствами.

Стоит привести основные положения принятого постановления: «Доклад принять к сведению. Предложить заведующему подотделом представить список зданий, находящихся на территории вакуфных земель, где подотдел намерен открыть культурно-просветительные учреждения. Обратиться к тов. Ульянову (брат Ленина Дмитрий, который возглавлял отдел здравоохранения. — Д.У.) с просьбой сделать распоряжение своим агентам не препятствовать татарскому подотделу наробраза занимать здания "Китап-Юрду" на Севастопольской улице. Обратиться в ОК (обком партии. — Д.У.) от имени наробраза о срочной очистке здания бывшей татарской учительской семинарии по Школьной улице, № 4. Возбудить ходатайство перед ОК и Крымпрофсоветом о том, чтобы типографию "Новый мир" (ул. Советская, 14), как единственно обслуживающую всю литературную нужду татар в общекрымском масштабе, перевести в разряд ударной группы. Войти в ОК и Крымпрофсовет с ходатайством относительно сверхурочных работ по изданию учебников и "Положения о трудовой школе" на татарском языке». Далее в постановлении даются координаты еще двух зданий большей емкости под крымскотатарские просветительные учреждения. Заканчивается резолюция предложением Чобан-заде представить сделанный отчет в письменном виде, чего сделано не было, к большому сожалению будущих историков¹⁵.

Цитируемый документ представляет интерес, во-первых, своим конкретным и деловым характером. Требование о расширении сети культурных заведений за счет передачи наробразу трех зданий, само собой ясно, было записано со слов самого Чобан-заде. Во-вторых, отметим заботу о работе типографии, которая должна срочно печатать школьные учебники. Поднять статус типографских рабочих, объявив их «ударной группой», означает увеличить им хлебный паек. В-третьих, невольную улыбку читателя вызывает чрезвычайная почтительность национал-коммунистов к

«тов. Ульянову», брату всесильного кремлевского вождя, бывшему некоторое время представителем Наркомздрава РСФСР в Крыму и личным другом наркома Семашко.

Вопрос об освобождении школьных помещений от занявших их советских учреждений и воинских частей был важнейшим в деятельности отдела народного образования. «Большая часть помещений учебных заведений города Симферополя занята воинскими частями, поэтому занятия происходят в несколько смен при крайних антисанитарных условиях», — писал заведующий И. Фирдевс в ревком и уточнял: «...Страшно вредно отражается на здоровье учащихся»¹⁶. Повсеместные жалобы руководителей школ и родителей дали результат: 4 июня 1921 года ревком издает приказ № 378 об освобождении школьных помещений. В нем говорится: «В Симферополе 75 %, Керчи и Феодосии до 80 % школьных зданий занято различными учреждениями и организациями. Такое положение, разумеется, нетерпимо при советском строе, отводящем первое место делу народного просвещения и воспитанию подрастающего поколения». Оставим в стороне демагогическое заявление о «первом месте» просвещения в политике большевиков и посмотрим, чего же требует высшая власть Крыма: «Все здания, принадлежавшие ученым и учебным, культурно-просветительным учреждениям и обществам до 25 октября 1917 года, признаются находящимися в ведении Крымского отдела народного образования и должны быть очищены не позднее 15 июля сего года»¹⁷. Увы, этот строгий приказ не был выполнен и несколько месяцев спустя намеченного срока. Еще в ноябре заведующий наробразом в Керчи сообщал уже новому правительству — Совету народных комиссаров (СНК): «Помещения школ заняты воинскими частями и советскими учреждениями»¹⁸. Лишь постепенно, с большим трудом удалось вернуть школьные здания их законным владельцам.

Здания, переданные на культурные нужды, надо было оживать, наполнить гулом детских голосов, песнями молодежи, надо было найти культработников, обеспечить им хлебный паек. Надо было «выбивать» оборудование, финансирование, штаты, дрова и многое другое. Вся эта черновая работа ложится на Чобан-заде и его сотрудников. Но вот наступает радостный день — в Симферополе открывается Крымскотатарский молодежный клуб. Местная газета информирует в конце декабря 1921 года: «На днях в Симферополе состоялось торжественное открытие клуба для татарской молодежи. В речах, посвященных этому торжеству, приветствовали

собравшихся наркомпрос Хамзин, наркомздрав Чапчакчи, профессор Крымского университета Чобан-заде (так в тексте. — Д.У.), представитель Крымсоюза тов. Меметов и секретарь Крымкомсомола тов. Олонецкий. Ораторы в своих речах отмечают ту историческую роль, которую играет теперь молодежь среди восточных народов, а также культурно-просветительскую работу татарской молодежи в Крыму. Клуб уже насчитывал свыше 300 членов, главным образом татарской учащейся молодежи. При клубе организованы секции: театральная, библиотечная, художественная и литературная¹⁹. К 1-му января 1923 года открывается еще один татарский клуб (на ул. Кантарной, 20). В нем библиотека в 15 тыс. книг на русском и крымскотатарском языках, работают кружки и секции.²⁰

Чобан-заде по своей должности занимается не только молодежными клубами, учебниками и переводом официальных инструкций на крымскотатарский язык. Когда из-за финансовых затруднений и цензурных придинок перестал выходить педагогический журнал «Бильги» («Знание»), Чобан-заде ставит перед партийными органами вопрос о продолжении издания. Татарское бюро обкома постановило: «Разрешить дальнейшее издание под контролем и ответственностью коллегии (в которую входил и Чобан-заде. — Д.У.) и ответственного редактора Мамута Недима»²¹. Повторение слова «ответственность» не есть описка автора; просто партия дважды напоминает издателям о том, что свободе слова отныне наступил предел и каждое издание находится под недремлющим оком советской цензуры. Добавим также, что между Чобан-заде и Недимом установились весьма сложные отношения личного соперничества и политической вражды, поскольку последний стал одним из лидеров левой группировки крымских национал-коммунистов, требовавшей разорвать сотрудничество с беспартийной патриотической интеллигенцией.

Из этого архивного документа следует также, что к осени 1921 года подотдел Наркомпроса, который возглавил Чобан-заде, повысил свой статус до отдела, а еще год спустя он вырос в управление. Во всяком случае, Чобан-заде подписывал ряд документов в центр следующим титулом: «Начальник Татуправления Наркомпроса и профессор Востфака»²². Нет сомнения, что в крымском ведомстве образования он играл первую скрипку. Учитывая, что первый нарком просвещения Крымской АССР казанский татарин Керим Хамзин получил лишь «домашнее образование», а это в лексиконе того времени означало никакого (партийный функционер с низким

образовательным цензом — явление обычное).

О своем образовании Хамзин без стеснения говорил на областной партийной конференции в ноябре 1921 года, как раз накануне назначения на пост наркома. Отчитываясь о своей предыдущей работе, он сказал о себе в третьем лице буквально следующие слова: «несчастный малограмотный татарин». Ему, однако, хватило мужества раскритиковать партийного лидера И.А. Акулова и потребовать «вымести отсюда грязной метлой»²³.

Сменившие Хамзина на посту наркома Гарютин и Мухитдинов тоже не блистали образованностью²⁴. Чобан-заде на таком фоне выделялся своей энциклопедической эрудицией, знанием иностранных языков, энергией и деловитостью; разумеется, как в самом наркомате просвещения, так и среди педагогов всего Крыма пользовался огромным авторитетом. Надо иметь в виду, что он не только был организатором школьного дела, но одновременно преподавал в Тотайкойском педтехникуме и в женском педагогическом училище в Симферополе. Видимо, поэтому в памяти крымчан Чобан-заде остался *в качестве наркома просвещения*. Это утверждают и некоторые его биографы (Ф.Д. Ашнин, С.Д. Милибанд, А. Юдакин), однако никаких документальных подтверждений тому не найдено.

Зато достоверно известно, что Чобан-заде, занимая пост начальника отдела (управления), входил в состав высшего руководства наркомата просвещения — коллегии. Так, уже в сентябре 1921 года он стал членом малой коллегии Крымнаробраза, состоявшей из 5 человек²⁵. Затем с образованием первого Советского правительства автономии и наркомата просвещения Чобан-заде решением президиума ЦИК назначен членом коллегии этого учреждения²⁶. Вполне возможно, что во время отсутствия наркома он мог исполнять временно его обязанности.

Политические единомышленники Чобан-заде, члены руководства Милли Фирка Амет Озенбашлы и Абибулла Одабаш возглавляли другие ответственные участки культурного строительства. Озенбашлы руководит Тотайкойским педагогическим техникумом, одновременно завершает свое образование на медфаке Крымского университета. Одабаш дважды (в 1921 и 1922 годах) отчитывается на заседании татарского бюро обкома партии о работе татарской женской учительской семинарии, известной под восточным названием «Даральмуаллимата». Первое обсуждение обошлось без особых нареканий на работу директора; единственная рекомендация — «обратить сугубое внимание на постановку на должную высоту преподавания русского

языка». Во второй раз — тоже указание относительно русского языка. Кроме того, национал-коммунисты обеспокоены тем, что девушки политически неразвиты, да и физически слабы (естественно, из-за плохого питания). Директору посоветовали ввести уроки физического воспитания, а также усилить преподавание русского языка. Наконец, решено в обе учительские семинарии — мужскую и женскую — ввести уроки политграмоты²⁷. В августе 1923 года вновь слушается вопрос о работе Тотайкойского педагогического техникума. Фамилия выступившего с отчетом в документе не указана, вне сомнения, это был Озенбашлы. Татарское бюро обкома решило: «Просить ОК командировать редактора газеты «Юная сила» тов. М. Бекирова в распоряжение НКП для работы в татарский мужской педагогический техникум в качестве политрука и заместителя заведующего»²⁸. Так Озенбашлы получил молодого помощника и одновременно идеологического надсмотрщика и контролера.

Чобан-заде был одним из главных архитекторов «золотого пятилетия» крымскотатарского культурного ренессанса (1923—1927 годы), хотя проработал в Крыму лишь первые два года, самые трудные. Нет, очевидно, смысла вновь пересказывать известные факты о достижениях в области просвещения, культуры, науки за этот период²⁹. Следует лишь более подробно сказать о «хозяйстве» Чобан-заде: школах, учителях, учебниках, защите родного языка. Не обойтись без некоторых цифр, которые показывают драматические зигзаги в развитии школьной сети Крыма первой половины 1920-х годов. В 1920—1921 учебном году всего школ было: первой ступени — 1150, второй ступени — 82. Спустя год их число сократилось примерно вдвое; сильно упало и количество учащихся. В первую очередь закрывались школы в татарских деревнях. Причина этого явления известна: разруха, голодомор, отсутствие кадров и финансирования. Так, в конце ноября 1921 года нарком просвещения Хамзин заявил о необходимости закрытия до 400 татарских школ «благодаря полного отсутствия учительского персонала, учебных пособий и принадлежностей»³⁰. Конечно, нарком допустил грамматическую ошибку, сказав «благодаря» вместо «по причине», но суть проблемы изложил ясно. В первую очередь были ликвидированы начальные школы традиционного типа — мектебы, содержавшиеся на средства местных мусульманских общин.

С 1922—1923 учебного года школьная сеть начала медленно восстанавливаться. «Шкрабы ожили», — с мрачным юмором писала местная

газета о первом съезде просвещенцев Крыма. И среди главных задач момента — «вернуть детям школьные помещения». И далее: «Все лучшие школьные здания города реквизированы, и масса детей жмется в совершенно негодных и непригодных домах. Например, в помещении бывшей семинарии занимаются две семилетние школы, техникум и пединститут, всего около 1500 чел.»³¹. Среди новых возникших проблем — платность образования, сначала высшего (100 руб. золотом в год), затем и среднего. Это приносит татарскому отделу Наркомпроса дополнительные заботы — добиваться половинной льготной оплаты детей из необеспеченных семей или их полного освобождения от платы. К содержанию школ следует подключить родителей, школам передаются участки земли для обработки.

Еще в январе 1921 года вышел приказ ревкома о наделении школ земельными участками, отпуске им посевного материала и необходимых орудий производства³². Спустя год, в самый разгар жестокого голода, съезд заведующих окружными отделами народного образования просит среди прочего семена для школьных посевных участков из расчета от трех до пяти десятин на школу³³. Что же касается платы за обучение, то еще ревком признавал ее «в принципе» недопустимой, но, учитывая массовый голод, возложил «... на сельское население обязанность кормления учащихся в сельских школах, а также (обеспечение) преподавательского персонала довольствия натурой»³⁴. Затем это решение было продублировано Совнаркомом: «возложить на сельское население обязанности снабжать сельских учителей продовольствием»³⁵. Но жители сел сами голодали и обеспечить учителей не имели никакой возможности. К этому следует добавить катастрофическую задержку выплаты жалования учителям. Задолженность только по Симферопольскому округу, где учителя не получали зарплаты четыре месяца, составила 2,7 млн золотых рублей³⁶. Из Керчи сообщали: «На жалование изголодавшемуся учительству ничего не осталось... На прошлой неделе умерло еще два учителя на почве голода. Это факт характерный»³⁷.

Вот заведующий татарским отделом Наркомпроса тов. Чобан-заде прибывает в Джанкойский округ (июль 1923 года). «Обследованием установлено, что окружной ОНО не проявил достаточной энергии для поднятия дела народного образования среди татар, ни разу не созывал совещания учителей-татар. Запросы к просвещению у татарского населения громадны... Очень многозначительная фраза, она встречается в источниках

той эпохи многократно. Что же предпринимает Чобан-заде? Обещает открыть школу II ступени. Принимает меры к организации школы-коммуны с большим садом и земельным наделом развалившегося совхоза. Наконец, созывает митинг (пришло свыше 3 тыс. человек), на котором обсуждаются вопросы о мерах по улучшению положения школ. После горячего призыва Чобан-заде к собравшимся о материальной помощи просвещению, несмотря на тяжелое экономическое положение населения, собрано до 100 тыс. рублей деньгами и вещами. Они пойдут на ремонт школ, покупку учебников³⁸.

Летом 1923 года пресса сообщает и другие радостные известия: «Голод побежден. Ожидается отличный урожай» (4 августа), «Одежда для профессуры. От Европейского общества помощи студентам получено 80 костюмов для профессоров Крымского университета» (8 августа). «Президиум Совнаркома постановил снять военное положение в Симферополе» (10 августа). Итак, с политическим бандитизмом покончено — в основном. Но вот задание на много лет вперед — неграмотность: почти 50 % крымского населения не умеет ни писать, ни читать. В 1923—1924 учебном году предстоит обучить грамоте 12 тыс. человек (8 сентября). Это тоже забота татарского отдела НКП, потому что доля неграмотных среди крымских татар намного выше средней по всей автономной республике.

Как высший в автономной республике руководитель системы преподавания на крымскотатарском языке, Б. Чобан-заде внимательно и бережно относился к своим коллегам и подчиненным, оказывая им самую разнообразную помощь. В архиве сохранились документы, связанные с взаимоотношениями двух замечательных поэтов — Б. Чобан-заде и Шевки Бекторе. Последний подал в Наркомпрос заявление о выдаче ему охранный грамоты и приложил к нему автобиографию (кстати, она до сих пор не введена в научный оборот нашими литературоведами). На заявлении крупным энергическим почерком Чобан-заде наложил резолюцию: «Татарское управление поддерживает ходатайство Шевки Бекторе, так как он действительно состоит татарским литератором». Нарком Хамзин вскоре (18 мая 1922 года), учитывая «просьбу лектора татарских педагогических курсов с резолюцией заведующего татуправлением т. Чобан-заде», подписал просимый документ³⁹. Подобные охранные грамоты, в которых говорилось, что данный товарищ «состоит под покровительством Советской власти, квартира не подлежит реквизиции и уплотнению», Крымский НКП выдал 34 человекам, среди которых были Чобан-заде, Айвазов, Одабаш, а также Спендиаров,

Сергеев-Ценский, Волошин, София Парнок и другие известные деятели культуры.

Помощь Ш. Бекторе Чобан-заде оказывал и при подготовке первого букваря для взрослых на крымскотатарском языке. Рецензенты его оценили высоко: «Книга представляет весьма ценный и интересный труд, вполне оригинальна по замыслу. Материал, взятый для букваря, отмечается свежестью и своевременностью»⁴⁰. Чобан-заде обратился в Наркомпрос РСФСР с просьбой погасить расходы на издание столь необходимой в Крыму книги.

Можно привести и другой характерный факт — участие Чобан-заде в праздничных мероприятиях, связанных с 25-летием литературной деятельности А.С. Айвазова летом 1923 года. Приветственной речью вечер чествования юбиляра открыл Чобан-заде. Вот как это описала местная газета: «17 июня в зале Дома крестьянина был открыт инициативной группой татарских общественных работников вечер чествования известного литератора-публициста Асана Сабри Айвазова... Приветственная речь т. Чобан-заде и появление юбиляра в составе почетного президиума были встречены долго несмолкаемыми дружескими аплодисментами. Доклады о литературной и общественной деятельности Айвазова сделали товарищи Осман Акчокраклы, Чапчакчи и Озенбашлы. Было недурно исполнено музыкальное произведение в восточном духе, посвященное юбиляру»⁴¹.

Задача защиты родного языка в какой-то степени объединила народническую интеллигенцию и национал-коммунистов, совместными усилиями противостоящих ассимиляции. Уже 3 декабря 1921 года татсекция обкома партии обсуждала вопрос «О реализации татарского языка как государственного» и приняла решение считать его обязательным к применению в учреждениях, затрагивающих культурно-бытовые условия населения⁴². В августе 1923 года Крымский обком партии постановил ввести во всех школах II ступени, в том числе с русским и немецким языком преподавания, а также в профтехучилищах и техникумах обязательное изучение крымскотатарского языка⁴³. Вместе с тем предпринимались меры по реформированию арабского алфавита, применявшегося тогда для записи крымскотатарской речи. В феврале 1924 года татсекция обкома партии обсуждала вопрос «об упрощении орфографии» и решила предложить наркомпросу созвать специальное совещание по этому вопросу. Материалов этого совещания, если оно имело место, не обнаружено, однако понятно, что

без такого крупного специалиста, как Чобан-заде, оно не могло обойтись. Осенью на совещании татарских коммунистов было решено открыть дискуссию в печати по вопросу о переводе крымскотатарского языка на латинский алфавит⁴⁴.

Инициатор реформы письменности тюркских народов СССР и введения так называемого нового тюркского алфавита (НТА) на основе латиницы Н. Нариманов был поддержан кремлевской верхушкой⁴⁵. Конечно, цель этой кампании была сугубо политическая — оторвать эти народы от исламской традиции, сделать массы более доступными для идеологической обработки. Однако в данном конкретном случае, не оправдывая насилия по отношению к сторонникам арабской графики (так называемым *арабистам*), перевод на НТА следует признать мерой исторически оправданной, прогрессивной с точки зрения культурного развития. Из мусульманских народов албанцы первыми еще в конце XIX века перешли на звуковой латинский алфавит. Как ученый-языковед Чобан-заде был убежден в необходимости перевода крымскотатарского языка на НТА, и не по указке партии, а по зову сердца и здравому размышлению стал последовательным сторонником латинизации.

Однако как в Крыму, так и в других тюркских республиках эта кампания вызвала раскол общества. У противников не было серьезных научных обоснований, они действовали по той же вульгарно-социологической схеме, что и партийные пропагандисты. Последние, например, высказывали дикие в своем невежестве мысли: «Арабский алфавит является классовым орудием угнетения трудящихся масс в руках мусульманского духовенства и буржуазии»⁴⁶ — вместо того, чтобы указывать на несоответствие арабской письменности фонетическому строю крымскотатарского языка. Мало что известно о том, как коллеги Чобан-заде по Народной партии реагировали на латинизацию. Известно, однако, что Айвазов и Акчокраклы участвовали в работе I Всесоюзного тюркологического съезда, поддержавшего переход на НТА (Баку, 1926 год), позже Айвазов возглавил Крымский совет НТА. Ясно, что делали это они без особого энтузиазма, но публично не возражали. Национал-коммунисты левого толка в лице Мамута Недима поддерживали очередную партийную кампанию всеми силами. Недим агитировал за латинизацию как на страницах редактируемой им газеты «Новый мир», так и позже на посту наркома просвещения.

Ряд влиятельных общественных деятелей Крыма стоял на позициях сохранения арабской письменности. Все они группировались вокруг опальных

М. Султан-Галиева и И. Фирдевса. Высшие руководители автономной республики — председатель ЦИК Вели Ибраимов и председатель Совнаркома О. Дерен-Айерлы — находились всецело под влиянием двух вышеназванных политиков. Более осторожно держался нарком просвещения в 1924—1928 годах Усеин Балич. О нем позже будет сказано, что «Наркомпрос при Баличе систематически саботировал перевод татарского письма на НТА»⁴⁷. Все названные выше лица не могли одобрять решительной и смелой позиции Чобан-заде в этом вопросе, что в итоге привело к латентному конфликту между ним и руководством крымской автономии.

Аргументация противников нового алфавита на латинской графике не лишена определенной логики и доказательности. В наиболее полном виде ее изложил Султан-Галиев, выступая перед студентами Института востоковедения в Москве. Вот некоторые тезисы из его выступления: «Центральный комитет партии под предлогом латинизации пытается внести раскол между тюрко-татарскими народами и противопоставить их друг другу. Он преследует цели ослабить, разделить и уничтожить культурный и научный потенциал татар. ЦК отстраняет авторитетных деятелей от решения политических и экономических проблем своего народа, натравливает их друг против друга, используя эту проблему в своих целях». В конце доклада Султан-Галиев сделал такие выводы: «Во-первых, программа ЦК о латинизации на первом плане преследует политические цели. Во-вторых, она ставит задачу изолировать тюрко-татар от влияния культуры мусульманских народов, живущих за пределами СССР (тезис уязвимый, ибо в это же время Мустафа Кемаль готовит Турцию к переходу на новый алфавит. — Д.У.). И, в-третьих, народы, лишённые своего алфавита, непременно окажутся под сильным влиянием русской культуры и будут поглощены ею. И это есть не что иное, как продолжение политики русификации»⁴⁸.

В Крымской АССР линию Султан-Галиева проводил бывший недолгое время нарком просвещения, а затем юстиции Решид Ногаев⁴⁹. На состоявшейся в Симферополе учительской конференции он открыто выступил против латинизации. В Крым приезжал и сам Султан-Галиев. Как позже вспоминал Мамут Недим, ярый противник правых национал-коммунистов, «...к нам приехал Султан-Галиев, который все время агитировал совместно с Вели (Ибраимовым) против нового алфавита»⁵⁰. Соппротивление культурно-языковой ассимиляции, безусловно, говорит о гражданской позиции Султан-Галиева, Фирдевса, Ногаева, Вели Ибраимова и других, однако в

плане научном их взгляды оказались ретроградными. Напротив, история подтвердила правоту Чобан-заде, который как общественный деятель, педагог и ученый защищал *прогрессивное дело*. Сегодня, на пороге второй латинизации крымскотатарской письменности, его мысли по-прежнему актуальны и современны.

Борьба вокруг ново-тюркского алфавита оказалась ожесточенной и длительной, она сильно подорвала служебное положение Чобан-заде. Дело в том, что противники латинизации (Вели Ибраимов, Дерен-Айерлы, Ногаев, Балич) в 1924 году приходят к кормилам управления, оттеснив присланных из центра троцкистов (Гавена, Уфимцева, Саид-Галиева) и местных левых. Происходят перемены и в Наркомпросе Крыма. Однако, прежде чем рассказать о них, познакомимся с загадочным документом, касающимся непосредственно Чобан-заде. Это протокол заседания татбюро ОК от 11 февраля 1924 года, едва ли не последнего, так как национальные секции обкома вскоре были ликвидированы. Среди рутинных вопросов о татпечати, о татучебных заведениях, об упрощении орфографии в повестке дня стоит персональный вопрос: «О Чобан-заде, Умерове, Озенбашлы, Мухитдинове Бекире». Обычно с такими формулировками перемещали по должности ответственных работников татар. Действительно, трое последних в списке рекомендованы на различные малозначащие посты. Параграф о Чобан-заде гласит: «Использовать тов. Чобан-заде в научной работе в университете как научного работника; предложить Наркомпросу привлечь его к работе по изданию журнала и обеспечить его ставкой ответственного работника»⁵¹. Никаких других пояснений к принятой резолюции нет; не сохранилось и заявления самого Чобан-заде. Этот туманный текст понять непросто, а интерпретировать его можно по-разному.

Ключ к его пониманию пришел во время архивных поисков, связанных с реабилитацией крымчан, репрессированных в 1937—1938 годах. Сначала в Центральном архиве Министерства обороны РФ, где временно хранилась документация Военной коллегии Верховного Суда СССР, нами обнаружено дело И.Ф. Исмагилова, учителя железнодорожной школы Ташкента, осужденного в Симферополе. На допросе он показал, что «...по своей антисоветской деятельности был организационно связан с активным пантюркистом Чобан-заде» как во время пребывания в Крыму, так и в Ташкенте. Затем он заявил, давая ключ к разгадке тайны предыдущего документа: «Во второй раз я в Ташкент выехал в 1924 году, так как была ликвидирована татарская секция

народного образования в системе Наркомпроса, где я некоторое время работал инструктором под руководством Чобан-заде»⁵².

Теперь стало ясно, что вопрос о трудоустройстве Чобан-заде рассматривался в связи с упразднением татарского отдела Наркомпроса, который он возглавлял. Как это произошло и когда? Понадобилось еще немало усилий, чтобы обнаружить последнее звено в этой полудетективной истории. В газете «Красный Крым» за 26 октября 1923 года читаем заметку «*Реорганизация совнацмена*»: «Вследствие некоторого изменения структуры Крымнаркомпроса в сторону упрощения и татаризации аппарата татотдел НКП упраздняется. Во всех функциональных отделах учреждается должность заместителя заведующего, занимаемая татаринном, на которого возлагаются определенные отрасли работы. В соцвос назначен т. Одабаш, в профобр — т. Чобан-заде, в политпросвет — т. Мамут Недим. Вместо донныне существовавшего Совнацмена учреждается Совет по просвещению татарского и нацменнаселения. Председателем Совета является нарком т. Мухетдинов...»⁵³.

Итак, в конце октября 1923 года Чобан-заде вместо заведования одним из главных в Наркомпросе отделов, по существу второго лица после наркома, становится заместителем заведующего одного из рядовых отделов, что означало резкое понижение в наркомовской иерархии. Теперь его начальником стал некий Фридман, малообразованный партфункционер⁵⁴.

Понижение в должности резко сократило диапазон общественной и культурно-просветительской деятельности Чобан-заде, однако из Наркомпроса он не ушел. По его предложению создается Научный совет (Академическое совещание) с большими и разнообразными научно-методическими функциями. Если их кратко перечислить, то получается следующая картина: пересмотр учебных планов, индивидуализация всех программ, разработка учебных программ обучения родному языку, подготовка учебной и методической литературы, обобщение и распространение передового педагогического опыта, научное обоснование орфографии крымскотатарского языка, переподготовка педагогических кадров и др. Короче говоря, Академическое совещание являлось прообразом позднейших институтов усовершенствования учителей, принесших большую пользу делу народного просвещения в нашей стране. До декабря 1924 года он здесь работает председателем татарской секции⁵⁵, продолжая свою благородную миссию на ниве народного просвещения Крыма.

Глава 3. Профессор Крымского университета

Бекир Чобан-заде являлся не только выдающимся организатором и руководителем крымскотатарского просвещения. Для него работа в школе, средней и высшей, была не менее важным делом, чем в Наркомпросе. Первый педагогический опыт он получил, как мы помним, еще в Восточной академии в Будапеште (1919—1920). Затем преподавал в Тотайкойском педагогическом техникуме и в женском педагогическом училище в Симферополе. Настоящее призвание свое он нашел в стенах Крымского университета имени тов. Фрунзе — так официально назывался этот вуз в начале 1920-х годов. Об этой стороне его жизни в Крыму мы узнаем не только из архивных документов. Найдены источники личного происхождения, которые показывают молодого педагога и ученого с новой стороны, в неожиданном ракурсе. Речь идет о дневниковых записях профессора И.А. Линниченко и о письмах другого его коллеги по университету — профессора В.И. Филоненко. Эти ценные источники впервые вводятся в научный оборот. Несколько слов о Линниченко: в его послужном списке дан краткий перечень научных достижений. Доктор русской истории, член более 70 научных обществ, русских и заграничных, имеет более 400 печатных трудов, член-корреспондент академий Петербургской и Краковской. Основал первый в России народный университет в Одессе. С 1920 года профессор Таврического университета¹. Коллеги по Таврическому обществу истории, археологии и этнографии после его смерти в 1926 году, почтив его память, вклад Линниченко в науку оценили более строго. Арс. Маркевич сказал о покойном: «Развил кипучую общественную деятельность, ввиду чего писал лишь мелкие научные труды, но в огромном количестве»². Линниченко, прибыв в Крым, исписал своим мелким неразборчивым почерком на русском и французском языках горы бумаги. Такая яркая личность, как Чобан-заде, не могла не привлечь внимания Линниченко, и можно было надеяться, что, читая его крымские дневники, удастся найти новый фактический материал, интересные наблюдения и размышления. Увы, наши поиски в личном архивном фонде Линниченко дали весьма скромный результат.

В дневниковых записях Линниченко «Хроника событий» под датой 16/29 августа 1921 года читаем мысли профессора о скором начале учебного года в университете после его реорганизации. Вместо прежних двух

факультетов, историко-филологического и юридического, «с большим трудом удалось добиться факультета общественных наук, который будет состоять из четырех отделений: педагогического, правоведческого, экономического и восточного». Далее он описывает возникшие в связи с этим проблемы: «Положение наше оказалось очень трудным. Среди нас ни одного ориенталиста, а нужно собрать целое восточное отделение ученых с турецким и персидским, арабским, татарским, турецким etc. языками и словесностью».

Прервем здесь почтенного профессора и укажем на его слабую информированность относительно наличия в Крыму специалистов со знанием восточных языков. Еще в феврале руководство университета послало Наркомпросу РСФСР предложения по организации факультета общественных наук, назвало учебные дисциплины и кандидатуры преподавателей. В посланном документе, в частности, говорилось: «Необходимость обеспечения кадрами специфически местных условий» станет основной задачей как экономического, так и педагогического отделений. На последнем необходимо ввести «цикл местных предметов» и востоковедческих дисциплин. Они перечислены, а в скобках названы рекомендуемые преподаватели. Оказывается, в университете хорошо знают Б. Чобан-заде, предполагается поручить ему чтение персидского языка. Два предмета — мусульманское право, история искусств Востока — будет преподавать выпускник Московского Строгановского училища У. Боданинский. На арабский язык найдены два кандидата — Леманов, окончивший институт Аль-Азхар в Египте, или Ибраим Фегми, окончивший институт в Бейруте. Сведения о Леманове не вполне верны, но это не меняет сути: востоковедные кадры в Крыму имелись. Уже в июле найден еще один специалист — В.И. Филоненко, который избран приват-доцентом по персидскому языку³.

Ничего об этом Линниченко не известно. В своем дневнике он сетует на отсутствие востоковедов, затем на той же странице с ехидцей отмечает: «Нашли какого-то Чабана (в тексте подчеркнуто. — Д.У.), да не просто Чабана, а еще имеющего Заде ..., еще другого Заде (Муфти-Заде) ...». Упоминается еще одна «восточная фамилия» — Одабаш. Затем в том же высокомерно-ироническом стиле Линниченко продолжает: «Так вот эти ученые, кто якобы слушал лекции в Сорбонне, кто в Константинопольском университете, кто в Каирском, кто чуть ли не в Асуанском. Беда только в том, что никто из них не озаботился приобрести бумагу означенных ученых учреждений»⁴.

У зараженного имперским высокомерием по отношению к «инородцам»

Линниченко кроме невежества и попытки пошло шутить по поводу двойных фамилий в дневнике никакой полезной информации не находим. Что касается упомянутых им двух востоковедов — Одабаша и Муфтий-заде, то о них следует сказать несколько слов. Абибулла Одабаш, получивший образование историка в Стамбульском университете, был принят на восточный факультет, а в 1928 году получил звание доцента. Абдуреим Челеби Муфтий-заде, напротив, принят не был, и факультет потерял блестящего знатока восточных языков.

Намного богаче и разнообразнее информация о Чобан-заде содержится в переписке профессора В.И. Филоненко⁵. В посланиях другу студенческих лет академику И.Ю. Крачковскому он подробно описывает университетскую жизнь, своих коллег, постановку преподавания на восточном факультете. Этот ценнейший исторический источник впервые использован в прекрасной книге А.А. Долининой о своем учителе Крачковском, хотя имя Чобан-заде в ней ни разу не названо⁶.

Первое упоминание о Чобан-заде мы встречаем в письме, отправленном из Симферополя 1 ноября 1921 года. В нем Филоненко критикует устройство восточного отделения ФОН: «отделение устроено плохо», а именно: в учебном плане допущена многопредметность, есть немало дисциплин, никак не связанных с Востоком. Другой недостаток: в студенты принимаются молодые люди с «пониженными требованиями, не получившие даже теперешнего среднего образования (выделено в тексте. — Д.У.), затем следует любопытная фраза, показывающая, что автор письма еще мало знает своих коллег по работе: «Турецкие наречия читает некто Чопан-Заде, венский приват-доцент, из местных уроженцев». То, что Филоненко перепутал Будапешт, где получил образование Чобан-заде, с Веной, тоже легко объяснимо: ведь до распада империи Габсбургов эти два города были столицами частей двуединого Австро-Венгерского государства. И совсем горькое чувство охватывает читателя, когда видишь такие ужасные признания: «Я живу плохо, голодаю и ... почти что побираюсь»⁷.

Теперь обратимся к официальным документам. Решение об открытии факультета востоковедения при Таврическом университете было принято еще весной 1919 года, но не реализовано из-за гражданской войны⁸. Во второй раз Москва дала разрешение открыть восточное отделение в составе ФОН 8 июня 1921 года. Декан факультета П.И. Новицкий высоко оценил это событие в статье «Будущее татарской национальной культуры»⁹. С симпатией и немалой

долей прозорливости он отмечает, что крымскотатарский народ испытывает нужду в квалифицированных кадрах, в многочисленной интеллигенции. «Открытие отдела востоковедения при факультете общественных наук Крымского университета как раз отвечает этой задаче. Отдел востоковедения должен быть форпостом татарской национальной культуры. Он должен подготовить плеяду квалифицированных работников просвещения среди татар».

В осеннем семестре 1921 года студенты-востоковеды Крымского университета слушали курсы следующих преподавателей: Чобан-заде вел два предмета — тюрко-татарские языки (так названо, по всей вероятности, введение в тюркско-татарское языкознание) и историю тюрко-татарского племени; Филоненко ведет тоже два предмета — персидский язык и историю Персии, а Одабаш — крымское наречие татарского языка¹⁰. В феврале следующего года Государственный ученый совет (ГУС) Наркомпроса РСФСР подтвердил разрешение своей научно-политической секции от 8 июня 1921 года об открытии в КГУ восточного факультета, в связи с чем отделение было преобразовано в самостоятельный факультет¹¹. К весне 1922 года преподавательский состав факультета стабилизировался и состоял из следующих лиц: декан М.О. Гредингер (1872 — ?) — юрист, доцент Таврического университета с 1919 года, до этого работал в Рижском политехническом институте и Юрьевском (Тарту) университете¹². В Крыму некоторое время по приказу ревкома возглавлял местный архив. Профессор А.М. Лукьяненко (1880—1974) — специалист по сравнительному языкознанию, профессор А.Н. Деревницкий (1859—1943) вел историю искусств Востока, преподаватели восточных языков А. Одабаш, И. Леманов, В.И. Филоненко. Ректором университета с января 1921 года являлся А.А. Байков, в будущем знаменитый ученый, вице-президент АН СССР, герой труда и лауреат разных премий.

День 3 марта 1922 года вошел в биографию Б. Чобан-заде как одна из ярких дат — в этот день решением ГУС Наркомпроса РСФСР он утвержден в звании профессора по сравнительной грамматике тюркских языков и истории Востока. К великому сожалению, в архивном деле есть лишь краткое протокольное решение по ходатайству Крымского университета, но отсутствуют сопутствующие документы — копия докторского диплома, автобиография, характеристика научной и педагогической деятельности. ГУС в этот день, кроме Чобан-заде, утвердил в должности профессоров:

Лукьяненко, имевшего докторскую степень и звание ординарного профессора, и Гредингера, получившего степень магистра; звания преподавателя были удостоены Одабаш, Леманов, Филоненко и Арс. Маркевич — по истории Крыма¹³.

В этом списке отсутствует фамилия Деревницкого, его представление на должность профессора по кафедре истории искусств Востока ГУС рассматривал в июне того же года и решил его отклонить: «Из представленных материалов не видно, что А.Н. Деревницкий является специалистом в области искусств Востока»¹⁴. Этот отказ вызвал в Крыму волну протестов. Деревницкий пользовался большим авторитетом как ученый и организатор высшей школы. Он имел звание заслуженного ординарного профессора, занимал кафедру истории искусств в Харьковском университете, был ректором Новороссийского/Одесского университета, был попечителем Казанского, Оренбургского и Киевского учебных округов, а в Таврическом университете был первым деканом историко-филологического факультета¹⁵.

На восточном факультете было решено отстоять Деревницкого и просить ректора повторить ходатайство о нем. На этот сюжет нами выявлены до сих пор неизвестные документы, написанные рукой Чобан-заде. 6 октября 1922 года «начальник Татуправления и профессор Востфака» (таковы его должности) Чобан-заде красивым энергичным почерком «в качестве представителя культурных интересов татарского населения Крыма», озабоченный «наиболее серьезной постановкой преподавания на Восточном факультете Крымского университета им. тов. Фрунзе», просит ректора вновь ходатайствовать по делу Деревницкого¹⁶. Он высоко оценивает познания старого профессора в области истории искусств вообще, восточного — в частности. Днем ранее Чобан-заде пишет представление с обоснованием введения практического курса восточной каллиграфии и рекомендует Османа Акчокраклы на должность преподавателя этой дисциплины¹⁷.

Вмешательство Чобан-заде увенчалось успехом, а это говорит о том, что с его мнением считались не только в Крыму, но и в Москве: Деревницкого утвердили профессором, а Акчокраклы — в должности научного сотрудника. Несколько позже, 1 декабря 1922 года, ГУС его переутвердил на пост лектора восточной каллиграфии. Следует добавить, что оба протеже Чобан-заде успешно трудились в Крымском университете / педагогическом институте до его погрома в 1934 году.

Примечательно, что список преподавателей восточного факультета КГУ на

1922—1923 учебный год, представленный в Москву, открывается фамилией профессора Чобан-заде, затем следуют Лукьяненко, Гредингер и Деревницкий, преподаватели Одабаш, Леманов, Филоненко, Маркевич, Акчокраклы¹⁸. Такое расположение имен говорит о реальной иерархии в коллективе, когда перспективный, талантливый ученый и педагог стоит впереди декана, своих маститых коллег. Кроме названных выше, в списке значатся А.А. Раевский, бывший профессор юридического факультета Харьковского университета, и декан педагогического факультета П.И. Новицкий, единственный среди преподавателей член РКП, преподаватель исторического материализма¹⁹. В апреле 1923 года вновь меняется статус крымских востоковедов — вместе с разрешением на открытие выпускного IV курса восточный факультет преобразован в отделение педагогического факультета²⁰. Осенью 1923 года профессор Чобан-заде назначен представителем КрымЦИК в Совете университета.²¹

Следующий год в жизни преподавателей и студентов ознаменовался большим событием — в мае 1924 года с лекциями на факультет прибыл выдающийся ученый-арабист И.Ю. Крачковский, незадолго до этого избранный академиком. В опубликованном отчете он рассказывает, что кроме Симферополя он посетил Бахчисарай и ханский дворец-музей, а также Евпаторию, где знакомился с рукописями караимской национальной библиотеки. В Крымском университете он прочитал два спецкурса: «Арабский язык в прошлом и настоящем» и «Арабская литература XIX—XX веков». Академик высоко оценил своих слушателей: «Немногочисленная, но внимательная и аккуратная аудитория, помимо студентов университета, состояла из некоторых профессоров и преподавателей, а также представителей местного населения, преимущественно из среды татарского учительства». В отчете Крачковский особо отметил благородный поступок профессора Чобан-заде, пожертвовавшего Бахчисарайскому дворцу-музею редкую арабскую рукопись, отсутствующую в европейских собраниях. Эту рукопись Чобан-заде купил за собственные средства и пожертвовал библиотеке²². Среди моральных качеств молодого профессора, как видим, было и меценатство.

Между тем Крымский университет клонился к упадку, открыто говорили о его закрытии. Финансирование уменьшалось, шло сокращение штатов. Преподаватели уезжали в столичные центры: Москву, Ленинград, Баку. Характерный случай произошел с ректором университета А.А. Байковым: он

уехал в Москву и... исчез. Комиссия по вузам 3 ноября 1923 года решила: «признать невозможным оставление Байкова ректором университета ввиду его отсутствия... провести немедленно перевыборы»²³. Ректором стал популярный среди студенчества и профессуры С.С. Салазкин. Когда-то он был ректором Петроградского женского медицинского института, а осенью 1917 года недолгое время — министром здравоохранения Временного правительства.

Весь 1924 год прошел в безуспешной борьбе за сохранение университета в Крыму. К этому времени он состоял из двух факультетов — педагогического (с отделением языковедения) и медицинского. Именно последний и планировали ликвидировать московские власти, что вызвало возмущение местной общественности. Газета «Красный Крым» регулярно печатает статьи и письма в защиту медицинского факультета и всего университета в целом. П.И. Новицкий предупреждает, что закрытие университета в Крыму неизбежно приведет к понижению культурного уровня работы всех учреждений, что в конечном итоге и произошло. Доцент-медик О. Байрашевский подсчитал, что для нормального функционирования органов здравоохранения Крыма ежегодно нужно 40 врачей²⁴. В мае следующего года газета публикует обнадеживающее сообщение «К вопросу о закрытии Крымского университета». В нем говорится, что в Москву на Всероссийский съезд советов выезжают председатель КрымЦИК Вели Ибраимов и председатель Совнаркома Дерен-Айерлы. Они будут отстаивать сохранение медицинского факультета. Газета далее пишет, что председатель Главнауки Наркомпроса РСФСР посетил недавно Крымский университет, где ему показали лаборатории и учебные аудитории медицинского факультета, и он признал, что «есть достаточная база» для его дальнейшей работы. Но спустя два дня в газете помещено совсем другое сообщение: Совнарком РСФСР окончательно решил закрыть медицинский факультет, а университет реорганизовать в педагогический институт²⁵.

Драматические события вокруг судьбы Крымского университета совпали с такими же переменами в жизни одного из его профессоров. Чобан-заде в 1924—начале 1925 года находится на пороге серьезных перемен, «на заре какой-то новой жизни», как выразился поэт. После ухода из Наркомпроса он полностью отдался научной и педагогической деятельности в университете. Но теперь и здесь его преследует злая судьба — университет ликвидируется, будущее туманно и неопределенно. К тому же дискуссия о латинизации

крымскотатарского языка усиливается, а вместе с ней — конфликт с верхушкой национал-коммунистов. В жизни Чобан-заде, отметившего недавно свой 30-летний юбилей и женившегося, назревают важные события.

Мы имели уникальную возможность проследить за перипетиями закрытия Крымского университета и тем, как это отразилось на биографии Чобан-заде, через призму переписки профессора В.П. Филоненко и академика И.Ю. Крачковского. Взгляд субъективный, как бы со стороны, и в то же время весьма информативный и богатый своеобразными нюансами. Читаем письмо из Симферополя от 24 октября 1924 года: «Чобан-заде уехал в отпуск на два месяца в Баку. Будто бы печатать свой труд «Османскую грамматику», а правду кто знает? Злые языки поговаривают, что он совсем хочет уехать из Крыма, ибо дела его общественно-политического характера что-то не ладятся». Читаем другое письмо, посланное месяц спустя (30 ноября): «Чобан-заде только что вернулся из Баку, триумфальной своей поездки...». Затем, едко пожаловавшись на козни татар, которые якобы ведут дело к закрытию университета, Филоненко возвращается к своему молодому сопернику, к которому испытывает тайную зависть: «Чобан-заде собирается опять в Баку. Говорит, что его страшно приглашают в университет, в деканы, но из разговоров с ним я вынес такое впечатление, что в Баку он больше имел дело с Наркомпросом, чем с Университетом». Филоненко иронически передает рассказы Чобан-заде о том, что в Баку он читал лекции, после которых ему устроили «бесконечно шумные овации»²⁶. Может быть, так оно и было.

Надежность сообщаемых Филоненко известий, кроме, естественно, оценочных моментов, подтверждается интервью Чобан-заде, опубликованном местной газетой 5 декабря 1924 года. Он, оказывается, был в Баку не в отпуске, как думал Филоненко, а на съезде востоковедов по приглашению Наркомпроса Азербайджана. Интервью вышло под многозначительным заглавием «Итоги съезда востоковедов». Здесь мы читаем: «Вернувшись со съезда языковедов в Азербеджане (так в тексте. — Д.У.), тов. Чобан-заде поделился с нашим сотрудником впечатлениями о съезде и наблюдениями над общим положением дел в Азербайджанской Республике. В работе съезда приняли участие представители учреждений востоковедения Москвы, Ленинграда, Закавказской федерации: Армении, Грузии и Дагестана. Главное внимание съезда было сосредоточено на вопросах тюркологии, на изучении тюрко-татарской истории, экономики, быта и культуры. Создана была

соответствующая секция, руководство которой было поручено представителю Крыма (то есть самому Чобан-заде. — Д.У.), так как съезд признал ценным опыт Крыма в области тюркологии».

Чобан-заде остановился на трех основных проблемах, обсужденных собравшимися в Баку учеными. Первая — это реформа азбуки и орфографии тюркских языков. Переход на латиницу, сказал он, выдвигается Азербайджаном. Затем следует реформа литературного языка, понимаемая, по словам Чобан-заде, как «...приближение его к народному разговорному языку и освобождение его от персидского влияния». Третья проблема касается издательского дела. Чобан-заде высоко оценил достижения азербайджанцев в этом направлении: «Центром издаваемой на тюркском языке литературы является Баку. Реформа азбуки и орфографии значительно упрощает всю издательскую технику и создает благоприятные условия для расширения издательского дела и развития переводной литературы»²⁷.

Примечательно, что интервью Чобан-заде было опубликовано за несколько дней до созыва IV съезда Советов Крыма, на котором Чобан-заде впервые не был избран членом президиума ЦИК. Это, несомненно, усилило его эмигрантские настроения, о чем сообщает письмо Филоненко от 24 декабря 1924 года: «В конце февраля Чобан-Заде опять уезжает в Баку. До самой осени». Далее Филоненко жалуется на то, что в результате сокращений и реорганизации в университете слили математический, естественный и педагогический факультеты, а смету оставили прежнюю. Уже три месяца все мы, преподаватели, «...получаем какие-то крохи, падающие с чьего-то стола. Переругались все и перессорились. Многие уже разбегаются»²⁸.

Письмо Филоненко Крачковскому от 17 января 1925 года содержит настоящую сенсацию и дает однозначное объяснение дискуссионному вопросу о том, был ли Чобан-заде ректором Крымского университета. В своей автобиографии, опубликованной нами в приложении, он лаконично пишет: «В 1924 году был избран ректором Университета Крыма»²⁹. Некоторые биографы ученого стали писать, что он занимал должность ректора (В. Асланов, И. Отар, А. Тагирзаде и А. Гулиев), а Юдакин в своих заблуждениях пошел дальше всех, беспардонно утверждая, что Чобан-заде был ректором (1924) и наркомом просвещения Крыма (1922—1923)³⁰. Сам Чобан-заде в анкете переписи научных работников СССР 1931 года в графе «Занятия опрашиваемого, начиная с 18-летнего возраста» ни о ректорстве, ни о комиссарстве ничего не пишет³¹.

Теперь вернемся к упомянутому выше письму и послушаем, что крымский профессор рассказывает своему далекому другу: «В Симферополе в университетской жизни — новости. Новый ректор. Салазкин уходит куда-то к Вам, в Ленинград. А у нас избрали, как думаете, кого? Чобан-заде! Это своего рода последняя ставка на существование университета в Крыму». Обратим внимание на совершенно справедливое и неожиданное в устах Филоненко мнение о том, что Чобан-заде — единственная надежда на сохранение Крымского университета. Но случилось непредвиденное — появился второй кандидат на пост ректора. «Дело в том, — продолжает Филоненко, — что Наркомпрос и партия (надо было бы сказать наоборот: партия и наркомпрос. — Д.У.) выставили своего кандидата, некоего Фридмана, имеющего весьма далекое отношение не только к Университету, но и к школе вообще». Мы помним, что в октябре 1923 года Фридман, будучи заведующим отделом профобразования наркомпроса, стал прямым начальником Чобан-заде, назначенного его заместителем³². Филоненко продолжает: профессура поддержала кандидатуру Чобан-заде. Он сначала было отказывался, но затем согласился, сказав в благодарственном слове, что приложит все старания к тому, чтобы сохранить в Крыму медицинский факультет и весь университет. В Москву на утверждение были направлены две кандидатуры. «Теперь все с нетерпением ждут: кого утвердит Москва? Логика как будто говорит, что Чобан-заде. А с другой стороны, скептики говорят, что назначен будет Фридман, ибо он член партии»³³.

Как опасался Филоненко, логика не победила, но и креатура местных партийцев также не прошла. Однако прежде чем узнаем, чем закончился казус с выборами ректора Крымского университета, ознакомимся с краткой заметкой в газете «Красный Крым» за 7 января 1925 года под заглавием «Пере выборы правления университета». В ней говорится, что на заседании Совета университета 5 января был заслушан отчет старого правления и произведены выборы нового. «Принят следующий список нового правления университета, рекомендованного Главпрофору для утверждения. В список вошли тов. Фридман, проф. Чобан-заде, проф. Салазкин, зав. кафедрой Нефедьев, представитель студентов»³⁴. К сожалению, подшивка газеты в распоряжении автора оказалась дефектной, поэтому продолжение ректорской эпопеи в ней отсутствует. Однако по другим источникам удалось установить, что Москва не утвердила ректором ни Чобан-заде, ни Фридмана. Назначение нового ректора затянулось на долгое время. В феврале 1925 года обком

партии потребовал от Главпрофобра Наркомпроса РСФСР «прислать подробные мотивы несогласия с кандидатурами, выдвинутыми обкомом»³⁵. Что ответило это учреждение крымским партиям, неизвестно. Только 19 октября 1925 года секретариат обкома утвердил ректором Крымского педагогического института (за это время университет потерял свой статус и стал институтом) С.Т. Бобрышева, бывшего сотрудника агитпропа обкома партии, весьма далекого и от науки, и от высшей школы.³⁶

Вернемся теперь к переписке Филоненко. 18 марта 1925 года он сообщает своему корреспонденту в Ленинград еще одну сенсацию: «Бекир-эфенди Чобан-заде покинул нас окончательно. Совсем переехал в Баку. Были торжественные проводы... Чествование носило общественный характер. Говорилась масса речей, превозносились его заслуги как ученого и поэта»³⁷. Это лапидарное, в телеграфном стиле, сообщение мы можем дополнить другим, более пространное, появившимся 25 февраля в обкомовском органе. В материале, озаглавленном «Чествование тов. Чобан-Заде», газета «Красный Крым» писала: «Зал Дома крестьянина переполнен до отказа. Профессора Крымского университета, студенты, местные партийные, общественные и советские деятели собрались на чествование-прощание с татарским поэтом, профессором Крымского университета и членом КрымЦИКа тов. Чобан-заде, уезжающим в Баку, куда он приглашен профессором тюркологии в Азербайджанский университет.

Выступившие деятели народного образования и представители татарской научной и общественной мысли т.т. Одабаш, Чапчакчи, Байрашевский и др. отметили заслуги тов. Чобан-заде как общественного деятеля и поэта. Прощание носило чрезвычайно задушевный характер»³⁸.

Итак, в начале марта 1925 года, пробыв в Крыму чуть больше четырех лет, Чобан-заде вновь пустился в далекое странствие. Ветер перемен опять подул в его паруса. На этот раз он покинул Родину навсегда, не прерывая, однако, связей с ней и бывая в Крыму вначале довольно часто, затем все реже и реже. Лишь много десятилетий спустя его посмертная слава вернулась навсегда на родную землю. Слава великого ученого и выдающегося поэта, классика крымскотатарской литературы.

Глава 4. Со словарем и лирою в руках

С древних времен у разных народов словарь был символом любви к слову, лира же олицетворяла поэтическое искусство. В литературном творчестве Б. Чобан-заде органически слились наука о слове и поэзия. Со словарем в руках и с песней на устах прошел он 4 коротких года пребывания в Крыму. Как будто предвидя свое будущее, он записал в свой поэтический дневник «Звуки свирели» слова неизвестного французского поэта: «J'ai mis le bonnet rouge au vieux dictionnaire» («Я набросил красный колпак на старый словарь»). Красный колпак — это фригийский колпак, эмблема освобождения духа от оков повседневности, романтический знак, олицетворяющий полет фантазии. Скрытый смысл этих слов выразил другой поэт, когда сказал: «Рационализм миллионов питается романтизмом немногих». Романтизм поэта Чобан-заде выражен в концепции *джигитизма*, об этом будет сказано несколько позже. Главный же вывод из того, что написано Чобан-заде в 1920—1924 годах, можно выразить краткой формулой: наука должна быть поэтической, а поэзия — научной. Ему это удалось в полной мере.

Здесь следует сделать маленькое отступление и объяснить дальнейшее изложение. В настоящей книге, как сказано в предисловии, не ставится задача подробно рассмотреть литературное и научное творчество Чобан-заде из-за ее ограниченного объема. Кроме того, как поэзия Чобан-заде, так и труды в области языкознания и литературоведения к настоящему моменту хорошо известны специалистам. Выше уже упоминались солидные научные труды А. Бабаева и К. Аджара по филологическому наследию Чобан-заде. Назовем также диссертацию турецкого ученого И. Нойана, защищенную в 1967 году в Стамбульском университете¹. Кроме того, вклад Чобан-заде в изучение крымскотатарского языка освещен в содержательных статьях профессоров А. Меметова и А. Эмировой². Поэтическое мастерство поэта нашло свое отражение в монографии И. Отара, предисловиях к сборникам стихов, написанных видными поэтами Э. Шемьи-заде и Ш. Селимом³, кандидатской диссертации Ш. Юнусова и его статьях в журнале «Йылдыз»⁴. В последнее время ученые-филологи обратили внимание на прозаические сочинения Чобан-заде. В частности, в одном из последних номеров журнала «Йылдыз» опубликована его повесть «Нурай» с обстоятельным критическим анализом Н. Сейтягьяева⁵. Укажем, наконец, на такое отрадное явление, как

публикацию научных текстов Чобан-заде, долгое время бывших недоступными широкому читателю. В 2003 году переизданы две работы из научного наследия Чобан-заде: «Крымскотатарская научная грамматика» (подготовка текста А. Эмировой, Н. Сейтягьяева) и «Крымскотатарская литература новейшего периода» (подготовка текста А. Куртсеитова, Н. Сейтягьяева)⁶.

Учитывая вышесказанное, в следующем изложении мы ограничимся лишь главными сведениями о научной и литературной деятельности Чобан-заде, имеющими прямое отношение к его биографии. Нельзя будет, разумеется, не познакомить русскоязычного читателя с лучшими образцами поэзии великого крымскотатарского поэта.

За время пребывания в Крыму Чобан-заде вырос в крупного ученого, труды которого охватывают основные отрасли тюркологии. Его научные публикации начинаются с небольших статей о школьном деле крымских татар в прошлом и настоящем. Они появились в 1921 году в первых номерах педагогических журналов «Бильги» и «Ильк адым». Спустя два года в журнале «Янъы Чолпан» опубликована работа «Введение в тюрко-татарское языкознание», которая является, в сущности, тезисным изложением (или конспектом) читаемого в университете курса лекций. В следующем, 1924 году она в развернутом и дополненном виде издается в Баку. Именно для доработки этой монографии и правки корректур, а также для участия в съезде востоковедов он ездил в Азербайджан осенью того года. В появлении книги ему оказали содействие просвещенные партийные руководители республики С. Агамали и Р. Ахундов. Ряд статей на лингвистическую тематику вышел в Симферополе в названном выше журнале «Янъы Чолпан». Все эти научные работы опубликованы на крымскотатарском языке традиционным арабским письмом, но во время пребывания в Баку в ноябре 1924 года в местном журнале напечатано интервью с профессором Чобан-заде и его статья уже латинской графикой⁷.

В это же время ученый исследует родной язык как по фольклорным и литературным памятникам, так и во время полевых экспедиций в различные уголки Крыма. Если первая монография носит вводный характер, то следующая, вышедшая в 1925 году в Симферополе, называется «Научная грамматика крымскотатарского языка». Обе книги — «Введение» и «Научная грамматика» — написаны в творческом горении автора, пронизаны идеей общности тюркской языковой семьи, поражают читателя обилием

разнообразного фактического материала, кругозором и эрудицией. Сухой языковой и словарный материал изложен ярко, прекрасным стилем.

В первой из названных книг Чобан-заде рассматривает спорные вопросы классификации тюркских языков, их соотношение с языками более широких лингвистических общностей: урало-алтайской и маньчжуро-тунгусской. До сих пор не утратил своего значения проведенный им анализ чувашского и якутского языков. Автор придерживается передовых методологических принципов познания, системного и сравнительно-исторического подходов. Он в совершенстве владеет историографией проблемы, классическими трудами по общему и сравнительному языкознанию, тюркским и другими восточными языками. Чобан-заде показал прекрасное знание истории восточных народов вообще и истории языка в частности. В предисловии к «Научной грамматике» он прямо пишет, что современный крымскотатарский язык можно хорошо знать лишь изучив, каким он был в прошлом и каковы его взаимоотношения с другими родственными языками. Композиционно книга построена по схеме триады — история языка, его место в системе языков, его современное положение и тенденции развития⁸.

Эрудиция Чобан-заде поистине безбрежна: он ссылается на труды великих мыслителей и ученых древних и новых времен, Востока и Запада на многих языках мира. О солидной общефилософской подготовке свидетельствуют ссылки на Гомера и Геродота, Эпикура и Платона, Лейбница, Гегеля и Шеллинга. Широко использованы работы классиков мирового языкознания и тюркологии как отечественных, так и зарубежных. Имена академиков Вельяминова-Зернова и Радлова соседствуют с именами Казембека, Березина, Мелиоранского, Бартольда, Крымского, Ашмарина. Из зарубежных ученых им изучены труды Я. Гримма, В. Гумбольдта, Э. Катрмера, В. Томсена, Ф. Боппа, Антуана Мейе, по рекомендации которого десять лет спустя Чобан-заде будет принят в члены Парижского лингвистического общества. Не забыл он и своих учителей-венгров: Армина Вамбери, Гезу Куна, Теодора Бенфая, Игнаца Куноша. И многих, многих других. Вместе с тем бросается в глаза отсутствие цитат или даже упоминаний Маркса, Энгельса, Ленина, академика Марра, что уже в то время становилось ритуальным требованием ко всякой научной публикации на просторах СССР.

Другой пласт фактического материала и ценных теоретических положений представлен авторами восточных стран. Это Махмуд Кашгарский, Ибн Сина, Султан Велед, словари Ибн Муханны, Саади и Фирдоуси, сочинения авторов

нового времени Исмаила Гаспринского, Ахмеда Байтурсуноглу, Хусейна Джавида, Фуада Паши, Намыка Кемалю, Фуада Кёпрюлю, Зии Гёкальпа. Тщательно были изучены шедевры фольклора тюркских народов, персов и арабов «Китап Деде Коркуд», «Бабур-Намэ», «Кутадгу Билиг», «Лугат-и Неваи», «Фархад и Ширин», «Лейла и Меджнун», «Гариб-Намэ», «Бахтияр-Намэ» и другие, менее знаменитые.

Часто цитирует Чобан-заде и отлично знакомый ему по докторской диссертации, можно сказать, любимый, «Кодекс Куманикус», а также весь корпус орхонских надписей, в особенности руническую надпись в честь Кюльтегина. Наконец, нельзя не упомянуть, что при написании обеих книг были широко использованы десятки разнообразных словарей как древних, так и современных авторов.

Поэтическое творчество Чобан-заде, начатое в Стамбуле и достигшее своего расцвета в студенческие годы, продолжалось, хотя и с меньшей интенсивностью, в Крыму. В процессе работы над настоящей книгой удалось установить непосредственную связь между тремя географическими пунктами, где рождалась поэзия классика крымскотатарской литературы. Оригиналы написанных в Будапеште и опубликованных в Крыму стихотворений хранятся ныне в Стамбуле, в библиотеке Исмаила Отара. Автор настоящих строк имел возможность с ними познакомиться воочию¹⁰.

Большая часть творческого наследия Чобан-заде, как известно, сохранилась в его поэтическом дневнике, получившем условное название «Звуки свирели» («Къавал сеслери»). Здесь, кроме стихотворений, мы найдем выписки из прочитанных книг на разных языках, отдельные цитаты, переводы некоторых философских терминов, библиографию. Заполненный в Будапеште дневник Чобан-заде при отъезде в Крым вместе с другими документами оставил на хранение Джаферу Сейдамету. Это уникальное произведение представляет собой три общие тетради в черном, довольно стертом переплете; они исписаны иногда карандашом, но чаще — черными чернилами, по-видимому, изготовленными из сока ореха. Нумерация страниц проставлена сверху красными чернилами. Первая тетрадь открывается надписью арабской графикой, которая на обороте дублируется именем владельца Bekir Sidki; она насчитывает всего 162 страницы. Нумерация страниц сквозная по всему сочинению, поэтому вторая тетрадь занимает страницы с 163 по 295, заполненные также арабской вязью. Только со страниц 206 появляются записи на европейских языках. Это выписки из двух

книг на французском языке: знаменитого поэта Поля Верлена «Избранные стихотворения» и писателя, философа, культуролога Эрнеста Ренана «Речи и лекции». Далее следуют выписки из книг на немецком и венгерском языках, причем некоторые цитаты переведены на турецкий язык и записаны латиницей. Среди них выписки из произведений Канта и Бергсона, двух выдающихся философов XIX века. Становится ясно, что студент философского факультета самым серьезным образом штудировал классиков мировой науки, а словарная работа говорит о его желании познать во всей глубине тюркскую филологию. В дневнике, например, записаны яркие высказывания выдающегося французского литературоведа Сент-Бёва. Наконец, третья тетрадь занимает страницы с 296 до 359, причем более ста из них остались чистыми. Здесь уже выписок нет, идут стихотворные строки арабским письмом.

В библиотеке Исмаила Отара хранятся также письма Чобан-заде из Будапешта с текстами стихотворений, которые вначале записывались в дневник. Совершенно ясно, что стамбульский друг Чобан-заде Амди Атаман (1894—1938) затем пересылал понравившиеся ему стихи и прозу в Крым. Поэтому многие литературные сочинения Чобан-заде стали известны крымскотатарским читателям задолго до его возвращения на Родину. Так, в 1918 году газета «Миллет» напечатала такие замечательные стихотворения, как «Родной язык» («Тувгъан тиль»), «Матери» («Анам»), «Студент», «Как холодна эта чужбина» («Ой согъукъ шу гъурбет») и др. В декабре того же года в нескольких номерах публикуется повесть «Нурай». В 1920 году несколько стихотворений появились в журнале «Зеленый остров» («Ешилъ ада»), который издавал А. Одабаш. В первом номере, вышедшем 15 апреля, напечатано стихотворение «Далекie горы» («Узакъ тавлар»), а во втором, недатированном, — широко известное ныне «Облака, облака» («Булутлар, булутлар»). В них ярко выражена тоска по Родине, желание скорей увидеть зеленые берега Салгира: «Облака, облака, свободные облака. Возьмите меня с собой к родным берегам Салгира»¹¹.

Высоким чувством патриотизма и необычайной лиричностью проникнуто стихотворение «Родной язык»:

Я услышал в Казани твой крымский напев,
И сердечный огонь запылал, закипел.

Я скитальцем тогда по чужбине бродил,
И надежды терял, и мечту находил.
Я к родному напеву душою прильнул
И навек утонул в его сладком плену...

Заканчивается эта проникновенная исповедь клятвой бороться за сохранение родного языка вплоть до конца:

Умереть я готов твоей жизни во имя,
Песни петь и молиться словами твоими,
Буду я и смеяться, и плакать с тобою.
Ты горишь надо мной путеводной звездой.
Ты велик. Тебе равного в мире не знаю,
Недоступная недругу тайна земная.

Перевод П. Макухи

Три цвета времени — прошлое, настоящее, будущее — гармонично соединены в стихотворении «Будущее» («Келеджек»), написанном в феврале 1920 года. Бросая взгляд в прошлое, когда поэт рос «среди травы, среди цветов», он видит разлитую в природе красоту и радость гораздо более зорко, чем скрытое в тумане будущее. Прошлое наполнено чарующими звуками, из будущего доносятся лишь невнятные голоса:

Давным-давно среди холмов и кошар
Я пил покой, густой настой, трав отвар
И в тишине, припав к земле, слышал,
Как будто всадник проскакал среди отар.
Я наблюдал, как по весне цвел родник,
И наслаждался, глядя в этот цветник,
Когда же замолкало вдруг все вокруг,
Я слышал: в глубине земли пел тайник.

Перевод С. Дружинина

В Крыму созрело и окрепло поэтическое мастерство Чобан-заде. Всего здесь им написаны, если считать по последнему сборнику «Bir Saray» («Я воздвигну дворец») 6 стихотворений. Кроме того, стихотворение «Къавгъасыз

той корюльмеген» («Какая свадьба без драки»), датированное Э. Шемьи-заде 1921 годом, в новом сборнике получило другую датировку и место написания — 17 декабря 1916 года, Будапешт. Эти изменения составитель сборника Н. Сейтягъев никак не аргументирует. Мудрее других поступил И. Отар — он проставил обе даты¹². Как бы то ни было, 6 или 7 стихотворений за 4 года — это совсем немного, если сравнить с продуктивностью поэта в будапештский период жизни. Объяснить такое отличие двух примерно равных периодов жизни Чобан-заде только отсутствием свободного времени (мы знаем о чрезвычайной занятости в Крыму), по нашему мнению, нельзя. Видимо, причин больше, и коренятся они не во внешних условиях жизни, а прежде всего в духовной сфере, во внутренних психологических процессах. Ведь тайны литературного творчества, несмотря на огромную литературу по этому вопросу, до сих пор остаются нераскрытыми.

Из стихотворений крымского периода наиболее сильное впечатление производит то, которое обращено к утренней звезде Венере (на крымскотатарском языке — Чолпан, она также образно называется «Пастушьей звездой»). Оно носит название «Тонъгъа догъру» («К заре», или «К рассвету»), написано в 1921 году и опубликовано в поэтическом сборнике «Боран». Идейное содержание этого произведения двойственно — это сочетание проникновенной лирики с бунтарским романтизмом, неприятие серых мещанских будней и готовность к самопожертвованию во имя великой цели. Как многие великие поэты (Байрон, Лермонтов, Шевченко), Чобан-заде с необычайной силой прозрения описал свой собственный трагический конец жизни:

Быть может, мчусь я к пропасти и смерти,
Над головой мещан пройду как сон.
И, краток или длинен путь мой, верьте,
Мой бег к заре, к заре утороплен...
Хочу к Венере прикоснуться я и прыгну,
Пусть озарит меня святым лучом.
И я всю ночь гоню коня бичом,
Пока смертельно не сражен мечом.

Перевод А. Булдеева

Поэзия Чобан-заде быстро стала знакомой и любимой не только крымскотатарским народом. Она постепенно завоевала пространства, намного более обширные, чем его родной Крым. Первый перевод

литературного творчества Чобан-заде на иностранный язык опубликовал Джафер Сейдамет. В его книге «Прошлое и настоящее Крыма», вышедшей в Лозанне в 1921 году, даны во французском переводе отрывки из двух стихотворений крымского поэта¹³. Эти же отрывки были затем переведены и на польский язык, когда книга Сейдамета была переиздана в Варшаве (1930). Для знакомства турецкого читателя с поэтическим наследием Чобан-заде особенно много сделал Исмаил Отар, его вклад просто неоценим. Ему принадлежит критическое издание текстов параллельно на турецком и крымскотатарском языках, глоссарий, обширный комментарий. Еще до выпуска этой замечательной книги Отар регулярно печатал произведения Чобан-заде в редактированном им журнале «Эмель».

На русский язык поэзию Чобан-заде переводили многие поэты; первым из них был, по всей вероятности, А. Булдеев, затем — после длительного перерыва — этим занялись Юрий Османов, Петр Макуха, Сергей Дружинин. На венгерский язык стихи Чобан-заде переводят Мария Ньири и Элод Ковач¹⁴, на польский — Генрик Янковский¹⁵. Совсем недавно благодаря стараниям Юнуса Кандыма в Киеве вышел сборник избранных произведений крымскотатарских поэтов «Осколок солнца» («Окрушина сонця»). На украинский язык переведены шедевры творчества Чобан-заде: «Родной язык», «Хайтарма», «К заре», «Хорошая смерть», «Сто шестьдесят лет» (переводчики Леонид Талалай, Петро Коробчук и Степан Литвин)¹⁶. Украинский читатель теперь имеет возможность наслаждаться прекрасной поэзией классика крымскотатарской литературы.

* * *

В вестибюле главного корпуса Таврического национального университета стоит почетная доска, на которой занесены имена выдающихся ученых, которые в нем преподавали или учились. Здесь фамилии двух лауреатов Нобелевской премии, академиков, героев труда, людей, перегруженных званиями, титулами, регалиями. И только против одной фамилии стоит единственное слово, скромное и достойное: «Б. Чобан-заде — филолог». Так бывший Крымский университет увековечил память своего профессора, шагавшего по крымской земле со словарем в одной руке и поэтической лирою — в другой.

Часть III. ГОДЫ ИСПЫТАНИЙ: БАКУ

Глава I. В борьбе за новый тюркский алфавит

После отъезда из Крыма весной 1925 года и до своей безвременной кончины 13 октября 1937 года Бекир Чобан-заде жил в Баку. Эти 12 лет, насыщенные большой общественной, научной и педагогической деятельностью и многими драматическими событиями, известны довольно мало. Это тем более удивительно, если учесть, что азербайджанские авторы, писавшие о Чобан-заде, имели все возможности для изучения биографии крымского поэта и ученого. В отличие от Симферополя, где архивы сильно пострадали в результате войны, документация всех учреждений Баку, где трудился Чобан-заде (университета, Академии наук, педагогического института), полностью сохранилась. Приходится, однако, констатировать, что только в книге А. Бабаева имеется единственная ссылка на архивный источник¹. Кроме того, в ней даны обширные отрывки из судебно-следственного дела 1937 года. Другие же авторы, сосредоточившие внимание на лингвистических и литературоведческих трудах Чобан-заде, его биографию пересказывали по публикациям Баттала Таймаза и Ф.Д. Ашнина, не предпринимая собственных усилий в освещении «белых пятен». В частности, мы знаем мало (или вовсе ничего) о том, почему Чобан-заде ушел с поста декана восточного факультета, о его взаимоотношениях с коллегами и руководством, о научных командировках, о работе во Всесоюзном центральном комитете нового тюркского алфавита (ВЦК НТА) и т. д. Нет

документальных публикаций о работе Чобан-заде в учебных заведениях Узбекистана — Ферганском и Бухарском педагогических институтах.

Тем не менее существует достаточно достоверная информация для того, чтобы осветить этот последний период жизни Чобан-заде. Первые два года жизни в Баку, как явствует из его анкеты², он возглавлял восточный факультет Азербайджанского университета и сосредоточил свои силы на подготовке Всесоюзного тюркологического съезда. Прежде чем углубиться в эти сюжеты, познакомимся вкратце с первым местом работы Чобан-заде. Восточный факультет был основан после прихода в Азербайджан Красной Армии и свержения законного национального правительства, но занятия в нем начались позднее, в 1922 году. Он состоял из двух отделений — словесного и исторического. На факультете в разное время преподавали видные ученые-востоковеды: академики В.В. Бартольд, Н.Я. Марр, И.И. Мещанинов, А.Н. Самойлович, профессора И.Н. Ашмарин, Н.К. Жузе (по происхождению палестинский араб), А.А. Ромаскевич, а также доценты Р. Шор, А. Губайдуллин, В. Хулуфлу, И. Хикмет, В. Пахомов³.

Именно на восточный факультет, на плечи его декана и сотрудников пала исключительно ответственная задача — подготовить и провести Всесоюзный тюркологический съезд. Почти все преподаватели факультета состояли членами Общества по изучению Азербайджана, которое отвечало за подготовку съезда в Баку; в Москве эту работу курировала Всесоюзная научная ассоциация востоковедения (ВНАВ) при ЦИК СССР. Руководство страны рассматривало это мероприятие как важное политическое задание, выполнение заветов В.И. Ленина. Имеются сведения, что идею реформы письменности тюркских народов одобрил вождь коммунистической партии. В его биохронике отмечено, что 11 августа 1922 года В.И. Ленин «принимает председателя Азербайджанского ЦИК С.И. Агамали-оглы и сопровождающего его А.С. Енукидзе, беседует с ним, в частности, об отношении азербайджанских трудящихся к проекту создания нового алфавита»⁴. Самым активным энтузиастом отказа от арабской письменности и перевода тюркских языков на латиницу был влиятельный в Москве политический деятель Н. Нариманов, занимавший должность одного из председателей ЦИК СССР до своей гибели (25 марта 1925 года). Спустя чуть более года после встречи у Ленина 20 октября 1923 года АзЦИК и Совнарком приняли декрет о латинизации алфавита, подписанный С. Агамали и Г. Мусабековым. В нем говорилось, что наряду с существующим арабским алфавитом признается

«государственным и обязательным» новый тюркский алфавит⁵.

Чобан-заде хорошо знал, что в Крыму языковая ситуация значительно сложнее, чем в Азербайджане. Здесь нужно было параллельно решать несколько задач. Объявленный государственным при создании автономной республики крымскотатарский язык оставался по-прежнему на периферии общественно-политической жизни. Дискриминация во властных структурах дошла до того, что в Крыму было запрещено говорить на нем по телефону. Только в апреле 1922 года президиум КрымЦИК решил «предложить наркомату связи дать распоряжение о разрешении переговоров по телефону на татарском языке»⁶.

Другая трудность состояла в слабом знании родного языка многими выдвиженцами из числа крымских татар, привлеченных в аппарат управления. «Самое главное затруднение — в языке, — говорил на партийном заседании председатель Совнаркома Э. Шугу. — Так как татарский язык признан национальным (государственным. — Д.У.), то мы пробовали вводить его, обучали служащих. Язык изучают, говорить могут, а писать так хоть вешай его. Нужно отшлифовать шрифт, что дало бы татарской национальности возможность учиться»⁷. За корявым словосочетанием «отшлифовать шрифт» скрывается предложение о реформировании арабского алфавита. На этом же собрании проскочило весьма характерное требование «татаризировать татар»⁸, что означало вернуть родной язык его носителям, подвергшимся русификации.

Была еще одна языковая проблема, требовавшая незамедлительного решения. Национальное возрождение в «золотое пятилетие» 1923—1927 годов, рост образовательного и культурного уровня крымскотатарского народа, в особенности молодежи, ставили перед языковедами вопрос об унификации терминологии, как общественно-политической и научной, так и технической. Примечательны в этом смысле слова А. Асанова, директора школы II ступени в Евпатории, затем наркома просвещения. Он жалуется на то, что «неопределенность в области терминов на татарском языке при изучении той или иной науки» вызывает протесты «оппозиционно настроенной части учащихся». Национально сознательные молодые люди, продолжает А. Асанов, «...требуют употребления терминов непременно на татарском языке (выделено мной. — Д.У.)». В его школе произошел конфликт: ученики потребовали от преподавателя математики «употребления татарских терминов на уроках алгебры и геометрии». Учитель, однако, «не имел

возможности выдумать их» и вынужден был уйти из школы⁹. Этот характерный случай не был, надо полагать, единичным.

Сердцевиной языковой реформы в Крыму, по глубокому убеждению Б. Чобан-заде, была замена алфавита. Работа в этом направлении разворачивается с апреля 1924 года, после посещения автономной республики С. Агамали, который имел продолжительные беседы с наиболее подготовленными представителями национальной интеллигенции Б. Чобан-заде и Мамутом Недимом. Первый был приглашен в Баку на краеведческий съезд Общества по изучению Азербайджана (о чем мы писали выше), а Недим стал готовить почву для реформы алфавита. Уже в октябре того же года на совещании татар-коммунистов он выступил с докладом о переводе крымскотатарского языка с арабского шрифта на латинский. Было решено доклад принять к сведению и открыть дискуссию об этом на страницах газеты «Новый мир» (то есть «Еңи дүнья»)¹⁰.

К съезду тюркологов в Баку готовились не только в Азербайджане, но и во всех тюркских республиках СССР. В Крыму Наркомпрос создал специальную комиссию и решил послать на съезд делегацию из трех человек. «Необходимо также, по мнению Наркомпроса, в целях направления и регулирования вопросов тюркологии, намеченных созываемым съездом, создать особый орган, который бы занялся проведением постановлений в жизнь. Необходимость создания такого органа вызывается тем обстоятельством, что тюрко-татарские народности постепенно переходят к делопроизводству и к изучению научных дисциплин на родном языке»¹¹.

Готовились к тюркологическому съезду и бдительные крымские чекисты. Они были обеспокоены тем, что в Баку соберутся самые авторитетные деятели культуры тюркских народов (считалось, что в СССР проживают 24 миллиона тюркоязычных граждан). Найден документ на бланке ГПУ при КрымЦИК, датированный 10 декабря 1925 года. В нем руководители этого зловещего ведомства Торопкин и другие сигнализируют обкому партии о том, что на 30 декабря сего года в Баку назначен тюркологический съезд, «куда едут два видных националиста нашей республики Одабаш Абибулла и Айвазов Асан Сабри по особому приглашению комиссии, созывающей съезд (в состав которой входил Чобан-заде. — Д.У.), как лица, имеющие знания по затрагиваемым съездом вопросам».

Кроме них, в Баку собираются ехать еще трое крымчан — Мамут Недим (руководитель делегации), О. Акчокраклы, имени третьего не названо¹².

Чекисты еще не знали, что съезд отложен на два месяца, но крымские делегаты их уже интересовали.

Фамилии участников съезда названы верно; кроме упомянутых, в Баку приехал также Якуб Кемаль (от Общества по изучению Крыма). Еще два крымских татарина были делегатами съезда: это Чобан-заде, живое связующее звено между Баку и Крымом, и поэт Шевки Бекторе, которому когда-то Чобан-заде выдал охранную грамоту. Его должность в материалах съезда не обозначена, однако указано, что он — крымский татарин, проживающий в Махачкале (Дагестан). Таким образом, на Всесоюзном тюркологическом съезде Крым представляли семь человек, все — знатоки языков, истории и этнографии тюркских и других восточных народов.

После начала работы съезда в Крыму с напряженным вниманием следили за ходом его работы. Местные газеты регулярно помещали сообщения ТАСС о развернувшихся дискуссиях и принятых решениях. Особый интерес вызывал вопрос о новом тюркском алфавите, с воодушевлением были встречены итоги голосования о его введении: «за» — 101 делегат, «против» — 7 и воздержались — 6. Сообщая об этом, газета «Красный Крым» поместила интервью с профессором Азербайджанского университета Б. Чобан-заде, которое он дал корреспонденту ТАСС. Оценивая решение о принятии латинского алфавита, ученый сделал акцент на европеизацию восточных стран как исторически прогрессивный шаг. Чобан-заде заявил: «Сама жизнь требовала замены старого псевдоклассического тюркского языка новым, близким народным массам. Жизнь требует также нового испытанного разработанного шрифта культурных народов Европы. Таким шрифтом, естественно, является латинский. Замечательно то, что новый шрифт принят всеми тюрко-татарскими народами. С этого момента мы можем с уверенностью сказать, что тюркские народы вошли в культурную семью европейцев. Обладая европейскими средствами фиксации передачи мысли, тюрко-татарские народы призваны будут сыграть роль передатчика культурно-революционных идей СССР на Востоке. Редки такие случаи, когда многомиллионные массы маленьким кратким решением переходят как бы от одного мира к другому»¹³.

Если внимательно вдуматься в приведенные выше слова Чобан-заде, то можно увидеть совершенно новую, оригинальную трактовку происходящих событий, не замеченную официальной партийной пропагандой. Она, эта пропаганда, с позиций вульгарного социологизма выпячивала на первый план

политическое и классовое содержание замены арабского алфавита латинским. Более важный аспект, *культурно-цивилизационный*, полностью игнорировался. Для Чобан-заде главной была идея европеизации тюрко-татарской письменности, другими словами, ее модернизация, приведение в соответствие с новыми вызовами XX века.

Имя Чобан-заде в эти дни появлялось в крымской печати не один раз. Несколько позже эта же газета в статье под характерным заглавием «Важный момент в истории тюркских народов» отметила роль крымчан в изменении алфавита. «Представители Крыма товарищи Айвазов и Чобан-заде (теперь профессор Азербайджанского университета) дали в своих докладах научное обоснование целесообразности принятия латинского шрифта». Далее с гордостью сказано, что против этого решения голосовал лишь один делегат от Крыма, но имя его в публикации не названо¹⁴.

Принятые в Баку решения усилили раскол крымскотатарского общества на латинистов и арабистов. В позднейшем аналитическом документе сказано, что ядро национальной интеллигенции и миллифирковцы заняли антилатинскую позицию, партийцы-уклонисты (имелись в виду Вели Ибраимов, Дерен-Айерлы, Балич, Ногаев) также не сочувствовали проводимой реформе. Резко выступили против латинизации авторитетные общественные деятели Чапчакчи и Одабаш. Напротив, Чобан-заде последовательно защищал новый алфавит. Однако общим знаменателем, объединившим обе фракции Народной партии, стала позиция кемалистов. Все согласились с такой формулой: «Если Турция примет латинизацию, то Крым безусловно последует ее примеру»¹⁵.

После окончания съезда Чобан-заде принял личное и весьма активное участие в пропаганде НТА в Крыму, несмотря на постоянное местожительство и большую педагогическую работу в Баку. Уже летом 1926 года он был включен в состав созданного наркомпросом бюро по претворению в жизнь решений Всесоюзного тюркологического съезда. Оно было образовано по предложению Балича на совещании, в котором участвовали как работники просвещения, так и специалисты в области крымскотатарского языка. Кроме наркома Балича и профессора Чобан-заде, в него вошли М. Недим, Я. Байрашевский, М. Бекиров, А. Одабаш, А. Куркчи, И. Леманов, О. Акчокраклы и др. Для проработки отдельных вопросов внутри бюро были созданы комиссии: алфавитная, терминологическая, орфографическая, этнографическая и литературная¹⁶. Впоследствии свою деятельность в

области реформирования родного языка сам Чобан-заде характеризовал следующим образом: «На I Всесоюзном тюркологическом съезде в начале 1926 года в Баку я окончательно перешел на сторону культурной революции на Востоке...» и далее перечислил свои выступления в Крыму с пропагандой НТА: перед учащимися педагогического и фельдшерского техникумов, десятилетней школы, в крымчакском клубе, в татарском клубе в Евпатории (дважды). В следующем году выступил с докладами в Симферополе на I орфографической конференции¹⁷.

В ноябре 1926 года, после того как на учительской конференции в защиту арабского письма выступили такие авторитетные деятели, как Чапчакчи, Одабаш, бывший нарком просвещения Ногаев, газета «Красный Крым» опубликовала статью А.С. Айвазова «Арабский или латинский алфавит». В ней автор заявляет, что решение прошедшего в Баку тюркологического съезда одобряют в Крыму и считают, что оно укрепляет наши национальные устои. Противоположные утверждения, продолжает Айвазов, не имеют под собой оснований. Затем он выдвигает тезис, в котором заключен основной смысл статьи: «Вопрос об алфавите является чисто *техническим* вопросом (выделено мной. — Д.У.). Алфавиту не принадлежит решающая роль в национальных вопросах». Подобные утверждения партийная идеология категорически отвергала, о чем будет сказано ниже. Заканчивая статью, Айвазов пишет о том, что Крым отстает в деле продвижения к латинской письменности: «В Азербайджане и Закавказских республиках новый алфавит проводится в жизнь... Больше всех отстали мы. Настало время бросить все ничем не обоснованные споры, тормозящие наше развитие, и пропаганду против введения нового алфавита»¹⁸.

Споры, однако, продолжались. Спустя несколько дней под красноречивым заголовком «Поединок двух алфавитов» публикуется отчет о собрании молодежи, к которой взывают обе стороны. Характерная деталь: «Битком набитый зал». Собрание открывает Мамут Недим, в защиту реформы говорят Айвазов и Керим Джемалединов, старый друг Чобан-заде. Их выводы однозначны: латинизированный шрифт не только ни в коей мере не снизит и не задержит развитие национальной тюркской культуры, но, наоборот, сыграет громадную роль в просвещении широких трудящихся масс¹⁹.

Руководители партии и государства вовсе не рассматривали латинизацию алфавита для 24 миллионов граждан СССР в качестве «технической задачи». Напротив, они ее видели как громадный культурный переворот, можно сказать,

революцию, с последствиями для всех народов Зарубежного Востока. Культурно-идеологическая экспансия была составной частью стратегии экспорта революции и советизации стран этого региона. И если в Москве об этом открыто предпочитали не говорить, в Крыму не стеснялись в выражениях. «Вопрос о НТА был и остается вопросом огромной политической важности, и победу латинистов в Баку следует расценивать именно как огромную политическую победу, победу нового послеоктябрьского мира, победу революционного авангарда Востока над старым мусульманским миром...». Устремленность на экспорт революции и несбыточные мечты ярко выражены в последнем абзаце этой по-своему примечательной статьи: «Историческая резолюция бакинского съезда найдет отклик, надо полагать, и среди других народов Востока и Юга (армян, грузин, Китай, Индия, Япония), и великое дело интернационализации алфавита пойдет быстрыми шагами и сыграет немаловажную роль в расчистке путей к мировому Октябрю»²⁰. Сегодня можно констатировать, что «мировой Октябрь», как и «всеобщая латинизация» письменности восточных народов остались, мягко говоря, очередной утопией «кремлевских мечтателей» и их крымских последователей.

Между тем решением ЦК партии от 28 февраля 1927 года был учрежден Всесоюзный комитет по введению ново-тюркского алфавита, получивший сокращенное название ВЦК НТА. Его местопребыванием был определен Баку, а в Москве имелось его представительство. Председателем был назначен С. Агамали, членами президиума — видные политические деятели тюркских республик СССР Файзулла Ходжаев, В.К. Айтанов, Кульбешеров, Назиров, Асфендиаров, а также Диманштейн, заменивший погибшего Павловича на посту председателя ВНАВ. Членами ВЦК стали видные ученые-тюркологи, в том числе и профессор Чобан-заде²¹. Следует заметить, что еще до того, как прибыл в Баку, он стал научным консультантом республиканского комитета НТА.

ВЦК НТА приступил к работе в мае 1927 года и в качестве первого важного шага стал издавать журнал «Культура и письменность Востока». Уже в следующем году выходят 3 номера (книги), первый — в Москве, остальные — в Баку. В первом томе опубликованы материалы I пленума ВЦК НТА, на котором была образована комиссия по унификации алфавитов различных тюркских народов СССР. Чобан-заде активно участвует в ее работе в качестве представителя научного совета ВЦК²². Среди других членов комиссии особым авторитетом пользуется профессор Е.Д. Поливанов, выдающийся лингвист.

Его перу, в частности, принадлежат две статьи по вопросам унификации в первом номере журнала. Отныне деятельность Чобан-заде и Поливанова, как и их трагическая судьба, тесно связаны.

ВЦК НТА стал проводить регулярные пленарные заседания в столицах тюркских республик. В их работе деятельное участие принимает профессор Чобан-заде. Первый пленум состоялся в Баку, затем следует встреча в Ташкенте (январь 1928 года). На II пленуме Чобан-заде выступил с докладом «О научном совете», где осветил основные направления работы этого учреждения²³. В конце того же года в Казани был собран III пленум. На нем, как и на следующем в Алма-Ате (1930 год), Чобан-заде присутствует в качестве одного из главных действующих лиц. Но уже в конце 1930 года президиум ВЦК НТА исключает из состава членов научного совета профессоров Е.Д. Поливанова и Б. Чобан-заде²⁴.

Чобан-заде, как известно из его автобиографии, в 1927 году был освобожден от должности декана восточного факультета, поэтому для работы в ВЦК у него теперь было больше времени. Некоторое время осенью 1928 года он исполнял должность ответственного секретаря ВЦК. В Крымском архиве сохранились письма, инструкции, отношения на бланках ВЦК, подписанные Чобан-заде²⁵.

Особое внимание профессор Чобан-заде уделял проведению латинизации в Крыму. Как ученый-языковед, он рассматривал это событие в широком контексте, не как самоцель или очередную идеологическую кампанию, а как *приведение в соответствие фонетического строя его графическому изображению* тюркских языков вообще и крымскотатарского — в частности. Латинизация должна была ускорить и облегчить усвоение грамоты как детьми, так и взрослыми, нормирование родного языка, развитие его орфографии, фонетики и лексики, наконец, открыть доступ широким массам к сокровищам мировой культуры. Отсюда и его личное участие в реформировании крымскотатарского языка, регулярные приезды в Крым, выступления перед молодежью, учеными, широкой общественностью. В немалой степени под его влиянием латинизация в Крыму набирает темпы.

Уже в июне 1927 года бюро обкома партии заслушало вопрос «О латинизации письменности крымских татар». С докладами выступили нарком просвещения У. Балич и руководитель ЦК НТА Крыма Мамут Недим. Звучали хорошо известные декларативные утверждения о прогрессивности этого мероприятия «...в деле политического и культурного подъема трудящихся

масс». Вместе с тем прозвучала свежая мысль, не потерявшая свою актуальность доныне: «Нужна *сугубая осторожность, выдержанность и тактичность* (выделено мною. — Д.У.), дабы не дать поводов к возбуждению фанатизма масс и не создать почву для использования этого момента националистами и муллами против Советской власти вообще». Совершенно правильная установка на сугубую осторожность, добровольность и такт выполнялась далеко не всегда и не везде. Скорее все было наоборот: добрые советы оставались лишь благими пожеланиями, так как в действительности новый алфавит вводился при грубом административном нажиме и полицейских расправах над арабистами.

На заседании была утверждена конкретная программа выполнения принятого в Баку решения. Следовало начать изучение нового алфавита в татарских школах II ступени, татарских секторах рабфака, совпартшколы, Крымского пединститута, техникумах, а также в русских школах, где преподавался татарский язык. Крымские газеты и журналы — «Еңи дүнья», «Яш кәүет», «Оку ишлери», «Илери» — обязаны были практиковать печатание материалов на новом шрифте²⁶.

В третьем номере журнала ВЦК НТА, вышедшем в Баку в 1928 году, опубликован отчет Крымского Общества «Друзья нового алфавита» об итогах работы. Цифры впечатляют: к марту 1928 года Общество имело 160 местных ячеек, которые объединяли 6 тыс. членов. Позже, к моменту написания статьи, ячеек было уже 250 с общим числом в 15 тыс. (возникают опасения, что такой бурный рост имел место лишь на бумаге из-за известной советской болезни — «приписок»). Далее говорилось, что в 1927—1928 учебном году новый алфавит введен в 334 татарских школах (охват в 100 %) и 38 русских школах I ступени, 17 школах II ступени, 3 техникумах, на рабфаке и пединституте с общим числом обучающихся 8200 человек. Всего же по автономной республике новому алфавиту обучено 40 тыс. человек, а к концу следующего учебного года эта цифра возрастет до 75 тыс.²⁷

В отчете наркомпроса «О ходе работ по латинизации в Крыму» перечислены успехи проводимой кампании. Во всех районах и в столице автономии прошли конференции учителей. Кроме того, везде учреждены местные отделения Общества «Друзей НТА». В газете «Красный Крым» и журнале «Пути коммунистического воспитания» регулярно печатаются материалы агитационного характера. Орфографическая комиссия подготовила вопросник и инструкцию к ней по собиранию словарного

материала, а также карточки для записывания слов, разослала их на места. Этой же комиссией разработан проект ново-тюркского алфавита, и в ближайшее время он будет уточнен и окончательно утвержден. Перед началом учебного года в районах проведены курсы по переподготовке учителей, а также областные курсы. Составлен и утвержден 5-летний план по введению в Крыму латинского алфавита. Согласно этому плану к началу будущего учебного года 1-ые и 5-ые группы (классы) школ I ступени и ликбезы (пункты ликвидации неграмотности взрослых) будут снабжены учебниками на 100 %, остальные группы — частично²⁸.

Однако реальная действительность не была столь радужной: с мест поступали тревожные сообщения о слабой работе первичных ячеек ОДНА, халатном отношении к делу со стороны чиновников, отсутствии учебников и учебных пособий, нехватке материальных средств — денег, бумаги, тетрадей, пишущих машинок с латинским шрифтом. Совершенно недостаточным было внимание к этому делу со стороны партийных, советских и профсоюзных органов, поглощенных хозяйственной текучкой²⁹.

В феврале 1928 года бюро обкома заслушало доклад Мамута Недима об итогах II пленума ВЦК НТА, только что прошедшего в Ташкенте, и о ходе латинизации в Крыму. В резолюции были отмечены определенные успехи: рост внимания и сочувствия со стороны широких масс, несмотря на сопротивление кулачества, духовенства и части интеллигенции; рост числа членов ОДНА, развитие издательской деятельности ЦК НТА (выпуск журнала «Козь-Айдын»). Вместе с тем отмечены многие недостатки, среди главных назван такой: «*пассивность и безразличие властей*» (выделено мной. — Д.У.). Среди других названы острая нужда в преподавателях и нехватка учебников и учебных пособий. Резолюция, как обычно, заканчивается требованиями «усилить», «улучшить», «привлечь» и т. п. словесными штампами. Внимание, однако, привлекают следующие пункты: «организовать ячейки Общества ДНТА в татарских частях Красной Армии» и «Крымскому пединституту проработать вопрос о переходе на латинизированный алфавит татарского лингвистического отделения и ускорить этот переход»³⁰.

О выполнении последнего предложения спустя несколько месяцев доложил ректор института Г.П. Вейсберг. Центром работы по переходу на латинский шрифт стало отделение татарского языка и культуры. Оно выполнило следующие мероприятия: преподавание ведется на новом алфавите; старые учебники, напечатанные арабским шрифтом, изъяты из

обращения, введен курс изучения и пропаганды ново-тюркского алфавита. Кроме того, преподаватель института А.С. Айвазов прочитал ряд лекций для студентов и «широких татарских масс», а для библиотеки кабинета востоковедения выписан выходящий новым латинским шрифтом журнал «Козь-Айдын» и ряд учебных пособий. Усердие руководства педагогического института не знало разумных границ: оно собирается перевести на латинский шрифт даже изучение... арабского и персидского языков»³¹. К счастью, этого не случилось, так как названные языки, как и турецкий, были сняты из учебных планов. Чтобы уберечь студентов от тлетворного влияния Востока, как считали партийные идеологи.

Крымский ЦК НТА начинает издавать литературу на новом алфавите. Печатаются оригинальные и переводные учебно-педагогические и литературные работы Б. Чобан-заде, Я. Байбуртлы, У. Ипчи, Р. Тынчерова, Дж. Гафарова, О. Юнусова, Номана Шейх-заде. В книге учета литературы, кроме книги Чобан-заде «Боран», занесены 3 книги для детей Алтайлы (А. Ильмий), 4 учебника по математике А. Куркчи, 2 букваря, составленные Юнусовым и Шейх-заде. В этом списке находятся классические книги для детей А. Чергеева «О чем говорят животные», «Крестьянин и лиса», «Лиса и заяц». Новый нарком просвещения Мамут Недим, докладывая в начале 1929 года о работе НТА, указал, что им издано учебников и учебных пособий до 20 названий объемом в 100 печатных листов³².

В делах этого комитета сохранился документ о выплате гонораров за книги, вышедшие на новом алфавите. 28 сентября 1928 года Б. Чобан-заде выдано в окончательный расчет за сборник стихов «Боран» и за составление грамматики, согласно договору, 700 руб. Амди Гирайбай за переработку пьесы «Важный путь» получил 30 руб., Э. Шемьи-заде за перевод книги Малиновского «Женщины и оборотни» — 29 руб. Был издан тиражом 2500 экземпляров сборник стихотворений А. Лятиф-заде «Еньи Саз»³³. Интересно заметить, что Чобан-заде аванс за сборник стихов получил 14 августа, а окончательный расчет с ним произведен 28 сентября. Из этого можно заключить, что на родине, в Крыму, он пробыл не менее полутора месяцев. За это время, разумеется, он не только повидался с родными и друзьями, но и успел многое сделать.

Особая глава в деятельности Чобан-заде на «языковом фронте», как тогда выражались, представлена его активным участием в работе двух орфографических конференций. Их решения, как и плодотворные дискуссии,

стали важными этапами в изучении и развитии крымскотатарского языка, нормировании его орфографии и фонетики, обогащении терминологии и, разумеется, его перевода на новый латинизированный алфавит³⁴.

I Всекрымская орфографическая конференция состоялась в Симферополе 10—12 сентября 1927 года. Только приезжих, получивших пособие на ночлег, насчитывалось 54 человек. Основные доклады были сделаны, естественно, столичными языковедами, среди них следует назвать председателя ЦК НТА М. Недима, А.С. Айвазова, Я. Байбуртлы, К. Джемалидинова, Я. Байрашевского, старого общественного деятеля Дж. Меинова, писателей Тимурджана (Одабаша) и У. Ипчи. Выступали и молодые литераторы: Я. Азизов, М. Гафаров, Я. Гафаров³⁵. Чобан-заде представил на обсуждение два доклада, что отразилось на его гонораре³⁶. Чобан-заде вошел в состав всех трех комиссий, созданных на конференции — алфавитной, орфографической и языковой.

В промежутке между конференциями произошло чрезвычайно важное событие — 9 мая 1928 года (в день расстрела Вели Ибраимова) вышло совместное постановление ЦИК и Совнаркома «О введении нового алфавита по Крымской АССР». Оно устанавливало 5-летний период, начиная с 1928—1929 учебного года, для полного перехода на новый латинский алфавит во всех учебных заведениях и в учреждениях политико-просветительского значения³⁷.

II Всекрымская орфографическая конференция прошла в Симферополе с 2 по 7 сентября 1929 года. К этому времени прокатилась первая волна репрессий против членов Милли Фирка и по «делу» Вели Ибраимова, поэтому ряд участников предыдущего научного форума находился в тюрьмах или ссылке (Одабаш, Меинов). На конференции выступили М. Недим, Б. Чобан-заде, А.С. Айвазов, И. Леманов, У. Ипчи, А. Лятиф-заде, У. Аджиасан, Джавтобели, Я. Азизов. Материалы конференции были опубликованы в том же году.

С целью выработать единые нормативные требования к литературному крымскотатарскому языку на обеих конференциях обсуждался вопрос о том, какой из диалектов взять за основу. Общим стало мнение о том, что таким базовым может быть только среднее (бахчисарайское) наречие. На нем говорило большинство народа, его словарный запас был весьма богатым, грамматика хорошо разработана. Кроме того, владевшие этим диалектом люди занимали ведущие позиции в общественной, хозяйственной и культурной жизни Крыма.

Указанное выше обстоятельство впоследствии вызвало полное неприятие решений I и II орфографических конференции. Русификаторы и националпредатели всячески чернили, в частности, принятие среднего диалекта как базы консолидации крымскотатарского языка, поскольку-де на нем говорили «буржуазные националисты А. Озенбашлы и Чобан-заде». Однако хорошо известно, что последний с детства говорил на северном, кипчакизированном наречии. В одном из партийных документов утверждается, что «... вплоть до 1930 года руководство разработкой крымскотатарского литературного языка фактически находилось в руках крымских буржуазных элементов (Умер Аджи Асан, Чобан-заде, Айвазов, Лятиф-заде, Леманов, Акчокраклы, Байрашевский и др.), которые под прикрытием руководства Наркомпроса того периода занимали все основные участки языкового фронта и являлись основными докладчиками на I и II орфографических конференциях». На них якобы был «проташен» ряд миллифирковских установок в вопросах о путях развития крымскотатарского языка. Речь конкретно идет о том, что «... принятая II орфографической конференцией ориентация на среднее (бахчисарайское) наречие и на обогащение этого языка за счет соседних языков (диалектов. — Д.У.) является не марксистским, а буржуазно-националистическим решением вопроса о путях развития литературного крымскотатарского языка...»³⁸.

В тезисах «Пути развития крымскотатарского литературного языка», составленных к III языковой конференции 1934 года, решения предыдущих двух конференций названы «антиленинскими». На головы их организаторов — Айвазова, Чобан-заде, Одабаша, Леманова — посылаются проклятия, хотя и признается, что их идеи «живут до последнего времени». Все это, пугают авторы тезисов, «свидетельствует о совершенно недостаточном уровне классовой бдительности на языковом фронте». Особую ненависть вызывает решение о принятии «среднего наречия» как основы при нормализации литературного языка. Это было попыткой, утверждает в тезисах, «... ориентироваться на культуру и язык соседних капиталистических стран». Наконец, брань в адрес «буржуазных националистов» раздается из-за того, что они-де создавали «преграды для проникновения в литературный [крымскотатарский] язык интернационализмов и советизмов». Речь, в сущности, идет о сопротивлении русификации, которое Мамут Недим в журнале «Илери» охарактеризовал как «сохранение чистоты татарского языка от империализма русского языка»³⁹.

Между тем латинизация алфавитов в тюркских республиках продолжалась. В августе 1929 года ЦИК СССР и Совнарком приняли постановление «О новом латинизированном алфавите народов арабской письменности Союза ССР», в котором предлагалось «обязать все государственные учреждения и предприятия общесоюзного значения во всех случаях письменного и печатного применения тюрко-татарских языков, в частности при опубликовании законов и распоряжений правительства СССР, пользоваться новым латинским алфавитом»⁴⁰.

В связи с этим борьба против сторонников традиционной письменности приобретала все более ожесточенный характер. Она велась с присущим большевикам размахом, сопровождалась дикими в своем невежестве выступлениями против ислама и арабской цивилизации. Арабисты направлялись в концлагеря и тюрьмы вместе с так называемыми кулаками, буржуазными националистами, муллами и партийными национал-уклонистами. Вот образчик изуверских рассуждений, представляющих собой смесь махровой демагогии, фальшивого пафоса и самовосхвалений — характерных черт пропаганды тех лет: «Арабизм и его представители, как жалкие существа сгнившего старого устоя и как противники современной пролетарской идеологии, принуждены были, как всегда, уйти с прямого, революционного, пролетарского пути. И дискуссии вокруг вопроса о целесообразности и достоинствах нового алфавита, за исключением скрытой борьбы арабистов, можно считать закончившимися, и новый алфавит как революционное начинание и один из рычагов культурной революции движется вперед неимоверно быстрыми и гигантскими шагами»⁴¹. Все в этом нескладном пассаже ложь: дискуссии продолжались, а говорить о «неимоверно быстрых» и «гигантских» шагах латинизации можно лишь насилуя имеющиеся достоверные факты. Пассивность и безразличие властей тормозили латинизацию не меньше, чем преувеличенное сопротивление арабистов. Однако именно на них партийные вожди списывали все трудности и недостатки. Так, в решении Крымского обкома партии отмечалось, что «... арабский алфавит является классовым орудием угнетения трудящихся масс в руках мусульманского духовенства и буржуазии». Поэтому коммунисты должны «повести решительную борьбу с остатками арабистов и считать внедрение нового алфавита своей основной и главнейшей задачей». К тем же, кто будет игнорировать новый алфавит, «будут применяться самые решительные меры»⁴².

Угрозы руководства были обусловлены тем, что обстановка на этом участке «языкового фронта» была не столь блестящей, как это представлялось в победных репортажах. С осени 1929 года сначала в Крыму, затем в Азербайджане разворачивается злобная клеветническая кампания против Чобан-заде (подробно см. главу 4 настоящего раздела). В советской филологической науке победила бредовая яфетическая теория академика Н.Я. Марра: ее противники, в частности профессор Е.Д. Поливанов, подвергнуты ostracismu и репрессиям. Как сказано выше, в конце 1930 года Е.Д. Поливанов и Б. Чобан-заде выведены из состава Научного совета ВЦК НТА.

В очередном номере журнала «Культура и письменность Востока» помещена информация о V пленуме ВЦК в Ташкенте (июнь 1931 года), но фамилия Чобан-заде не упоминается ни разу. Зато помещена разгромная рецензия на только что вышедший из печати сборник статей Е.Д. Поливанова «За марксистское языкознание». «Книга получилась агитационная, — писал анонимный автор, — но только не за марксизм, а за... буржуазное наследство в лингвистике». Рецензия представляла собой скорее политический донос в ГПУ, чем критический анализ воззрений известного ученого-языковеда. Она поражает своим разнузданным тоном, оскорбительными эпитетами, навешиванием грубых ярлыков. Серьезный научный труд назван «жалкими потугами», чтобы «под вывеской "марксизма" протащить старый хлам близкой к окончательному банкротству буржуазной методологии»⁴³.

После 1930 года работа ВЦК НТА стала постепенно сворачиваться, потеряв свою политическую остроту. Страна вступила в полосу «второй революции» — насильственной коллективизации крестьянства, вопросы культуры и просвещения отошли на задний план. И в Крыму местный ЦК НТА продолжал существовать лишь по инерции: он потерял самостоятельность, все текущие дела и финансы были переданы Наркомпросу, ответственный секретарь А. Лятиф-заде уехал на учебу в аспирантуру в Ленинград⁴⁴. Уже с 1935 года, как отмечает видный языковед В.М. Алпатов в книге «150 языков и политика», взят курс на более активную советизацию языкового строительства в СССР на базе русского языка и кириллического алфавита⁴⁵. Наконец, 13 июля 1937 года ЦИК СССР принимает декрет о ликвидации ВЦК НТА, его продублировал КрымЦИК 20 сентября того же года. В принятом постановлении сказано: «В соответствии с постановлением президиума ЦИК Союза ССР Комитет нового алфавита при ЦИК Крымской АССР

ликвидировать как выполнивший свою задачу»⁴⁶.

Итоги длившейся более 10 лет массовой кампании, поддержанной всей мощью партийного и государственного аппарата, были весьма противоречивы. С одной стороны, оценивая ее ретроспективно с научной и культурологической точек зрения, нельзя не признать ее *необходимой и прогрессивной*. Всесоюзный ЦК НТА, где Б. Чобан-заде так активно работал, за время своего существования создал 71 новый алфавит на латинской основе не только для замены арабской графики тюркских народов, но также для бесписьменных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Причем следует учесть, что только восемь из них не были унифицированы с другими⁴⁷. «... Латинизация по сути дела обозначает демократизацию науки и просвещения» — с этим тезисом нельзя не согласиться. Возврат к латинскому алфавиту в 1990-х годах в тех республиках, где в 1938 году волевым решением была введена кириллица, свидетельствует о *жизненности идеи латинизации*. Приверженность врагов национального возрождения к кириллице, запрещающих возврат к ново-тюркскому алфавиту, разработанному в конце 1920-х годов, приводит к росту этнополитической напряженности в некоторых странах СНГ.

Следует учесть и другой момент: латинский алфавит оказался оптимальным для многих народов Азии, Европы и Африки, до его введения пользовавшихся другими системами письма. Достаточно вспомнить, что в XIX веке с арабской графики на латиницу перешли албанцы; румыны отказались от кириллицы, а вьетнамцы — от иероглифов в пользу латинского алфавита. На него перешли малагасийцы на Мадагаскаре, индонезийцы, все младописьменные языки Африки — суахили, бамбара, фула, ашанти, йоруба, эве и др. Латинский алфавит доказал свои преимущества во всемирном масштабе.

С другой стороны, нельзя не признать, что латинизация алфавитов народов СССР была весьма болезненным процессом, она проводилась, как правило, *насильственными методами* и сопровождалась сознательным *уничтожением* традиционной культуры, книжных богатств на арабской графике. Чего стоит такая фраза из цитированного выше документа крымского архива: «Она (латинизация. — Д.У.) обуславливает сдачу в архив всей религиозной философской рухляди, написанной в течение веков на арабском шрифте». В этом же документе указано и на другую негативную сторону замены алфавита: «В глубину деревни, в самую гущу татарского

населения латинизация шрифта еще не проникла, и в настоящее время мы стоим перед фактом, что 80 или 90 процентов грамотной части населения фактически очутилась на положении неграмотных»⁴⁸.

Оценивая диалектически итоги и последствия латинизации тюркских алфавитов в СССР, следует подчеркнуть, что в целом эта мера была необходимой и исторически прогрессивной. Активное участие Б. Чобан-заде в этой тяжелой, но благородной деятельности является важным этапом на его жизненном пути.

Глава 2. Педагогическая и научная деятельность

За 12 лет, прожитых в Баку, профессор Б. Чобан-заде сменил около десяти мест работы, нередко трудясь одновременно в двух—трех учреждениях. Это, как правило, были учебные и научно-исследовательские институты. Такая частая смена объясняется несколькими причинами и не всегда зависела лично от него. Во-первых, нестабильность вообще была свойственна советской системе высшего образования и науки того времени: то и дело возникали и исчезали различные учреждения, делились или же, напротив, объединялись. Во-вторых, Чобан-заде был таким высокопрофессиональным специалистом в своем деле, что его нарасхват приглашали различные ведомства, считая за честь иметь в своем штате знаменитого ученого. Наконец, в-третьих, сам он, будучи в расцвете своих сил и способностей, не боялся труда и отлично справлялся со своими обязанностями — и преподавателя, и исследователя, и организатора.

Биографам трудно уследить за работой Чобан-заде в Баку; действительно, калейдоскоп его должностей нелегко распутать. В статье Ф. Ашнина ошибочно указано, что Чобан-заде стал работать на восточном факультете Азербайджанского государственного университета (далее — АзГУ) в 1924—1925 учебном году и был деканом этого факультета в 1924—1926 годах¹. Как мы помним, он переехал в Баку в марте 1925 года и мог застать лишь конец учебного года. Что касается его деканства, то временные рамки указал сам Чобан-заде: как в анкете 1931 года, так и в автобиографии

правильно проставлены 1925—1927 годы. В анкете 1934 года ученый указал время работы в АзГУ 1925—1930 годы².

В университете Чобан-заде заведовал кафедрой тюркского (азербайджанского) языка и литературы, преподавал ряд предметов этого цикла: введение в тюркологию, тюрко-татарскую диалектологию, сравнительную грамматику тюркских языков, орхонские и древнеуйгурские памятники, методику преподавания азербайджанского языка и литературы, новейший период тюрко-татарской литературы. Неясны причины его ухода с должности декана; это могла быть и какая-то интрига со стороны завистников-недоброжелателей или же личная просьба. Зато теперь можно с большой уверенностью объяснить, почему Чобан-заде покинул университет и перешел в педагогический институт. Дело в том, что в 1930 году была проведена реорганизация, точнее говоря, ликвидация восточного факультета — на базе его языковедческого отделения был создан новый вуз³, а историческое отделение преобразовано в самостоятельный факультет университета. Новый вуз получил название Азербайджанского педагогического института. Именно здесь Чобан-заде работает до своего ареста; в анкетных данных, предваряющих протоколы допросов в 1937 году, указано: «профессор-языковед в Азербайджанском педагогическом институте и Азербайджанском ФАНе». Последнее учреждение носит полное название Азербайджанского филиала Академии наук СССР. В автобиографии Чобан-заде пишет: «С 1932 года состою старшим ученым специалистом сектора языка АзФАНа». Этим учреждением фактически руководил друг и покровитель крымского профессора, видный партийный функционер Рухулла Ахундов. Формально над ним стоял академик И.И. Мещанинов, но тот постоянно проживал в Ленинграде и в Баку бывал редко.

Кроме названных выше, Чобан-заде занимал целый ряд других должностей. По линии разработки нового алфавита с момента прибытия в Баку он был ученым консультантом Комитета НТА Азербайджана, а в 1927 году стал председателем Научного совета Всесоюзного ЦК НТА. Кроме того, с 1925 по 1933 год участвовал в работе Азербайджанского терминологического комитета в качестве заместителя председателя и председателя, руководил гуманитарной секцией названного комитета (из автобиографии). Когда на базе Общества обследования и изучения Азербайджана в конце 1929 года возник Азербайджанский государственный научно-исследовательский институт (АзГНИИ), Чобан-заде стал его действительным членом и заведующим

аспирантурой. Правда, это продолжалось недолго.

Научные заслуги Чобан-заде были признаны в столице СССР. Об этом он пишет в автобиографии: «В 1928 году избран действительным членом Института народов Востока в Москве, где весной того же года руководил тюркологическими занятиями аспирантуры названного института». Эти слова подтверждаются документом из фонда Наркомпроса РСФСР. В нашем распоряжении имеется решение Государственного ученого совета от 12 июня 1928 года об утверждении избрания профессора Б.Чобан-заде действительным членом Института этнических и национальных культур Востока⁴.

Знали и ценили Чобан-заде и в Узбекистане. Когда в 1930 году был открыт педагогический институт в Фергане, Чобан-заде был приглашен занять в нем пост руководителя кафедры узбекского языка и литературы, который он занимал в течение четырех лет (по совместительству). В 1935 году он читал спецкурсы по проблемам тюркского языкознания в университете Ташкента (он тогда назывался Среднеазиатским) и в Бухарском педагогическом институте (из автобиографии).

В Ташкенте Чобан-заде встретили старые знакомые Джеял Меинов и И. Исмаилов. Первый из них, знаменитый артист и режиссер, активный деятель Народной партии, некоторое время занимал должность председателя Бахчисарайского райисполкома⁵. В 1928 году по делу Милли Фирка был выслан в Ташкент. Второй знакомый, Ибрагим Фегми Исмаилов, работал под руководством Чобан-заде в Наркомпросе Крыма до 1924 года, затем выехал в Ташкент и стал заведовать сельскохозяйственным музеем. На допросе в 1937 году он признал, что во время поездки Чобан-заде на научную конференцию в Самарканд «...он гостил у меня два дня». Эта конференция проводилась в мае 1929 года, так что мы можем точно установить время их встречи, поскольку Исмаилов неверно назвал 1926 год⁷.

Где бы ни преподавал профессор Чобан-заде — в Симферополе, Баку, Фергане или в Москве, Ташкенте и Бухаре, — он везде проявил себя как выдающийся педагог и прекрасный лектор, сочетавший доступность изложения с глубокой научной проработкой темы. Это была яркая, неординарная личность, любимец молодежи — таким остался профессор Чобан-заде в памяти всех тех, кто слушал его лекции и доклады.

К счастью, сохранились воспоминания его студентки, учившейся в начале 1930-х годов в Азербайджанском педагогическом институте. Вот что она

рассказывает о любимом педагоге. Профессор Чобан-заде был пунктуальным, на занятия приходил минута в минуту. Шутил, открывал коробку «Казбека», вынимал тезисы лекции, но никогда в руках не держал ни конспектов, ни книг. Во время лекции непрерывно курил, закончив ее, аккуратно собирал пепел в бумажку. Рассказывал так просто и увлекательно, что студенты все время смотрели ему в рот и ловили каждое слово, забывая писать конспект. Но его рассказ запомнился надолго. Иногда ни он, ни студенты не замечали конца занятий, а у дверей уже стоял другой преподаватель. Спohватившись, Чобан-заде отпускал студентов и десять раз извинялся за задержку.

Интересны воспоминания и тем, что показывают Чобан-заде в человеческом ракурсе. Студентка рассказывает, что профессор не только был человеком обширных знаний, мудрым педагогом, но в то же время очень простым, жизнерадостным, веселым. Когда в институте открылся кружок западных (очевидно, бальных. — Д.У.) танцев, он приходил на эти занятия и танцевал с девушками⁸.

Особую любовь и уважение к Чобан-заде питали молодые крымские татары, обучавшиеся в бакинских вузах. На его квартире по ул. Кооперативной, 5 всегда было полно молодежи. Крымчан здесь встречали всегда приветливо, они получали помощь, полезный совет. Среди них следует назвать братьев Рефатовых: старший, Решад, учился в АзГУ, младший, Асан, — в консерватории; в медицинском институте учились Омер Куркчи, Исмаил Аметов, Якуб Зеки. В педагогическом институте учился Осман Топлы, а в АзГУ — Усеин Куркчи, Вейс Танабайлы, Асие Акимова, Эннан Абдураманов.

Ближе других к Чобан-заде был талантливый Асан Рефатов, знакомый ему с крымских времен. После окончания школы Асан в 1922 году поступил на фортепьянное отделение Крымского музыкального техникума⁹. Одновременно по протекции Чобан-заде, бывшего начальником татарского управления наркомпроса, Рефатов принят учителем музыки в Тотайкойский педагогический техникум. Как пишет его биограф, Рефатов «первым стал вести музыкальные предметы на родном языке, впервые вводит в крымскотатарское хоровое пение многоголосье»¹⁰.

Рефатов поступил в Бакинскую консерваторию в 1926 году и после ее окончания оставался в Баку до 1935 года. Не случайно, очевидно, отношения Рефатова и Чобан-заде особенно интересовали следствие в 1937 году. На

первом допросе Рефатова 28 апреля 1937 года произошел такой разговор:

Вопрос: Вам известно, где в данное время находится Чобан-заде?

Ответ: Из получаемой мною газеты из г. Баку «Бакинский рабочий» мне стало известно, что Чобан-заде признан врагом народа, где он находится в данное время, мне не известно... После отъезда своего из Баку я никакой связи с Чобан-заде не имею; писем ему не писал и от него не получал писем...

Стремление Рефатова в какой-то мере выгородить своего учителя, однако, не увенчалось успехом. На следующем допросе Рефатов признается, что находился под влиянием Чобан-заде и ему симпатизировал. Вот небольшой отрывок из протокола допроса от 7 мая 1937 года:

Вопрос: С какого времени знакомы с профессором Чобан-заде?

Ответ: С Чобан-заде я впервые познакомился в 1922 году, он в то время работал в Наркомпросе Крыма. По совету Чобан-заде я тогда устроился преподавателем педагогического техникума в Тотайкое в семи километрах от Симферополя...

Вопрос: Расскажите о ваших связях с Чобан-заде по городу Баку.

Ответ: Я в 1926 году из Крыма уехал учиться в г. Баку. Первое время я Чобан-заде не встречал. Более-менее регулярные встречи с Чобан-заде у меня были в 1928—1929 годах. Я раз в месяц бывал на квартире у Чобан-заде. В 1930 году на почве ссоры я порвал взаимоотношения с Чобан-заде.

Вопрос: Что вам известно о контрреволюционной националистической деятельности Чобан-заде, проводимой в Баку?

Ответ: О контрреволюционной националистической деятельности Чобан-заде в Азербайджане мне ничего не известно. Он представлялся перестроившимся человеком, отошедшим от националистов...

И только на допросе 25 мая 1937 года, после жестоких истязаний, Рефатов стал давать те показания, которые требовал следователь о якобы контрреволюционной организации, созданной в Баку Б. Чобан-заде, в которую он привлек большую группу крымских студентов¹¹.

Больше всего учеников у профессора Чобан-заде было в Азербайджане, где он в течение 12 лет преподавал в университете и педагогическом институте. Впоследствии многие из них стали видными учеными в области языкознания и литературоведения. Наиболее известные — академики республиканской Академии наук М.Ш. Ширалиев, который сначала учился на восточном факультете АзГУ, а затем в педагогическом институте, и М. Дадаш-заде, члены-корреспонденты Ф. Касум-заде, Г. Араслы и А. Демирчи-заде,

профессора и доценты Г. Багиров, М. Гусейн-заде, И. Гасанов, А. Шарифов, О. Эфенди-заде, А. Таги-заде и др. С Багировым Б. Чобан-заде выпустил две совместные научные работы. Кроме того, он совместно с А. Таги-заде и Вели Хулуфлу редактировал трехязычный азербайджано-немецко-русский словарь.

В Узбекистане самым известным учеником Чобан-заде был В. Абдуллаев, окончивший Ферганский пединститут в первом выпуске 1934 года. Впоследствии он стал ректором Самаркандского университета¹². С. Нагаев называет и других ученых, с гордостью вспоминая своего учителя; это Вахид Захидов, Алим Шарафутдинов, Хади Зарифов.

Бакинский период жизни Б. Чобан-заде, в отличие от крымского, характерен активной деятельностью по изучению первоисточников в библиотеках и архивах Москвы и Ленинграда, а также полевыми исследованиями языка и фольклора тюркских народов, научными командировками в крупнейшие города страны. За эти годы он посетил некоторые места дважды: Москву и Ленинград, Ташкент, Самарканд и Казань, Ашхабад, Алма-Ату и Тбилиси, села Дагестана, Балкарии и Азербайджана. Не забывал он и Крым, где гостил поначалу ежегодно. В заполненной Чобан-заде анкете 1931 года в разделе «В каких научных командировках, включая научные экспедиции, был за границей и внутри СССР после 1917 года?» даются такие сведения:

1. Москва, Ленинград — изучение рукописей, 1925 год, 2 месяца;
2. Дагестан — изучение языка и литературы (кумыков), 1925 год, 1 месяц;
3. Балкария — изучение языка и литературы (балкарцев), 1929 год, 1 месяц.

Уточнение поездки Чобан-заде в Ленинград вызывает некоторые вопросы. Дело в том, что одно его стихотворение «Балтик ялысында» датировано августом 1926 года¹³. О том, что он посетил Ленинград именно в 1925 году, свидетельствует его статья «Крымские памятники в Ленинграде», опубликованная в журнале «Окьюв ишлери» в 1925 году. В ней Чобан-заде анализирует лексику и содержание трех кадиаскерских грамот, обнаруженных в рукописном отделе Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина¹⁴. Не исключено, однако, что он посетил этот город дважды — в 1925 и 1926 годах.

Что касается Дагестана, то полевые изыскания здесь Чобан-заде проводил летом 1925 года. Современные авторы справедливо считают его

первопроходцем в изучении кумыкского языка. В трудах, опубликованных в 1925—1926 годах, Чобан-заде определил этногенез этого народа и место его языка в тюркской языковой семье¹⁵. Предварительное сообщение о результатах поездки в Дагестан он сделал 20 ноября 1925 года на заседании Общества по обследованию и изучению Азербайджана.

Нельзя забывать и вклад Чобан-заде в изучение фольклора тюркских народов. Речь, в частности, идет об обнаруженном им народном сказании из «Книги моего деда Коркута» и его сравнительном анализе с сочинением Абу-л-Гази «Родословная туркмен». Запись этого повествования Чобан-заде проработал в архиве Института востоковедения в Ленинграде во время последней поездки в 1936 году¹⁶. В этом же году он посетил сельскую местность на севере Азербайджана для сбора диалектного и фольклорного материала, которую чекисты потом расценили как «вербовку учителей, народных сказителей» и «сбор вокруг себя крестьян под видом изучения фольклора» для дальнейшей контрреволюционной деятельности.

Прожитые в Баку годы являются наиболее плодотворным периодом жизни Чобан-заде в плане научно-исследовательской работы. Если его поэтическое творчество постепенно слабеет и сходит на нет, то конец 1920-х годов с полным правом считается вершиной его научной карьеры. По мнению К. Аджара, из 10 самых крупных трудов Чобан-заде 8 выполнены в Баку и только 2 — в Крыму. В самом деле, в крымский период жизни им написаны «Введение в тюрко-татарское языкознание» и «Научная грамматика крымскотатарского языка». В Баку Чобан-заде подготовил и опубликовал такие фундаментальные работы, как «Тюрко-татарская диалектология» (1927), «Методика преподавания азербайджанского языка и литературы» (1926), «Критические этюды о крымскотатарской литературе новейшего периода» (опубликована в 1928 году в Симферополе), «Азербайджанский язык» и «Азербайджанская грамматика» (1928, 1929), «Новый период азербайджанской литературы» (1930). В эти же годы были напечатаны две солидные работы о кумыкском языке и литературе¹⁷. Наконец, в 1932 году в Ташкенте Чобан-заде публикует под грифом Ферганского пединститута брошюру (44 с.) «Вопросы методики обучения языку и правописанию», предназначенную преподавателям узбекского языка.

Несколько крупных научных работ остались в рукописи. Как пишет В. Асланов, в фонде 171 Центрального архива литературы и искусства Азербайджана хранятся две рукописи о творчестве видных ученых

мусульманского мира Ибн Муханне (212 маш. с.) и Хатаи (128 маш. с.). Кроме того, достоверно известно, что им написан большой труд с историко-лингвистическим анализом классического произведения тюркского фольклора «Книга моего деда Коркута», который до сих пор не найден¹⁸. Бесследно исчезла также подробная грамматика крымскотатарского языка.

Если обратиться к библиографической статистике, то цифровой материал подтвердит вывод о расцвете научного таланта Чобан-заде в конце 1920-х годов. Так, согласно списку публикаций ученого, составленному Ф. Ашниним, из общего числа 97 наименований после выезда из Крыма напечатано 89 (некоторые публиковались в Симферополе: 6 статей в журнале «Илери» и книга по литературоведению). Несколько иные цифры приводит С. Нагаев: из 129 названных им публикаций (правда, около 20 из них приведены без необходимых библиографических указаний, поэтому вызывают сомнения) в бакинский период жизни Чобан-заде выпустил 115 работ¹⁹.

Большое внимание в творчестве Чобан-заде уделено популяризации в широких народных массах жизни и трудов классиков литературы стран Востока. Его перу принадлежат статьи о Фирдоуси, Навои (к его 500-летию юбилею), Физули (которому исполнилось 400 лет), Байкаре, Махмуде Кашгарском, Ибн Муханне, Хатаи. Он всегда с большим интересом относился к истории востоковедения, высоко ценил научное наследие В. Томсена и М.Ф. Ахундова, который первым в Азербайджане отстаивал идею латинизации родного языка, своего старшего друга академика А.Н. Самойловича. Всем им он посвятил проникновенные статьи.

Бакинский период был для Чобан-заде не только плодотворным в плане публикации многочисленных статей и монографий. Не менее количественной важна и качественная сторона обсуждаемой проблемы. В эти годы окрепла рука ученого, другими словами, выросло его мастерство, расширился тематический диапазон, в поле исследований вошли новые ареалы, языки, сюжеты: фольклор, фонетика, литературоведческая критика, наконец, методика преподавания тюркских языков и литератур в средней и высшей школе.

Было бы, однако, глубоким заблуждением рассматривать бакинский период жизни Чобан-заде как беспроblemное, в виде прямой восходящей линии осуществление творческих планов. Все было далеко не так: начиная с осени 1929 года ученый испытывает растущий прессинг партийной идеологии и пропаганды, публичное шельмование, резкое ограничение свободы

творчества. От него требуют «разоружиться», отказаться от теоретических концепций, которым следовал всю жизнь, и стать на почву «творческого марксизма в языкознании» — яфетической концепции Н. Марра. Принудительная марксизация всех наук к этому времени стала всеобщим явлением в отличие от 1920-х годов, когда методология научных исканий не была столь узкой и принудительной. Чобан-заде, как и многие его современники, был вынужден признать марксизм в качестве теоретической базы своих исследований. После памятной всем жестокой расправы над Е. Поливановым он признал непогрешимость марризма и стал ссылаться на создателя этой псевдонауки. Особенно много ссылок на Марра можно найти в ташкентской методической брошюре. Но и до этого Чобан-заде был принужден публично отказаться от своих крымских единомышленников — членов Народной партии, осужденных в декабре 1928 года. В следующем году он выпустил позорную брошюру «Курултайщина и национализм в крымскотатарской литературе». Спустя некоторое время он выступает с легковесной критикой (всего 5 страниц текста) великого ученого-тюрколога В.В. Радлова и пристегнутого к нему малоизвестного Д.Н. Ушакова²⁰. Статья называлась «Антимарксистские течения в языкознании. Радловщина-ушаковщина» и была напечатана в 1931 году в азербайджанском партийном журнале. С этого времени его научная продуктивность падает; публикаций становится значительно меньше, чем прежде, написанные работы остаются в рукописи.

Несмотря на кампанию очернительства Чобан-заде и нападки на него в партийной печати, его авторитет как ученого и педагога не был поколеблен. Травля носила скорее ритуальный характер, как и его клятвы верности марксизму-ленинизму. Таковы были нравы той жестокой поры. Поэтому нас не должно удивлять то, что одновременно с «разоблачениями» Чобан-заде научный мир оценивал по достоинству его вклад в тюркологию. Об этом свидетельствуют следующие факты: в 1932 году он получает звание действительного члена Азербайджанского отделения Закавказского филиала Академии наук СССР; статус этого отделения в 1935 году был поднят до филиала Академии наук СССР. И когда в 1944 году на базе филиала была создана самостоятельная Академия наук Азербайджанской ССР, все оставшиеся в живых после чисток 1937—1938 годов действительные члены филиала автоматически стали академиками. Поэтому нам представляется вполне обоснованным предложение называть Чобан-заде не только

профессором, но и академиком. Остается добавить, что при довыборах Академии наук СССР в 1929 году А. Самойлович, избранный тогда действительным членом и вскоре ставший академиком-секретарем отделения гуманитарных наук, сделал было попытку поддержать кандидатуру Б. Чобан-заде в члены-корреспонденты союзной академии. Попытка, однако, не увенчалась успехом: на вакантное место был избран не менее достойный профессор Н. Ашмарин, коллега Чобан-заде по восточному факультету АзГУ.

Как было сказано выше, интенсивная научно-публикаторская деятельность нашего земляка в Баку шла параллельно с ослаблением его поэтического творчества. Муза поэта еле была слышна и наконец совсем заглохла. 1926-ым годом датировано стихотворение «На берегу Балтийского моря», известно еще одно поэтическое произведение бакинского периода без даты «Къалпакъ махраджы» («Угощение в связи с покупкой зимней шапки»), которое Ш. Юнусов датирует тем же годом²¹. И это, по-видимому, весь поэтический урожай за 12 лет.

В. Маяковский как-то признался, что, выполняя «социальный заказ» коммунистической партии, он «... наступил на горло собственной песне». То же самое мог бы сказать и Чобан-заде, хотя он выполнял не заказы, за которые следуют вознаграждения, а приказы, ослушаться которых означало совершить самоубийство. Об этом заявил сам Чобан-заде в покаянном выступлении на пленуме оргкомитета Азербайджанского союза писателей 4 января 1933 года, когда обсуждалось постановление ЦК о роспуске всех литературных объединений и создании единого Союза советских писателей. Эту речь, взволнованную и сбивчивую, трудно читать. Вначале, как водится, он одобряет решение партии: «Я приветствую постановление ЦК, историческое и очень необходимое постановление для нашей азербайджанской действительности». Не мотивируя никак свое одобрение, он сразу переходит к жестокой самокритике: «У меня в недавнем прошлом были грубейшие ошибки, как пантюркизм, формализм, эклектизм и т. д. После постановления Азербайджанской ассоциации пролетарских писателей (проработки, надо понимать. — Д.У.), когда мне было предложено перестроиться (а я сам сознался в своих ошибках, сознался в необходимости перестройки)... Если бы не было этого персонального обсуждения, — продолжает Чобан-заде, — то... я, может быть, продолжал бы и до сих пор свои ошибки, я бы вредил до сих пор на этом фронте, я сам не понимал... у меня были громаднейшие ошибки...». Предводитель азербайджанских

писателей Мирза Ибрагимов вызвал Чобан-заде и сказал ему: «Мы хотим вместе работать». Это его окрылило, и он торжественно обещает: «Я перестал заниматься поэзией (выделено мной. — Д.У.) и поэтому приветствую этот перелом и с удовольствием на каком угодно участке писательской работы готов участвовать»²². Действительно, **перелом** имел место: великого и гордого поэта, певца героических деяний, джигитизма сломала тоталитарная машина, и теперь он клянется перед собравшимися прислужниками партократии верно ей служить на «любом участке писательской работы». Невольно на память приходят горькие слова другого великого поэта: «Погиб поэт, невольник чести. Пал, оклеветанный молвой...».

Существует еще один интересный, можно сказать, загадочный сюжет из бакинской жизни Чобан-заде. Речь идет об утверждении А. Бабаева о том, что в Баку у Чобан-заде вдруг обнаружился вполне взрослый сын²³. Объяснения автора на сей счет невняты, хотя он имел возможность встретиться со второй женой ученого и уточнить все детали. О приемном сыне Чобан-заде и вообще о его семейной жизни богатые воспоминания сохранила Хатидже Булгакова, урожденная княжна Кипчакская. Ее семья в 1928 году переехала в Баку и жила у тети, происходившей из рода Ширинских и бывшей замужем за балкарским князем Атажукиным. Она занимала высокий пост в Наркомпросе Азербайджана, руководя *Охмадетом* (отделом материнства и детства). Семья Хатидже Булгаковой в течение 10 лет тесно общалась с Чобан-заде, называвшим девочку (она родилась в 1920 году) ласковым именем Катюша. Она хорошо помнит как первую жену Чобан-заде Диляру, бывшую их родственницей, так и его вторую избранницу. Брат отца Катюши, Исмаил-мурза Кипчакский, был первым мужем Диляры, от него она имела мальчика по имени Мустафа. Кстати сказать, в 1917 году Диляра Булгакова принимала активное участие в национально-освободительном движении, вместе с Шафиковой Гаспринской организовывала в Крыму женские общества и школы, была делегатом Всероссийского мусульманского съезда в Москве, проведенного в начале мая 1917 года.²⁴ Чобан-заде усыновил Мустика, как его звали в детстве, дал ему свою фамилию и отчество. Мустафа Бекирович Чобан-заде (1918—1953) прожил недолгую, но яркую жизнь: в годы войны стал офицером, в 1945 году — старший лейтенант, слушатель Военного института иностранных языков в Москве. После развода Чобан-заде с Дилярой (примерно в 1928 году) Мустик воспитывался у деда, но приемный отец продолжал заботиться о его воспитании.

В 1930 году Чобан-заде женился во второй раз. Его супругой стала Ругия Гиреевна Абдулина, которой в 1931 году было 26 лет, как явствует из заполненной Чобан-заде анкеты (на вопрос «имеет ли самостоятельный заработок?» он ответил «нет»). Казанская татарка по происхождению, Ругия работала у тети Катюши в *Охмадете* секретаршей. Хатидже-ханум вспоминает, что именно ее тетя и познакомила их. У новой спутницы жизни, кроме привлекательной внешности, был приятный голос и музыкальных слух. С помощью мужа она поступила в консерваторию, а после ее окончания выступала на сцене театра оперы и балета. О второй женитьбе брата писала в своих воспоминаниях его сестра Зелиха, хотя о мальчике не упоминает. Зато она приводит многозначительную деталь: покинутая Диляра изводила бывшего мужа своими скандалами, после развода писала в органы клеветнические письма и доносы²⁵.

Так, постепенно, вокруг Б.Чобан-заде возникала атмосфера неприязни, инсинуаций, политических доносов и зависти, которая в конце-концов привела его к гибели. Однако первые выстрелы в его направлении были сделаны не в Баку, а на его родине. И предательский удар в спину нанесли молодые литераторы, в какой-то степени его ученики. Точно, как в прекрасной арабской притче: «Каждый день я учил его стрелять из лука, и когда его рука окрепла, он выстрелил в меня».

Глава 3. Международное признание

Международная слава пришла к Бекиру Чобан-заде после успешного проведения в Баку Всесоюзного тюркологического съезда в конце февраля—начале марта 1926 года. Хотя во главе оргкомитета по его созыву стояли политические лидеры Азербайджана и руководители Всесоюзной научной ассоциации востоковедения (С.Г. Агамали, М.П. Павлович, академика В.В. Бартольд и др.), вся организационная и научно-методическая работа легла на плечи Б. Чобан-заде и его коллег по восточному факультету АзГУ. Будучи деканом этого факультета, крымский ученый с присущей ему энергией включился в подготовку тюркологического съезда, составив его программу, повестку дня, подготовив список приглашенных зарубежных ученых и проекты решений различных секций. Вместе с акад. В.В. Бартольдом, профессорами

И.Н. Ашмариним и А.Н. Самойловичем, другими видными востоковедами, Чобан-заде входил в состав оргкомитета съезда. Кроме того, он был также членом редакционной коллегии, издававшей во время съезда бюллетень, а затем выпустившей стенографический отчет.

Именно во время тюркологического съезда отечественное и зарубежное научные сообщества узнали Б. Чобан-заде как блестящего ученого, восходящую звезду тюркологии, его недюжинные организаторские способности, его энциклопедические познания в различных областях гуманитарного знания. Кроме того, представители различных тюркских народов слышали из его уст талантливые поэтические произведения. Чобан-заде был признан новым поэтом-классиком не только своим народом, но и всем тюркоязычным миром.

Среди собравшихся в Баку были и старые знакомые крымского ученого и поэта. Среди них — узбекский просветитель Фитрат, обучавшийся в 1910—1914 годах в Стамбуле¹, дагестанец Дж. Коркмазов, издававший там же в 1909—1910 годах газету на русском языке. Теперь последний занимал высокий пост председателя Совнаркома Дагестанской АССР². Можно считать доказанным, что Чобан-заде во время обучения в Будапеште был знаком с венгерским тюркологом Д. Месарошем, который также прибыл на съезд в Баку (о нем речь впереди). Одним словом, среди собравшихся у Чобан-заде были и старые знакомые периода его зарубежных странствий, и приехавшие из Крыма единомышленники, и новые знакомые из различных городов и республик СССР. Впервые Чобан-заде увидели и слышали представители зарубежной ориенталистики, которые разнесли славу о нем по всему свету.

На тюркологический съезд в Баку были посланы приглашения светилам мировой тюркологии, всего 24 ученым. Среди них прежде всего следует назвать датчанина Вильгельма Томсена, осуществившего дешифровку орхонских рунических надписей³, учителя Чобан-заде в Будапештском университете Дьюлю Немета, француза Жана Дени. Всего ожидался приезд из Германии 6 человек, из Турции — 7, Венгрии — 5, а также по одному из Италии, Дании, Швеции, Финляндии. Однако многие из приглашенных по разным причинам на съезд не приехали. Фактически зарубежную тюркологию на форуме в Баку представляли 8 иностранных ученых: Теодор Менцель и Вальтер Радебольд из Германии, австриец Пауль Виттек, венгр Юлиус (Дьюла) Месарош, четверо из Турции — Мехмед Фуад Кёпрюлю, Алибей Гусейн-заде, Хикмет Джевдет-заде и Исмаил Хикмет. Двое из названных, Менцель и Кёпрюлю, свободно владевшие русским

языком, заняли места в президиуме съезда, причем первый из них в качестве «представителя европейской науки».

Именно эти ученые после съезда опубликовали в своих странах информацию о научном форуме в Баку и о молодом профессоре из Крыма, поразившем всех глубиной своих познаний, творческим горением и неиссякаемой энергией. Кроме того, ход научной дискуссии, в том числе и выступления Чобан-заде, регулярно освещали корреспонденты ТАСС/ЗахТАГ, центральных московских и бакинских газет, которые распространялись и за рубежом. Позже, в течение 1926—1927 годов, участники тюркологического съезда поместили подробные отчеты о нем в ведущих востоковедных журналах Германии, Франции, Турции, Венгрии. Меньше писали о нем в Англии и США, где тюркология как научная дисциплина находилась тогда в зачаточном состоянии.

Для популяризации имени нашего земляка в европейской ориенталистике больше других сделал профессор Кильского университета (Германия) Теодор Менцель. Поэтому он заслуживает нашего пристального внимания, тем более что в 1920—1930-е годы он проявил себя искренним другом многих отечественных ученых-востоковедов. Менцель родился 2 декабря 1878 года в Мюнхене, получил солидное ориенталистическое образование, специализировался в области тюркологии и османистики. Его отец, которого также звали Теодором, имел дом и земельные владения в Одессе, поэтому сын, прожив много лет здесь, с детства владел русским языком. В 1921 году он уже числился доцентом Археологического института, однако вскоре, потеряв все имущество и сумев сохранить лишь библиотеку, выехал в Германию и стал преподавать в Кильском университете: в 1924 году он доцент, а с 1926 года до кончины в 1938 году — профессор⁴. Постепенно Менцель выдвинулся в первый ряд немецких тюркологов, ведя оживленную переписку с академиками В.В. Бартольд, А.Е. Крымским, А.Н. Самойловичем, В.А. Гордлевским. Не исключено, что после знакомства в Баку он поддерживал письменную связь и с Б. Чобан-заде. Интересно отметить, что на обратном пути в Германию, проезжая через Одессу, Менцель 4 апреля 1926 года выступил перед местными востоковедами с докладом «Итоги Первого тюркологического съезда в Баку». На заседании присутствовали консулы Германии и Турции — Динстман и Муниф-бей. Докладчик акцентировал внимание на международном значении прошедшего научного форума⁵.

Как бы то ни было, именно Т. Менцель дал в зарубежной научной прессе

самый обширный и точный отчет о тюркологическом съезде в Баку и о ведущей роли на нем профессора Б. Чобан-заде. Статья Менцеля опубликована в двух номерах 16-го тома престижного востоковедного журнала «Der Islam», поныне выходящего в Берлине. Автор подробно освещает работу как съезда в целом, так и всех секций, излагает сделанные доклады, приводя из них обширные цитаты, а также принятые резолюции⁶. Не избегает он рассказать и о дискуссиях на съезде, что, между прочим, редакторы пытались смягчить при подготовке материалов к изданию. Так, сохранившаяся в архиве стенограмма и ее печатная версия совпадают далеко не во всех деталях⁷. Менцель, напротив, не сглаживает острых углов, поэтому его отчет наиболее адекватно передает всю напряженную работу съезда. В двух местах своего труда немецкий ученый детально пересказывает основные идеи докладов Чобан-заде «О близком родстве тюркских наречий» (на 2-ом заседании съезда) и «О системе научной терминологии» (на 8-ом заседании).

Однако Менцель не ограничился реферативным изложением выступлений Чобан-заде. В примечании на с. 54 он дает библиографию основных научных трудов профессора Чобан-заде с указанием года и места издания на языке оригинала. Всего названы шесть работ, в том числе «Введение в тюрко-татарское языкознание», «Научная грамматика крымскотатарского языка», «Методика преподавания тюркского языка и литературы», «Заметки о языке и словесности кумыков», «Общие недостатки тюркских грамматик» (в бакинском журнале «Ени Мектеб», а не «Ени Чолпан», как пишет С. Нагаев). Насколько нам известно, впервые европейская ориенталистика получила перечень научных трудов Чобан-заде латинской графикой. Менцель не преминул уточнить, что доклады он произнес на тюркском (азербайджанском) языке.

В следующем 1928 году Менцель в том же журнале публикует обширную обзорную статью «Современная Россия и ориенталистика», в которой дает панораму востоковедных исследований в СССР⁸. Среди других научных центров немецкий тюрколог называет Крым (с. 87—91) и Баку (с. 91—92). Со слов акад. И.Ю. Крачковского он упоминает о редчайшей арабской рукописи Бурхана ад-Дин ибн Маза, купленной Чобан-заде на рынке в Симферополе и подаренной музею в Бахчисарае, а также о выходе журнала «Ени Чолпан». Он переводит это слово на немецкий язык «Morgenstern», то есть «Утренняя звезда», и указывает, что в нем опубликована статья Чобан-заде «Введение в тюрко-татарское языкознание». Менцель называет и труды других крымских востоковедов — В. Филоненко, О. Акчокраклы, Я. Байбуртлы, М. Недима,

А. Одабаша. Переходя к рассказу об ориенталистике Азербайджана, немецкий ученый пишет, что ее центром является востоковедный факультет университета в Баку, который возглавляет декан профессор Б. Чобан-заде. Вместе с ним работают профессора Ашмарин и Жузе, доценты Пахомов, Губайдуллин, Исмаил Хикмет; они обучают около 150 студентов. Менцель, очевидно, еще не знает, что его информация устарела — к этому времени Чобан-заде уже не декан, так как возглавил Научный совет ВЦК НТА.

Позже, в 1933 году, Менцель в журнале «Der Islam» начинает публиковать библиографию трудов В.В. Бартольда, а в органе Германского общества по изучению ислама «Die Welt des Islams» — перевод на немецкий язык 12 лекций знаменитого русского тюрколога, прочитанных студентам Стамбульского университета. Спустя два года они выйдут отдельной книгой в Берлине.

Другое сообщение о тюркологическом съезде в Баку и о выступлениях на нем Б. Чобан-заде напечатал в 1929 году участник съезда Пауль Виттек в журнале Германского востоковедного общества «Zeitschrift des Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft». Здесь же с его вступительной статьей опубликован доклад В.В. Бартольда «Современное состояние и актуальные вопросы изучения истории тюркских народов». В материалах съезда дано лишь его краткое изложение (с. 31—32); в немецком журнале публикуется полный текст, значительно доработанный и расширенный⁹. Еще один немецкий востоковедный журнал, выходивший в Лейпциге, «Islamica» в 1926 году публикует статьи советских востоковедов В. Бартольда, И. Крачковского, В. Гордлевского, однако о съезде тюркологов в Баку не упоминает. В следующем году напечатана большая статья о развитии арабистики в России¹⁰, статьи Е.Э. Бертельса и Ахмеда Зеки Валиди (Тогана), но по интересующей нас проблеме нет ничего.

Во Франции сообщение о тюркологическом съезде в Баку поместил авторитетный журнал «Revue du Monde Musulman», его автором был весьма активный ученый Жозеф Кастанье, проживший много лет в Средней Азии и хорошо знавший русский язык¹¹. К сожалению, представителей французской ориенталистики на съезде не было, поэтому автор черпал информацию о нем главным образом из газет, как советских, так и эмигрантских. Вместе с тем Кастанье поднимается над чисто хроникальным рассказом о событиях и дает несколько весьма любопытных обобщений. Так, он начинает свою статью утверждением о том, что принятые в Баку решения имеют огромное значение

для советских тюрко-татар, которых насчитывается от 17 до 25 миллионов. Несколько далее Кастанье обращает внимание на тот очевидный факт, что Баку стал центром «исламского ренессанса» на просторах СССР. Автор подчеркивает, что на тюркологический съезд собрались силы «первой величины»: Бартольд, Ольденбург, Самойлович, Крымский, Поппе, Малов, Кёпрюлю, Менцель, Месарош. Среди них назван и Чобан-заде, однако, перечисляя президиум съезда, французский тюрколог ошибочно указывает в скобках, что Чобан-заде будто бы представлял Туркменистан.

Далее Кастанье довольно точно изложил (по информации из газеты «Известия») оба доклада Чобан-заде, особо остановившись на проблеме введения нового тюркского алфавита. Он, в частности, выделил выступление Н.Ф. Яковлева, который в резкой форме объяснил, почему русский алфавит кириллица не подходит для проведения социальных и культурных преобразований в мусульманском мире: «С исторической точки зрения русский алфавит тесно связан с политикой русификации». Кастанье, наконец, сообщает, что ученые с радостью поддержали предложение собрать второй тюркологический съезд через два года в Самарканде¹².

Давая общую оценку форуму советских тюркологов, французский ученый обращает внимание на идеологический фактор — соревнование большевиков с кемалистами в том, кто раньше и лучше реформирует исламскую цивилизацию. Он приводит слова Аяза Исхаки, одного из лидеров антисоветской эмиграции, сказанные в журнале «Тюрк Юрду»: «Культурное пантюркистское движение, которое инициировали Советы внутри СССР, — это наступательное оружие против внешнего пантюркизма. Эти две силы должны, по мнению советских стратегов, взаимно уравновесить и погасить друг друга. Если же какая-либо из них примет угрожающий характер, большевики подавят ее силой». Мнение эмигрантов о тюркологическом съезде — сугубо отрицательное: это всего лишь «московская фантазия», или «комедия», так как окончательное решение о переходе на латиницу уже принято в Москве. Таким же скептическим было отношение тех эмигрантов, которые группировались вокруг журнала «Прометей». Он выходил в Париже с подзаголовком «Орган национальной защиты народов Кавказа, Туркестана и Украины». Вместе с тем журнал отмечал зримые черты культурного и языкового возрождения тюркских народов и приводил знаменитые слова Т. Шевченко: «Борітеся — поборете, вам Бог допомагає!»¹³.

Другой востоковедный журнал Франции, кстати сказать, один из старейших

в мире, «Journal Asiatique», хотя и публиковал немало интересных тюркологических материалов, съезд в Баку почему-то проигнорировал. В 1926 году он публикует большую статью советских ученых Н.К. Дмитриева и О. Шацкой «Народные татарские песни». Часть песен собрал первый автор в Уфимской губернии, другую часть (всего 14 песен) Шацкая записала летом 1925 года в Крыму, возле Бахчисарая и Туака¹⁴. В следующем номере журнала вновь помещена работа Дмитриева о фонетике башкирского языка с большой пристатейной биографией, где, впрочем, нет трудов В. Филоненко по этой тематике. Несмотря на эти пробелы, научное творчество Б. Чобан-заде во Франции было так же хорошо известно, как и в Германии, Турции, Венгрии. Пик его популярности, однако, пришел позже, о чем будет сказано ниже.

В Венгрию информацию о тюркологическом съезде принес известный тюрколог Дьюла Месарош, приехавший в Баку из Турции, где он проводил полевые исследования. О нем следует сказать несколько слов. Д. Месарош (1883—1957) — знаток тюркских языков и этнограф, изучал язык и обычаи башкиров и чувашей, неоднократно бывал в Турции. В 1910 году выпустил капитальную монографию о чувашах, а также башкирско-венгерский словарь. После поражения восстания 1956 года — в эмиграции, скончался в Нью-Йорке¹⁵. Месарош был знаком с Чобан-заде в годы учебы последнего в Будапеште, хотя он и не был преподавателем университета.

В Турции за научными дискуссиями советских тюркологов в Баку следили с особым интересом, ведь страна тоже готовилась к переходу на новый латинизированный алфавит¹⁶. О негласном соревновании между двумя моделями осуществления этой важной культурной реформы — советской и турецкой — мы уже упоминали. Показательным на этот счет является письмо из Турции, опубликованное в газете «Красный Крым» под названием «Отголоски Тюркологического съезда». В нем говорилось, что турецкая общественность оживленно обсуждает решения Всесоюзного тюркологического съезда. «В Баку, — отмечал автор письма, — были крупные турецкие ученые: декан историко-филологического факультета Стамбульского университета Ф. Кёпрюлю и уроженец Азербайджана Алибей Гусейн-заде». Вернувшись на родину, они поделились своими впечатлениями с крупнейшими органами печати — газетами «Хакимиети Миллие», «Джумхуриет», «Икдам» и др. Хотя в Турции существуют три различные точки зрения на реформу алфавита, решения, принятые в Баку, укрепляют позиции сторонников радикального перехода на латинизированный алфавит.

Правительство Мустафы Кемаля уже предпринимает практические меры в этом направлении: новые денежные купюры и почтовые марки имеют надписи на турецком языке латинскими буквами¹⁷. Само собой разумеется, турецкие ученые, рассказывая о научных дискуссиях в Баку, неоднократно упоминали имя профессора Б. Чобан-заде, с которым они имели немало дружеских встреч.

Исмаил Хикмет, несмотря на турецкое гражданство, был коллегой Чобан-заде по восточному факультету АзГУ. В списке делегатов съезда он не указан, в столице Азербайджана пробыл недолго и в 1927 году вернулся на родину. Когда в Турции были введены фамилии, он стал называться Исмаил Хикмет Эртайлан. Позже занял пост профессора тюркологии в Стамбульском университете и прославился книгой о жизни и творчестве крымского хана Газы Герая.

Турцию на съезде представлял также Хикмет Джевдет-заде (1893—1945), прибывший по направлению НКП Аджарской АССР. Позже он закончил ЛВИ и преподавал в нем в качестве доцента. В 1937 году репрессирован и погиб в лагере.

Интересна биография Алибея Гусейн-заде (1864—1941). Он родился в Азербайджане, после окончания гимназии в Тифлисе поступил в столичную Военно-медицинскую академию. Во время учебы познакомился со студентом естественного отделения Петербургского университета Александром Ульяновым, впоследствии казненным за революционную деятельность. О своей дружбе с братом Ленина он рассказал на банкете после окончания тюркологического съезда. Закончив учебу, Алибей, однако, отказался от службы в армии и уехал в Турцию, где занялся журналистикой и научной деятельностью. В 1926 году он был профессором Стамбульского университета.¹⁸

Профессор Ф. Кёпрюлю (1890—1966) — один из крупнейших турецких ученых, автор свыше 500 работ по истории, языку и литературе, неоднократно посещал СССР. В 1925 году он представлял свою страну на праздновании 200-летия Академии Наук СССР в Ленинграде. После возвращения со съезда в Баку он был избран президентом Турецкого исторического общества и в качестве такового гостеприимно принял делегацию украинских ученых, посетивших Турцию в ноябре 1928 — январе 1929 годов, в состав которой, кстати, входил и знаменитый поэт Павло Тычина. Украинцы, в свою очередь, пригласили Кёпрюлю на II Украинский востоковедный съезд в Харькове, состоявшийся в

ноябре 1929 года. На нем должен был выступить и Чобан-заде, однако встреча двух ученых-тюркологов не состоялась. Об этом стоит сказать несколько слов.

В подготовленной Всеукраинской научной ассоциацией востоковедения и изданной на украинском и французском языках программе съезда (он был назначен на июнь, но состоялся в начале ноября 1929 года) были запланированы более ста докладов ученых не только Харькова, Киева и Одессы, но и многих других городов — Баку, Тбилиси, Москвы, Ленинграда, Уфы, Ашхабада, Махачкалы, Душанбе. В четвертой секции предполагалось заслушать доклад представителя Всесоюзного комитета нового тюркского алфавита профессора Чобан-заде «Итоги латинизации письменности народов Востока». Кроме него, из Баку должен был приехать Асан Рефатов с докладом «Народная музыка крымских татар», а из Крыма — известные ученые О. Акчокраклы и У. Боданинский. Ожидались иностранные гости: из Германии — арабист Г. Кампфмайер, редактор журнала «Die Welt des Islams», и профессор Ф. Бабингер, знаменитый историк-османист. Из Праги был приглашен тюрколог профессор Ян Рипка с докладом «Богдан Хмельницкий и его время по турецким источникам».¹⁹

Однако этим планам не суждено было сбыться. Кроме того, что сам съезд пришлось отодвинуть на несколько месяцев, многие из объявленных докладчиков по разным причинам прибыть в Харьков не смогли. Из крымчан на съезде был и выступил с большим успехом лишь О. Акчокраклы, его доклад по рекомендации академика А.Е. Крымского был опубликован в журнале «Східний світ». Ожидавшиеся иностранные гости также не приехали, зато прибыл не вошедший в программу турецкий профессор Ф. Кёпрюлю. По дороге в Харьков он остановился в Одессе, где встретился с местными востоковедами и рассказал о тюркологических исследованиях в Турции и о ходе внедрения нового алфавита²⁰. Что касается Чобан-заде, то он, приехав в Крым на II орфографическую конференцию и успешно выступив на ней, оказался в эпицентре клеветнической кампании, начатой публикацией анонимной статьи в газете «Красный Крым» и выступлением Джемиля Сейдаметова на пленуме РАПП в Москве. В таких условиях ему пришлось отчаянно защищать не только свое доброе имя, но и саму жизнь. Однако это иной сюжет, и о нем будет рассказано в другом месте.

Вернемся к теме нашего разговора. Международное признание и авторитет Б. Чобан-заде нашли наиболее яркое проявление несколько позже, когда он был избран членом Парижского лингвистического общества. Это

престижное научное учреждение — одно из старейших в мире, оно основано в 1865 году. Парижское лингвистическое общество принимало в свои ряды самых видных языковедов из разных стран мира. Так, в 1874 году выдающийся русский ученый Ф.И. Буслаев присутствовал на одном из заседаний и был избран его членом.

С начала XX века и вплоть до своей кончины во главе Общества стоял Антуан Мейе (1866—1936), основатель «французской социологической школы» в лингвистике, ученик и продолжатель дела великого Фердинанда де Соссюра²¹. Мейе закончил в Париже Высшую нормальную школу (педагогический институт), затем преподавал в Сорбонне. Одновременно Мейе ведет интенсивную научную деятельность и в 1894 году защищает диссертацию по древнеславянскому языку. Вскоре он переходит к изучению армянского языка и получает приглашение занять кафедру по этой дисциплине в Школе живых восточных языков — главном во Франции языковом вузе. В Парижском лингвистическом обществе Мейе в течение почти 40 лет занимал положение «непререкаемого авторитета»²².

В знак признания заслуг Мейе в 1924 году избран членом Академии надписей. Как сказано выше, он вначале стал известен трудами по славянским языкам, затем, расширив диапазон, перешел к сравнительному изучению индоевропейских языков. Классическим трудом Мейе считается выдержавшее множество изданий «Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков». Не менее популярны книги «Древнеславянский язык» и «Общая и историческая лингвистика». Об актуальности научного наследия Мейе говорит переиздание его работ по армянской лингвистике и филологии (в 2-х томах). Особую симпатию французский ученый проявлял к русскому языку и культуре, к России. Лекции Мейе в Париже слушали такие выдающиеся лингвисты, как будущие академики Л.В. Щерба (1880—1944) и Б.Я. Владимирцов (1884—1931). Первый из них в автобиографии писал, что лекции Мейе «... я слушал с особым удовольствием». Неслучайно, разумеется, много лет спустя, в 1933 году по предложению Мейе он был принят в члены Парижского лингвистического общества²³.

Мейе внимательно следил за развитием языкознания в СССР, оказывал помощь ученым, которые вынуждены были эмигрировать. Так, А. Исаченко (1910—1979), ученик Н.С. Трубецкого в Венском университете, получил работу на кафедре Мейе. Другой русский языковед, С. Карцевский (1884—1955), после эмиграции с помощью Мейе устроился на работу в

Страсбургский университет²⁴. Мейе в журнале Парижского лингвистического общества дал положительную рецензию на книгу Н.Ф. Яковлева (1892—1974) по кабардинскому языку. Следует пояснить, что Яковлев — участник Всесоюзного тюркологического съезда в Баку, был хорошим знакомым Чобан-заде, они вместе стали членами Научного совета ВЦК НТА, а позже Яковлев сменил Чобан-заде на посту председателя этого совета. Яковлев и Чобан-заде были в некотором роде и друзьями (по отношению к латинскому алфавиту), и антиподами (Яковлев активно поддерживал бредовые идеи Н.Я. Марра, отрицал родство тюркских языков)²⁵.

Мейе, таким образом, был подготовлен лучше других зарубежных языковедов, чтобы достойно оценить вклад Б. Чобан-заде в филологическую науку. Звездный час для крымского ученого наступил 23 февраля 1935 года, когда на заседании Парижского лингвистического общества Мейе и его коллега Аджарьян, французский языковед армянского происхождения, предложили избрать в члены Общества господина Бекира Чобан-заде, профессора Азербайджанского университета. Далее, в соответствии с регламентом, давался адрес, где проживал рекомендуемый: город Баку, ул. Кооперативная, дом 3. Правда, по чьей-то небрежности в адресе была допущена курьезная ошибка — Баку в скобках обозначен как находящийся на территории Армянской ССР. Это тем более странно, что Мейе и особенно армянин Аджарьян хорошо знали, где расположен Баку. Как бы то ни было, эта техническая ошибка не имела никакого принципиального значения.

По правилам Общества, предлагаемых к избранию кандидатов можно принимать лишь на следующем заседании с тем, чтобы было время для неформального обсуждения их вклада в науку. И вот 16 марта в торжественной обстановке объявлено, что в члены Парижского лингвистического общества приняты госпожа Базен-Фуше, господина Деспьер и Чобан-заде²⁶. В опубликованном в журнале Общества кратком протокольном сообщении нет, к большому сожалению, мотивировочной части. Было бы чрезвычайно интересно узнать, что сказал Мейе о Чобан-заде, как оценил его вклад в филологию. Очевидно, нет оснований сомневаться в том, что эта оценка была высокой, а характеристика, данная ему классиком мировой лингвистики, вполне положительная.

У этого события, как представляется, есть и второй, скрытый смысл. Избрание опального бакинского профессора, подвергнутого на своей родине всяческим унижениям, было своеобразным якорем спасения. Другими

словами, это была попытка передовой научной общественности Европы предотвратить трагический исход кампании травли, клеветы и угроз, начатой против Б. Чобан-заде осенью 1929 года в Крыму, продолженной затем в Баку и достигшей кульминации в 1934 году, когда с трибуны I Всесоюзного съезда советских писателей на него вновь обрушился молодой крымскотатарский литератор. Показав значение Чобан-заде в науке тем невеждам, которые правили бал в Кремле, зарубежные коллеги пытались спасти ему честь и жизнь. Увы, маховик массового террора набрал такие обороты, что его судьба была предрешена. На свободе ему оставалось быть меньше двух лет.

Глава 4. Охота на человека

*Скажи: «Пришла истина, и ложь
не появится и не вернется».
(Коран, сура 34, аят 48)*

В январе 1928 года в Крыму произошли события, которые спустя полтора года самым непосредственным образом отразились на судьбе Б. Чобан-заде и в конечном итоге предопределили его мученическую смерть в бакинской тюрьме. Вначале казалось, что ничто не предвещало такой трагический конец жизни. Проживая в Баку уже 4 года и пользуясь протекцией такого влиятельного партийного руководителя Азербайджана, как Рухулла Ахундов, он мог себя чувствовать в полной безопасности. Дальнейшие события показали, однако, что в обстановке формирования в стране режима сталинского тоталитаризма никто не был застрахован от любых обвинений, репрессий и даже самой гибели.

В Крыму ситуация развивалась по самому жестокому сценарию, разработанному в Кремле. Если современный автор справедливо назвал М. Султан-Галиева «первой жертвой генсека» (Сталина), то имеется не меньше оснований утверждать, что председатель Крымского ЦИК Вели Ибраимов стал второй, но далеко не последней жертвой мстительного

кремлевского вождя. Ведь он пытался наполнить реальным содержанием формальный статус автономной республики, сопротивлялся диктату центра в земельном вопросе — важнейшем для крымскотатарского народа, апеллировал к Ленину и ленинизму, проявляя тем самым верх неуважения к новому лидеру партии и государства¹.

Здесь, очевидно, не место выяснять подробно причины, ход и последствия «дела» Вели Ибраимова, поскольку это уведет нас в сторону от центрального сюжета настоящей работы. Обозначим лишь пунктиром хронологию основных событий. В середине января 1928 года председатель ЦИК Крымской АССР Вели Ибраимов вызван в Москву на заседание Центральной контрольной комиссии (ЦКК). 18 января Крымскому обкому партии поступило секретное сообщение, что Вели Ибраимов задержан без официального постановления и что от оргвыводов надо пока воздержаться. Спустя два дня из Москвы поступило новое сообщение: ЦК уведомило крымское руководство, что Ибраимов арестован и ведется следствие².

От внимания любознательного историка не ускользнет такое совпадение: решение об аресте Вели Ибраимова принято в тот же день, когда из Москвы высланы в отдаленные места страны бывший лидер Красной Армии Л. Троцкий и еще 30 видных оппозиционеров. Суд же над крымским председателем шел параллельно с другим сфальсифицированным ГПУ процессом — «шахтинским делом», когда на скамью подсудимых было посажено 53 инженера, мастера и других специалистов угольной промышленности Донбасса. Расправа над «левой» оппозицией, непокорными национал-коммунистами, старой интеллигенцией была прелюдией к готовившемуся Сталиным «великому перелому» — полному отказу от НЭП, сверхиндустриализации и «второй революции», которая состояла в насильственной ускоренной коллективизации крестьянства³. На заседании оргбюро ЦК в августе того же года В.М. Молотов прямо признал, что суд над Вели Ибраимовым и «шахтинское дело» — явления одного порядка, главная их цель — запугать беспартийную интеллигенцию национальных республик⁴.

В «деле» Вели Ибраимова была еще одна сторона, на которую его биографы не обращали внимания. Речь идет о его наивной вере в ленинизм, апелляции к Ленину в условиях создания культа личности нового вождя — Сталина. Постоянные клятвы Ибраимова в верности ленинизму звучали, по меньшей мере, анахронизмом. Вот красноречивый факт: когда на одном заседании во время внутрипартийной дискуссии его спросили: «Какая ваша

линия?», он простодушно ответил: «Наша линия ленинская»⁵. Эти слова были встречены смехом, и не случайно: в зале сидели беспринципные партфункционеры, цинично готовые служить новому хозяину Кремля.

В архиве ЦК партии обнаружен еще более примечательный документ, в котором ряд мыслей мятежного крымского председателя подчеркнут красным карандашом. Не исключено, что это сделал сам генсек. Во время спора на заседании бюро Крымского обкома Вели Ибраимов в запальчивости крикнул своим оппонентам: «Не надо грозить нам исключением из партии, я хоть сейчас могу отдать вам партийный билет, ибо партбилет — это бумажка, возьмите его. Но я был ленинцем и без билета им останусь»⁶. Вот этих слов «был и останусь ленинцем», прозвучавших как вызов, генсек ему никогда не простил.

Состоявшийся в апреле 1928 года в Симферополе суд над Вели Ибраимовым по сфабрикованному уголовному делу прошел по всем правилам политического шоу. Зал был наполнен тщательно подобранными, верными режиму людьми, которых собрали по всему Крыму. Об этом мы имеем, например, любопытные документы по Карасубазарскому району⁷. Ибраимов был осужден и расстрелян 9 мая 1928 года.

Было бы ошибочным идеализировать сегодня этого деятеля, однако нельзя не признать, что это была сильная, незаурядная личность. Для нас важно понять, как изменился политический ландшафт Крыма после его гибели и как эти перемены повлияли на судьбу профессора Чобан-заде. В этом смысле небезынтересна оценка «дела» Вели Ибраимова, данная парижскими эмигрантами из национальных республик СССР. Вот их мнение: «Вели Ибраимов был настоящим коммунистом, поэтому оплакивать его — не наше дело. Однако его казнь вызывает необходимость еще раз подтвердить наш вывод о том, что национальная политика советского правительства есть политика провокаций для поддержания национальной розни, политика отстранения от дел — и в некоторых случаях уничтожения — защитников прав местного населения»⁸.

В самом деле, после гибели Вели Ибраимова волна репрессий обрушилась на политическую и культурную элиту тюрко-татарских республик СССР, главным образом Крымской, Татарской и Башкирской. Вскоре после задержания Ибраимова были арестованы два наркома, еще четверо исключены из партии и уволены с должности (все крымскотатарской национальности). Одновременно взяты под стражу видные деятели Народной

партии А. Озенбашлы, братья А. Одабаш и Б. Одабаш, другие, а также активисты этой организации — всего до 500 человек. В конце года в Москве, Казани, Уфе были задержаны так называемые национал-уклонисты, якобы создавшие свою организацию «Московский центр» (среди них — М. Султан-Галиев, И. Фирдевс, О. Дерен-Айерлы). В Крыму развернулась настоящая «охота на ведьм» — чистка различных организаций от неблагонадежных. Больше других пострадали учителя и студенты Крымского педагогического института, техникумов. Их увольняли с порочащими ярлыками «арабист», «чуждый элемент», «националист», «весьма религиозен», «сын муллы», «потерял авторитет среди бедноты». Была и такая курьезная мотивировка: «на достижения советской власти смотрит сквозь пальцы»⁹.

1928-й стал черным годом в истории крымскотатарской культуры, тогда гонениям подверглись все мало-мальски известные и авторитетные интеллигенты. В стороне от репрессий остался лишь бакинский поэт Б. Чобан-заде. Спустя 100 лет повторилась ситуация «Пушкин и декабристы». Как и великий русский поэт, он мог сказать о себе следующие горькие слова:

Нас было много на челне...

Погиб и кормщик, и пловец!

Лишь я, таинственный певец,

На берег выброшен грозою...

Гроза 28-го года, казалось, миновала Чобан-заде. В партийных документах, где перечислялись крымские «националисты», «миллифирковцы» и «уклонисты», его имя не фигурирует. К этому времени Чобан-заде неоднократно выступал с лояльными речами и статьями. В 1928 году он провел полтора месяца в Крыму, сдал в печать книгу «Новейший этап крымскотатарской литературы» с подзаголовком «Критические этюды», получил гонорар за поэтический сборник «Боран». Ничто не предвещало тех несчастий, которые вскоре обрушились на его голову.

Между тем в Бутырской тюрьме соратники Чобан-заде по Народной партии (Чапчакчи, Хаттатов, Одабаш) дают подробные письменные показания о своей «контрреволюционной» деятельности. Откровенные письма в Центральную контрольную комиссию посылают раскаявшиеся национал-коммунисты Фирдевс и Дерен-Айерлы. Более словоохотливыми были, кажется, лишь декабристы, так как они следовали средневековой этике верности дворянина своему монарху. После декабристов все борцы за народное дело твердо держались святого правила — не открывать

словами, это была попытка передовой научной общественности Европы предотвратить трагический исход кампании травли, клеветы и угроз, начатой против Б. Чобан-заде осенью 1929 года в Крыму, продолженной затем в Баку и достигшей кульминации в 1934 году, когда с трибуны I Всесоюзного съезда советских писателей на него вновь обрушился молодой крымскотатарский литератор. Показав значение Чобан-заде в науке тем невеждам, которые правили бал в Кремле, зарубежные коллеги пытались спасти ему честь и жизнь. Увы, маховик массового террора набрал такие обороты, что его судьба была предрешена. На свободе ему оставалось быть меньше двух лет.

Глава 4. Охота на человека

*Скажи: «Пришла истина, и ложь
не появится и не вернется».
(Коран, сура 34, аят 48)*

В январе 1928 года в Крыму произошли события, которые спустя полтора года самым непосредственным образом отразились на судьбе Б. Чобан-заде и в конечном итоге предопределили его мученическую смерть в бакинской тюрьме. Вначале казалось, что ничто не предвещало такой трагический конец жизни. Проживая в Баку уже 4 года и пользуясь протекцией такого влиятельного партийного руководителя Азербайджана, как Рухулла Ахундов, он мог себя чувствовать в полной безопасности. Дальнейшие события показали, однако, что в обстановке формирования в стране режима сталинского тоталитаризма никто не был застрахован от любых обвинений, репрессий и даже самой гибели.

В Крыму ситуация развивалась по самому жестокому сценарию, разработанному в Кремле. Если современный автор справедливо назвал М. Султан-Галиева «первой жертвой генсека» (Сталина), то имеется не меньше оснований утверждать, что председатель Крымского ЦИК Вели Ибраимов стал второй, но далеко не последней жертвой мстительного

кремлевского вождя. Ведь он пытался наполнить реальным содержанием формальный статус автономной республики, сопротивлялся диктату центра в земельном вопросе — важнейшем для крымскотатарского народа, апеллировал к Ленину и ленинизму, проявляя тем самым верх неуважения к новому лидеру партии и государства¹.

Здесь, очевидно, не место выяснять подробно причины, ход и последствия «дела» Вели Ибраимова, поскольку это уведет нас в сторону от центрального сюжета настоящей работы. Обозначим лишь пунктиром хронологию основных событий. В середине января 1928 года председатель ЦИК Крымской АССР Вели Ибраимов вызван в Москву на заседание Центральной контрольной комиссии (ЦКК). 18 января Крымскому обкому партии поступило секретное сообщение, что Вели Ибраимов задержан без официального постановления и что от оргвыводов надо пока воздержаться. Спустя два дня из Москвы поступило новое сообщение: ЦК уведомило крымское руководство, что Ибраимов арестован и ведется следствие².

От внимания любознательного историка не ускользнет такое совпадение: решение об аресте Вели Ибраимова принято в тот же день, когда из Москвы высланы в отдаленные места страны бывший лидер Красной Армии Л. Троцкий и еще 30 видных оппозиционеров. Суд же над крымским председателем шел параллельно с другим сфальсифицированным ГПУ процессом — «шахтинским делом», когда на скамью подсудимых было посажено 53 инженера, мастера и других специалистов угольной промышленности Донбасса. Расправа над «левой» оппозицией, непокорными национал-коммунистами, старой интеллигенцией была прелюдией к готовившемуся Сталиным «великому перелому» — полному отказу от НЭП, сверхиндустриализации и «второй революции», которая состояла в насильственной ускоренной коллективизации крестьянства³. На заседании оргбюро ЦК в августе того же года В.М. Молотов прямо признал, что суд над Вели Ибраимовым и «шахтинское дело» — явления одного порядка, главная их цель — запугать беспартийную интеллигенцию национальных республик⁴.

В «деле» Вели Ибраимова была еще одна сторона, на которую его биографы не обращали внимания. Речь идет о его наивной вере в ленинизм, апелляции к Ленину в условиях создания культа личности нового вождя — Сталина. Постоянные клятвы Ибраимова в верности ленинизму звучали, по меньшей мере, анахронизмом. Вот красноречивый факт: когда на одном заседании во время внутрипартийной дискуссии его спросили: «Какая ваша

линия?», он простодушно ответил: «Наша линия ленинская»⁵. Эти слова были встречены смехом, и не случайно: в зале сидели беспринципные партфункционеры, цинично готовые служить новому хозяину Кремля.

В архиве ЦК партии обнаружен еще более примечательный документ, в котором ряд мыслей мятежного крымского председателя подчеркнут красным карандашом. Не исключено, что это сделал сам генсек. Во время спора на заседании бюро Крымского обкома Вели Ибраимов в запальчивости крикнул своим оппонентам: «Не надо грозить нам исключением из партии, я хоть сейчас могу отдать вам партийный билет, ибо партбилет — это бумажка, возьмите его. Но я был ленинцем и без билета им останусь»⁶. Вот этих слов «был и останусь ленинцем», прозвучавших как вызов, генсек ему никогда не простил.

Состоявшийся в апреле 1928 года в Симферополе суд над Вели Ибраимовым по сфабрикованному уголовному делу прошел по всем правилам политического шоу. Зал был наполнен тщательно подобранными, верными режиму людьми, которых собрали по всему Крыму. Об этом мы имеем, например, любопытные документы по Карасубазарскому району⁷. Ибраимов был осужден и расстрелян 9 мая 1928 года.

Было бы ошибочным идеализировать сегодня этого деятеля, однако нельзя не признать, что это была сильная, незаурядная личность. Для нас важно понять, как изменился политический ландшафт Крыма после его гибели и как эти перемены повлияли на судьбу профессора Чобан-заде. В этом смысле небезынтересна оценка «дела» Вели Ибраимова, данная парижскими эмигрантами из национальных республик СССР. Вот их мнение: «Вели Ибраимов был настоящим коммунистом, поэтому оплакивать его — не наше дело. Однако его казнь вызывает необходимость еще раз подтвердить наш вывод о том, что национальная политика советского правительства есть политика провокаций для поддержания национальной розни, политика отстранения от дел — и в некоторых случаях уничтожения — защитников прав местного населения»⁸.

В самом деле, после гибели Вели Ибраимова волна репрессий обрушилась на политическую и культурную элиту тюрко-татарских республик СССР, главным образом Крымской, Татарской и Башкирской. Вскоре после задержания Ибраимова были арестованы два наркома, еще четверо исключены из партии и уволены с должности (все крымскотатарской национальности). Одновременно взяты под стражу видные деятели Народной

партии А. Озенбашлы, братья А. Одабаш и Б. Одабаш, другие, а также активисты этой организации — всего до 500 человек. В конце года в Москве, Казани, Уфе были задержаны так называемые национал-уклонисты, якобы создавшие свою организацию «Московский центр» (среди них — М. Султан-Галиев, И. Фирдевс, О. Дерен-Айерлы). В Крыму развернулась настоящая «охота на ведьм» — чистка различных организаций от неблагонадежных. Больше других пострадали учителя и студенты Крымского педагогического института, техникумов. Их увольняли с порочащими ярлыками «арабист», «чуждый элемент», «националист», «весьма религиозен», «сын муллы», «потерял авторитет среди бедноты». Была и такая курьезная мотивировка: «на достижения советской власти смотрит сквозь пальцы»⁹.

1928-й стал черным годом в истории крымскотатарской культуры, тогда гонениям подверглись все мало-мальски известные и авторитетные интеллигенты. В стороне от репрессий остался лишь бакинский поэт Б. Чобан-заде. Спустя 100 лет повторилась ситуация «Пушкин и декабристы». Как и великий русский поэт, он мог сказать о себе следующие горькие слова:

Нас было много на челне...

Погиб и кормщик, и пловец!

Лишь я, таинственный певец,

На берег выброшен грозою...

Гроза 28-го года, казалось, миновала Чобан-заде. В партийных документах, где перечислялись крымские «националисты», «миллифирковцы» и «уклонисты», его имя не фигурирует. К этому времени Чобан-заде неоднократно выступал с лояльными речами и статьями. В 1928 году он провел полтора месяца в Крыму, сдал в печать книгу «Новейший этап крымскотатарской литературы» с подзаголовком «Критические этюды», получил гонорар за поэтический сборник «Боран». Ничто не предвещало тех несчастий, которые вскоре обрушились на его голову.

Между тем в Бутырской тюрьме соратники Чобан-заде по Народной партии (Чапчакчи, Хаттатов, Одабаш) дают подробные письменные показания о своей «контрреволюционной» деятельности. Откровенные письма в Центральную контрольную комиссию посылают раскаявшиеся национал-коммунисты Фирдевс и Дерен-Айерлы. Более словоохотливыми были, кажется, лишь декабристы, так как они следовали средневековой этике верности дворянина своему монарху. После декабристов все борцы за народное дело твердо держались святого правила — не открывать

следователям реальные имена, факты, деяния. Хотя показания арестованных в 1928 году крымчан до сих пор остаются засекреченными, нет сомнения в том, что они выдали немало компромата на Чобан-заде.

Об этом мы имеем возможность судить по фрагменту письма Дерен-Айерлы в ЦКК, сохранившегося в Крымском партийном архиве. Хотя документ не датирован, нет сомнения, что он написан в 1928 году. Содержание письма не только раскрывает руководящую роль Чобан-заде в деятельности Народной партии, но и позволяет ближе узнать его мировоззренческие установки. Концепция Чобан-заде содержит три ключевых понятия: особый исторический путь Востока и Крыма как его составной части, патриотизм и героизм.

Послушаем, что говорит Чобан-заде о специфике восточных народов: «У татарского народа нет классов, классовая борьба есть выражение заката западной культуры, она появляется (у нас) вследствие искусственного разжигания... Восток имеет свою совершенно особую культуру, а Крым является частью Востока». Дерен-Айерлы замечает, что эту идеологию Чобан-заде развивал «с особым искусством», подводя под нее философские и исторические примеры. Концепцию *самобытности*, исключительности восточных стран Чобан-заде связывал с цикличностью общественного развития, показывая свое знакомство со знаменитой книгой О. Шпенглера «Закат Европы» (на русском языке 1-й том опубликован в 1923 году): «Все народы в своей истории совершают круговорот движения из своего развития (очевидно, рождения. — Д.У.) к расцвету, с расцвета к закату и опять начинают с весны». «Татарский народ, — продолжает передавать мысли Чобан-заде автор письма в ЦКК, — является героическим народом, он в прошлом создавал великие государства и владел высокой культурой». Он (Чобан-заде) очень восхищался Чингиз-ханом, Тамерланом и Атиллой.

В данный исторический период, как считал Чобан-заде, татары (надо понимать — тюркские народы) переживают свой закат, но скоро придет их весна. Для того, чтобы ускорить переход от заката к весне, нужно выработать у них какое-нибудь преимущественное, превосходящее другие народы, новое качество. Это качество, которое ускорит процесс возрождения тюркских народов, Чобан-заде назвал *джигитизмом*, которое можно перевести словом героизм. Дерен-Айерлы так излагает мысли Чобан-заде на этот счет: «Он предлагает ко всем вопросам подходить по-джигитски, не по-мещански, что надо иметь джигитскую способность и умелость при подходе ко всяким

вопросам... Чобан-заде и другие националисты эту идею широко агитировали как в печати, так и в устных докладах...».

Третья составляющая общей мировоззренческой установки Чобан-заде состоит в принципе *аркадашлык*, что означает товарищество и единство действий: нельзя распылять силы общественных работников-татар, они всегда должны относиться один к одному как «друзья испытанные». Труд «на благо народа» может быть успешен лишь при условии, что он основан «на взаимном доверии и уважении»¹⁰.

Вернемся, однако, от раздумий Чобан-заде над судьбами тюркских народов к суровой крымской действительности. Само собой разумеется, что он не знал, о чем говорили и писали его бывшие соратники в застенках московских тюрем. Можно было подумать, что в Крыму блюстители чистоты идеологии и заплочных дел мастера о нем забыли. Осенью 1929 года Чобан-заде готовился к поездке на родину для участия во II орфографической конференции и был как громом поражен публичными обвинениями в свой адрес. 27 августа газета «Красный Крым» поместила статью неизвестного автора, скрывшегося под псевдонимом Руж, с политическими инсинуациями, точнее — доносом, на Чобан-заде. Статья под невинным заглавием «Некоторые пожелания к совещанию по национальному строительству» состояла из пропагандистских штампов и пустых трескучих фраз типа «надо заявить», «поставить вопрос», «срочно разработать», «уделить особое внимание». Статья носила директивный характер и, вне сомнения, отражала взгляды партийного руководства¹¹. Оно не было удовлетворено тем, как национальная, то есть крымскотатарская, интеллигенция помогает партии, и отмечало, что какая-то ее часть даже тормозила строительство светлого будущего: «Часть национальной интеллигенции (Озенбашлы, Чапчакчи и другие миллифирковцы) в течение ряда лет вместо помощи социалистическому строительству играла контрреволюционную роль». Затем следовали глухие угрозы в адрес нового наркома просвещения Мамута Недима, не названного, однако, по имени. Неожиданно в самом зловещем контексте появляется фамилия Чобан-заде. Вот эта тирада: «Самым решительным образом должны быть пресечены попытки отдельных коммунистов из татар смягчить критику националистических контрреволюционных взглядов и идей буржуазных националистов (Чобан-заде) и огульно защищать этих лиц»¹². Итак, на своей родине Чобан-заде публично был обвинен в самых страшных политических преступлениях того

времени — контрреволюции и буржуазном национализме.

Выпад газетного анонима, разумеется, не был случайным изолированным событием. Это звено хорошо организованной пропагандистской кампании, имевшей целью показать вышестоящим органам бдительность крымских партийцев. Вместе с тем газетная статья была подготовительной мерой к областному совещанию по национальному строительству, назначенному на середину ноября в Симферополе.

Брошенные Чобан-заде обвинения стали сигналом к началу охоты на человека по всем правилам этого ремесла, доведенного мастерами тоталитаризма до совершенства. Ее организатором и вдохновителем стал обком партии, спустивший с цепи свору газетных борзописцев. Приказ дан классический: «Ату его, ребята». Расставлены сети и капканы, распределены роли: вот загонщики, вот стрелки. Наиболее подлые сидят в засаде, их задача — ударить неожиданно, из-за угла.

Механизм охоты на человека современная инквизиция хорошо отработала. Задача — не только создать в общественном мнении образ опасного врага, вредителя на культурном и языковом фронте. Другая цель кампании более коварна: надо было морально сломать человека, растоптать его честь и достоинство, парализовать волю к сопротивлению, одним словом, покончить с ним еще до физического уничтожения. Чтобы достичь этих целей, годились все методы: ложь, обман, шантаж, насилие, подкуп, стравливание людей. Шла игра на самых низменных чувствах — мести и зависти. Не случайно то обстоятельство, что в кампании шельмования Чобан-заде самую активную роль сыграли молодые крымскотатарские литераторы, воспитанники комсомола Джемиль Сейдаметов, Абдулла Дерменджи, Якуб Мусаниф, Якуб Азизов. Некоторых из названных выше Чобан-заде поддерживал, как старший брат, в их первых шагах на литературном поприще. Теперь они, словно стая стервятников, набросились на него, не зная жалости и сострадания.

Трудно сказать, был ли Чобан-заде в Баку или в Симферополе, когда прозвучал первый выстрел в его адрес на страницах «Красного Крыма». Однако уже 13 сентября газета «Бакинский рабочий» печатает его оправдательное письмо. Поскольку идентичные материалы Чобан-заде посылал и в крымские газеты «Красный Крым» и «Еңи дунья», остановимся на его содержании подробнее.

Чтобы показать близость к пролетариату, свое письмо Чобан-заде начинает с социального происхождения: «По своему происхождению сын

чобана-пастуха и сам был пастухом до 15-летнего возраста». Далее он признается в том, что до 1924 года действительно находился под влиянием «...татарской буржуазии и ее националистической интеллигенции», в чем глубоко раскаивается. «В 1924 г. мое первое выступление в защиту нового алфавита в присутствии тов. Агамали-оглы в Доме просвещения в гор. Симферополе было моим шагом к открытому разрыву с миллифирковцами». Затем он приводит ряд соображений, в которых, применяя обычные штампы большевистской пропаганды, осуждает программу и деятельность Народной партии. Нет, очевидно, необходимости повторять эти несправедливые и в корне неверные характеристики его прежних соратников.

Затем Чобан-заде возвращается к истории своего идейного прозрения: «На первом Всесоюзном тюркологическом съезде в начале 1926 г. в Баку я окончательно перешел на сторону культурной революции на Востоке и порвал всякие связи с буржуазией и ее приказчиками. С лета 1926 г. начал ожесточенную борьбу с миллифирковцами (выступления в 26 г. в педтехникуме, фельдшерском техникуме, девятилетней школе, крымчацком клубе, два выступления в татарском клубе в Евпатории, в 27 г. выступления на первой крымской конференции по орфографии...). С тех пор мною написан ряд статей и поэм, недвусмысленно направленных против националистов и буржуазных интеллигентов. В настоящее время работаю над статьей "Курултайщина и национализм в крымско-татарской литературе", где указываю и на свои ошибки. Таким образом, эпитет "буржуазный националист", данный мне тов. Руж, в настоящий период своей работы считаю по меньшей мере незаслуженным». Заканчивается письмо призывом ко всем «честным трудовым интеллигентам», которые еще сомневаются и не обнаружили свою классовую физиономию, без всякого стеснения сознаться в своих ошибках и уверенно перейти в лагерь трудящихся¹³.

Письмо Чобан-заде при внимательном чтении вызывает противоречивые чувства и мысли. С одной стороны, перед нами деморализованный, можно сказать, перепуганный человек, осознающий всю опасность, которая грозит ему подобными политическими ярлыками. Одним словом, это затравленный человек. С другой стороны, в ту эпоху расправы Сталина со всякого рода оппозиционерами (левыми, правыми, национал-уклонистами и т. п.) вся печать — как центральная, так и местная — была полна подобными покаянными письмами, которые превратились в нечто обычное, повседневное и не вызывали столько неприятия, сколько сегодня. Они вполне

соответствовали тогдашним правилам «политической игры»: Каменев, Зиновьев, Бухарин и другие лидеры партии и государства каялись многократно.

Это маленькое отступление от сюжета необходимо для того, чтобы современный читатель не судил Чобан-заде с позиций другой эпохи. Он поступал точно так, как и тысячи других травимых большевистской пропагандой за действительные или мнимые прегрешения. Это следует иметь в виду тем более потому, что «охота на человека» продолжалась, приняв всесоюзный масштаб. Не успел Чобан-заде оправиться от первого удара, как последовал новый, еще более сильный: в Москве на пленуме Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП) Джемиль Сейдаметов выступил с политическими обвинениями в адрес Чобан-заде и Мамута Недима. Его инсинуации были опубликованы «Литературной газетой» 23 сентября 1929 года и разошлись по всей стране. По форме Сейдаметов критиковал с левацких, присущих РАПП, троцкистских позиций крымский литературный журнал «Илери», но по существу острие его выступления было направлено против названных выше деятелей крымскотатарской культуры. Нет сомнения в том, что текст его речи был согласован (может быть, целиком написан) в агитпропе Крымского обкома партии. Зачитавший эту бумажку сыграл роль политического провокатора, каким он оставался и позже. Выдающийся поэт Э. Шемьи-заде впоследствии охарактеризовал Дж. Сейдамета совершенно справедливо как бездарного и подлого человека, ненавидевшего всех, кто был талантливее его. Он писал злобные доносы на Чобан-заде, Лятиф-заде, Шемьи-заде. Последний говорил, что на его совести жертв больше, чем на совести любого другого добровольного «помощника» карательных органов¹⁴.

Спустя несколько дней, 27 сентября, в Наркомпросе собирается закрытое партийное заседание, которое обсуждает речь Сейдаметова, а точнее, на нем идет избиение наркома просвещения Недима вкупе с отсутствующим Чобан-заде. Отметим редкий случай — собрание длилось целую неделю, решение принято только 3 октября. Выступавшие в прениях припоминали «именинникам» — Недиму и Чобан-заде — все, что было и чего не бывало. В ход пошли огульные политические обвинения, прямая ложь и полуправда, сплетни и мелочные придирки. Говорили о том, что нарком просвещения отдал в печать книгу Чобан-заде самовольно, вопреки отрицательному мнению рецензентов. На только что прошедшей орфографической конференции некоторые партийцы, поддержав точку зрения Чобан-заде,

якобы проявили оппортунизм. Сам Чобан-заде до 1924 года был... шовинистом, теперь он часто выступает как «антисоветский человек». Сейдаметов говорил: «Журнал "Илери" редактировал Мамут Недим. Этот журнал являлся органом распространения идеологических взглядов миллификровцев... Чобан-заде через Недима проводил руководство художественной литературой». Я. Азизов договорился до смехотворных утверждений: он до 1928 года верил Чобан-заде, а потом... перестал. Мотивировка этой перемены такова: он ему перестал верить после того, как Чобан-заде сказал, что на Востоке нужно найти своих Маркса и Ленина¹⁵. Остальные выступления были на этом самом примитивно-злопыхательском уровне.

Принятая резолюция, как и следовало ожидать, одобряла позицию клеветников и предлагала снять Мамута Недима с поста наркома просвещения Крыма. Ему бросили обвинение в том, что «не опирается на молодые разворачивающиеся силы»; так нескромно именовали себя комсомольские выдвиженцы¹⁶. Вот отрывок из этого решения, где вновь упоминается Чобан-заде: «Установлен факт участия т. Мамута Недима в качестве одного из вдохновителей идеологической борьбы, опирающегося не на молодые разворачивающиеся силы, а на ограниченный круг буржуазных идеологов, проводящих через литературу свои националистические взгляды (Чобан-заде, Лятиф-заде, Айвазов)»¹⁷.

Вернемся теперь немного назад и попытаемся выяснить, почему для кампании против Чобан-заде был выбран именно этот момент.

Дело в том, что Чобан-заде, приехав осенью 1929 года в Крым на II орфографическую конференцию, вел с наркомом просвещения и с ректором Крымского педагогического института переговоры о возвращении из Баку на преподавательскую работу в КПИ. Об этом факте из жизни Чобан-заде не упоминает ни один из его биографов. Ему, видимо, стало известно о скором закрытии восточного факультета Азербайджанского университета, и он решил вновь стать крымчанином.

О переговорах Чобан-заде шел разговор на пленуме обкома партии. Ректор пединститута Г.П. Вейсберг¹⁸ обвинил Мамута Недима в том, что тот навязывал пединституту Чобан-заде в качестве преподавателя. Причем указывал, что Чобан-заде раскаялся и написал письмо, которое «Красный Крым» не хочет печатать. Далее ректор добавил: «Я прочел это письмо в обкоме партии... в этом письме нет искренности, и Чобан-заде представляет

(собою) матерого националиста, с которым нужно вести борьбу, между тем Мамут Недим взял его под свою защиту». Недим в ответ на эти слова отпарировал: «Вейсберг сказал, что я навязал кандидатуру Чобан-заде. Неправда, я этого никогда не делал. Сам тов. Вейсберг выставил кандидатуры профессоров Чобан-заде и Самойловича»¹⁹. Как было на самом деле, трудно сказать, но принципиального значения для нас не имеет, кто предлагал кандидатуру Чобан-заде: нарком или ректор. Главное в том, что сам Чобан-заде стремился вернуться в Крым, и, чтобы этого не допустить, была начата эта разнузданная кампания. Бездари и невежды, очевидно, боялись его и не допустили возвращения.

Между тем, в Крымский обком поступил из Баку совершенно секретный запрос от Союза научных работников Азербайджана. В нем говорилось, что профессор на кафедре тюркологии и тюркской литературы Бекир Чобан-заде возбудил ходатайство о реабилитации его как ученого и общественного деятеля в связи с рядом публичных обвинений, брошенных в его адрес т. Сейдаметовым на съезде пролетарских писателей в Москве. Профсоюзные руководители далее пишут, что профессор Чобан-заде считает все эти обвинения беспочвенными и просит те общественные и научные организации Азербайджана, где он проработал свыше 5 лет, защитить его доброе имя. Однако прежде чем высказаться по этому вопросу, они решили запросить мнение крымских коммунистов. Заканчивается письмо из Баку следующими словами: «Обращаясь к вам с просьбой сообщить нам о деятельности профессора Чобан-заде в Крыму, особенно за последний период, ибо, как вытекает из выступления т. Сейдаметова, авантюризм Чобан-заде докатывается до последних дней, просим не отказать ответить нам в самый непродолжительный срок, по возможности приведя ряд фактов, характеризующих эту деятельность. Эти данные, как и ваше мнение, для нас чрезвычайно важны, ибо в связи с этим определяется дальнейшая работа профессора Чобан-заде у нас в Азербайджане»²⁰.

Посланный в Баку ответ в крымских архивах не сохранился, но не вызывает сомнений то, что он был полон порочащих профессора характеристик. Делать такой вывод нас толкает сохранившаяся стенограмма (почти 200 с. текста) прошедшего в Симферополе партийного совещания по национальной политике (с 1 по 12 ноября). Оно превратилось в средневековое судилище инквизиции над книгами, идеями и людьми. Дж. Сейдаметов, А. Дерменджи, Р. Александрович, И. Тархан, Я. Азизов «под

микроскопом» изучили все публикации Чобан-заде и других авторов старшего поколения. Грубой, разностной критике были подвергнуты Айвазов, Акчокраклы, Одабаш, Мемет Нузет, Ильмий, Амет Озенбашлы, Байбуртлы — цвет крымскотатарской литературы. Поражает странная извращенная логика ораторов: «Учебники писались националистами, они бесклассовые по форме, но классовые по существу. Там нет политики, но это и есть классовость с другого конца» (Р. Александрович). Особенно часто, буквально каждый говорящий предавал анафеме Чобан-заде. «Среди литературы есть много нездоровой, как, например, стихи Чобан-заде» (Р. Александрович). «Если взять стихи Чобан-заде под названием "Буря", которые недавно изданы, то при внимательном чтении (Чобан-заде как националист чрезвычайно тонко подходит к ряду вопросов при проведении своей идеологии) этих стихов, то вы там можете найти отражение программы миллифирковцев и националистов» (А. Дерменджи). Этот оратор договорился до того, что обнаружил в детских книжках «... очень много контрреволюционных моментов», хотя ни одного конкретно не привел. Особенно умиляют слова в его предыдущей тираде о том, что Чобан-заде чрезвычайно тонко проводит свою линию. Выходит, что никто, кроме зоркого Дерменджи (ему тогда было только 24 года), эту тонкость увидеть не может.

Интересные мысли высказал И. Тархан. Сам того не желая, он повторил совершенно верные наблюдения эмигрантского журнала «Енъи йол». Пытаясь опровергнуть, Тархан в действительности их довел до широкой аудитории, фактически пропагандировал. Это было настоящее саморазоблачение, потому что журнал писал как раз о таких, как сам Тархан. Вот дословная цитата из журнала, зачитанная Тарханом: «Вели Ибраимов расстрелян за то, что он не проводил московские директивы, а защищал идею объединения татарских (тюркских. — Д.У.) национальностей. За это его расстреляли и дали ход той части татарской молодежи, которая слепым образом проводит директивы Москвы, директивы красного империализма». Вот именно здесь «чрезвычайно тонко», как выразился Дерменджи, Тархан подтверждает правоту эмигрантов относительно красного империализма и части молодежи, занявшей антинародную предательскую позицию слепого исполнения директив московской партократии²¹.

С конца 1929 года Чобан-заде прочно вошел в стандартную обойму националистов и миллифирковцев с эпитетами «антисоветский, буржуазный, контрреволюционный, пантюркистский» и т. п. Отныне путь в Крым был ему

заказан, ни одна книга или статья здесь не печатались. Напрасно он писал покаянные письма в газеты «Красный Крым» и «Енъи дунья» (они слово в слово совпадают с тем, что было опубликовано в «Бакинском рабочем», о котором мы говорили выше), доверия ему нет. «Енъи дунья», где редактором стал Сейдаметов, рядом с письмом Чобан-заде, чтобы его скомпрометировать, помещает отрывок из обращения Народной партии к рескому в ноябре 1920 года с просьбой о легализации. К письму прилагается комментарий некоего Земанели «Политическая характеристика Чобан-заде», главное содержание которого таково: Чобан-заде был среди главарей Милли Фирка и таким он остался и поныне²². Даже публикация в Баку 33-страничной брошюры «Курултайщина и национализм в крымскотатарской литературе» не убедили крымские власти в его лояльности.

Напротив, охота на Чобан-заде приобретает более широкий размах. Теперь на него, кроме устных разоблачений и проклятий, обрушилась лавина печатной брани в крымских газетах и журналах. Особенно злобствовала та пресса, которая выходила на крымскотатарском языке. «Енъи дунья» весь январь 1930 года почти из номера в номер шельмовала бакинского профессора. Уже 11 января в неподписанной заметке, скорее всего самого Джемиля Сейдаметова, «О вышедшей книге профессора Чобан-заде» автору брошены упреки в том, что он ничего не пишет о поэтах, «певших славу Курултаю», — А. Гирайбае и Ш. Бекторе, зато критически разбирает стихи Джемиля Керменчикли, давно замолчавшего и не писавшего стихи «в национальном духе», что неверно по сути²³.

Вскоре большой статьей разразился У. Ипчи, который всегда чутко откликался на партийные пропагандистские кампании. Совсем недавно Джемиль Сейдамет обвинил его в том, что он долго «шел за миллифирковцами». Но Ипчи не тронул обласканного властями обидчика, а обрушился на Чобан-заде, который в своей брошюре якобы облил его грязью. Впрочем, Ипчи больше говорит о собственной персоне: да, действительно, он до 1919—1920 годов был увлечен националистическими иллюзиями. Многого он не понимал, и лишь после Октябрьской революции, «увидев наши прежние ошибки и заблуждения», перешел на сторону рабочих и крестьян. О себе он надменно говорит: «Я понял Октябрьскую революцию на 5—10 лет раньше таких, как Чобан-заде». Далее он изливается в притворных, неискренних словословиях свершений и благодеяний советской власти, которые можно принять за тонкую иронию. Это был, как выражались в классических романах

XIX века, манифест благонамеренного, переходящий все границы приличия²⁴.

На следующий день после статьи Ипчи эта же газета поместила обращение рабочих Керченского металлургического завода крымскотатарской национальности, составленное в парткоме предприятия (мы отлично помним, как это делалось). В нем Чобан-заде обвинялся в «национализме» и «политическом двурушничестве». Заканчивалось письмо такими строками: «Рабочие-татары государственного металлургического завода просят соответствующие органы советской власти лишить Чобан-заде звания профессора».

Не отстаёт от партийной газеты в своем рвении и молодежная газета «Юная сила» («Яш кьуввет»). Она печатает статью Сеит-Халила «Несколько слов о Чобан-заде». Показательно, что автор обращается не столько к крымским читателям, которые будто бы «давно знают, что Чобан-заде пантюрист и националист», а к азербайджанцам. Автора злит, что в Азербайджане опальный профессор пользуется большим авторитетом, его там считают «полезным человеком» и не замечают, что он использует местные газеты и журналы «для протаскивания своих гнилых идей». В статье, как видим, содержится прямой политический донос и призыв к властям Азербайджана расправиться с Чобан-заде и его коллегами, которые «вскормлены турецким хлебом». В прежней книге о крымскотатарской литературе профессор выступил как формалист, а в новой — «Курултайщина и национализм» — продолжает «петь националистические песни». Вновь ставится вопрос: почему он назвал Гирайбае «распустившейся розой» и не спорит с Озенбашлы? Заканчивает автор свой пасквиль выводом о том, что Чобан-заде никогда не станет полезным человеком, идущим за трудовой массой, или полезным профессором, идущим впереди массы. И вновь повторено обращение к «азербайджанским трудящимся» присмотреться к бакинскому профессору и разоблачить его²⁵. Этот призыв нельзя рассматривать иначе, как прямую провокацию, имеющую целью перенести «охоту на человека» на новую территорию. И надо сказать, что крымскими злопыхателями эта цель была достигнута с использованием глпэушных и партийных каналов связи.

Прежде чем перейти к азербайджанским событиям, укажем на две более солидные, чем газетные статьи, публикации, направленные против Чобан-заде. Это книга А.К. Бочагова «Милли Фирка. Национальная контрреволюция в Крыму», вышедшая в 1930 году в Симферополе. Она до сих пор сохраняет

определенную научную ценность, хотя общая разоблачительная установка в корне порочна, а приводимые документы препарированы и подобраны таким образом, чтобы доказать, что Милли Фирка и ее руководители изначально были контрреволюционерами, махровыми националистами и постоянно вредили советской власти. «Социальный заказ», поставленный перед автором, и его слепой догматизм, отсутствие диалектического подхода к изучаемым явлениям, необъективность оценок позволяют ставить книгу Бочагова в первый ряд череды публикаций, фальсифицирующих историю Крыма. С сожалением приходится констатировать, что после Бочагова никто не брался за столь ответственную тему.

Вторая работа, о которой следует упомянуть, — это обнаруженная в архиве рукопись статьи Я. Азизова «Классовый враг не унимается, или Профессор продолжает борьбу»²⁶. Работа обширная, с претензией на наукообразие, ведь ее автор не какой-нибудь малосведущий газетный писака, а доцент-философ, заведующий кафедрой²⁷. Тем не менее, чтение этого написанного по заказу опуса оставляет тяжелое впечатление. Автор демонстрирует полное отсутствие интеллигентности в критике своего оппонента, постоянно сбиваясь на вульгарный стиль. От него можно услышать такие перлы: «ерунда, белиберда, несет ахинею, безобразные подтасовывания и трюки, маскировка, замазывание своих контрреволюционных деяний» и т. п. Стараясь усилить свою ироничность, он злоупотребляет кавычками. Множество серьезных слов из брошюры Чобан-заде он почему-то берет в кавычки: «марксизм», «диалектика», «борьба», «исследование». Вот первое предложение, открывающее статью нашего философа: «Перед нами новое "изобретение", новое "открытие" профессора Чобан-заде, претендующего на марксистское "исследование"». Речь идет, как сказано выше, о напечатанной в Баку брошюре «Курултайщина и национализм в крымско-татарской литературе». В ней, утверждает Азизов, Чобан-заде активизирует свою борьбу против пролетариата, открывает бешеный огонь против марксизма, стремится пролезть внутрь и оттуда продолжить свое гнусное дело. Далее следуют подобные же голословные утверждения, не подкрепленные никакими конкретными примерами. Знарок диалектического материализма критикует Чобан-заде на уровне неуспевающего первокурсника. Вот, например, образчик его рассуждений: «Ведь "марксизм" и "диалектика", приписываемые себе автором, есть не что иное, как трескучие и звонкие фразы захлебывающегося в классовом гнев

ярого врага пролетариата».

Кроме брани и огульных, иногда прямо смехотворных, обвинений, которые отражают ее сугубо пропагандистское использование, статья Азизова представляет определенный интерес с точки зрения биографии Чобан-заде. Приведена, например, цитата со с.16 брошюры, где Чобан-заде пишет следующее: «Во время Венгерской Советской республики я редактировал орган венгерской коммуны газету «Восток», состоял одним из политических вождей и организаторов отряда III Интернационала. Одновременно управлял восточным отделом организации венгерских нацменов под названием «Дом Ленина»». Этот пассаж для нас важен тем, что он соответствует тем анкетным сведениям, которые Чобан-заде вскоре представит во время Всесоюзной переписи научных работников 1931 года (см. анкету в приложении). Кроме того, Азизов передает слова Чобан-заде о том, что он был в весьма хороших отношениях с тов. Бела Куном, которому он якобы говорил: «В Венгрии я был коммунистом, а в Крыму я националист». Азизов, конечно, только высмеивает эти утверждения Чобан-заде как саморекламу, но не может их опровергнуть, косвенно способствуя распространению некоторых легендарных моментов в биографии Чобан-заде.

Статья Азизова против столь ненавистного ему бакинского профессора заканчивается обвинительным заключением из 7 пунктов. Перечислим некоторые из них, чтобы убедиться, насколько далеки они от истины: «Под флагом марксистского метода, марксистской диалектики профессор ложно освещает ряд социологических, политических, идеологических вопросов, создает пародию на марксизм». «Профессор уклоняется от анализа социальных основ, классовой сущности пантюркизма», «старательно замазывает свою контрреволюционную роль», «отрицает законы капитализма», «в корне неверно и ложно толкует социально-экономические корни возрождения тюркских народов». Основной вывод чисто политический и не имеет никакого отношения ни к философии, ни вообще к науке: «Надевая маску "марксизма", напуская пыль в глаза "борьбой" против пантюркизма и национализма, профессор Чобан-заде продолжает новыми путями, иными методами свою прежнюю классовую борьбу против пролетариата».

Провокационные призывы из Крыма о «разоблачении» Чобан-заде были услышаны в Баку и подхвачены ревнителями чистоты марксизма. И вновь, как в Крыму, в охоту на человека включились молодые партийные публицисты и языковеды. Первым нанес публичный удар коллега Чобан-заде по

Азербайджанскому пединституту Микаил Рафили (1905—1958), которого А. Бабаев ошибочно называет профессором²⁸; он им стал лишь в 1946 году. Бабаев, оправдывая гонителей на Чобан-заде, считает, что молодые ученые «не понимали сути спора». Увы, это далеко не так. Автор монографии также утверждает, что Рафили и те, кто стоял за его спиной, были недовольны большим влиянием на азербайджанскую литературу и общественную жизнь, которое приобрел Чобан-заде. С этим мнением вполне можно согласиться. Верно и то, что Рафили в своих опусах подвергал разностной критике и идеологическим нападкам классиков азербайджанской литературы М.Ф. Ахундова и Дж. Мамедкулузаде, чернил и принижал их роль в истории культуры родного народа.

Кампанию, начатую Рафили, в азербайджанской печати (журнал «Революция и культура» и др.) поддержали зараженные левацкой, пролеткультовской идеологией Мустафа Гулиев и Осман Эфенди-заде. А Хусейн Мехди договорился до того, что назвал Чобан-заде сторонником Троцкого, что было верхом абсурда. Пик нападок пришелся на 1931 год, после чего у клеветников в Азербайджане появились другие жертвы для нападок.

В Крыму же кампания против Чобан-заде длилась долго. В 1933 году Якуб Мусаниф (псевдоним — Айсерезли) в журнале «Большевик йолу» продолжал трепать имя опального поэта, подвергая поруганию и осмеянию термин «литературный джигитизм». Травля Чобан-заде в крымских газетах и журналах сопровождалась репрессиями против его родственников. К этому времени родителей уже не было в живых, поэтому мстить стали его младшей сестре. Об этом эпизоде прежде не писал ни один из биографов поэта, между тем на этот счет сохранился ряд любопытных архивных документов.

Сестра поэта Зелиха (Зулейха) сама впоследствии рассказала драматическую историю своей жизни. Она родилась в 1904 году, в 18 лет закончила Дарульмуаллимат (женское педучилище) в Симферополе, затем заочно Крымский пединститут. Проработала учительницей всю жизнь. Ее семейная жизнь стала настоящей трагедией: муж скончался в 1940 году, а во время войны погибли все ее дети — девочка и двое мальчиков²⁹.

Стервятники в обличье чиновников Наркомпроса, мстя за ненавистного им брата, набросились на беззащитную женщину. Она проявила немалое мужество, защищая честь и доброе имя старшего брата. В списке «социально чуждых» учителей, уволенных в 1933 году с работы в Карасубазарском районе, значится З. Чобан-заде с мотивацией «не отказавшаяся на деле от

своих националистических убеждений». Уволена она была из городской школы № 9³⁰. Всего по Крыму в этом году как «классово чуждых» уволили более 100 учителей из общего числа 600. Позже ей удалось устроиться на работу в сельскую школу.

В фонде Наркомпроса Крыма нами найдено дело учительницы Башинской начальной школы Карасубазарского района Зелихи Чобан-заде. Новые репрессии обрушились на нее после ареста брата. В апреле 1937 года поступил донос о том, что эта учительница допустила «крупнейшие политические и грамматические ошибки» во время контрольного диктанта. В чем конкретно состояли эти крупнейшие ошибки, в документе не сказано. Затем в школу с инспекцией прибыл сам заведующий районо, провел обыск и в школьном шкафу обнаружил страшный компромат — «учебник по грамматике на арабском шрифте, автором которого является знаменитый националист Чобан-заде (брат учительницы)». Напрасно несчастная женщина пыталась оправдаться, объясняя, что книга «хранилась в хозяйственной кладовой, куда т. Меджитов не имел права заглядывать». Никто ее слушать не стал. Вскоре З. Чобан-заде была уволена с работы «за протаскивание в школу буржуазно-националистической идеологии»³¹.

Вернемся, однако, на несколько лет назад. Когда в Крыму кампания проработки Чобан-заде пошла на спад, поскольку количество жертв идеологической чистки постоянно множилось, из Москвы — и вновь от крымского татарина — на него последовала новая атака. Удар нанес молодой поэт Иргат Кадыр, обласканный властями за трескучие псевдореволюционные стихи, прославлявшие партию и «родного Сталина»³². Он входил в состав крымской делегации на I Всесоюзном съезде советских писателей (И. Кадыр, У. Ипчи, А. Дерменджи, Э. Шемьи-заде). 31 августа 1934 года он выступил на съезде с клеветнической речью, очернив цвет, элиту крымскотатарской культуры.

Кадыр начал свое выступление с того, что облил грязью Исмаила Гаспринского, который якобы был «идеологом панисламизма», а его газета «Терджиман» носила контрреволюционный характер. Она-де «...ставила целью помочь татарскому духовенству и буржуазии перевооружиться новыми методами для затемнения классового сознания татарской бедноты». Ничего более невежественного, чем такая характеристика, нельзя было выдумать. Однако это вполне соответствовало тогдашним идеологическим установкам и интеллектуальному уровню оратора, не блиставшего образованностью.

Далее следуют неумеренные дифирамбы советской власти за ее великие

достижения и самовосхваление. За 14 лет после Октябрьской революции мы дали (так выразился молодой поэт) свыше 200 художественных произведений. В Крыму до революции не было татарского театра³³, теперь у нас есть (Невольню на ум приходит шутка: «Прошла весна, настало лето. Спасибо, партия, за это»).

Затем оратор перешел к саморекламе: «Товарищи, мне хочется сказать съезду два слова о себе. До 1924 года я батрачил, а сейчас уже имею ряд книг. Мои революционные песни поют школьники, колхозники, рабочие и красноармейские массы». Последние слова на счет красноармейских масс, понятно, чистой воды хвастовство, потому что в Красной Армии все строевые песни исполнялись только на русском языке.

Наконец следует самый важный пассаж в путаной речи любимца «красноармейских масс» — о врагах и вредителях, мешающих продвижению к светлому будущему: «Этих успехов в развитии литературно-художественного движения мы добились в условиях жесточайшей классовой борьбы. На ранних ступенях развития крымскотатарской художественной литературы контрреволюционные националисты из Милли Фирка — Чобан-заде, Айвазов, Одабаш, Лятиф-заде и др. — стремились всячески подчинить своему влиянию молодую национальную литературу и достигли в этом известных результатов...». Как видим, в обойме вредителей на литературном фронте Чобан-заде находится на первом месте. Однако злопыхателю на высокой трибуне хорошо известно, что Одабаш уже несколько лет отбывает срок на Соловках, Айвазов уволен из Крымского пединститута и тяжело болен, а Лятиф-заде недавно закончил аспирантуру в Ленинграде и назначен доцентом КПИ. Выступление Кадыра нельзя рассматривать иначе, как публичный донос с высокой кремлевской трибуны на своих старших, более талантливых товарищей по поэтическому цеху и призыв к расправе над ними³⁴. В частности, после речи Кадыра начинается «охота» на Лятиф-заде.

Материалы съезда писателей широко пропагандировали центральные московские газеты, а также местная пресса Крыма, Азербайджана, Узбекистана, других тюркских республик. Порочащие Чобан-заде слова, сказанные в присутствии руководителей партии и государства, сыграли роль сигнала к продолжению «охоты на человека» вплоть до его физического уничтожения. С началом большого террора 1937 года профессор Чобан-заде, которому создали репутацию злостного врага советской власти, контрреволюционера и националиста, опасного вредителя на языковом фронте, был обречен. Он это

сам хорошо понимал и со дня на день ждал ареста.

Остается добавить, что нападки на Чобан-заде раздавались и из рядов противоположного политического лагеря. Проживавшие в Турции эмигранты из Азербайджана подвергли ученого жестокой и порой несправедливой критике. Его обвиняли в ренегатстве, служении «красному империализму», марксистском догматизме, незнании истории языка и литературы тюркских народов. Так, издававшийся в Стамбуле видным публицистом М.Э. Расул-заде³⁵ журнал «Одлу Юрт» едко высмеял покаянное письмо Чобан-заде в газету «Бакинский рабочий»³⁶.

Много лет спустя, уже после гибели ученого, в Стамбуле вышла брошюра «Ответ профессору Чобан-заде». Ее автор Селим Рефик взял под обстрел вышедшую еще в 1930 году работу "Новый период азербайджанской литературы". Автор не жалеет иронии и сарказма в своем желании разоблачить «красного профессора» и «ученого-марксиста». «Мое внимание, — пишет Рефик, — привлекла брошюра «Новый период азербайджанской литературы», вышедшая под грифом отделения языка, литературы и искусства Азербайджанского государственного научно-исследовательского института. Ее автор профессор доктор Чобан-заде был деканом факультета, председателем и членом различных комиссий, этим произведением заявил о себе в новой области. Я очень обрадовался сочинению, вышедшему из-под пера прославленного профессора, так как история азербайджанской литературы мало известна». Однако при более внимательном знакомстве с текстом рецензент нашел эту брошюру «далекой от серьезного исследования». Через ее призму он увидел Чобан-заде сильно изменившимся: новоиспеченный марксистский ученый всех своих предшественников считает ущербными и всех опровергает. Затем в брошюре идет длинный перечень конкретных примеров, где, по мнению Рефика, профессор Чобан-заде неверно интерпретирует отдельные образцы азербайджанской литературы. В заключение приведены два десятка выводов, в которых повторяются слова «ненаучно», «необъективно», «несерьезно» и т. п.³⁷ Короче говоря, уровень критики Чобан-заде со стороны немарксиста Селима Рефика не намного выше, чем со стороны марксистского догматика Якуба Азизова. Казалось, по роковому стечению обстоятельств все силы объединились против него как при жизни, так и после смерти.

Глава 5. «Птицы смерти в зените стоят»

*Птица харабтур высоко взлетела,
Черные крылья свои поломала.
Скверные слуги-рабы
Стали противниками своего хана-владыки, —
Черные головы их будут отрублены!*
«Алтын Тобчи»

Приступая к рассказу о самых трагических месяцах жизни Б. Чобан-заде от его ареста в январе до мученической смерти в октябре, нельзя не коснуться проблемы сталинского террора 1937 года. Без уяснения некоторых общих положений, которые постоянно отвергают ученые адвокаты тоталитаризма, нельзя понять, как невинные люди превращались во «врагов народа», почему погублены сотни тысяч, если не миллионы, человеческих жизней.

Чобан-заде стал одной из бесчисленных жертв невиданного в истории насилия над собственным народом. В его судьбе, как в капле воды, отразилась трагедия интеллигенции национальных окраин великой империи.

«Большой террор» конца 30-х годов в СССР — одна из главных загадок прошедшего века. Его масштабы поражают воображение. Если голые цифры, сколь бы ни велики они были, часто воспринимаются как простая арифметика, то исторические сравнения не могут не задеть душу любого человека. Подсчитано: если за 80 пиковых лет средневековой инквизиции было сожжено 10 тыс. человек, то во время сталинского террора 1937—1938 годов это число уничтожали за пять дней. Другими словами, ежедневно палачи лишали жизни по 2 тыс. невинных людей¹. Выдвинута даже не лишённая оснований теория о массовом умопомешательстве, так как никакие рациональные соображения не могут полностью объяснить этого явления. В авторитетном «Вестнике Российской Академии наук» была помещена статья, где сделан вывод о том, что «большевизм представляет собой политическое движение, принявшее форму коллективного психического заболевания»².

Споры о Сталине, сталинизме, терроре 1937 года не утихают много лет, от первых публикаций А. Солженицына до сенсационного интервью «Жупел Сталина», напечатанного недавно в «Комсомольской правде» (ноябрь 2002

года). Разочарование многих вызвала легковесная книга Д.А. Волкогонова «Триумф и трагедия». Будучи первым допущенным к засекреченным документам, автор лишь «снял сливки». В книге смазан социально-политический, глубинный смысл этого чудовищного побоища, все сведено к негативным чертам характера советского диктатора. На солидной архивной источниковой базе написана книга «Взлет и падение Сталина» одного из наиболее талантливых историков Ф.Д. Волкова, однако она не имеет продуманной общей концепции. Серьезные труды по этой тематике вышли за границей³. Нельзя не подчеркнуть, что при обсуждении этой проблемы исключительное значение приобретает нравственная позиция историка, его гуманистическое мировоззренческое кредо⁴. Любое оправдание тирании не только научно несостоятельно, но и аморально. «Тому, кто отрицает гуманизм, остается лишь утверждать бесчеловечность», — сказал Хайдеггер.

В последние годы значительное распространение приняла концепция контрреволюционного переворота, начатого в 1928—1929 году и завершившегося «антибюрократической революцией» в 1937—1938 годах. Эта контрреволюция, или «кадровая революция», состояла в истреблении слоя аппаратчиков, возникшего за 20 послеоктябрьских лет, и установлении режима бонапартизма, основанного на насилии и тотальной лжи. В. Роговин утверждает, что террор 1937 года привел к созданию в СССР нового правящего слоя, преданного не партии и ее идеалам, а лично вождю⁵.

Однако это лишь часть правды. Дело в том, что под ударами слепого меча НКВД погибли сотни тысяч простых людей — рабочих, крестьян, интеллигентов, стоявших вне партии и политики, ничего не имевших общего с советской бюрократией, скорее угнетаемых и презираемых ею. В интересной книге недавно скончавшегося талантливого литературоведа В. Кожина о России в XX веке есть глава «Загадка 1937 года». Здесь он высказывает согласие с мнением Г. Федотова о том, что события 30-х годов в СССР — это «настоящая контрреволюция, проводимая сверху», поэтому столь беспощадная и зверская. Вместе с тем Кожин считает ложью утверждение некоторых историков о том, что 1937 год — всего лишь трагедия одного правящего слоя, а не всего народа.

В этом автор совершенно прав. Однако на вопрос о том, для чего, собственно говоря, Сталин погубил такое множество людей, ответ Кожина звучит, по меньшей мере, неубедительно. Это делалось для укрепления обороны накануне войны с Германией: «мобилизация России (заметьте, не

Советского Союза. — Д.У.) против Германии». Террор был якобы обусловлен объективной необходимостью. «Это была, — говорит он, — объективная необходимость, движение самой истории страны»⁸. Уместно спросить: почему мобилизация России, а не СССР и как понять укрепление обороны путем уничтожения командных кадров армии, промышленности, культуры? А также миллионов непосредственных производителей? Укрепилась ли от этого оборона или была резко ослаблена?

Автор в плену ложно понимаемых национал-патриотических идеалов пошел по пути софизма «обратных заключений»: раз войну выиграли — значит террор оборону укрепил. Кожин не понял фундаментальной черты социально-государственного режима СССР: он мог побеждать в условиях чрезвычайного напряжения всех сил и ценой огромных потерь человеческих жизней. Но длительный мир, нормальное развитие стали для советского строя гибельными. На дальнюю историческую перспективу кровопускание 1937 года стало одним из факторов кризиса партии и государства и, в конечном счете, их исчезновения с политической карты. Поэтому национал-патриотическая версия объяснения большого террора, несмотря на отдельные частные верные наблюдения, неприемлема.

За рубежом под вывеской нового прочтения феномена 1937 года время от времени появляются апологеты кровавого кремлевского тирана, которые, с одной стороны, произвольно уменьшают количество репрессированных в десятки раз, а с другой — пытаются доказать, что во всех расправах с невинными людьми повинны лишь местные руководители, нарушавшие указания центра.

В своей последней обширной публикации профессор Калифорнийского университета Дж.А. Гетти исходит из ложной посылки, что грубейшие нарушения законности, массовые злоупотребления вызваны искривлением директив ЦК и НКВД «перегибщиками» на местах. Во всем этом повинны зараженные левацкой идеологией местные партийные руководители. Гетти утверждает, что по их вине «скоротечная 4-месячная операция против бежавших (из мест выселения) кулаков превратилась в 15-месячную кампанию убийств широкого круга людей, намеченных к истреблению на местах». Поэтому, заключает автор, конечный результат не имеет отношения к первоначальной сталинской директиве и нельзя говорить о «централизации» и «плановности» террора⁷.

Общая концепция Гетти не соответствует исторической правде и не может

быть принята, но в ней, однако, имеется одно рациональное зерно. Верно утверждение о том, что некоторые местные руководители, проявляя инициативу, в карьеристских целях требовали увеличить спущенный сверху лимит на уничтожение своих сограждан. Это были, если применить выражение эпохи, повышенные «встречные» планы, которые в Кремле не пресекались, напротив, с удовлетворением принимались. Кровавая вакханалия приняла особенно массовый, безразборчивый характер в национальных республиках. Это был настоящий этноцид — сознательное и планомерное уничтожение массы людей по национальному признаку. Другими словами, это расовая политика без расовой доктрины⁸.

Апологетические построения американского профессора опровергает глубокое и документированное исследование известного ученого О. Хлевнюка о «большом терроре» в Туркменистане, также недавно напечатанное⁹. Он приводит массу конкретных фактов о том, что никакого противоречия между местными инициативами и циркулярами из Москвы не было. На местах лишь совершенствовали методы пыток и фальсификации показаний подследственных. Автор приходит к выводу, что реальные цифры жертв намного выше, чем те, которые официально сообщала статистика. В последнее время появились публикации об этноциде 1937—1938 годов в Крыму¹⁰. Еще раз на конкретном фактическом материале подтвержден хорошо известный тезис о том, что Сталин был зачинщиком репрессий, а местные инициативы не шли вразрез его указаниям, напротив, лишь расширяли число «разоблаченных» и «ликвидированных врагов»¹¹.

В 2002 году на сайте общества «Мемориал» были опубликованы долгое время хранившиеся в строжайшем секрете так называемые сталинские списки — перечни людей, осужденных по личной санкции Сталина и его ближайших сподручников. Всего сохранилось 383 списка, в которых названы 44,5 тыс. человек, среди которых 231 житель Крымской АССР. Подавляющее большинство из них были расстреляны. Так что разговоры о том, что аресты и расстрелы производились без ведома Сталина, даже вопреки ему — полная нелепица.

Но была все-таки одна «заповедная территория» для охоты на человека, куда редко доходила рука Москвы и где местные начинания превзошли все мыслимые пределы. Это — Азербайджан, во главе которого стоял любимый сатрап кремлевского злодея, имея его доверие и поддержку и чувствуя свою полную безнаказанность. М. Багиров, хорошо знакомый Сталину¹², бывший

одно время начальником Берии, с 1933 по 1953 год занимал пост первого секретаря ЦК Азербайджанской компартии. И если во всех союзных и автономных республиках, краях и областях руководители такого ранга были репрессированы, то Багиров без проблем пережил «великий страх». Объяснение этому простое: «Багиров, как и прежде Берия в Грузии, возглавлял органы ЧК—ГПУ, не зависел, как другие партийные секретари, от местного НКВД, а полностью подчинил его себе, самолично руководя террором»¹⁴. Берия и Багирова объединяет не только начало карьеры, но и конец: оба погибли, как «враги народа» и «шпионы», почти одновременно — один в декабре 1953 года, другой — в мае 1956 года.

Есть еще одна особенность 1937 года в Азербайджане — подручными Багирова, руководителями НКВД и следователями были представители разных национальностей (русские, евреи, армяне, грузины). Но возглавлял «расстрельную команду» главный палач — азербайджанец, выходец из коренной нации. Такого не было, например, ни в Крыму, ни в Татарстане, ни в Туркменистане; везде карательные операции проводились руками «варягов», иноплеменников и иноверцев, не испытывавших к данному народу никакой жалости. Об этом много и в основном верно рассуждает в своей книге В. Кожин¹⁵.

После краткого, но необходимого отступления от основного сюжета нашего повествования вернемся к судьбе Б. Чобан-заде и обратим внимание читателя на то, что в список на уничтожение он попал, по всей вероятности, не сам по себе, а как человек из близкого окружения Р. Ахундова. Дело в том, что к началу массовых репрессий Чобан-заде считался вполне благонадежным человеком, так как многолетняя слежка за ним (1928—1935 годы) не обнаружила никакого компромата. В конце 1935 года нарком внутренних дел Азербайджана Ю.Д. Сумбатов-Топуридзе¹⁶ сообщал в Москву, что никаких антисоветских проявлений со стороны Чобан-заде не выявлено, связи с бывшими милифирковцами и другими контрреволюционерами он не поддерживал. Таким образом, никаких претензий к нему чекисты не имели и слежку прекратили.

Как же случилось, что спустя год, в январе 1937 года, о нем вспомнили и он превратился вдруг в опасного контрреволюционера и врага советской власти? Чтобы ответить на этот вопрос, надо ближе познакомиться с соперником Багирова и его политическим конкурентом Р. Ахундовым. Он был, правда, не единственным, так как вместе с ним погибли другие высшие

руководители Азербайджана — председатель ЦИК Советов С.М. Эфендиев и председатель Совнаркома Гусейн Рахманов. В данном контексте нас интересует прежде всего Рухулла Ахундов, с которым близко был связан профессор Чобан-заде.

Ахундов, как его описывают биографы, принадлежал к первому поколению азербайджанских коммунистов, отличался высокой образованностью и политической умеренностью, что раздражало таких невежественных экстремистов, как Багиров. В 1920-е годы занимал пост секретаря ЦК, наркома просвещения, в списке участников I тюркологического съезда значится как журналист, редактор газеты «Бакинский рабочий». Действительно, он и прежде редактировал различные печатные органы, писал исторические труды, переводил на азербайджанский язык произведения классиков марксизма. После прихода Багирова к высшей власти Ахундова понизили в должности. Последние годы занимал пост начальника Управления по делам искусств при СНК Азербайджана, заместителя заведующего Азербайджанским филиалом Академии наук СССР¹⁶.

Ахундов, на каких бы постах ни пребывал, всегда высоко ценил Чобан-заде и оказывал ему покровительство. Вот именно эта близость к опальному партийному сановнику и погубила нашего соотечественника. Багиров, чтобы отличаться в Москве и показать свою бдительность и решительность в борьбе с врагами партии, развернул в Азербайджане кампанию массовых арестов, решив расправиться со всеми неугодными в руководстве, а заодно — со всеми светлыми головами местной интеллигенции. Так Чобан-заде попал в проскрипционный список на уничтожение.

Аресты в Баку начались в конце 1936 года. Вскоре от некоторых арестованных следователи выбили компрометирующие показания на писателей, преподавателей вузов, ученых, в том числе и на профессора Чобан-заде (Ахундов держался и не давал показаний до апреля). В январе следующего года Чобан-заде находился в отпуске и поправлял здоровье в санатории «Горняк» в Киспловодске¹⁷. Именно здесь в ночь на 28 января 1937 года он был арестован. Накануне, 27 января, был произведен обыск в его квартире в Баку, где никаких компрометирующих материалов найдено не было. Уже 2 февраля в бакинской тюрьме начинается следствие по его делу, которое закончится предрешенным приговором к высшей мере наказания.

К весне 1937 года тюрьмы Баку были переполнены партийными и советскими работниками, писателями, учеными, а также простыми рабочими

и крестьянами. Всем им предъявлялись голословные обвинения в «буржуазном национализме», «вредительстве», «шпионаже», «подготовке террористических актов» и даже «повстанческих движений». Особенно злобно относились следователи к участникам прежних освободительных национальных движений: мусаватистам, миллификовцам, дашнакам, пантюркистам, национал-коммунистам, султангалиевцам и т. п. В течение 1937 и в начале 1938 года были арестованы, подвергнуты пыткам и погибли видные азербайджанские писатели Х. Джавид, Г. Джавад, Юсуп Везир, Али Назим, С. Гусейнов, Мюшфик, Муханлы, Кантемир, Талыблы, А. Рази, Мумтоз и другие¹⁸. Был убит палачами выдающийся ученый-математик Симург Тагишахбазы, который ряд лет стоял во главе Азербайджанского университета, а затем педагогического института¹⁹.

В группу, якобы возглавляемую Ахундовым, вошли, кроме Б. Чобан-заде, ученые АзФАН, университета и пединститута историк Азиз Губайдуллин и его ученик Вели Хулуфлу, филологи Ханафи Зейналлы, Али Каримов, Агакарим Дадашев, Гулам Багиров, Халид Саид, А. Махмуд-заде, крымчанин Якуб Зеки, проживавший в Баку, и др. У несчастных заключенных были выбиты показания на представителей многих национальностей, проживавших в Баку: русских (Байбаков, Лопухин, Тихомиров, Евлахов, Маковельский, Писаревский, Широкогоров, Пахомов, Луков), на армян, евреев, на араба П.К. Жузе. В список попал даже умерший еще в 1933 году чуваш Ашмарин. Особо следует сказать о казненном вместе с Чобан-заде узбеке Х.С. Ходжаеве. Это был друг С. Агамали, приглашенный им для работы в области тюркологии в Баку. Он получил солидное востоковедное образование в Стамбульском университете (1911—1917 гг.). В его судебно-следственном деле найден положительный отзыв профессора Чобан-заде, рекомендовавшего присвоить ему звание доцента. Главным обвинением Ходжаева был национализм, выразившийся в переводе классического сочинения Махмуда Кашгарского на азербайджанский язык²⁰. Научный подвиг, за который нужно ставить памятник, привел к расстрелу. Большого мракобесия трудно себе вообразить.

Несколько позже был арестован еще один коллега Чобан-заде по работе в университете и АзФАН, эстонец по происхождению А. Зифельд-Симумяги. Он не получил систематического образования, хотя и учился некоторое время в Новороссийском университете (Одесса), затем в Цюрихе. Он увлекался многими новыми идеями, в частности, на Всесоюзном тюркологическом съезде попытался применить математические формулы к проблеме латинизации

тюркских алфавитов, чем вызвал немалое замешательство среди присутствующих. Его научный дилетантизм сочетался с немалым мужеством и кристальной честностью. На следствии он признал, что в 1931 году, когда стал вопрос об увольнении из пединститута «пантюркиста» Чобан-заде, взял его под защиту на партийном собрании и помог остаться на работе. В 1939 году Зифельд-Симумяги был осужден на 8 лет лагерей и вскоре погиб на Колыме²¹. Несколько раньше также был репрессирован и погиб еще один знакомый Чобан-заде, его студент по восточному факультету АзГУ А. Шарифов. Невозможно перечислить его учеников и коллег, кто был репрессирован в те недобрые годы. Но одного следует назвать, это — старший коллега и друг, директор Института востоковедения АН СССР академик А.Н. Самойлович. Его расстрел в феврале 1938 года — великая потеря для отечественной тюркологии, еще одно кровавое преступление сталинизма²².

Как сказано выше, уже 2 февраля 1937 года на Чобан-заде заполнена анкета арестованного, в которой имеются основные вехи жизни ученого, как они отражены в автобиографии, в анкетах переписи научных кадров СССР 1931 и 1934 годов. Следователи прошли мимо некоторых явных несоответствий в жизнеописании Чобан-заде досоветского периода. Когда он приехал на учебу в Стамбул и когда уехал в Будапешт, сколько времени он проучился в университете — эти вопросы их вовсе не интересовали. Главная их задача, как и во множестве подобных случаев по всей стране, состояла в том, чтобы заставить подследственного признать себя виновным в несовершенных преступлениях и назвать как можно больше своих мнимых соучастников.

Чобан-заде подвергся многочисленным интенсивным допросам, некоторые из которых длились по два, три и даже четыре дня. Всего он выдержал 32 допроса, первый из которых проведен 7, 8 и 9 февраля 1937 года, а последний — 1 сентября того же года. Протоколы допросов нам известны довольно хорошо по статье Ф.Д. Ашнина и В.М. Алпатова, книге А. Бабаева²³, а также многочисленным отрывкам, хранящимся в делах подследственных Крымского НКВД. По ним можно составить следующую хронологию допросов Чобан-заде:

февраль — 7—9, 14, 16, 17—19;

март — 3—5, 16, 17, 20 (дважды), 21, 23, 24;

апрель — 17—20, 23—25, 27—29;

май — 4—7, 7, 14;

июнь — 11, 13, 25;

июль — 5—9, 13—14, 16—17, 20—21, 27, 28—29, 29 (дважды);

август — 2, 25 (дважды).

Приведенные выше дни допросов, их частота, продолжительность представляют собой настоящую фантазмагорию в стиле «театра абсурда» и не поддаются никакому логическому объяснению. Почему одни допросы повторялись дважды на день, а другие тянулись в течение трех—четырёх дней? Почему после окончания четырехдневного допроса 4—7 мая надо было начать новый допрос 7 мая? Видно, однако, что наибольшая интенсивность работы следователей приходится на первые два месяца (февраль—март), а затем — на июль. Этот месяц начинается допросом-марафоном, который начат 5, а закончился 9 июля, то есть длился пять суток²⁴.

Научные труды, которые раскрывают технологию «большого террора», позволяют нам заглянуть в камеру пыток Бакинской тюрьмы НКВД и открыть некоторые тайны заплечных дел мастеров. Общеизвестно, что заключенных по всей стране морили голодом, подвергали зверским избиениям, унижали их человеческое достоинство, шантажировали, лишали сна. Одним из наиболее эффективных, с точки зрения следователей-садистов, методов заставить арестованного подписать протокол с самыми фантастическими признаниями был «конвейер». Р. Конквест в своей знаменитой книге описывает его следующим образом: «Основным методом НКВД, с помощью которого можно было сломить осужденного и получить нужные показания, был так называемый «конвейер» — непрерывный допрос, продолжавшийся часами и днями, который вели сменные бригады следователей... Уже после двенадцати часов допроса жертве становилось не по себе. Через день — мучительно трудно. Через два или три дня наступало физическое отравление от усталости. Это было так же мучительно, как любая пытка... никто не слышал, чтобы не сработал «конвейер», если он длился достаточно долго. В среднем за неделю можно было сломить почти каждого». Вместе с тем у этого метода были свои недостатки: «Хотя он срабатывал безотказно почти всегда и на это уходило всего 2—3 дня, он не обладал существенным преимуществом перед пытками (часто сочеталось и то и другое), потому что от показаний, данных на «конвейере», потом отказывались»²⁵.

Из этого отрывка можно заключить, что допросы Чобан-заде в 2—3—4 дня представляли собой самый обычный «конвейер», когда заключенного непрерывно опрашивали следователи, избивали, не давали пить, спать,

сесть, ставили на много часов у стены, пока человек не падал от потери сознания. Много лет спустя один из свидетелей так описывает зверства сотрудников НКВД Azerbaijan: «Я видел, что всех арестованных на допросах избивали жесточайшим образом. Били кулаками, ногами, били резиновой дубинкой, давали длительную стойку, причем делалось это с двумя целями: заставить арестованного признать себя виновным в принадлежности к контрреволюционной организации, а после признания добиться от арестованного показаний на возможно большее количество так называемых участников контрреволюционной организации»²⁶.

В избиении и пытках арестованных, искажении их показаний на допросах, фальсификации дел на совершенно невинных людей участвовали как следователи, допрашивавшие Чобан-заде, так и лично нарком Сумбатов-Топуридзе. Все они — одни раньше, другие позже — получили по заслугам. Следователей Герасимова, Шера и Цинмана расплата настигла совсем скоро — они были расстреляны в начале 1938 года. Григорьяна расстреляли в 1956 году вместе с Багировым. Нарком Сумбатов-Топуридзе, дослужившийся до звания генерал-лейтенанта, закончил жизнь в психиатрическом отделении тюремной больницы.

Применение к арестованным жестоких пыток практиковалось не только в Azerbaijan и в Крыму, но и по всей территории страны, правда, с разной степенью интенсивности. Само собой разумеется, это не было изобретением отдельных извергов-садистов, а целая система, одобренная на самом верху. «Активные», как тогда говорили, методы допроса иногда вызывали протесты на местах, отдельные первые секретари слали в ЦК тревожные запросы. Им всем ответил Сталин, послав шифрованную телеграмму с одобрением мер физического воздействия на подследственных «как совершенно правильный и целесообразный метод»²⁷.

Указания «вождя народов» в полную силу Чобан-заде ощутил уже во время первого допроса, продолжавшегося три дня — 7, 8 и 9 февраля 1937 года. Нет сомнения, что к нему был применен «конвейер» и он подвергался моральным и физическим истязаниям со стороны целой бригады следователей. В нашем распоряжении имеется большой фрагмент протокола этого допроса, сохранившегося в деле А. Рефатова, арестованного НКВД Крыма 28 апреля того же года²⁸. Протокол открывается анкетными данными Чобан-заде: год рождения, занимаемая должность, образование, общественно-политическая деятельность. На момент ареста, как явствует из документа,

Чобан-заде был профессором-языковедом в Азербайджанском педагогическом институте и Азербайджанском филиале Академии наук; университет, как место работы, не назван. Что касается образования, то здесь повторены те данные, которые Чобан-заде постоянно указывал в анкетах и в сохранившейся автобиографии: в 1914 году закончил лицей в Константинополе, в 1918 году — Будапештский университет, с 1919 года — доктор филологии. Следователя-костолома эти вопросы совершенно не интересовали, для него было совершенно безразлично, кто жертва — неграмотный колхозник или академик. Зато более полно отражена общественная деятельность Чобан-заде: в анкете указано, что с 1920 по 1924 год он был членом партии Милли Фирка и ее секретарем, а с 1920 (точнее, с 1921) по 1925 год — член КрымЦИК.

Затем идет непосредственно допрос обвиняемого в виде вопросов следователя (лейтенанта госбезопасности Шера) и подробных ответов Чобан-заде. Трудно отделаться от впечатления, что и вопросы, и ответы были заранее подготовлены и жертве полицейского произвола оставалось лишь подписать протокол. Как в вопросах, так и в ответах нет естественности, нет спонтанности, а есть следование подготовленному сценарию, жертва механически повторяет словесные клише задаваемых вопросов вплоть до запятых. В условиях чрезвычайного нервного стресса таких формулировок и точных списков людей в десятки фамилий быть не может. Послушаем несколько отрывков из этого допроса. (Орфография сохранена).

«Вопрос: Ответьте прямо, когда оформилась Ваша контрреволюционная националистическая организация?»

Ответ: Наша контрреволюционная националистическая организация оформилась в 1925 году.

Вопрос: Какие практические шаги Вы наметили?

Ответ: Мы наметили следующие мероприятия: 1. Создание контрреволюционных националистических групп из азербайджанской интеллигенции и вузовской молодежи. Подобные же группы должны были быть созданы среди крымских студентов и бакинской колонии казанских татар; 2. Сохранение имевшихся у нас контрреволюционных связей с партиями «Муссават», «Милли Фирка» и контрреволюционной организацией Султангалиева; 3. Установление связи с контрреволюционными националистами восточных республик СССР, как то в Узбекистане, Дагестане и др., для координации контрреволюционной работы; 4. Расширение

контрреволюционной связи с работниками культурного фронта г. Баку, независимо от национальности; 5. Широкую пропаганду идей пантюркизма и контрреволюционного национализма среди интеллигенции и вузовской молодежи».

Далее следует полуфантастический рассказ о создании пяти подпольных групп, руководителями которых были Чобан-заде, Исмаил Хикмет (до его отъезда в Турцию), Азиз Губайдуллин, а также вымышленные подробности деятельности этих групп. Для нас интерес представляет описание практических «боевых» дел **крымскотатарской группы**. То задание состояло в следующем: «а) сколачивание пантюркисских кадров из среды крымской вузовской молодежи, находящейся в Баку, закрепление их на контрреволюционных националистических позициях и отправка в Крым после окончания вузов с целью использования в контрреволюционной работе партии «Милли-Фирка»; б) отправка в Крым из Азербайджана пантюркистской и контрреволюционной литературы; в) установление контакта с дагестанскими контрреволюционными националистическими кругами, главным образом, студентами-дагестанцами, с каковой целью организовать совместные контрреволюционные сборища, вечеринки и т. д.».

Без запинки, как по бумажке, Чобан-заде называет персональный состав всех пяти групп. Вторая группа состояла из крымских татар, ее возглавлял сам Чобан-заде, и в ее состав входили следующие лица (всего 19 человек)²⁶: Зеки Якуб, бывший студент АзГУ, ныне преподаватель Азербайджанского медицинского института; Асие Акимова, беспартийная, бывшая студентка АзГУ, ныне преподаватель в средней школе; Гусейн Куркчи, беспартийный, бывший студент АзГУ, ныне преподаватель в Крыму; Осман Топлы, беспартийный, бывший студент педагогического института, ныне преподаватель в Крыму; Исмаил Аметов, беспартийный, бывший студент Азербайджанского медицинского института, ныне доктор, проживает в Крыму; Решад Рефатов, беспартийный, бывший студент АзГУ, ныне преподаватель в г. Симферополе (Крым); Асан Рефатов, беспартийный, бывший студент консерватории, ныне композитор в г. Симферополе (Крым); Эннан Абдурахман, беспартийный, бывший студент АзГУ, ныне преподаватель в Крыму; Акмулла Танабайлы, беспартийный, бывший студент АзГУ, ныне преподаватель в г. Симферополе (Крым); Осман Бекирбаев, беспартийный, бывший студент сельскохозяйственного института, ныне агроном, работает в Дагестане; Зейни Тарпи, беспартийный, бывший студент Азербайджанского

медицинского института, доктор, предполагаю, что работает в Крыму; Билял Баясанов, беспартийный, бывший студент Азербайджанского медицинского института, доктор, проживает в Баку; Осман Баясанов, беспартийный, бывший студент Политехникума, проживает в Баку; Тофик Касимов, беспартийный, бывший студент АзГУ, ныне проживает в Баку; Осман Шейхаметов, беспартийный, бывший студент Азербайджанского медицинского института, ныне доктор, ранее проживал в г. Кировабаде, а затем переехал в г. Москву; Эреджаб Джалалов, беспартийный, бывший студент сельскохозяйственного института, ныне агроном, проживает в г. Кировабаде; Хатиджа Шейхаметова, беспартийная, бывшая студентка Азербайджанского медицинского института, ныне доктор, проживает в г. Симферополе (Крым); Гаджи Оглу Мамед, беспартийный, бывшая студентка Азербайджанского медицинского института, умерла в 1930 году; Омар Куркчи, беспартийный, бывший студент Азербайджанского медицинского института, ныне работает доктором в г. Симферополе (Крым).

На третьем допросе Чобан-заде, который состоялся 16 февраля 1937 года, произошел следующий диалог:

«Вопрос: Следствию известно, что вы были контрреволюционером, националистом, вы признаете?

Ответ: Признаю. До дня ареста я был антисоветским националистом.

Вопрос: Вели практическую контрреволюционную работу?

Ответ: Да. Признаю. До ареста я лично практически вел контрреволюционную деятельность. Я был связан со следующими контрреволюционерами...» (Далее следует внушительный список научных работников, преподавателей вузов и других представителей интеллигенции в Баку, Узбекистане, Туркменистане, Татарстане, Армении, Ленинграде). На допросе 3—5 марта вновь перечислены участники 5 контрреволюционных групп, которые входили в руководимую им организацию общим числом около 60 человек. Всего Чобан-заде, по подсчетам Д.Ф. Ашнина, назвал 332 фамилии; многие из названных им людей были вскоре репрессированы.

В Крыму среди первых был арестован учитель О. Топлы (17 февраля), причем вместе с ним Я. Байбуртлы и Я. Керменчикли, которых Чобан-заде не упоминал. В апреле были задержаны А.С. Айвазов (5 апреля), О. Акчокраклы (живший у своей сестры в Баку) и Решат Рефатов (7 апреля), К. Джемалединов (17 апреля), А. Лятиф-заде (19 апреля). Обильный урожай снял НКВД Крыма 28 апреля: в тот день были схвачены Асан Рефатов, Сеит-Умер (Омар) Куркчи,

Я. Аблямитов, В. Танабайлы, У. Аджи-Асан; Эннан Абдураманов был арестован 11 мая того же года. Вскоре теми же злодейскими методами, что применялись в Баку, и этих людей принудили к оговорам и самооговорам, в протоколах их допросов замелькало имя Чобан-заде. Так, Айвазов на допросе 4 июля 1937 года, отвечая на вопрос следователя, говорил:

«Вопрос: Сообщите, что вам известно о контрреволюционной националистической деятельности Чобан-заде после его отъезда из Крыма в Баку?

Ответ: В конце 1924 или начале 1925 года перед выездом Чобан-заде из Крыма было созвано заседание ЦК Милли Фирка. На нем Чобан-заде был освобожден от обязанностей председателя ЦК и избран новый председатель Амет Озенбашлы. В Баку Чобан-заде создал из числа крымских студентов контрреволюционные группы (следуют известные имена)... Я лично в 1926 году участвовал на одном из нелегальных собраний контрреволюционной националистической группы, состоявшегося в связи с прибытием крымской делегации на тюркологический съезд. Были Недим Мамут, Акчокраклы, Леманов, Боданинский, Кемаль Якуб (выслан) и Одабаш (выслан)».

В Крыму якобы по заданию Чобан-заде были созданы три контрреволюционные группы: одной в количестве 13 человек руководил Айвазов, другой — Якуб Мусаниф (12 чел., по другим данным — 15 чел.), и, наконец, группа самого Чобан-заде из 14 человек, в которую будто бы входили Акчокраклы, Лятиф-заде, Байбуртлы, Боданинский, Я. Байрашевский, Вехби Шейх-заде и др. Айвазов приводит еще более невероятные сведения: многие из арестованных (10 чел.) были связаны с турецкой разведкой, в этот список входят Боданинский, Кемаль Якуб, Одабаш, Ильмий Абляким, Лятиф-заде, Хаттатов, Мамут Недим, Чобан-заде, Керим Джемалединов³⁰.

Следствие по делу Чобан-заде в Баку и его вымышленных соучастников в Симферополе шло параллельно и одновременно, поэтому, чтобы сохранить некоторое правдоподобие в протоколах и заставить жертвы признать свою мнимую вину, НКВД Крыма и Азербайджана интенсивно обменивались компрометирующими материалами на подследственных. Вместе с тем невооруженным глазом видно множество противоречий, нестыковок и просто откровенного вранья. Так, крымские «сценаристы» начисто забыли о Чобан-заде и его трех группах, когда в июле—августе были арестованы главные руководители Крымской АССР — первый секретарь обкома Л.И. Лаврентьев (Картвелишвили), второй секретарь обкома С. Трупчу и его предшественник

Б. Чагар, председатель ЦИК И. Тархан, председатель Совнаркома А. Самединов. Лаврентьев, будучи членом ЦК, был вызван в Москву на пленум, там арестован и тайно расстрелян³¹. Из остальных по национальному признаку была сострепана новая контрреволюционная организация, в которую вошли арестованные прежде крымские татары, и вся эта амальгама была выведена на скорый суд выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда. Они были осуждены в два приема — 17 апреля и 2 ноября 1938 года, причем в первый раз погибли почти все³².

Кроме истребления элиты двух народов — азербайджанского и крымскотатарского, — судилища в Баку и Симферополе имели и другие, косвенные цели. Скажем так: они использовались в целях внутривнутриполитической борьбы в верхнем эшелоне власти СССР для дискредитации тех или иных руководителей, неугодных НКВД. В данном случае речь идет о видном деятеле Туркестана Т.Р. Рыскулове, ставшем затем заместителем председателя Совнаркома РСФСР, пользовавшемся благосклонностью самого Сталина. В протоколе допроса от 25 июня Чобан-заде приписано заявление о том, что им «...действительно пока не назван ряд членов контрреволюционной пантюркистской организации, проводивших конкретно нелегальную контрреволюционную работу». Затем идут явно продиктованные чекистами голословные показания о созданном Рыскуловым еще в 1934 году «Всесоюзном объединенном центре» из деятелей национальных республик, в который входили также Чобан-заде и его подельник Г.С. Губайдуллин. Однако из дальнейшего рассказа ясно, что, кроме последнего, сам Чобан-заде никого не знал и передавал лишь какие-то слухи. Кроме того, организация Рыскулова в НКВД была переименована в Пантюркистский центр, якобы связанный с мифической «Социалистической Туркестанской партией»³³.

В делах Крымского НКВД тоже прослеживается стремление бесчестных следователей выбить из жертв комментирующий материал на Рыскулова. Так, в показаниях Я. Азизова, давшего обширный обличающий материал на председателя ЦИК Татарской АССР Г.Г. Байчурина, сказано: «Мне известно, что Байчурин был тесно связан и находился не только в деловых, но и в близких личных, дружеских отношениях с Тураром Рыскуловым, бывшим заместителем председателя Совнаркома РСФСР». Ему вторит Б. Чагар, долгое время бывший вторым секретарем Крымского обкома партии: главари контрреволюционной организации националистов и пантюркистов в Крыму Тархан и Самединов были будто бы тесно связаны с Рыскуловым, а также

Байчуриным, ранее работавшим в Крыму председателем парткомиссии³⁴. Напомним, что Тархан работал председателем ЦИК Крымской АССР и обвинялся в том, что был «одним из руководителей антисоветской пантюркистской шпионской диверсионно-террористической организацией». Осужден к высшей мере наказания Военной коллегией Верховного Суда СССР 17 апреля 1938 года. В его реабилитационном деле в архиве этой организации находится красноречивый документ, из которого мы приведем лишь главную мысль: «В ходе проверки установлено, что в НКВД Крыма, где проводилось следствие по делу Тахана, в 1937—1938 годах допускались необоснованные аресты, избиение арестованных, фальсификация следственных материалов и другие грубейшие нарушения законности»³⁵. То же самое — и даже более того — можно сказать о нравах, царивших в НКВД Азербайджана.

Работая с судебно-следственными делами периода «великого террора», следует иметь в виду, что это *документальные источники особого рода*. Полного доверия к ним не может быть, так как это плод чекистского канцелярского творчества. Допрашиваемый не был автором оставленного протокола, он лишь соавтор, ибо за его спиной стоял следователь, который нередко уточнял или дополнял заранее подготовленный и отпечатанный на машинке текст. Однако и следователь лишь озвучивал то, что составлялось в тайных канцеляриях НКВД по сценарию, составленному на самом верху, лично Багировым, если речь идет об Азербайджане. Дьявольская машина фабрикация дутых дел на честных людей имела свою технологию. На первый план, конечно, выступают огульные обвинения, нагромождение лжи, небылиц, слухов, а также полуправда, соответствующим образом препарированная. Чобан-заде, например, был не только объявлен турецким шпионом, но было сказано, что он также «...брал деньги за шпионскую работу от немецкой, английской и японской разведок». Шпиономания, свидетельствующая о больном воображении следователей, однако, никому не казалась смехотворной.

Вместе с тем следственные дела 1937—1938 годов нечасто содержат ложь в чистом виде; они представляют собой *гибрид (смесь) вымысла и правды, лжи и реальных фактов*. Ведь начальство требовало от следователя не только того, чтобы обвиняемый подписал признание в несовершенных преступлениях, но чтобы весь этот бред имел правдоподобный характер. Поэтому весьма трудно отделить зерно истины от плевал чекистской

фальсификации. Многие реальные факты получили иное, злонамеренное толкование, самые невинные события приобретают злобещий характер. Если Чобан-заде собирал в Дагестане или Азербайджане фольклорный или лексический материал в дальних селах, то значит он вел среди колхозников контрреволюционную работу, готовил их к вооруженному восстанию против советской власти.

Объем судебно-следственных дел мог быть самым разным: если у Чобан-заде оно составило 3 пухлых тома (более 1000 листов), то дело А. Рефатова невелико — всего 164 листа. Однако их композиция одинакова, да и написаны они как будто одним человеком: особым жаргоном, однообразными словесными штампами. Мы специально остановились на этой жертве сталинского произвола потому, что никто из крымских обвиняемых не был так сильно связан с Чобан-заде (в глазах чекистов, разумеется), как А. Рефатов.

В этом отношении большой интерес представляет «Обвинительное заключение» по его делу, утвержденное сначала наркомом внутренних дел Крымской АССР, а затем прокурором Союза ССР Вышинским 26 октября 1938 года. В нем говорится: «В процессе следствия по делу контрреволюционной, пантюркистской, шпионской, миллифирковской организации было установлено, что одним из участников этой организации являлся Рефатов Асан Мамутович, который в 1925 году, находясь на учебе в Азербайджанском государственном университете (ложь, на самом деле — консерватории. — Д.У.), был завербован в организацию лидером партии "Милли Фирка", шпионом турецкой разведки Чобан-заде Бекиром, работавшим в то время профессором указанного университета». Затем следует абзац об участии Рефатова в деятельности ученической организации «Бирлик» в Бахчисарае еще в 1920 году. После этого документ возвращается к событиям в Баку: «В 1925 году Рефатов Асан в г. Баку, будучи студентом Азербайджанского государственного университета, установил связь с Чобан-заде Бекиром, которым и был завербован в контрреволюционную, пантюркистскую, миллифирковскую организацию, созданную Чобан-заде по заданию ЦК партии "Милли Фирка"».

Начиная с 1925 года, Рефатов по заданию Чобан-заде Бекира вел контрреволюционную деятельность среди студенческой молодежи, пропагандируя националистические и миллифирковские идеи. В 1929 году Рефатов по заданию Чобан-заде выезжал из г. Баку в Крым с целью установления связи с членом ЦК «Милли Фирка» и руководителем контрреволюционной, пантюркистской, миллифирковской организации в

Крыму А.С. Айвазовым, которому передал директивные указания Чобан-заде по развертыванию контрреволюционной работы в Крыму.

Проживая с 1935 года в Крыму, Рефатов продолжал вести контрреволюционную, националистическую деятельность, являясь связным между Бекиром Чобан-заде и А.С. Айвазовым»³⁶.

В этом документе, как и во многих подобных ему, голословные, без видимых попыток доказательства, утверждения о «контрреволюционной» деятельности двух обвиняемых поставлены в контекст их реальных отношений (хотя Рефатов утверждал, что после ссоры в 1930 году он связей с Чобан-заде не поддерживал) и некоторых событий, имевших место в действительности. Не должны нас удивлять и многочисленные грубые ошибки, встречающиеся в следственных делах. Тем не менее в показаниях подследственных можно найти такие факты, о которых больше нигде сведений нет. Так, например, только благодаря К. Джемалединову мы узнали о поездке Чобан-заде для продолжения учебы в Турции в 1914 году или об обстоятельствах его возвращения в Крым вместе с Мамутом Недимом в 1920 году. Поэтому еще раз подчеркнем, что судебно-следственные дела являются ценным, хотя и крайне противоречивым историческим источником, и требуют критического анализа в сопоставлении с другими видами источников.

После этих кратких общих рассуждений вернемся к судьбе подследственного бакинской тюрьмы, который пережил 1 сентября 1937 года последний допрос и ждал своей участи. Он не мог знать, разумеется, что все давно решено. Уже 2 сентября было составлено и утверждено наркомом внутренних дел Азербайджана и прокурором «Обвинительное заключение», в котором говорилось: «Следствием установлено, что обвиняемый Чобан-заде Бекир Вагапович является одним из активных руководителей всесоюзной контрреволюционной пантюркистской организации, входил в состав объединенного контрреволюционного пантюркистского центра и с 1920 года до дня своего ареста стоял на позициях активной борьбы с Советской властью, проводя практическую контрреволюционную работу в национальных республиках СССР». Затем шел перечень примеров контрреволюционных деяний вплоть до «создания контрреволюционных повстанческих групп в Азербайджане»³⁷. Чобан-заде обвинялся по четырем статьям Уголовного кодекса АзССР, каждая из которых предусматривала высшую меру наказания — расстрел. Дело передавалось в Военную коллегия Верховного Суда для судебного решения по упрощенной процедуре, принятой 1 декабря

1934 года, в день убийства С.М. Кирова. Это означало, в частности, скорое разбирательство без права на кассацию, с немедленным исполнением смертного приговора.

Суд выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда в составе трех человек состоялся в Баку 11—12 октября 1937 года. Из-за большого количества подсудимых суд продолжался три дня, но всех осужденных ждала смертная казнь в последний день, 13 октября. Чобан-заде судили во второй день, 12 октября, а расстреляли вместе со всеми 13 октября 1937 года. В протоколе судебного заседания за 12 октября отмечено время нахождения Чобан-заде перед судилищем сталинской инквизиции — ровно 20 минут, с 11.20 час. до 11.40 час. После него был осужден к смертной казни тоже за 20 минут выдающийся татарский историк и патриот Азиз Губайдуллин. В тот же день судили других участников этой группы: Вели Хулуфлу, Ханафи Зейналлы, Б. Талыблы, М. Хусейнова. На следующий день были осуждены Али Назими, Халид Саид, Б.Н. Тихомиров, Саниев и другие³⁸.

На другой день после гибели Б. Чобан-заде, 14 октября, была арестована его жена Ругия Гиреевна Абдулина, артистка оперного театра в Баку. Вскоре она была осуждена на 8 лет исправительно-трудовых лагерей в качестве ЧСИР (члена семьи изменника родины). О ее судьбе имеется мало сведений, но известно, что ряд лет она провела на поселении в Казахстане, затем работала преподавательницей музыкальной школы в азербайджанском городке Хачмаз. О судьбе мужа она ничего не знала 20 лет, до его реабилитации.

С этой информационной блокадой, как принято говорить сегодня, связано появление еще одного мифа о Чобан-заде. Дело в том, что спустя несколько лет после смерти у него появился... сын. Он якобы родился в 1941 году в результате свиданий, которые будто бы имела Ругия Гиреевна в течение 1940 года. Этот человек, которого зовут Гирей Бекир-оглу Абдулин, живет ныне в Баку. О нем рассказала газета «Янъы дюнъя» в 1995 году, не снабдив заметку никакими уточняющими комментариями³⁹.

Выше мы уже упоминали, что у Чобан-заде как будто был приемный сын по имени Бекир Рустамбеков, и высказали предположение, что это ребенок Ругии от первого брака. Теперь нам придется отвергнуть эту версию и сказать, что он внук Диляры, имевшей от первого брака сына Мустафу. Как оказалось, Диляра также прежде состояла в браке. На этот счет имеются заслуживающие доверия воспоминания Хатидже Булгаковой, ее двоюродной племянницы, ныне проживающей в Симферополе.

Что же касается второго сына, который считает своим отцом Чобан-заде, то объяснение этой загадки простое: пребывая в лагерях или на поселении, Ругия записала внебрачного ребенка на фамилию законного мужа и внушила ему уверенность в этом. Так что этот человек вполне правильно носит фамилию Абдулина, но отчество у него должно быть другим.

Реабилитация Чобан-заде, Губайдуллина и их однодельцев шла медленно. Первыми еще в конце 1955 года были реабилитированы высшие руководители Азербайджана, в том числе Ахундов. Об ученых и писателях, казалось, позабыли. Однако военные прокуроры Закавказского военного округа готовили соответствующие документы. В Симферополь из Баку поступило от них следующее сообщение: «Военной прокуратурой Закавказского военного округа дело на Чобан-заде 15 мая 1956 года представлено в Главную Военную Прокуратуру с протестом о его реабилитации». В деле А. Рефатова находится и подготовленное 18 сентября 1956 года военным прокурором «Заключение по делу Чобан-заде Бекира» на предмет его реабилитации Военной коллегией Верховного Суда СССР⁴⁰.

В этом документе на основании непреложных фактов и юридических норм доказано, что Б. Чобан-заде осужден незаконно, приговор по его делу подлежит отмене, а дело прекращено. Оснований для таких выводов более чем достаточно. Во-первых, Чобан-заде оговорил себя, когда показал, что создал в АзГУ антисоветскую группу; это, говорит прокурор, не соответствует действительности. Кроме того, ряд названных Чобан-заде лиц, якобы участников контрреволюционной организации (Султанлы, Рафили Микаил, Аббасов, Шанг Абдулла, Рзакулиев Микаил) не арестовывались и к уголовной ответственности не привлекались, а Рухулла Ахундов, Тихомиров и другие уже реабилитированы. Во-вторых, доказательством вины Чобан-заде не могут служить протоколы приобщенных к его делу допросов Хулуфлу, Сафарова, Губайдуллина и др., так как они осуждены неправомерно, реабилитированы или подлежат немедленной реабилитации. В-третьих, обвинения Чобан-заде в шпионаже не соответствуют действительности. Его имя в картотеке лиц, причастных к деятельности иностранных разведок, в Центральном особом архиве МВД СССР отсутствует. В-четвертых, целый ряд высокоавторитетных лиц (академиков, профессоров), продолжительное время знавших Чобан-заде по совместной работе, характеризуют его как крупного ученого и честного советского человека. Последние слова — прямая цитата из документа. Наконец, в-пятых, проводившие следствие по делу Чобан-заде сотрудники

НКВД Азербайджана Герасимов, Цинман, Шер, Григорьян осуждены и расстреляны за фальсификацию следственных дел, а их шеф Сумбатов-Топуридзе также арестован и ждет заслуженного наказания.

Прошло еще немало времени, пока 6 июня 1957 года Военная коллегия Верховного Суда СССР приговор 1937 года в отношении Б.В. Чобан-заде отменила и дело за отсутствием состава преступления прекратила. Итак, потребовалось ровно 20 лет, чтобы правда восторжествовала. Поистине, время всё и всех поставит на свое место:

Очистит времени волна
Во слову чести правых
Все золотые имена
От всех имен кровавых.

А. Краснов

Время не только очистило и разделило имена доблестно павших и невинно убиенных от имен их палачей, но и наказало последних. В этом есть какая-то высшая справедливость, историческое возмездие настигло тех, кто в 1937—1938 годах вершил самосуд⁴¹. Все мучители Чобан-заде в Баку погибли, включая главного «пахана» Багирова. Тех, кто травил его в Крыму в 1929—1930 годах, тоже постигла кара: были расстреляны Я. Азизов, Я. Мусаниф, Дж. Гафаров, Б. Чагар, с ярлыком «националиста» сели на скамью подсудимых самые правоверные борцы за «дело пролетариата» У. Ипчи и И. Кадыр. Избежали расплаты лишь Дж. Сейдаметов и А. Дерменджи, верой и правдой служившие партократии, бесчестье пришло к ним только после смерти, хотя и теперь они кое-где фигурируют как «видные» писатели. Значит, авторы таких эпитетов плохо знают скорбный список погибших деятелей крымскотатарской культуры.

Еще до юридической реабилитации Б. Чобан-заде 6 июня 1957 года Военная коллегия Верховного Суда СССР выдала свидетельство о его смерти. Оно датировано 18 апреля 1957 года и гласит, что Чобан-заде Бекир Вагабович умер 12 июля 1939 года в селе Хачмаз Азербайджанской ССР. Эта наглая лож ввела некоторых малосведущих биографов в заблуждение. Они не знали, что КГБ издал совершенно секретный циркуляр, предписывающий изменение даты смерти жертв «большого террора» (циркуляр №108 от 24 августа 1955 года)⁴². Так наследники Сталина путем фальсификации пытались скрыть истинный масштаб злодеяний над своим народом, учиненных в 1937—1938 годах.

Литературная реабилитация поэта Чобан-заде состоялась спустя пять лет после его трагической гибели. Причем в такой чрезвычайной ситуации, о которой даже в дурном сне никто не мог себе вообразить. Во время немецкой оккупации Крыма в 1942 году русский писатель А.И. Булдеев опубликовал статью, в которой с большой симпатией охарактеризовал поэтическое наследие Чобан-заде⁴³. «Поэт крымских татар Чобан-заде принадлежит к числу жертв большого террора, — пишет автор. — Будучи арестован органами ГПУ в 1938 году в Баку, он канул в неизвестность. Никто, кроме всеведующего палача, не знает его судьбы. Долг наш теперь помнить о нем». Далее Булдеев излагает вкратце биографию поэта с мифологическими подробностями, почерпнутыми скорее всего из беседы с Зулейхой, дает общую характеристику его поэзии и публикует собственный перевод на русский язык двух стихотворений — «Хайтарма» и «К заре». Нужно признать, что его анализ поэтического мастерства Чобан-заде, идейного содержания поэзии ни в чем не уступает нынешним литературоведам. Статью Булдеева следует считать вполне актуальной до наших дней.

Затем прошли долгие годы, когда народ был лишен своей истории и не знал выдающихся деятелей своей культуры, находившихся под запретом. Только в годы «оттепели» после формальной отмены приговора и признания невинности Чобан-заде в крымскотатарской газете «Ленин байрагы» появилась маленькая заметка, в которой весьма робко говорилось о творчестве великого поэта (5 июля 1959 года). Зато на страницах той же газеты Джемиль Сейдаметов и Абдулла Дерменджи постоянно и неумеренно славословили друг друга и оба вместе — третьего гонителя поэта Иргата Кадыра. Конечно, такие люди не были заинтересованы в том, чтобы рассказать правду о жизни и смерти Чобан-заде, о своей роли в его шельмовании.

По этой причине литературная и научная реабилитация за границей шла быстрее, чем на Родине поэта. В 1954 и 1955 годах в Турции были напечатаны две статьи, содержавшие чрезвычайно ценный биографический материал о Чобан-заде, а также ряд не публиковавшихся ранее стихотворений. Их автором был эмигрант из СССР Абдулла Баттал, принявший в Турции фамилию Таймаз⁴⁴. Он использовал материалы из личного архива Джафера Сейдамета и Шевки Бекторе. Последний в 1961 году в журнале «Эмель» напечатал воспоминания о встречах с Чобан-заде (см. приложение).

Пионером научного изучения биографии поэта и ученого стал известный тюрколог, преданный друг крымскотатарского народа Ф.Д. Ашнин. В 1963 году он публикует газетную статью, а в 1967 году — крупную источниковедческую

работу в ведущем востоковедном журнале, к которой приложена библиография публикаций Чобан-заде. В конце 1960-х годов в изданиях Азербайджанского педагогического института появляются первые, весьма краткие и описательные статьи А. Бабаева о наследии Чобан-заде как языковеда-тюрколога. Несколько позже в Ташкенте начинает изучать биографию знаменитого земляка писатель С. Нагаев, его работы печатаются в газете «Ленин байрагы» и журнале «Йылдыз». В 1991 году он выпускает книгу очерков «Йылнамелердеки излер» («Следы в летописях»), где среди других помещена повесть-эссе «Воин культурной революции».

Наш обзор восстановления доброго имени Чобан-заде в науке и в истории крымскотатарской литературы будет неполным, если мы забудем имя энтузиаста, собирателя и хранителя его наследия Исмаила Отара. Он отдал этому благородному делу все свои силы и средства. Подвигом его жизни можно считать введение в научный оборот поэтического дневника Чобан-заде «Къавал сеслери» («Звуки свирели»).

В 1999 году вышло на двух языках — крымскотатарском и турецком — составленное Отаром критическое издание главного поэтического творения Чобан-заде с библиографией, словарем и приложением, в котором публикуются его письма и ранние прозаические произведения. Кроме того, дана в переводе на турецкий язык статья Ф.Д. Ашнина и В.Д. Алпатовой о гибели Чобан-заде. Хотя биографическое введение к книге не является оригинальным и содержит ряд фактических ошибок, книга Отара является достойным памятником поэту.

1990-е годы стали свидетелями расширения как тематики публикаций о Чобан-заде, так и географии трудов на эту тему. О нем печатаются труды разного достоинства, как исследовательские, так и популярные, в Крыму, Азербайджане, Узбекистане, Польше, Турции, Венгрии. Большой толчок к активизации исследовательской работы дала проведенная в 1993 году в Симферополе Международная конференция, посвященная столетию со дня его рождения.

Сегодня, спустя десять лет после юбилея, мы знаем о жизни и трудах великого поэта, ученого и общественного деятеля гораздо больше, чем прежде. В то же время остается немало «белых пятен», спорных моментов, которые требуют дальнейшего исследования, с тем чтобы потомки получили полное, строго научное описание его жизни, объективную оценку вклада в науку и литературу.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение. Человек из легенды

1. Baudélaire C. L'art romantique: Littérature et musique. — P., 1968. — P. 237.
2. Автобиографию Чобан-заде впервые опубликовал с комментариями автор настоящей книги. См.: Урсу Д.П. Студенческие годы Бекира Чобан-заде // Библиотечное дело и краеведение. — 2002. — № 3. — С. 170—173. Анкеты фототипическим способом опубликовала Е.Г. Эмирова. См.: Эмирова Е.Г. Новые материалы к биографии Б.В. Чобан-заде // Библиотечное дело и краеведение. — 1999. — № 1. — С. 147—152.
3. Наука и научные работники СССР: Справочник. — Л., 1928. — Т. 6. — С. 475.
4. Лятиф-заде А. Короткий огляд кримської татарської літератури // Червоний шлях. — 1927. — № 11. — С. 199.
5. Кримський А. Література кримських татар // Студії з Криму. — К., 1930. — С. 173.
6. БСЭ, 1-е изд. — М., 1934. — Т. 61. — С. 683.
7. БСЭ, 3-е изд. — М., 1978. — Т. 29. — С. 229. Чуть раньше вышел том Краткой литературной энциклопедии, где имелись все эти ошибки и преувеличения. Заметку о Чобан-заде подписал некто Н. Музафар (КЛЭ. — М., 1975. — Т. 8. — С. 535). Ниже всякой критики заметка в «Крымскотатарской энциклопедии», составленная из отдельных страниц газеты «Ватан», выходящей в начале 1990-х годов.
8. Ашнин Ф.Д. Бекир Вагапович Чобан-заде // Народы Азии и Африки. — 1967. — № 1. — С. 208—216.
9. Чобан-заде Б., Лятиф-заде А. Шиирлер. — Ташкент, 1971; Çoban-zade B. Bir saray quracaqman! Şiirler. — Simferopol, 2001.
10. Юнусов Ш. Крымскотатарская поэзия 1920-х годов: Дис. ... канд. филолог. наук. — Симферополь, 1998.
11. Otar İ. Kırımlı türk şair ve bilgini Bekir Sıdkı Çoban-zade. — İstanbul, 1999.
12. Бабаев А. Бекир Чобанзаде. — Баку, 1998. Как-то странно слышать от языковеда-тюрколога повторенное несколько раз утверждение, что газета «Ленин байрагы» выходила на узбекском языке.
13. Acar K. Kırımlı dilci Bekir Sıtkı Çoban-zade: Doktora tezi. — Ankara, 1996.
14. Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. Дело профессора Б.В. Чобан-заде // Восток. — 1998. — № 5. — С. 125—133.

15. См. подробнее: Урсу Д.П. Методологические проблемы устной истории // Источниковедение отечественной истории. — М., 1989. — С. 3—32; Oursou D. Notas sobre historia oral en la sociedad sovietica // Estudios del Hombre. — 1997. — № 6. — P. 238—246.

16. Тагирзаде А., Гулиев А. Профессор Бекир Вагаб оглы Чобан-заде // Совет. тюркология. — 1990. — № 6. — С. 77.

17. Москва—Крым. — 2002. — № 4. — С. 158.

18. Нагаев С. Йылнамелердеки излер. — Ташкент, 1991. — С. 203—211.

19. Юдакин А. Урало-алтайское (тюрко-монгольское) языкознание // Энциклопедия. — М., 2001. — С. 550. Можно добавить, что список литературы о Чобан-заде в библиографии насчитывает всего два (?) названия. Наверное, именно поэтому в статье так много грубых фактических ошибок, неточностей, передержек и логических провалов. Как выражались древние римляне: *ignoramus ignorabimus*.

20. Türkiye'deki türk edebiyatları antolojisi. 13. Kırım türk-tatar edebiyatı. — Ankara, 1999. — S. 698.

21. Урсу Д.П. Очерки истории культуры крымскотатарского народа. — Симферополь, 1999. — С. 129.

22. Sejdmet Dz. Krym. — Warszawa, 1930. — S. 69. Сегодня американская ученая степень «доктор философии» (Ph. D.) может означать специалиста в любой области знания — от тюркологии до квантовой механики и зоопсихологии.

23. Kirmal E. Der National Kampf der Krimtürken. — Emsdetten, 1952. — S. 296.

24. Tatars of the Crimea. Their Struggle for Survival. Ed. by B. Allworth. — Durham; London, 1888. — P. 259—260.

25. Fisher A. The Crimean Tatars. — Stanford, 1978. — P. 146; Ulkusal M. Kırım türk-tatarları. Dünü, bugün, yarını. — İstanbul, 1980. — S. 267—269. Последний автор ссылается на рассказ неизвестного человека, опубликованный в газете «Азат Кырым» в 1942 году.

26. Annuaire du Monde Musulman, 1923. — Paris, 1923. — P. 244.

27. Авдет. — 2002. — 9 октября.

28. Сприяння поширенню толерантності у поліетнічному суспільстві. — К., 2002. — С. 286.

29. Otari I. Op. cit. — S. 14.

ЧАСТЬ I. ГОДЫ СТРАНСТВИЙ

Глава 1. Пастушок из Карасубазара

1. Taymas A.B. Kırımlı filolog-sair Bekir Çobanzade'yi tanıtmaya çalışması // Türk dili araştırmaları yayını, Belleten 1954. — Ankara, 1954. — S. 239.

2. Otari I. Op. cit. — S. 13; Bektore S. Profesör Bekir Sıtkı Çobanzade // Kırım. — 1961. — № 11(23). — S. 175.

3. Нарушая элементарную научную этику, два азербайджанский автора — А. Тагирзаде и А. Гулиев — в своей статье полностью переписали автобиографию, нигде этого не оговорив. См.: Тагирзаде А., Гулиев А. Профессор Бекир Вагаб оглы Чобан-заде // Совет. тюркология. — 1990. — № 6. — С. 77—79.

4. ПФА РАН, ф. 155, оп. 2, д. 755, л. 95 об. Фрагмент документа впервые опубликован Е.Г. Эмировой в газете «Голос Крыма» (06.08.1999). См. также: Эмирова Е.Г. Новые материалы к биографии Б.В. Чобан-заде // Библиотечное дело и краеведение: Сб. научных работ. — Киев; Симферополь, 1999. — С. 144—152.

5. Otari I. Op. cit. — S. 13.

6. Ашинин Ф.Д. Бекир Вагапович Чобан-заде // Народы Азии и Африки. — 1967. — № 1. — С. 208.

7. Письмо З.В. Халиловой из Андигана от 26 октября 1957 года Б.Г. Гафарову // Сектор рукописных и архивных материалов РКБ, ф. 1, оп. 1, д. 125, л. 2—3 об. Подобный экзамен действительно имел место в июне 1906 года, и о нем тогда писала газета «Ветан хадими», как это недавно установил И. Керимов (Голос Крыма. — 2004. — 14 мая). Заметим также, что в газетной информации не упоминаются ни Медиев, ни Муфтий-заде.

8. Абибуллаева Д. Исмаил Муфтий-заде и Симферопольское благотворительное общество пособия бедным мусульманам Крыма // Голос Крыма. — 2000. — 11 февраля.

9. Çoban-zade B. Bir saray quracaqman! Şiirler. — Simferopol, 2001. — S. 42—45.

10. Архив ГУ СБУ в АРК, арх. д. 09042, л. 30.

11. Архив ГУ СБУ в АРК, арх. д. 010084, л. 13. об. Впервые опубликовано нами в газете «Кримська світлиця». — 1999. — 12 листопада.

12. Lazzerini P. Ismail Bey Gasprinski and Muslim Modernism in Russia, 1878—1914: Dissertation. — University of Washington, 1973. — P. 197.

ЧАСТЬ I. ГОДЫ СТРАНСТВИЙ

Глава 2. Лицеист в Стамбуле

1. Acar K. Kırımlı Bekir Sıtkı Çobanzade: Dilçiliği ve edebiyat araştırmacılığı. — Ankara, 2001. — S. 39—40.

2. Özcan I.C. Bekir Vahap Oğlu Çobanzade: Duruşma zabıtları // Kırım. — 1996. — № 15. — S. 2—4.

3. Ашнин Ф.Д. Указ. соч. — С. 210.
4. Emel. — 1981. — № 123. — S. 15—20. Автор перепутал мектеб с медресе, он утверждает, что Чобан-заде учился в Султанском медресе(?). Кроме того, пребывание Чобан-заде в Одессе он без всяких на то оснований относит к 1915 году.
5. Lazzerini E. Ismail Bey Gasprinskii and Muslim Modernism in Russia, 1878—1914: A Dissertation. — University of Washington, 1973; Kirimli H. National Movements and National Identity among the Crimean Tatars. — Leiden, 1996; Къандым Ю. Куреш мейданыны от басмаз... — Симферополь, 2002. — С. 16—17.
6. Архив ГУ СБУ в АРК, арх. д. 09576, л. 129.
7. Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 5. — Л., 1980. — С. 112. Российский офицер, посланный с осведомительной целью в Турцию, сообщал в 1904 году следующие сведения о школах типа русские реальные училища. Школа идадие, пишет далее офицер-разведчик, — это старшее отделение закрытого среднеучебного заведения, соответствующее двум старшим классам нашего кадетского корпуса. Хотя эти сравнения не вполне соответствуют данным, приведенным в основном тексте книги, они дают определенный материал для лучшего понимания турецкой школьной системы (Мир Льва Гумилева: Арабески истории. — М., 1993. — Вып. 5. — С. 411).
8. Кримський А., Боголюбський О. До історії вищої освіти у арабів. — К., 1928. — С. VI.
9. И сегодня эта школа, носящая название Галатасарайского лицея, остается важным каналом распространения в Турции французского языка и культуры, инициатором внедрения прогрессивного принципа интегрального обучения. По инициативе президентов Тургута Озала и Ф. Миттерана на базе лицея в 1994 году создан Галатасарайский университет, включающий все ступени обучения — от начальной школы до высшей. Университет кроме юридического, экономического, административного, инженерно-технологического и других факультетов включает сам лицей как автономную единицу, а также начальную школу, подготовительные классы и колледж. Директор лицея, как правило, профессор университета, ныне этот пост занимает декан инженерно-технологического факультета. В лицее обучается 1400 учеников, работает около 100 преподавателей, многие предметы по-прежнему излагаются на французском языке (в штате лицея 40 преподавателей из Франции). Руководство лицея с

- гордостью заявляет, что славный Галатасарай остается поныне лучшим в системе среднего образования Турции.
10. Русская школа. — 1909. — № 2. — С. 76; 1910. — № 4. — С. 114—116.
 11. Kabaklı A. Türk edebiyatı. 3 cilt. — İstanbul, 1990. — S. 171—193.
 12. Ebuziye Z., Kazıkoğlu S. 1921—1933 Galata tarihcesi 1933 mezumları ve 50 yılları. — Galata, 1983. — S. 47—56.
 13. Emel. — 1992. — № 189. — S. 5.
 14. Emel. — 1961. — № 7. — S. 3. Потом этот рассказ вошел в изданные отдельной книгой воспоминания Джафера Сейдамета.
 15. Кроме Чобан-заде в Стамбуле в эти годы проходил обучение еще один выходец из Крыма с подобным именем (Бекир Ситки). О нем упоминает турецкий автор О.К. Хатиф, выпустивший в 1918 году книгу «Под голубым знаменем национального движения». За этим псевдонимом скрывался Бекир Одабаш, старший брат Абибуллы Одабаша, впоследствии один из деятелей Народной партии Милли Фирка (Hatif O.K. Gökbayrak altında millî faaliyet. — Ankara, 1998. — S. 111).
 16. Лятиф-заде А. Короткий огляд кримської татарської літератури // Червоний шлях. — 1927. — № 11. — С. 199.
 17. Taymas A.B. Op. cit. — S. 240.
 18. Къуне 1330—31 // Архив Галатасарайского лицея, Стамбул.
 19. Список учащихся за 1910—1911 учебный год // Архив Галатасарайского лицея, Стамбул.
 20. Список учащихся за 1911—1912 учебный год // Архив Галатасарайского лицея, Стамбул.
 21. Архив ГУ СБУ в АРК, арх. д. 010084, л. 15 об.
 22. Otari. Op. cit. — S. 16.
 23. Нагаев С. Указ. соч. — С. 91.
 24. Nyiri M. Cobanzade'nin Budapeste'de yazligi şiirler hakkında. — S. 35—41. (Рукопись в библиотеке Исмаила Отара, Стамбул).

ЧАСТЬ I. ГОДЫ СТРАНСТВИЙ

Глава 3. Студент в Будапеште

1. Тагирзаде А., Гулиев А. Указ. соч., с. 77; Ашнин Ф.Д. Указ. соч. — С. 210; Нагаев С. Указ. соч. — С. 91; Урсу Д.П. Выдающийся ученый-тюрколог Бекир Чобан-заде: жизнь и деятельность // Востоковедный сборник. — Симферополь, 1998. — Вып. 2. — С. 7; Taymas A.B. Op. cit. — S. 240.
2. Otari. Op. cit. — S. 18. В документе применена средневековая формула:

«Свидетельствуем об этом всем, кому это надлежит знать».

3. В своих показаниях Мамут Недим, хорошо знавший Чобан-заде, дважды указывает на то, что последний уехал в Будапешт именно в 1915 году, правда, не приводя более точной даты (Архив ГУ СБУ в АРК, арх. д. 09576, л. 139, 141).

4. Статью Чобан-заде в газете «Будапешти хирлап» за 28 марта 1918 года обнаружил Г. Янковский и, переведя на турецкий язык, опубликовал в журнале «Эмель». См.: *Çobanzade B. Bir Tatar gencinin anayurdundan* // Emel. — 1992. — № 189. — S. 5—9.

5. Сектор рукописных и архивных материалов РКБ, ф. 1, оп. 1, д. 125, л. 3 об.; *Нагаев С.* Указ. соч. — С. 107—108.

6. Ungarn. Land und Volk, Geschichte, Schulwesen, Wissenschaftliches Leben, Literatur, Bildende Künste. — Leipzig, 1918. — S. 402—404.

7. *Nyiri M.* Op. cit. — S. 3—5. Можно вспомнить аналогичный факт из истории российского востоковедения: при Петербургском университете имела коллегия им. Александра III, в сущности, студенческое общежитие, куда и поселился в 1901 году будущий академик-арабист И.Ю. Крачковский (*Долинина А.А.* Невольник долга. — Петербург, 1994. — С. 30).

8. *Nyiri M.* Op. cit. — S. 34—35.

9. *Hazai G.* Hungary and the Orient // Proceedings of the 14th Congress of the Union Europeennes des Arabisants et Islamisants / Ed. by A. Fodor. — Budapest, 1995. — Pt. 1. — P. IX—XX.

10. В биографическом справочнике А.П. Юдакина заметки о его жизни нет, хотя она объявлена в оглавлении.

11. *Юдакин А.П.* Указ. соч. — С. 339; *Jankowski H.* Notes on Bekir Çobanzade's Life and Activity in Hungary (with the Publication of a New Document) // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung. — 1994. — Т. 47, № 1/2. — P. 134.

12. *Bektöre S.* Profesör Bekir Sıtkı Çobanzade // Kırım. — 1961. — № 11 (23). — S. 175.

13. *Jankowski H.* Op. cit. — P. 133.

14. *Leczkrónyú Bekir Sidki* // Библиотека Исмаила Отара, Стамбул.

15. *Otar I.* Bekir Sıtkı Çobanzade'nin bir kâs mektubu // Kırım. — 1993. — № 2. — S. 23—28.

16. *Jankowski H.* Op. cit. — P. 134.

17. Халиде-ханум Эдиб Адывар (1884—1964) — турецкая поэтесса и писательница. Популярна в 1910—1920 годах среди патриотически настроенной турецкой молодежи. С 1940 года преподавала английский язык в Стамбульском университете. Среди самых известных произведений — роман

«Ени Туран» (Emel. — 1964. — № 20. — S. 24).

18. *Hajdu T., Nady Z.* Revolution, Counterrevolution, Consolidation // A History of Hungary. — Bloomington, 1990. — P. 300—309; Die Ungarn, ihre Geschichte und Kultur / Herausg. L. Kosa. — Budapest, 1994. — P. 170—176.

19. ГААРК, ф. П-150, оп. 1, д. 112, л. 227.

20. *Ашинин Ф.Д., Алпатов В.М.* Указ. соч. — С. 125.

21. Русские интернационалисты в борьбе за Венгерскую Советскую Республику. 1919 год / Сб. документов. — М., 1972. — С. 90, 124; 1919 год в Венгрии / Сб. документов. — М., 1959. — С. 102—103.

22. *Crompton R.J.* Eastern Europe in the Twentieth Century — and After. 2nd ed. — London; New York. — 1997. — P. 78—106.

23. Можно привести еще один подобный пример: современный тюрколог М. Моллова в своей недавней обстоятельной работе о «Кодексе Куманикусе» приводит исчерпывающую библиографию по теме, начиная с трудов Г. Куна, Радлова, Немета, фон Габена до самых последних, но не упоминает имени Чобан-заде. См.: *Mollova M.* Nouvelle interprétation linguistique des devinettes ésotériques du Codex Cumanicus // Oriens. — 1996. — Vol. 35. — P. 193—258.

24. Мы имели возможность познакомиться с выпускными работами студентов, окончивших современные австрийские университеты (Вена, Линц, Зальцбург). Они выполнены в 1991—2000 годах и под названием темы имеют следующую надпись: «Diplomarbeit zur Erlangung des Magistergrades» («Дипломная работа на соискание степени магистра»). Нечто подобное, думается, было написано и на диссертации Чобан-заде, лишь вместо слова «магистр» было слово «доктор философии». Объем этих научных работ колеблется в пределах 130 стр. стандартного машинописного текста, включая приложение.

25. Диссертация Гирайбая опубликована в журнале «Йылдыз». — 1995. — № 3.

26. *Taymas A.B.* Op. cit. — S. 240.

27. ГАРФ, ф. 298, оп. 1, д. 21.

28. *Jankowski H.* Op. cit. — P. 133.

29. *Нагаев С.* Указ. соч. — С. 203.

30. Empire Ottoman. Carnet de passeport Sidki Bekir // Библиотека Исмаила Отара, Стамбул.

31. *Taymas A.B.* Op. cit. — S. 240.

32. Rocznik tatarski (Wilno). — 1932. — № 1. — S. 286—287.

33. *Seydamet D.* La Crimée, son passé, son présent. — Lausanne, 1921. — P. 65.

ЧАСТЬ II. ГОДЫ ВОЗМУЖАНИЯ: КРЫМ

Глава 1. Во главе Народной партии

1. Der Neue Orient. — 1918. — Bd. 4. — S. 20, 202.
2. Архив ГУ СБУ в Крыму, арх. д. 09576, л. 140—143.
3. Там же, арх. д. 19442, без пагинации. Допрос Айвазова проводился 4 июля 1937 года, он занимает 27 с. машинописного текста. Это верный признак того, что протокол был подготовлен заранее, что в то страшное время практиковалось довольно часто. Степень достоверности такой информации невелика, и к ней нужен критический подход.
4. Zenkovsky S. Pan-Turkism and Islam in Russia. — Cambridge (Mass), 1960. — S. 129.
5. Seydamet D. La Crimée, son passé, son présent. — Lausanne, 1921. Вскоре в двух номерах ведущего тюркологического журнала Франции вышла содержательная работа Ж. Кастанье, в которой есть и фактический материал о Крыме. См.: Castagné J. Le Bolchevisme et l'Islam // Revue du Monde Musulman. — 1922. — № 51, 52. К сожалению, впоследствии Крым полностью исчезает из западной научной литературы, а в 1960—1980-е годы многие книги, даже знаменитого тюрколога А. Беннигсена, о политическом и культурном развитии Крыма 20—30-х годов содержат много фактических ошибок и нелепых выдумок. См. Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejail C. Les mouvements nationaux chez les musulmans de Russie. — Paris; La Haye, 1960; idem. Islam in the Soviet Union. — L., 1967; Bennigsen A., Wimbush S.E. Muslim National Communism in the Soviet Union. — Chicago; London, 1979; Bennigsen A., Broxup M. The Islamic Threat to the Soviet State. — L., 1983.
6. См. подробнее: Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей: Из истории гражданской войны в Крыму. — Симферополь, 1997. — С. 24—26; Брошеван В. ...Вооруженную борьбу против власти не вела // Голос Крыма. — 1998. — 2 октября; Сеитбекиров Э. Суд над Милли Фирка // Голос Крыма. — 1999. — 5 марта.
7. Архив ГУ СБУ в Крыму, арх. д. 010683, л. 67—69.
8. ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 30, л. 1—2 об.
9. Там же, д. 24, л. 10.
10. РГАСПИ ф. 17, оп. 60, д. 96, л. 85—89; д. 334, л. 4, 18, 30.
11. ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 97, л. 346.
12. Там же, ф. оп. 1, д. 886, л. 96.
13. Там же, ф. П-150, оп. 1, д. 167, л. 5.
14. РГАСПИ, ф. 17 оп. 60, д. 607, л. 35 об.

15. ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 102, л. 5.
16. Красный Крым. — 1921. — 9 февраля.
17. Красный Крым. — 1921. — 26 апреля.
18. Жизнь национальностей. — 1921. — 28 мая. См. также: Бордюгов Г. Чрезвычайные меры и «чрезвычайщина» в Советской республике 1918—1920 годах // Cahiers du monde russe. — 1997. — №1—2. — Р. 29—49; Тополянский В.Д. Вожди в законе: Очерки физиологии власти. — М., 1996. — С. 190—217.
19. Красный Крым. — 1921. — 15 апреля.
20. См. его программную статью: Ибрагимов Ш.Н. Национальный вопрос и ближайшие задачи Советской власти в Крыму // Красный Крым. — 1921. — 2 июля.
21. РГАСПИ, ф. 17, оп. 12, д. 277, л. 119.
22. ГААРК, ф. Р-663, оп. 1, д. 120, л. 32.
23. Залесский К.А. Империя Сталина: Биографический энциклопедический словарь. — М., 2000. — С. 260—261. Бела Кун был расстрелян как «матерый троцкист» 30 ноября 1939 года.
24. Красный Крым. — 1921. — 14 ноября. Главой правительства стал бывший председатель Совнаркома Татарской АССР С. Саид-Галиев.
25. ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 103, л. 4 об.
26. Там же, д. 102, л. 31.
27. Известия Крымского обкома РКП(б). — 1921. — № 5. — С. 43.
28. ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 63, л. 383.
29. Там же, д. 60, л. 86 об.
30. Там же, ф. Р-1188, оп. 3, д. 68, л. 231—236.
31. Там же, ф. П-1, оп. 1, д. 63, л. 429.
32. Там же, д. 196, л. 1—7.
33. Там же, ф. Р-151, оп. 1, д. 1, л. 163—167.
34. Там же, ф. П-1, оп. 1, д. 196, л. 8.
35. РГАСПИ, ф. 17, оп. 60, д. 96, л. 88—98. Когда летом 1922 года Крым посетил «всероссийский староста» и «добрый дедушка» М.И. Калинин, как его в лубочном виде изображала большевистская пропаганда, местные руководители просили помощи. Он ответил им угрозой расстрелять весь Крымский Совнарком, если будут продолжаться жалобы на нехватку продовольствия (РГАСПИ, ф. 17, оп. 14, д. 393, л. 14).
36. Красный Крым. — 1921. — 22 сентября.
37. Красный Крым. — 1922. — 21 февраля.

38. РГАСПИ, ф.17, оп. 60, д.334, л. 1—2.
39. Жизнь национальностей. — 1922. — № 6—7. — С.11. Орган наркомнаца часто менял свой статус: то это была газета, то она превращалась в журнал и наоборот.
40. ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 194, л. 28; д. 196, л. 85, 130.
41. Жизнь национальностей. — 1922. — 1 апреля. Французский востоковедный журнал сообщал, что в феврале 1922 года в Крыму было 300 тыс. голодающих, а в июле, когда сюда с визитом прибыл Калинин, почти 400 тыс. человек (*Revue Musulmane*. — 1922. — № 52. — Р. 152).
42. ПФА РАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 45; ГАРФ, ф. 2307, оп. 3, д. 283, л. 209.
43. Вологдин Б.П. Население // Весь Крым: Юбилейный сборник. 1920 — 1925. — Симферополь, 1926. — С. 19.
44. Красный Крым. — 1921. — 27 марта. Современный автор считает, что из крымской деревни тогда было изъято практически все зерно, включая семенной фонд, всего около 3 млн пудов. См.: *Господаренко Н.М.* Сельское хозяйство Крыма в условиях НЭПа // *Культура народов Причерноморья*. — 1997. — № 1. — С. 106.
45. ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 53, л. 6—16.
46. ГААРК, ф. П-150, оп. 1, д. 167, л. 38—39.
47. Вернер М. Голод 1921—1922 годов в Самарской губернии и реакция Советского правительства // *Cahiers du Monde Russe*. — 1997. — № 1—2. — Р. 223—242.
48. ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 115, л. 197—198.
49. Там же, ф. Р-151, оп. 1, д. 2, л. 91.
50. Правда. — 1922. — 18 февраля.
51. ГААРК, ф. Р-1188, оп. 1, д. 19, л. 224-225.
52. ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 194, л. 20; ф. Р-652, оп. 1, д. 59, л. 320.
53. Там же, ф. Р-151, оп. 1, д. 77, л. 139.
54. Там же, ф. Р-663, оп. 1, д. 1А, л. 56 об.
55. Там же, д. 45, л. 23.
56. Там же, ф. Р-652, оп. 1, д. 59, л. 188 об.
57. Там же, л. 306.
58. Там же, д. 212, л. 228 об.
59. Там же, ф. Р-663, оп. 1, д. 302, л. 4 об.
60. Там же, ф. Р-652, оп. 1, д. 59, л. 126.
61. Там же, ф. Р-151, оп. 1, д. 1, л. 159.

62. Там же, ф. Р-652, оп.1, д. 52, л. 216, 322 об; д. 212, л. 20.
63. Там же, ф. Р-151, оп. 1, д. 2, л. 139; ф. Р-652, оп. 1, д. 212, л. 78.
64. Там же, ф. Р-151, оп. 1, д. 77, л. 313.
65. Архив ГУСБУ в Крыму, арх. д. 010084, л.100; *Qırımli H. Hasan Sabri Ayvazov'nın — Türkiye'deki elcilikleri (1918 ve 1922) // Репрессированное поколение крымскотатарских общественно-политических деятелей, подвижников науки и культуры: Материалы межд. научной конференции. — Симферополь, 2001. — С. 122—130.*
66. *Айрчинская Р.* Благодарственное досье // *Голос Крыма*. — 2002. — 14 июня. О деятельности крымской делегации в Турции и о помощи голодающему населению Крыма и Поволжья рассказано в содержательной статье известного турецкого историка Х. Кырымлы. См.: *Kirimli H. The Famine of 1921—22 in the Crimea and the Volga Basin and the Relief from Turkey // Middle Eastern Studies*. — 2003. — Vol. 39, № 1. — Р. 37—88.
67. РГАСПИ, ф. 17, оп.21, д. 2459, л.16; ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 102, л. 37.
68. Красный Крым. — 1925. — 4 февраля.
69. ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 63, л. 326.
70. Там же, ф. П-1, оп. 1, д. 382, л. 34—35.
71. Там же, д. 69, л. 75 об.
72. Там же, д. 99, л. 22—100.
73. Там же, д. 69, л. 21—87; д. 70, л. 70.
74. Там же, д. 115, л. 93.
75. Там же, ф. Р-1188, оп. 3, д. 20, л. 120.
76. Там же, ф. П-1, оп. 1, д. 69, л. 49, 87.
77. ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 287, л. 5—7. В результате выборов руководство татбюро обкома партии перешло в руки левых: секретарем вместо Дерен-Айерлы стал Осман Зеки Бекиров, членами — Недим, юный Якуб Мусаниф, Мухитдинов. Из прежних в бюро остался только Вели Ибраимов.
78. РГАСПИ, ф. 17, оп. 113, д. 664, л. 20, 35.
79. Там же, л. 36. Бочагов еще в 1930 году писал, что «всякое отождествление правых (национал-коммунистов) с миллифирковцами неверно и недопустимо» (*Бочагов А.К.* Милли-Фирка. Национальная контрреволюция в Крыму. — Симферополь, 1930. — С.76).
80. Архив ГУ СБУ в Крыму, арх. д. 09576, л. 9. Протокол допроса занимает 45 с. машинописного текста, а это верный признак того, что он составлен заблаговременно и обвиняемому оставалось лишь его подписать.
81. Архив ГУ СБУ в Крыму, арх. д. 010032, л. 10—11, 19—20.

82. Там же, арх. д. 09042, л. 104.
83. О происхождении и развитии национально-освободительного движения в Крыму // Москва—Крым. — 2002. — № 4. — С. 158.
84. РГАСПИ, ф. 17, оп. 21, д. 2462, л. 1—4. Исмаил Леманов имел все основания сказать, что крымские татары никогда не были контрреволюционерами. «За 5 лет существования Советской власти в Крыму ГПУ несколько раз открывало тайные общества, контрреволюционные гнезда и прочие тайные учреждения, но разве ГПУ нашло среди них хоть одного татарина контрреволюционера?» (ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 380, л. 5).
85. ГААРК, ф. Р-663, оп. 1, д. 1095, л. 7—22.
86. Там же, ф. Р-652, оп. 1, д. 208, л. 408.
87. Там же, ф. П-1, оп. 1, д. 353, л. 10, 21.
88. Там же, ф. Р-1188, оп. 3, д. 41, л. 239—240.
89. Красный Крым. — 1922. — 9, 11, 26 июля. На III Всекрымском съезде Советов членами ЦИК избраны Чобан-заде, Меинов, Чапчакчи, Балич, Мухитдинов, Идрисов, Ногаев, Кубаев, Памукчи, Челебиев, Полях, кандидатами в члены ЦИК — Акчокраклы, Мухетдинова, Тархан (Красный Крым. — 1923. — 16 декабря).
90. Бекиров О.З. Некоторые итоги татаризации в Крыму // Красный Крым. — 1924. — 7 мая.
91. ГААРК, ф. Р-151, оп. 1, д. 1, л. 24.
92. Там же, ф. Р-1677, оп. 1, д. 1, л. 3—78.
93. Там же, ф. П-1, оп. 1, д. 287, л. 4; ф. Р-652, оп. 1, д. 609, л. 67.
94. Там же, ф. П-1, оп. 1, д. 115, л. 123.
95. Там же, ф. П-147, оп. 1, д. 18, л. 8; д. 26, л. 29; д. 43, л. 16.
96. Там же, ф. П-1, оп. 1, д. 382, л. 51.

ЧАСТЬ II. ГОДЫ ВОЗМУЖАНИЯ: КРЫМ

Глава 2. С неисчерпаемой энергией на ниве просвещения

1. Ревкомы Крыма: Сб документов и материалов. — Симферополь, 1968. — С. 29.
2. ГААРК, ф. Р-1188, оп. 1, д. 4, л. 60.
3. Там же, ф. П-1, оп. 1, д. 24, л. 18.
4. В данном случае речь идет о Карасубазарском районе, где райком партии в 1925 году принял решение «выяснить основательно» причины существования подпольных религиозных школ, «особенно в татарских деревнях», и «принять меры к их ликвидации» (там же, ф. П-135, оп. 1, д. 14, л. 7).

5. Там же, ф. Р-1188, оп. 3, д. 20, л. 60.
6. Там же, д. 165, л. 10.
7. Красный Крым. — 1923. — 20 февраля.
8. Грачев С.В. Образование нерусских народов Российской империи в геополитическом контексте // Педагогика. — 2002. — № 7. — С. 74.
9. ГААРК, ф. Р-1188, оп. 3, д. 164, л. 221.
10. Там же, д. 41, л. 112—113.
11. Там же, ф. Р-652, оп. 1, д. 208, л. 16—21. Б. Чобан-заде резко критикует бездеятельность Крымского политпросвета (заведующий В.Г. Киров, затем П.П. Шнейдер), отмечая, что в татарских деревнях нет ни клубов, ни библиотек, ни изб-читален.
12. ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 43, л. 6.
13. Там же, ф. Р-1188, оп. 1, д. 4, л. 65.
14. Там же, ф. П-1, оп. 1, д. 34, л. 30—35.
15. Там же, д. 102, л. 23.
16. Там же, ф. Р-1188, оп. 3, д. 165, л. 64.
17. Там же, оп. 1, д. 19, л. 113.
18. Там же, ф. Р-652, оп. 1, д. 47, л. 9.
19. Красный Крым. — 1921. — 25 декабря. Этот клуб стал центром создания Союза татарской молодежи, работавшего под эгидой Народной партии и объединившего до 300 учащихся Симферополя, в том числе студентов университета и слушателей политкурсов. Союз вызвал большую тревогу у руководителей крымского комсомола, старавшихся утвердить свою монополию в молодежном движении. После долгих усилий им удалось поставить эту организацию под свой контроль и затем ее ликвидировать (ГААРК, ф. П-147, оп. 1, д. 18, л. 8; д. 26, л. 29, 50; д. 43, л. 16).
20. Красный Крым. — 1923. — 5 января.
21. ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 102, л. 39.
22. ГАРФ, ф. 1565, оп. 3, д. 192, л. 18; ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 194, л. 35.
23. Там же, д. 53, л. 19. Вот краткие анкетные данные К. Хамзина: возраст — 33 года, образование — домашнее, партийный стаж — с 1918 года, весной 1921 года заведовал Феодосийским ОНО, затем секретарь татбюро областкома партии, член ревкома (там же, д. 95, л. 118; д. 55, л. 8; д. 104, л. 146 об.).
24. Хамзин скончался в Казани в феврале 1924 года, как раз во время работы I Всекрымского съезда учителей, в президиуме которого рядом с Фирдевсом, Гарютиным, Мухитдиновым сидел Чобан-заде. Присутствующие почтили вставанием память покойного наркома (Красный Крым. — 1924. —

17 февраля). Михаил Иванович Гарютин был народным комиссаром просвещения Крымской АССР с 14 декабря 1922 года по 1 ноября 1923 года (ГААРК, ф. Р-652, оп. 1, д. 208, л. 41).

25. Там же, ф. П-1, оп. 1, д. 57, л. 3. Кроме Чобан-заде, в состав малой коллегии входили сам заведующий У. Балич, его заместитель Л.Л. Паперный — главный разрушитель Таврического университета и гонитель профессуры, И.С. Фридман, не отличавшийся доброжелательностью к крымским татарам. Именно по доносу последнего 7 декабря 1923 года был снят с работы директор Тотайкойского педтехникума Амет Озенбашлы (там же, ф. Р-20, оп. 3, д. 10, л. 63).

26. Там же, ф. Р-663, оп. 1, д. 1 «А», л. 4.

27. ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 102, л. 57; д. 194, л. 2.

28. Там же, д. 187, л. 26. Мустафа Бекиров впоследствии станет ректором Крымского педагогического института (1934—1937 годы).

29. См. подробнее: *Урсу Д.П.* Культурное возрождение крымских татар в 1920-е годы // Амет Озенбашлы — видный общественно-политический деятель Крыма, писатель, публицист: Материалы международной конференции. — Симферополь, 1999. — С. 36.

30. ГААРК, ф. Р-20, оп. 3, д. 47, л. 30, 126; ф. П-1, оп. 1, д. 102, л. 46. См. также: *Кондратюк Г.Н.* Финансирование школ Крымской АССР в 1920-х годах // Культура народов Причерноморья. — 2001. — № 21. — С. 96—98.

31. Красный Крым. — 1923. — 21 февраля. «Шкраб» — принятое тогда сокращение, означающее «школьный работник».

32. ГААРК, ф. Р-1188, оп. 1, д. 6, л. 95.

33. Там же, ф. Р-151, оп. 1, д. 1, л. 104.

34. Там же, ф. Р-1188, оп. 3, д. 41, л. 118.

35. Там же, ф. Р-652, оп. 1, д. 10, л. 26.

36. Там же, д. 208, л. 31—34. «Более 3 тыс. учителей и других школьных работников брошены на произвол, так как они лишены пайков, им грозит голодная смерть», — жаловался Хамзин в Совнарком весной 1922 года (там же, д. 47, л. 278—279).

37. Там же, л. 9.

38. Красный Крым. — 1923. — 10 июля.

39. ГААРК, ф. Р-52, оп. 1, д. 47, л. 264—265.

40. Там же, ф. Р-663, оп. 1, д. 368, л. 8—12. В Москву обращались и раньше за финансовой помощью, необходимой для выпуска учебной литературы и на строительство школьных зданий. Издание учебников, говорилось в одном письме в НКП РСФСР, есть «вопрос жизни и смерти Крымнаркомпроса»

(там же, ф. 652, оп. 1, д. 208, л. 349).

41. Красный Крым. — 1923. — 21 июня.

42. ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 102, л. 48—48 об.

43. Там же, д. 287, л. 27, 29.

44. Там же, д. 358, л. 7, 42 об.

45. Жизнь национальностей. — 1922. — № 1. — С. 13. О преследовании арабистов см.: Огонек. — 1989. — № 24. — С. 3.

46. ГААРК, ф. Р-20, оп. 3, д. 73, л. 42; д. 43, л. 29.

47. РГАСПИ, ф. 17, оп. 113, д. 644, л. 49. В Татарстане против латинизации выступил Галимзян Ибрагимов, поддержанный частью интеллигенции и национал-коммунистами в руководстве республики. См.: *Тагиров И.Р.* История национальной государственности татарского народа и Татарстана. — Казань, 2000. — С. 222.

48. *Muhammedi R.* Sirat köprüsü Sultan Galiyev. — İstanbul, 1993. — S. 391—403. Обратный перевод с турецкого может отличаться от оригинального текста.

49. Ногаев Решид Абиевич, 1896 года рождения, образование среднее, член партии с 1918 года. В декабре 1926 года снят с поста наркома юстиции, а вскоре исключен из партии. В 1928 году приговорен к расстрелу по делу Милли Фирка (РГАСПИ, ф. 17, оп. 21, д. 2458, л. 10; д. 2459, л. 15; ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 618, л. 582).

50. РГАСПИ, ф. 17, оп. 21, д. 2444, л. 222.

51. ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 358, л. 7.

52. Архив Военной коллегии Верховного Суда, оп. 64, д. 10880, л. 2; Архив ГУ СБУ в Крыму, арх. д. 09714, л. 21 об.

53. Красный Крым. — 1923. — 26 октября.

54. ГААРК, ф. Р-652, оп. 1, д. 602, л. 109.

55. Там же, ф. П-150, оп. 1, д. 167, л. 7; ф. Р-652, оп. 1, д. 601, л. 182.

ЧАСТЬ II. ГОДЫ ВОЗМУЖАНИЯ: КРЫМ

Глава 3. Профессор Крымского университета

1. ГАРФ, ф. 1565, оп. 3, д. 50, л. 23—24. В 1918—1920 годах в Крыму нашли пристанище многие известные ученые, бежавшие от революции и гражданской войны. «Этот прилив умственных сил в Крым, в том числе многих замечательных русских ученых, создал для Крыма в эти годы благоприятные условия для научного творчества и исследования», — писал В.И. Вернадский, бывший ректором Таврического университета в конце 1920—начале 1921 года. Он

отмечал разрушительные последствия двух «коренных преобразований» университета, проведенных с установлением Советской власти: уничтожение юридического и несколько позже — закрытие историко-филологического факультетов. Одновременно был «... уничтожен начавший было создаваться центр изучения местной татарской истории, языка и т. д.». То, что Вернадский дважды употребляет слово «уничтожен», конечно, не случайно: почтенный академик безусловно осуждал проводимые большевиками ретроградные реформы высшей школы (*Вернадский В.И.* О научной работе в Крыму в 1917—1921 годах // Наука и ее работники. — 1921. — № 4. — С. 5).

2. Архив КРКМ, КП-24584, л. 52.

3. ГАРФ, ф. 2306, оп. 18, д. 595, л. 13—13 об.; ф. 1565, оп. 3, д. 303, л. 72.

4. ГААРК, ф. 538, оп. 1, д. 33, л. 2.

5. См. подробнее: *Урсу Д.П.* Ученый-востоковед профессор В.И. Филоненко: жизнь и труды // Востоковед. сб., вып. 5. — Симферополь, 2002. — С. 3—27.

6. *Долнина А.А.* Невольник долга. — СПб, 1997.

7. ПФА РАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 45—47.

8. См. подробнее: *Урсу Д.П.* Из истории востоковедения в Крыму // Востоковед. сб., вып. 1. — Симферополь, 1998. — С. 3—21.

9. Красный Крым. — 1921. — 16 августа.

10. ГААРК, ф. Р-652, оп. 1, д. 189, л. 506—514; ГАРФ, ф. 1565, оп. 3, д. 192, л. 41.

11. Там же, ф. 298, оп. 1, д. 21, л. 31.

12. Там же, ф. 1565, оп. 3, д. 50, л. 9—15. Гредингер в 1919—1920 годах был доцентом юридического факультета, в 1921—1923 годах — деканом восточного факультета. По совместительству работает в архиве сначала делопроизводителем (с ноября 1920 года), затем заместителем и, наконец, заведующим (ГААРК, ф. Р-415, оп. 1, д. 4, л. 8—11; Р-652, оп. 1, д. 116, л. 1; Р-1188, оп. 3, д. 20, л. 227 об). Следы Гредингера теряются летом 1923 года, когда восточный факультет был преобразован в отделение педагогического факультета. Филоненко писал Крачковскому: «Декан и присные его разбежались» (ПФА РАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 69).

13. Там же, ф. 298, оп. 1, д. 2, л. 37.

14. Там же, ф. 1565, оп. 3, д. 192, л. 15.

15. Крымский архив. — 2000. — № 6. — С. 100—103; *Урсу Д.П.* Перший декан // Кримська світлиця. — 1999. — 24 вересня.

16. ГАРФ, ф. 1565, оп. 3, д. 192, л. 24—24 об.

17. Там же, л. 22.

18. Там же, ф. 298, оп. 1, д. 21, л. 72 об.

19. Там же, ф. 1565, оп. 3, д. 50, л. 15.

20. Там же, ф. 298, оп. 1, д. 21, л. 97.

21. ГААРК, ф. Р-663, оп. 1, д. 114, л. 1.

22. *Крачковский И.Ю.* Отчет о командировке в Крым летом 1924 года // Известия Академии наук СССР. Серия 6. — Т. 18. — Ч. 2. — Л., 1924. — С. 53—55.

23. РГАСПИ, ф. 17, оп. 60, д. 334, л. 18.

24. Красный Крым. — 1924. — 27 марта; 17 мая.

25. Красный Крым. — 1925. — 12 мая; 15 мая.

26. ПФА РАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 106—109.

27. Красный Крым. — 1925. — 5 декабря.

28. ПФА РАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 111—115.

29. См.: *Урсу Д.П.* Студенческие годы Бекира Чобан-заде // Библиотечное дело и краеведение: Сб. научных работ. — Вып. 3. — Симферополь, 2002. — С. 256.

30. *Юдакин А.* Указ. соч. — С. 548.

31. ПФА РАН, ф. 155, оп. 2, д. 755, л. 95.

32. После провала на выборах ректора Фридман стал руководителем местного филиала ОЗЕТ (Общества по земельному устройству трудящихся евреев), проводил антинациональную линию идеолога этой кампании Ю. Ларина и был наказан Крымским обкомом партии за доноительство (ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 616, л. 65).

33. ПФА РАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 117—118.

34. Красный Крым. — 1925. — 7 января.

35. ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 378, л. 17.

36. РГАСПИ, ф. 17, оп. 60, д. 607, л. 8; ГААРК ф. Р-20, оп. 3, д. 28, л. 12, 35; ф. П-1, оп. 1, д. 287, л. 20; Научные работники Крыма: Справочник. — Симферополь, 1927. — С. 5.

37. ПФА РАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 120—121.

38. Красный Крым. — 1925. — 25 февраля.

ЧАСТЬ II. ГОДЫ ВОЗМУЖАНИЯ: КРЫМ

Глава 4. Со словарем и лирою в руках

1. *Noyan I.* Kırımlı filolog ve şair Bekir Çobanzade: Hayatı ve eserleri. — İstanbul, 1967. Два года спустя была защищена в Баку кандидатская диссертация А. Бабаева.

2. Меметов А.М. Б. Чобан-заде ве кырымтатар тильшынаслыгы // Йылдыз. — 1993. — № 5—6. — С. 262—268; Эмирова А. Лингвистическая концепция Бекира Чобан-заде // Б. Чобан-заде. Кырымтатар ильмий сарфы. — Симферополь, 2003. — С. 18—29.

3. Шемми-заде Э. Бекир Чобан-заде // Чобан-заде Б., Лятиф-заде А. Шиирлер. — Ташкент, 1971. — С. 7—14; Şakir S. Kışkene tavlardan vulkanar çıqtı / Çoban-zade B. Bir saray quracaqman! Şiirler. — Simferopol, 2001. — S. 5—9.

4. Юнусов Ш.Э. Крымскотатарская поэзия 1920-х годов: Дис. ... канд. филолог. наук. — Симферополь, 1998.

5. Сейтягьяев Н. Б. Чобан-задеинь «Нурай» повести // Йылдыз. — 2003. — № 2. — С. 25—35.

6. Чобан-заде Б. Кырымтатар ильмий сарфы. — Симферополь, 2003; его же: Крымскотатарская литература новейшего периода. — Симферополь, 2003.

7. Эти публикации обнаружил С. Нагаев и поместил в библиографию к своему очерку. Однако он ошибся, когда указал Баку как место выхода «Янъы Чолпан». Также неверно назван Будапешт, где будто бы издается журнал «Der Islam». В библиографии к статье Ф.Д. Ашнина при названии этого журнала указан том (сокращенно Bd., то есть Band), который Нагаев расшифровал как Будапешт (Нагаев С. Указ. соч. — С. 200, 204. — Позиции 18, 53, 54). Затем эту ошибку повторил И. Отар.

8. Бабаев А. Указ. соч. — С. 123-133; Acar K. Kırmılı dilci Bekir Sıtkı Çoban-zade: Doktora tezi. — Ankara, 1996. — S. 535—568.

9. Меметов А.М. История изучения крымскотатарского языка // Востоковед. сб., вып. 4. — Симферополь, 2000. — С. 130—148. К статье дана исчерпывающая библиография по проблеме.

10. Къавал сеслери // Библиотека Исмаила Отара, Стамбул.

11. Юнусова Л.С. Крымскотатарская литература: Сб. произведений фольклора и литературы. — Симферополь, 2002. — С. 199.

12. Чобан-заде Б., Лятиф-заде А. Указ. соч. — С. 39; Otar I. Op. cit. — S. 94—95.

13. Seydamet D. Op. cit. — P. 64—65.

14. Kırım mecmuası. — 1998. — № 24. — S. 16—17.

15. Czobanzade B. Wiersze // Rocznik tatarów polskiech. — 1994. — T. 2. — S. 172—205.

16. Окрушина сонця. Антологія кримськотатарської поезії / Укладач Ю. Кандим. — К., 2003.

ЧАСТЬ III. ГОДЫ ИСПЫТАНИЙ: БАКУ

Глава 1. В борьбе за новый тюркский алфавит

1. Бабаев А. Бэкир Чобанзаде. — С. 19. Кроме А. Бабаева, в Баку о Чобан-заде писали В. Асланов, А. Алекперов, Р. Тагиев, А. Тагирзаде, А. Гулиев, Н. Гахраманлы. Однако с архивными материалами ни один из них не работал. Только в статье В. Асланова упоминаются два документа из архива Института языка и литературы Азербайджанской Академии наук, однако без надлежащих реквизитов (Aslanov V. Bekir Cobanzade // Emel. — 1993. — № 196. — S. 20). Мало достоверного материала о бакинском периоде жизни дает С. Нагаев.

2. ПФА РАН, ф. 155, оп. 2, д. 755, л. 95.

3. Востоковедение в Советском Азербайджане. — Баку, 1964. — С. 17. Перед сдачей настоящей книги в печать Республиканская крымскотатарская библиотека им. И. Гаспринского получила из Баку монографию А. Бабаева, в которой имеются новые, основанные на архивных документах сведения по истории высшего филологического образования в Азербайджане. Однако биографический очерк о Чобан-заде полностью повторяет текст предыдущей книги того же автора (Babayev A. Dilliliyimizin miridi. — Bakı, 2002. — S. 85—112).

4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 682.

5. Культура и письменность Востока. — 1928. — № 1. — С. 33.

6. ГААРК, ф. Р-663, оп. 1, д. 1 «А», л. 25.

7. РГАСПИ, ф. 17, оп. 21, д. 2442, л. 242.

8. Лозунг «татаризации татар» остается актуальным и по сегодняшний день. Он созвучен другим подобным требованиям: «арабизировать арабов» в странах Магриба после продолжительного колониального господства Франции или «украинизировать украинцев», подвергшихся языковой и культурной ассимиляции.

9. ГААРК, ф. Р-20, оп. 3, д. 25, л. 48.

10. Там же, ф. П-1, оп. 1, д. 358, л. 42 об.

11. Красный Крым. — 1926. — 7 января.

12. ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 382, л. 99. Нарком просвещения У. Балич выдал удостоверение в том, что заместитель заведующего Крымсоцвосом тов. А. Одабаш и сотрудник КрымЦИК тов. Айвазов получили персональные приглашения на созываемый в конце февраля с. г. (1926. — Д.У.) в г. Баку тюркологический съезд (ГААРК, ф. Р-663, оп. 1, д. 302, л. 29).

13. Красный Крым. — 1926. — 9 марта.

14. Красный Крым. — 1926. — 26 марта. Имеются основания предполагать, что им был А. Одабаш.

15. ГААРК, ф. П-150, оп. 1, д. 167, л. 11—13.
16. Красный Крым. — 1926. — 14 июля.
17. ГААРК, ф. Р-20, оп. 3, д. 92, л. 88.
18. Красный Крым. — 1926. — 20 ноября. В Крыму перед этим побывали И. Фирдевс и Султан-Галиев, которые агитировали против латинизации алфавита (РГАСПИ, ф. 17, оп. 21, д. 2444, л. 220—222). О позиции Султан-Галиева по данному вопросу см. подробнее: *Султан-Галиев М.* Избранные труды. — Казань, 1998. — С. 554, 557, 591—592.
19. Красный Крым. — 1926. — 20 ноября. Азербайджанский ЦИК принял декрет о введении нового латинизированного алфавита во всех школах с начала 1927—1928 учебного года. На нем также должна оформляться вся официальная переписка государственных учреждений, печататься газеты и журналы (*Promethée*. — 1927. — № 9. — Р. 21).
20. Красный Крым. — 1926. — 10 марта.
21. ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 590, л. 8. Позже высшее руководство предложило сменить местонахождение ВЦК НТА, и он был переведен в Москву (РГАСПИ, ф. 17, оп. 113, д. 606, л. 11).
22. Культура и письменность Востока. — 1928. — № 1. — С. 129—139.
23. Новый Восток. — 1928. — № 20—21. — С. 490—491.
24. *Поливанов Е.Д.* Труды по восточному и общему языкознанию. — М., 1991. — С. 616. Никаких объяснений этому факту не давалось, однако рядом с сообщением об изменении состава Научного совета ЦК НТА была помещена краткая заметка под грозным заглавием «Усилить борьбу на идеологическом фронте». В ней говорилось, что 12 августа 1930 года президиум ВЦК принял постановление «в связи с попыткой издания на одном из тюрко-татарских языков книги, идеологически совершенно невыдержанной». Эта «невыдержанность», по мнению авторов документа, проявилась в том, что неназванный автор «... проводит определенную национал-шовинистическую тенденцию — пантюркизм и выдвигает ряд неверных положений, извращая действительную историю возникновения и развития идеи латинизации в Крыму и Азербайджане» (Культура и письменность Востока. — 1931. — № 7—8. — С. 219). Все мало-мальски знавшие проблемы перевода тюркских языков на новый алфавит сразу догадались, что анонимный автор злойственной книги есть не кто иной, как профессор Б. Чобан-заде.
25. ГААРК, ф. Р-663, оп. 1, д. 820, л. 216—218.
26. ГААРК, ф. Р-20, оп. 3, д. 47, л. 64—70.
27. Культура и письменность Востока. — 1928. — № 3. — С. 71—72.

28. ГААРК, ф. Р-20, оп. 3, д. 73, л. 42.
29. ГААРК, ф. П-47, оп. 1, д. 200, л. 3.
30. ГААРК, ф. Р-21, оп. 2, д. 10, л. 8.
31. Там же, л. 9.
32. ГААРК, ф. Р-663, оп. 1, д. 1863, л. 1-30; д. 1666, л. 24.
33. ГААРК, ф. Р-663, оп. 1, д. 820, л. 83 об. — 84, 91; д. 1435, оп. л. 24 об. Названная в документе грамматика крымскотатарского языка Чобан-заде, однако, так и не была напечатана. Осталась ли она в рукописи, позже утерянной, или вообще не была закончена автором, трудно сказать. См. по этому вопросу: *Jankowski H.* Gramatyka języka krymskotatarskiego. — Poznań, 1992. — S. XVI.
34. См. подробнее: *Меметов А.М.* Лексикология крымскотатарского языка. — Симферополь, 2000. — С. 11—13.
35. Материалы конференции были опубликованы в следующем году, что вводит в заблуждение некоторых исследователей, утверждающих, что она состоялась в 1928 году. См.: Бутюн Кърым енъи элифбе имля конференциясы хисабы. — Акъмесджит, 1928.
36. ГААРК, ф. Р-663, оп. 1, д. 820, л. 22—25. Гонорары за подготовленные доклады отражают своеобразную иерархию в денежном выражении. Чобан-заде получил 40 руб., Недим — 25 руб., Айвазов и Ипчи — по 15 руб. каждый, Джемалединов — 10 руб., Байбуртлы — только 8 руб.
37. ГААРК, ф. Р-663, оп. 8, д. 513, л. 5.
38. ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 1303, л. 197—197 об. Подробнее о войне на «языковом фронте» см.: *Урсу Д.П.* Великий террор в Крыму: трагедия народа, трагедия культуры // Репрессированное поколение крымскотатарских общественно-политических деятелей, подвижников науки и культуры. — Симферополь, 2001. — С. 12—14.
39. ГАРК, ф. Р-652, оп. 8, д. 96, л. 5—6.
40. Культура и письменность Востока. — 1929. — № 5. — С. 3.
41. Культура и письменность Востока. — 1928. — № 3. — С. 59.
42. ГААРК, ф. Р-20, оп. 3, д. 93, л. 29.
43. Культура и письменность Востока. — 1931. — № 10. — С. 132.
44. ГААРК, ф. Р-663, оп. 2, д. 160, л. 1—5.
45. Вопросы филологии. — 2002. — № 1(10). — С. 107.
46. ГААРК, ф. Р-663, оп. 9, д. 25, л. 4, 20, 22.
47. *Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М.* Жизнь и труды Н.Ф. Яковлева // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 1994. — № 4. — С. 79.
48. ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 855, л. 100.

ЧАСТЬ III. ГОДЫ ИСПЫТАНИЙ: БАКУ

Глава 2. Педагогическая и научная деятельность

1. Ашнин Ф.Д. Бекир Вагапович Чобан-заде // Народы Азии и Африки. — 1967. — № 1. — С. 209.
2. ПФА РАН, ф. 155, оп. 2, д. 755, л. 98.
3. Юдакин А.П. Урал-алтайское (тюрко-монгольское) языкознание. Энциклопедия. — М., 2001. — С. 566.
4. ГАРФ, ф. 298, оп. 1, д. 22, л. 18 об.
5. О пребывании Чобан-заде в Средней Азии см. обстоятельный рассказ в книге С. Нагаева. Указ. соч. — С. 157—169.
6. ГААРК, ф. П-100, оп. 1, д. 31, л. 100; ф. П-1, оп. 1, д. 346, л. 107.
7. Архив ГУ СБУ в АРК, арх. д. 09714, л. 13—14, 21 об.
8. Тарвердова К. Ликсак зовг вэ тэфэккур сахиби // Эдэвиyyat razeti. — 2001. — 13 iyul.
9. ГААРК, ф. Р-20, оп. 3, д. 23, л. 45.
10. Чалбаш Э.Т. Жизнь и творчество композитора Асана Рефатова (рукопись).
11. Архив ГУ СБУ в АРК, арх. д. 09042, л. 12—14 об.; 15—18.
12. См. трогательные воспоминания Ризы Асанова «Они несли просвещение народам» // Голос Крыма. — 2000. — 11 августа.
13. Çoban-zade B. Bir saray quracaqman! // Şiirler. — Simferopol, 2001. — S. 148.
14. Меметов А.М. Указ. соч. — С. 11.
15. Аджиев А.М., Кадыраджиев К.С. Состояние и перспективы кумыкской филологии // Совет. тюркология. — 1986. — № 3. — С. 69.
16. Короглы Х. Огузский героический эпос. — М., 1976. — С. 37—38.
17. Подробный анализ этих трудов дан в монографиях А. Бабаева и К. Аджара, что освобождает от необходимости еще раз останавливаться на их подробном разборе.
18. Aslanov V. Op. cit. — S. 20.
19. Ашнин Ф.Д. Указ. соч. — С. 212—216; Нагаев С. Указ. соч. — С. 203—211.
20. Радлов В.В. (1837—1918) — выдающийся русский тюрколог немецкого происхождения. Закончил философский факультет Берлинского университета. Академик Петербургской академии наук с 1884 года. Автор более 200 научных работ, в том числе 4-томного словаря тюркских наречий. Один из зачинателей изучения орхонских надписей. Издал перевод памятника в честь Кюль-тегина, затем три выпуска «Древнетюркских надписей

Монголии». Отстаивал теорию общности происхождения тюркских языков. Ушаков Д.Н. (1873—1942) — филолог-русист, в конце 1920-х годов директор Института языков и письменности народов СССР, возглавлял Орфографическую комиссию Наркомпроса РСФСР. Автор 4-томного «Толкового словаря русского языка», получившего впоследствии большое распространение. Подвергался нападкам со стороны марристов.

21. Юнусов Ш.Э. Крымскотатарская поэзия 1920-х годов: Дис. ... канд. филолог. наук. — Симферополь, 1998. — С. 113.

22. РГАЛИ, ф. 631, оп. 6, д. 3, л. 22.

23. Бабаев А. Указ. соч. — С. 19.

24. Подробнее об общественной деятельности Диляры Булгаковой см.: Къандым Ю. Куреш мейданыны от басмаз. — Симферополь, 2002. — С. 138, 140. Hablemitoglu S., Hablemitoglu N.H. Şefika Gaspralı ve Rusya'de türk kadın hareketi. — Ankara, 1998. — S. 153, 162—163, 228, 589. О знакомстве Чобан-заде с Диларой рассказывает Г. Янковский. См.: Rocznik tatarow polskich. — 1994. — Т. 2. — S. 193—194. Только он ошибается, когда утверждает, что ее первым мужем был Ильяс Кипчакский. На самом деле мужем Диляры и отцом Мустика был его брат Исмаил.

25. ОР РКБ, ф. 1, оп. 1, д. 125, л. 4 об. (Письмо З.В. Халиловой Басыру Гафарову из Андижана, 18.08.1957 год). С Р.Г. Абдулиной встречался и беседовал Ф.Д. Ашнин, когда готовил свою статью о Чобан-заде. Она вернулась из лагерей и преподавала в музыкальной школе в г. Хачмас Азербайджанской ССР. Именно этот город указан как место смерти Б. Чобан-заде 12 июля 1939 года в сфальсифицированном свидетельстве, выданном Военной коллегией Верховного Суда СССР много лет спустя.

ЧАСТЬ III. ГОДЫ ИСПЫТАНИЙ: БАКУ

Глава 3. Международное признание

1. См. новейшее исследование: Kara H. Reclaiming National Literary Heritage // Europe-Asia Studies. — 2002. — Vol. 54. — № 1. — P. 123—142.

2. Желтяков А.Д. Газета «Стамбульские новости» о политике младотурок в 1909—1910 годах // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. — Л., 1980. — Вып. 5. — С. 41—54.

3. После смерти В. Томсена Чобан-заде посвятил ему некролог в бакинском журнале «Маариф ве медениет» (1927. — № 6. — С. 36—37).

4. Kurscher Deutscher Gellehrten-Kalendar. — Berlin, 1926. — S. 1255. В

новейшем библиографическом указателе немецких биографических справочников как источник сведений о Менцеле указан только названный выше том за 1926 год. См.: *Deutscher Biographischer Index*. — München, 1998. — S. 2305. См. также: *Зленко Г.* Кто вы, доктор Менцель? // *Вечерняя Одесса*. — 1990. — 25 августа. Биография Менцеля до сих пор мало изучена, о чем свидетельствует недавнее письмо, полученное автором из Кильского университета.

5. ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 6, д. 6225, л. 73.

6. *Menzel T.* Der 1 Turkologische Kongress in Baku // *Der Islam*. — 1927. — Bd. 16, H. 1. — S. 1—76; H. 2. — S. 169—228.

7. ГАРФ, ф. 296, оп. 1, д. 164; Первый Всесоюзный тюркологический съезд: 26 февраля — 5 марта 1926. — Баку, 1926. — 427 с.

8. *Menzel T.* Das heutige Russland und die Orientalistik // *Der Islam*. — 1928. — Bd. 17, H. 1. — S. 59—96.

9. *Barthold W.* Der heutige Stand und die nächsten Aufgaben der geschichtlichen Erforschung der turk-völker // *Zeitschrift des Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. — 1929. — Bd. 8. — S. 121—142.

10. *Ebermann W.* Bericht über die arabischen Studien in Russland // *Islamica*. — 1926. — № 2. — S. 229—269.

11. *Castagné J.* Le Congrès de turkologie de Bakou en mars 1926 // *Revue du Monde Musulman*. — 1926. — Vol. 63, № 1. — P. 15—90. К статье даны приложения — перевод на французский язык статей из бакинских газет о культурном развитии Азербайджана. О жизни и деятельности Кастанье см.: *Восток*. — 1999. — № 1. — С. 147—155.

12. Однако такой съезд не созывался. Мало кому известно, что в 1929 году намечалось собрать Всесоюзный съезд востоковедов. На сей счет были приняты решения секретариата и оргбюро ЦК партии. Он должен был состояться в Москве 20 ноября 1929 года с весьма насыщенной повесткой дня. Была создана оргкомиссия во главе с секретарем ЦИК А.С. Енукидзе. Вступление страны во «вторую революцию» — насильственную коллективизацию, по всей видимости, отвлекло внимание руководства и направило его к другим, более острым проблемам. Съезд так и не был проведен (РГАСПИ, ф. 17, оп. 113, д. 746, л. 3; д. 748, л. 56).

13. *Promethée*. — 1926. — № 2. — P. 30—31.

14. *Dmitriev N.K., Chatskaya O.* Chansons populaires tatars // *Journal Asiatique*. — 1926. — T. 209. — P. 301—369.

15. *Magyar Eletrajzi Lexikon*. — Budapest, 1969. — T. 2. — P. 195.

16. *Eren H.* Yazı reformları karşısında // *Türk Dili*. — 1993. — № 1. — S. 81—92. См также: Реформа алфавита в Турции // *Новый Восток*. — 1929. — № 25. — С. 249—257; *Ларош Е.* К вопросу о латинизации алфавита в Турции // *Культура и письменность Востока*. — 1929. — № 4. — С. 18—48.

17. Красный Крым. — 1926. — 3 мая.

18. *Türkiye dışındaki türk edebiyatları antologisi*. 4. Azerbaycan. — Ankara, 1993. — S. 135—136. По другим данным, Гусейн-заде учился на естественном отделении физико-математического факультета Петербургского университета, где и познакомился с Александром Ульяновым. Закончив его в 1889 году, он выехал в Турцию, где получил профессию военного врача. Много позже увлекся востоковедением и преуспел в нем (*Şimşir S.* Azerbaycanlıların Türkiy'de siyasi ve kültürel faaliyeti. — Ankara, 1999. — S. 164—165).

19. ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 6, д. 6232, л. 27—36, 39—41.

20. Всеукраїнська наукова асоціація сходознавства. Одеська філія. 1926—1930. — Одеса, 1930. — С. 12.

21. *The Encyclopedia of Language and Linguistics*. — Oxford, 1994. — Vol. 5. — P. 2439.

22. *Bergounioux G.* La Société de Linguistique de Paris // *Bulletin de la Société Linguistique de Paris*. — 1997. — T. 92, f. 1. — P. 23. В одной из вышедших на русском языке книг Мейе говорится, что вскоре после смерти была составлена библиография ученого, в которую вошли 540 статей и 24 книги. Немало трудов было посвящено восточному языкознанию, в том числе древнеперсидскому, древнеармянскому, тохарскому и другим языкам (См.: *Мейе А.* Общеславянский язык. — М., 1951. — С. 11).

23. *Колесов В.В.* Л.В. Щерба. — М., 1987. — С. 156—157. Восходящая звезда отечественного языкознания член-корр. АН СССР Щерба сделал доклад о методике преподавания родного языка. Свое выступление он начал неожиданно — с извинений: «Я только что видел книжку профессора Чобан-заде по методике и смущен тем, что не смог с нею познакомиться». Другой свой доклад он закончил тоже оригинально: «Хотя я не тюрколог, но учился турецкому языку и в состоянии написать резюме». После чего он безошибочно и с отличным произношением зачитал выводы к своему докладу (Первый Всесоюзный тюркологический съезд... — С. 157, 503.)

24. *Bulletin de la Société Linguistique de Paris*. — 1979. — T. 74, f. 1. — P. XXXV; 1999. — T. 94, f. 1. — P. 31—66.

25. *Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М.* Жизнь и труды Н.Ф. Яковлева // *Известия АН. Серия литературы и языка*. — 1994. — № 4. — С. 81—86.

26. Bulletin de la Société Linguistique de Paris. — 1935. — Т. 36, f. 2. — Р. XVI, XVIII.

27. Имеются основания утверждать, что в 1936 году Чобан-заде готовился к отъезду во Францию. Хатидже Булгакова вспоминает, что незадолго до ареста он ходил в приподнятом настроении, рассказывая близким о полученном приглашении или даже о визе на поездку в эту страну.

ЧАСТЬ III. ГОДЫ ИСПЫТАНИЙ: БАКУ

Глава 4. Охота на человека

1. Лучшей работой о Вели Ибраимове остается статья покойного профессора П.И. Гарчева, хотя на эту тему в последнее время появились и другие, довольно поверхностные публикации. См.: *Гарчев П.И.* Вели Ибраимов — жертва сталинских репрессий // Репрессированное поколение крымскотатарских общественно-политических деятелей, подвижников науки и культуры. — Симферополь, 2001. — С.131—140.

2. ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д.770, л. 17—18.

3. См. подробнее: *Верм Н.* История Советского государства. 2-е изд. — М., 1998. — С.197—202.

4. РГАСПИ, ф.17, оп. 113, д. 644, л. 77.

5. ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 628, л. 18—19.

6. РГАСПИ, ф. 17, оп. 21, д. 2459, л. 24.

7. ГААРК, ф. П-135, оп. 1, д. 55, л. 54—55.

8. *Promethée*. — 1929. — № 28. — Р. 22—25.

9. ГААРК, ф. Р-20, оп. 3, д. 76, л. 5, 10; ф. Р-21, оп. 2, д. 9, л.51.

10. ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 770, л. 119—130.

11. Имеются основания предполагать, что под псевдонимом Руж (по-французски значит «красный») скрывался высокопоставленный функционер агитпропа И.П. Козлов, ставший вскоре секретарем обкома по идеологии. Он был махровым шовинистом и татарофобом. В 1937 году бюро обкома партии отстранило Козлова от работы «за связь с врагом народа Радеком» (ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 730, л. 249; д. 951, л. 61; РГАСПИ, ф. 17, оп. 21, д. 2489, л. 93). Репрессирован в составе правотроцкистской группы, которую якобы возглавлял первый секретарь Крымского обкома Б.А. Семенов (Архив ГУ СБУ в АРК, арх. д. 010032, л.181).

12. Красный Крым. — 1929. — 27 августа.

13. Бакинский рабочий. — 1929. — 13 сентября.

14. *Шемьи-заде А.* Только искренние поступки дают душе свободу, или Некоторые заметки о жизни поэта в условиях спецпоселения // Репрессированное поколение... — С. 263. К концу жизни Дж. Сейдаметов дослужился в органах до погон полковника, редактируя в империи ГУЛАГа газету «Советская Колыма». Как говорится, успешное завершение карьеры, хотя и на пенсии он пописывал похвальные статьи о тех, с кем вместе травил Чобан-заде и других честных писателей.

15. ГААРФ, ф. Р-20, оп. 3, д. 97, л. 54—58.

16. За свое предательство Дж. Сейдаметов вскоре получил вознаграждение: 3 декабря 1929 года он был утвержден главным редактором газеты «Еньи дунья» и уже с ее страниц продолжал кампанию против Чобан-заде (ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 865 «А», л. 132).

17. В отношении Мамута Недима бюро обкома приняло суровые меры: «Объявить строгий выговор, снять с ответственной работы и послать на работу на производство или в деревню на два года» (РГАСПИ, ф. 17, оп. 21, д. 2472, л. 144).

18. Вейсберг Г.П. утвержден ректором Крымского пединститута 23 апреля 1929 года. Где и чему он учился, чем прежде занимался, неизвестно. Главное, что анкета у него была «чистая» и состоял он членом ВКП(б) с 1919 года (ГААРК, ф. Р-21, оп. 2, д. 9, л. 49; д. 13, л. 2; ГАРФ, ф. 2307, оп. 14, д. 174, л. 29).

19. ГААРК, ф.П-1, оп. 1, д. 854 «А», л. 151—152. Как раз осенью 1929 года Крымский пединститут покинул единственный профессор-тюрколог А.А. Соколов, проработавший в нем всего два года (ГАРФ, ф. 2307, оп. 24, д. 9, л. 120; ф. 298, оп. 1, д. 22, л. 29). Так что здесь должность профессора была вакантная.

20. ГААРК, ф. Р-20, оп. 3, д. 92, л. 81.

21. ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 870, л. 51—130.

22. *Керим И.* Медений эснас. — Симферополь, 1997. — С. 212.

23. В годы революции Керменчикли регулярно печатал патриотические стихи в газете «Миллет».

24. *Керим И.* Указ. соч. — С. 217—219.

25. Там же. — С. 362—366.

26. ГААРК, ф. П-150, оп. 1, д. 112, л. 222—223.

27. Азизов Я.А., согласно автобиографии, с октября 1922 года до июля 1926 года учился в Коммунистическом университете им. т. Сталина (КУВТ), после окончания которого был директором Крымского татарского

педтехникума. Оттуда перешел в Наркомпрос и там работал до февраля 1931 года в качестве ученого секретаря Академического совета, инспектора-методиста. Комсомолец с 1921 года, член партии с 1927 года. С октября 1932 года доцент кафедры диамата педагогического института, затем заведующий кафедрой философии сельскохозяйственного института, а также научный сотрудник Истпарта обкома партии. Себе в заслугу ставит статьи против Чобан-заде в журнале «Илери», опубликованные в 1929 и 1930 годах. В архивном деле имеются рукописи трех статей Азизова, само название которых достаточно говорит о их содержании и научном уровне: «Сущность и исторические корни буржуазного национализма в Крыму», «Велиибраимовщина — рупор буржуазного национализма в Крыму», «Сильный огонь против активизировавшегося местного национализма в Крыму» (ГААРК, ф. П-150, оп. 1, д. 112, л. 174—221, 236—237). С 1934 года Азизов работал в Казани заместителем директора НИИ татарского языка и литературы. В 1937 году этот профессиональный борец с национализмом был арестован по обвинению в том, что «являлся членом контрреволюционной троцкистской группы и... протаскивал в своих трудах контрреволюционную троцкистскую контрабанду и распространял клеветнические измышления на партию и советскую власть» (Архив ГУ СБУ в АРК, арх. д. 010901, л. 1). Расстрелян 17 апреля 1938 года.

28. Бабаев А. Указ. соч. — С. 26.

29. Сектор рукописных и архивных материалов РКБ, ф. 1, оп. 1, д. 125, л. 5.

30. ГААРК, ф. Р-20, оп. 3, д. 112, л. 72.

31. ГААРК, ф. Р-20, оп. 9, д. 616, л. 1—11.

32. Кадыров Халиль Джемиль (писал под псевдонимом Иргат, что означает «батрак»). Из его судебно-следовательского дела в НКВД Крыма явствует, что родился он в 1905 году, член партии с 1928 по 1937 год. Учился на рабфаке, затем в КУТВ, только в 1932 году закончил Крымский пединститут. Был близок к председателю ЦИК И. Тархану, вместе с ним арестован по обвинению в национализме. Судим 28 сентября 1939 года Верховным судом Крымской АССР с участием прокурора и адвоката. Оправдан и освобожден в зале суда. Примечательно, что один из свидетелей защиты сказал о нем как о поэте нелестные слова: «В его произведениях художественная деятельность слаба». Другими словами, националистом он не был, но и настоящим поэтом современники его не признавали (Архив ГУ СБУ в АРК, арх. д. 01886, л. 163—169 об.).

33. В своем раболепии Кадыр доходит до фальсификации истории

крымскотатарского театра. Таковой существовал и до революции, и об этом было тогда хорошо известно из статей Джеяла Меинова и Мамута Недима. Подробнее см. новейшую публикацию: Керимова С. Страницы истории крымскотатарского довоенного театра и драматургии. — Симферополь, 2002.

34. Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934: Стенографический отчет. — М., 1990. — С. 621—622.

35. Расул-заде Мамед Эмин (1884—1955) — выдающийся азербайджанский общественный деятель, основатель партии «Мусават», один из лидеров независимой Азербайджанской республики 1919—1920 годов. С 1922 года в эмиграции. В Париже опубликовал на русском языке книгу «О пантунанизме». Отвечая обвинения в пантюркизме, сделал следующее примечательное заявление: «Мы — народники в политике, тюркисты — в культуре». Под таким тезисом мог бы подписаться и Чобан-заде. Ныне имя Расул-заде присвоено Бакинскому университету. См.: Расул-заде М.Э. О пантунанизме. — Париж, 1930. — С. 27; его же. Национальное движение в Азербайджане // Вопросы истории. — 2002. — № 2. — С. 3—32.

36. Odlu Yurt. — 1929. — № 9. — S. 359.

37. Refik S. Profesör Dr. Çobanzade'ye cevap. — İstanbul, 1939. — S. 3, 21—23. Эту малоизвестную брошюру с трудом удалось разыскать в крупнейшей стамбульской библиотеке Beyazit Devlet Kütüphanesi. Она не упоминается ни в одном из монографических исследований о Чобан-заде.

ЧАСТЬ III. ГОДЫ ИСПЫТАНИЙ: БАКУ

Глава 5. «Птицы смерти в зените стоят»

1. Литературная газета. — 1997. — 3 декабря.

2. Ильясов Ф.Н. Большевизм: норма или отклонение? // Вестник РАН. — 1996. — № 1. — С. 53.

3. Волков Ф.Д. Взлет и падение Сталина. — М., 1992; R.W. Thurston. Life and Terror in Stalin's Russia, 1934—41. — Yale, 1996; Getty J.A. The Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932—39. — New Haven, 1999.

4. См. подробнее: Павлова И.В. Понимание сталинской эпохи и позиция историка // Вопросы истории. — 2002. — № 10. — С. 3—18.

5. Роговин В. Партия расстрелянных. — М., 1997. — С. 202—204.

6. Кожин В. Россия. Век XX (1901—1939). — М., 2002. — С. 294—319.

7. Getty J.A. «Excesses are not permitted»: Mass Terror and Stalinist

Governance in the Late 1930 // The Russian Review. — 2002. — № 1. — P. 113—138.

8. Weitz E. Racial Politics without the Concept of Race: Reevaluating Soviet Ethnic and National Purges // Slavic Review. — 2002. — №1. — P. 1—29.

9. Hlevnjuk O. Les mécanismes de la «Grande Terreur» des années 1937—1938 au Turkmenistan // Cahiers du Monde Russe. — 1998. — № 1—2. — P. 197—208.
Урсу Д.П. Карательная юстиция в региональном измерении: 1937-й год в Крыму // Вісник університету внутрішніх справ. — 1999. — Вип. 7. — Ч. 2. — С. 179—189; его же. Великий террор в Крыму: трагедия народа, трагедия культуры // Репрессированное поколение... — С. 5—22.

11. Историки спорят. — М., 1989. — С. 292. См. также материалы новейшей дискуссии: Сенявский А.С. 50 лет без Сталина. «Круглый стол» // Отечественная история. — 2004. — № 1. — С. 199—206.

12. В ноябре 1928 года на секретариате ЦК в присутствии Сталина обсуждался вопрос «Об укреплении Крыма ответработником». Было принято следующее решение: «Предложить Закрайкому командировать в недельный срок т. Багирова в распоряжение ЦК для ответработы в Крыму» (РГАСПИ, ф. 17, оп. 113, д. 679, л. 10). Видимо, Багиров должен был возглавить Крымскую парторганизацию ввиду ее полной деморализации после дела Вели Ибраимова. Почему Багиров не доехал до Крыма, неизвестно. Прежний секретарь Д.Е. Живов оставался на своем посту до конца 1929 года (РГАСПИ, ф. 17, оп. 21, д. 2472, л. 169). Так что Крыму в какой-то степени повезло в том, что Багиров не стал «губернатором» еще в период коллективизации.

13. Роговин В. Указ.соч. — С. 174.

14. Кожин В. Указ.соч. — С. 264—288.

15. Сумбатов-Топуридзе Ювельян Давидович возглавлял тайную полицию Азербайджана до января 1938 года, затем по предложению Берии взят на повышение в центральный аппарат НКВД. В июле 1953 года арестован как сообщник Берии. Во время следствия, боясь расплаты за свои злодеяния, сошел с ума, скончался в психиатрическом отделении тюремной больницы (Залесский К.А. Империя Сталина. — С. 434).

16. Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. Дело Рухуллы Ахундова // Восток. — 2000. — № 2. — С. 91—109; Залесский К.А. Указ. соч. — С. 38. В последней книге, представляющей собой энциклопедический биографический словарь, неверно указаны даты ареста и гибели Ахундова.

17. Об отпуске Чобан-заде сообщает В. Асланов по архивным материалам, хотя он ошибочно пишет, что Чобан-заде и его коллега Гулам Багиров

отправились на лечение... летом. (См.: Асланов В. Bekir Cobahzade // Emel. — 1993. — № 196. — С. 20).

18. Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Приложение.

19. Türkiye... Azerbaycan... — Ankara, 1993. — С. 340—341.

20. Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М., Насилов Д.М. Халид-Саид Ходжаев // Восток. — 2002. — № 3. — С. 118—126.

21. Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. Забытый востоковед Артур Рудольфович Зифельд-Симумяги // Восток. — 2001. — № 1. — С. 104—109.

22. Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. Архивные документы о гибели академика А.Н. Самойловича // Восток. — 1996. — № 5. — С. 153—162; Непомнящий А.А. Крым в научном наследии академика А.Н. Самойловича // Самойлович А.Н. Избранные труды о Крыме. — Симферополь, 2000. — С. 8—18.

23. Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. Дело профессора Б.В. Чобан-заде. — С. 126—133; Бабаев А. Указ.соч. — С. 32—49. В книге А. Бабаева цитаты из следственного дела не всегда отделены кавычками, поэтому трудно понять, где заканчивается документ и где начинается авторский текст. В целом нужно прямо сказать, что перед нами элементарный пересказ, почти без комментариев автора. Кроме того, не может не вызвать протест читателя нарочито бесстрастный, если не сказать равнодушный, тон повествования А. Бабаева, безоценочные суждения, как будто речь идет о каких-то грамматических категориях, а не об ужасных страданиях живых людей. В лучшую сторону отличается статья Ф.Д. Ашнина и В.М. Алпатов, где дан аналитический разбор архивных материалов.

24. В Крыму из известных нам подследственных наибольшее число допросов выдержал Я. Мусаниф (допрашивался 21 раз), причем на протяжении 16 допросов виновным себя не признавал (Архив ГУ СБУ в АРК, арх. д. 010901, л. 130). Его подельник Т. Бояджиев, работавший ректором Комвуза и редактором областной газеты, виновным себя не признавал в течение более 5 месяцев заключения (Архив Военной коллегии Верховного Суда РФ, оп. 64, д. 10857, л. 3).

25. Конквест Р. Большой террор // Нева — 1989. — № 12. — С.150.

26. Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. Дело профессора Б.В. Чобан-заде. — С. 131.

27. Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 3. — С. 145; Исторический архив, 1997. — № 2. — С. 171.

28. Архив ГУ СБУ в АРК, арх. д. 09042, л. 30—37.

29. По воспоминаниям Ш. Бекторе, в те годы, когда в Крыму был закрыт университет и не было ни медицинского, ни сельскохозяйственного

институтов, в Баку получали высшее образование до ста крымских татар (Emel. — 1961. — № 11 (23). — S. 179).

30. Архив ГУ СБУ в АРК, арх. д. 0266, л. 37—38; арх. д. 19442, л. 23.

31. О гибели Л.И. Лаврентьева весьма подробно и эмоционально рассказал Хрущев на XX съезде партии (Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 3. — С. 156).

32. Архив Военной коллегии Верховного Суда РФ, оп. 66, д. 353, л. 1—10.

33. О так называемом «национал-уклонизме» // Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 9. — С. 82.

34. Архив ГУ СБУ в АРК, арх. д. 010901, л. 29; арх. д. 09576, л. 16-17. Рыскулов Турар (1894—1938) родился в Алма-Ате, закончил учительский институт в Ташкенте. С 1926 года в Москве на различных партийных и государственных должностях. К концу жизни занимал высокий пост заместителя председателя Совнаркома РСФСР (Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период / Подготовили Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. — Санкт-Петербург, 2003. — С. 333—334.).

35. Архив Военной коллегии Верховного Суда РФ, оп. 55, д. 22581, л. 2.

36. Архив ГУ СБУ в АРК, арх. д. 09042, л. 119—121.

37. Ашинин Ф.Д., Алпатов В.М. Указ. соч. — С. 132.

38. Бабаев А. Указ. соч. — С. 48.

39. Янъы дюнъя. — 1995. — 27 октября.

40. Архив ГУ СБУ в АРК, арх. д. 09042, л. 127—129.

41. Кожин В. Указ. соч. — С. 323.

42. Источник. — 1993. — № 1. — С. 17.

43. Булдеев Н.А. Татарский поэт Чобан-заде // Голос Крыма. — 1942. — 12 апреля.

44. Архив ГУ СБУ в АРК, арх. д. 09042, л. 90. Муса Абдулла Баттал — журналист, по происхождению казанский татарин, образование получил в американском колледже в Бейруте. Один из активных деятелей и идеологов освободительной организации «Мусульман Шурасы», имел большие связи с политическими кругами Турции. Такие анкетные данные Таймаза можно найти в материалах Крымского НКВД. Более подробные сведения о нем даются в докторской диссертации турецкого ученого С. Шимшира. Абдулла Баттал (в Турции принял фамилию Таймаз) родился 8 декабря 1883 года в Казани. По образованию журналист. С 1925 года в эмиграции в Турции. Автор многочисленных статей в журналах и газетах. Скончался 26 апреля 1969 года (Şimşir S. Op. cit. — S. 103; Люди и судьбы. — С. 56).

ПРИЛОЖЕНИЯ¹

(Документы. Материалы)

Приложение 1

Автобиография профессора Б.В. Чобан-заде¹

Я родился в 1893 году, 15 мая в городе Карасубазаре бывшей Таврической губернии. Отец был пастухом-батраком. В 8-летнем возрасте начал посещать приходскую школу и через три года, то есть в 1904 году, поступил в Новометодную прогимназию «Рушдие», которую окончил в 1908 году. Затем был отправлен Мусульманским благотворительным обществом в Константинополь для продолжения учебы. В 1914 году окончил Константинопольский турецкий Лицей по словесному отделению. Параллельно с этим окончил 3-годичные высшие курсы арабского и французского языков при Стамбульском Университете и получил право преподавания этих языков в средней школе и лицеях.

В конце 1914 года поступил на историко-филологический факультет Будапештского Университета и окончил его в 1918 году. В 1920 году сдал докторские экзамены и, защитив диссертацию на тему «Кажущиеся сингармонические несоответствия в “Кодексе Куманикусе” и проблема артикуляционной базы в тюркских языках», получил степень доктора филологии по тюркологии².

Непосредственными моими руководителями по подготовке к защите диссертационной работы были академик Игнац Гольдцигер и пр. пр. Сньейн Неймет (так в тексте. — Д.У.)³.

С 1919 года по 1920 год работал в Будапештской Восточной Академии в качестве преподавателя турецкого языка.

В 1920 году, получив приглашение Таврического Университета в Симферополе, приехал в Крым и был назначен доцентом по кафедре языкознания. В том же году

¹ В «Приложениях» сохранены орфография и пунктуация документов.

был назначен начальником Татарского управления Народного комиссариата просвещения Крыма. 15 марта 1922 года был избран профессором по представлению Таврического Университета и утвержден Государственным ученым советом Народного комиссариата просвещения РСФСР.

В 1924 году был избран ректором Университета Крыма. С 1920 года по 1925 год был членом президиума Симферопольского городского Совета и Крымского Центрального исполнительного комитета и участвовал во всех съездах Советов Крыма с решающим голосом.

По приглашению Азербайджанского Государственного Университета и Комитета Нового тюркского алфавита в 1924 году приехал в Азербайджан (город Баку) и был избран профессором по кафедре тюркского языка и литературы и в 1925 году избран деканом Востфака АГУ, в каковой должности состоял до 1927 года.

Одновременно являлся членом Научного Совета Народного комиссариата просвещения АзССР и заместителем председателя Общества исследования Азербайджана. В 1926 году участвовал в качестве члена Оргбюро в подготовке Первого Всесоюзного Тюркологического съезда, на котором прочел два доклада на темы: 1) Взаимоотношения тюрко-татарских языков; 2) Принципы составления научной терминологии на тюрко-татарских языках.

В 1925 году был ученым консультантом Комитета нового тюркского алфавита и в 1927 году назначен председателем Научного Совета Всесоюзного ЦК нового Алфавита.

В 1928 году избран действительным членом Института народов Востока в Москве, где весной того же года руководил тюркологическими занятиями аспирантуры названного Института.

С 1925 по 1933 годы участвовал в работах Азербайджанского Терминологического комитета в качестве заместителя председателя и руководителем гуманитарной секции названного комитета. С 1930 по 1934 годы по совместительству занимал должность профессора-руководителя кафедры узбекского языка и литературы в Уз. ГосВПИ (так в тексте. — Д.У.) в городе Фергана. С 1925 года до настоящего времени работаю в качестве профессора-руководителя кафедры тюркского языка. В 1929 году был назначен действительным членом Азербайджанского Государственного научно-исследовательского Института и состоял председателем отделения языка и литературы до 1 мая 1931 года. В 1935 году был приглашен в Узбекский Государственный Университет, на литературном факультете которого читал

основные лингвистические курсы; в этом же году выступал с различными языковедческими докладами в Бухарском ВПИ. С 1932 года состою старшим ученым специалистом сектора языка Аз. ФАН'а (Азербайджанского филиала Академии наук СССР. — Д.У.). Состою также действительным членом Азербайджанского научно-исследовательского института педологии и психологии. В 1935 году, 16 марта, избран членом Парижского Общества Лингвистики.

Участвовал в следующих научных конференциях и съездах:

1. Первый краеведческий съезд Азербайджана, 1925 г., Баку;
2. Первый Всесоюзный тюркологический съезд, 1926 г., Баку;
3. Первая Крымская научная конференция по вопросам языка, 1927 г., Симферополь;
4. Первый пленум Всесоюзного ЦК Нового алфавита, 1927 г., Баку;
5. Второй пленум Всесоюзного ЦК Нового алфавита, 1928 г., Ташкент;
6. Первая Азербайджанская конференция по вопросам языка и орфографии, 1928 г., Баку;
7. Первая научная Узбекская конференция по вопросам языка и орфографии, 1929 г., Самарканд;
8. Вторая Крымская конференция по вопросам языка и письменности, 1929 г., Симферополь;
9. Совещание дагестанских работников по вопросам языка и орфографии, 1929 г., Махач-Кала;
10. Третий пленум Всесоюзного ЦК Нового алфавита, 1929 г., Казань;
11. Дагестанско-Азербайджанское совещание по вопросам языка, литературы и истории, 1930 г., Баку;
12. (пропуск. — Д.У.)
13. Четвертый пленум Всесоюзного ЦК Нового алфавита, 1930 г., Алма-Ата;
14. Туркменская конференция по вопросам языка и письменности, 1930 г., Ашхабад;
15. Всесоюзная курдоведческая конференция, 1934 г., Ереван;
16. Совещание отделения Закавказского филиала АН СССР, 1934 г., Тифлис.

На всех этих конференциях и совещаниях выступал с научными докладами и сообщениями.

Моя литературная деятельность, начавшаяся в 1911 году брошюрой «Произведения молодых татарских писателей», изданной в Константинополе, но первые научные этюды на различные литературные и лингвистические

темы начали печататься в 1915—1916 годах в Будапеште.

В настоящее время общее количество отдельных письменных работ — 123. Сюда не включены рецензии, мелкие заметки и учебно-методические работы — всего до 200, а также словарно-терминологические работы... (цифра не проставлена. — Д.У.). Работы мои печатались на тюркском, татарском, узбекском, турецком, русском и венгерском языках.

Знаю и могу пользоваться следующими языками: немецким, тюркским, венгерским, французским, арабским, персидским, русским и основными языками Советского Востока (узбекским, казахским, туркменским и т. д.). В настоящее время работаю над изучением армянского языка.

Отзывы о моих письменных работах появились в различных союзных и заграничных журналах, справочниках и отдельных работах лингвистов и литераторов.

Подпись: профессор Бекир Чобан-Заде

Верно:

Секретарь Аз. ИЯЛ

Примечания

1. Документ не датирован. Судя по тексту, составлен не ранее 16 марта 1935 года. Машинописная копия, бывшая в нашем распоряжении, имеет нумерацию страниц 10—13. Из этого следует, что автобиография извлечена из более обширного досье, по всей видимости, хранящегося в архиве Института языка и литературы АН Азербайджана. Очевидно, это личное дело ученого. Орфография сохранена. Большинство аббревиатур расшифровано.

2. Своими учителями Чобан-заде называет трех выдающихся венгерских ученых-филологов начала XX века. **Игнац Гольдцигер** (1850—1921) — светило мировой арабистики, основатель научной школы в исламоведении, автор многочисленных трудов по арабской филологии, истории ислама, фольклору семитских народов. Образование получил в Лейпцигском университете. Член-корреспондент Петербургской академии наук. В 1914 году опекал молодого И.Ю. Крачковского, будущего советского академика, когда тот был в заграничной командировке. **Дьюла Немет** (1890—1976) получил востоковедное образование в университетах Будапешта, Лейпцига и Киля. В 1915—1916 годах — доцент Будапештского университета, в 1916—1920 годах — экстраординарный профессор тюркской филологии, затем на протяжении 45 лет — заведующий этой кафедрой. В 1935 году избран членом Венгерской академии наук. **Йожеф Синнеи** (1857—1943) — выдающийся ученый-языковед широкого профиля, специалист в области угро-финской филологии. Характерно, что в многотомной «Истории Венгрии» названы только два

венгерских языковеда мирового класса — Йожеф Синнеи и Армин Вамбери, путешественник и знаток тюркских языков. Последний скончался до приезда Чобан-заде в Венгрию (*Юдакин А.П.* Указ. соч. — С. 339; История Венгрии. — М., 1972. — Т. 2. — С. 473).

3. Как видно из публикуемого протокола заседания научно-политической секции ГУС Наркомпроса РСФСР (см. приложение 4), Чобан-заде был утвержден профессором 3 марта 1922 года. В тексте автобиографии ошибочно проставлена дата 15 марта.

4. Год 1920 указан явно неверно, так как названные советские учреждения конституировались лишь в конце 1921 года.

5. Полное название института в Фергане звучит следующим образом: Узбекский государственный высший педагогический институт.

Приложение 2

Молодой татарин рассказывает о родном Крыме Статья Б. Чобан-заде в венгерской газете (1918 г.)*

Прежде чем приступить к рассказу о своей отчизне, считаю уместным представить себя уважаемым читателям. Я родился в Крыму, в городе Карасубазаре, считавшемся второй столицей ханства. Он насчитывает 25 тыс. жителей, и, хотя достопримечательностей ханской эпохи сохранилось немного, в памяти людей продолжают жить воспоминания о легендарных ханах, калгах и мурзах. Еще и сегодня о знаменательных событиях нашего прошлого знают даже дети. К примеру, в 10 лет я наизусть знал легенду об Эдигее — эпическое сказание (дестан) всего тюркского мира. Мои родители, большие патриоты Крыма, опасаясь того, что русские школы могут испортить меня, в юном возрасте отправили меня в столицу Турции. Чувство патриотизма у меня в те годы было настолько сильно, что когда я впервые увидел султана — верховного повелителя всех тюрко-татар, то от радости не смог удержать слез и расплакался, в то время как учителя из Бухары меня успокаивали.

Взрослея, я становился поэтом. Но мои стихи вдохновлялись не Стамбулом, а песнями угнетенных татар, стонущих под тяжким русским гнетом. В 16 лет я написал следующие строки:

Зачем мне, о Боже,

Рай вдали от моего села.

Мое село — прекрасней рая.

* * *

По достижении определенной зрелости мысли я стал изучать русскую литературу. Это прежде всего Толстой, Достоевский, Лермонтов. Их идеи я переосмыслил в плоскость татарских идеалов, умонастроений, чувств, мировоззрения, поскольку мои герои — татары со свойственными им чувствами и мироощущением. Таким образом, я ознакомился с этими писателями и многое почерпнул из их творчества.

С началом Первой мировой войны я оказался в Одессе среди сторонников Милюкова¹. Затем после долгих лишений и мытарств вернулся в Стамбул. Там я встретил высокоуважаемого господина Липота Мошоньи, познакомился с ним. Его рассказы об истории и литературе венгров сильно пополнили мои знания, хотя я и прежде знал о наших соплеменниках-венграх, которые в древние времена откочевали далеко на Запад. После этого мой интерес к венграм только усилился. Однажды он мне прочел в собственном переводе первую часть поэмы «Толди», автором которой был Янош Арань². Это произведение поразило меня силой выражения, благозвучной рифмой, образом Толди. Я и раньше хотел поближе узнать венгров. Это желание усилилось под впечатлением этого произведения. Спустя некоторое время интерес к венграм привел меня в столицу Венгрии. Здесь я попал в атмосферу дружбы и братства, ощутил прославленное венгерское гостеприимство. Найдя приют в одном из лучших институтов Венгрии, я смог углубить свои познания в области венгерской литературы и культуры, почувствовать добродетели и любовь братского народа.

Думаю, я достаточно сказал о себе, теперь поведаю о своей Родине<...>.

Крымскотатарская народная поэзия, как отмечает другой известный русский ученый³, — самая глубокая, чистая и зрелая во всем татарском мире. Между различными тюркскими диалектами существует незначительное различие, поэтому песни и сказания крымцев являются общим достоянием всех тюрко-татар. Загадку крымца без особого труда разгадает ребенок из Кашгарии (Китай)⁴. Студенты в Стамбуле, откуда бы они ни были — казахи, таранчи, крымцы, казанцы, сибирские татары, — на различных праздниках и торжествах свободно понимали друг друга, вместе пели свои песни. Кроме того, наши народные песни по стихосложению и рифме, как пишет Армин Вамбери в своем труде «Тюркская раса», имеют удивительное сходство с венгерскими. Собственно крымской литературы нет, она еще не оформилась по тем причинам, на которые я выше указал. Однако в последние 50 лет, с

появлением великого журналиста и писателя Исмаила Гаспринского, крымские татары вносят значительный вклад в процесс возрождения великого татарского единства. Роль Гаспринского как в общетатарской литературе, так и в турецко-османской огромна. Вместе с тем в среде крымских поэтов и прозаиков не прекращаются споры о литературном языке: одни являются сторонниками османско-турецкого, другие предпочитают чисто татарский. В настоящее время последние как будто одержали верх. Одним из ярких представителей этого течения является Асан Мирза Чергеев. Его пьесы, в которых отражены татарские обычаи и традиции, заслужили большой успех в среде нашей интеллигенции.

Уважаемые читатели могут спросить относительно нашей интеллигенции: почему ее представители там, в России, и здесь, в Европе, не объединяются? Увы, молодые татары, подобные мне, вынуждены скитаться из одной страны в другую, испытывая всевозможные лишения и оплачивая свое обучение втридорога. В своей же стране интеллигенция пребывает во власти тупых и корыстолюбивых русских чиновников и не находит себе применения. Будучи представителями народа, находящегося под национальным гнетом и не имеющего достаточных возможностей для своего развития, они занимаются единственной отраслью науки — пробуждением национального самосознания и воспитанием патриотизма<...>.

Примечания

¹ Статья Б. Чобан-заде опубликована на венгерском языке в газете «Будапешти хирлап» 28 марта 1918 года. Перевод на турецкий язык Г. Янковского напечатан в журнале «Эмель» (Emel. — 1992. — № 189. — S. 5—9.).

² П.Н. Милюков (1859—1943) — один из лидеров кадетской партии. В 1917 году министр иностранных дел Временного правительства. В момент публикации статьи пребывал в эмиграции. Почему Чобан-заде считает, что в 1914 году, находясь в Одессе, был окружен сторонниками Милюкова, сказать затруднительно. Скорей, его товарищи были ближе к эсерам.

³ Янош Арань (1817—1892) — знаменитый венгерский поэт, автор героической трилогии «Толди».

⁴ В предыдущем абзаце (он опущен) Чобан-заде говорит о В.В. Радлове, внесшем огромный вклад в изучение языков и культуры тюркских народов.

⁵ В китайской провинции Кашгарии (ныне Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР) проживают уйгуры, говорящие на новоуйгурском языке карлукской группы тюркской языковой семьи. Утверждение Чобан-заде о взаимном понимании новоуйгурского и крымскотатарского языков совершенно справедливо.

Приложение 3

Прошение

Б. Чобан-заде ректору коллегиума им. Этвёша
о продлении учебы (15 октября 1919 г.)*

Доктор Бекир Сидки. 2-ой этаж, комната 17.

Поступление в коллегиум: 12 октября 1916 г.

Длительность обучения: шесть семестров.

Выпускные экзамены: май 1918 г.

Специальный (докторский) экзамен: апрель 1919 г.

Настоящие занятия: Я продолжаю изучать вопросы, связанные с выполненной диссертацией, и самостоятельно готовлюсь к сдаче педагогического экзамена.

Проект исследований: По совету проф. Дьюлы Немета планирую написать Историю тюркской прозы.

Обоснование дальнейшего пребывания в коллегиуме: Я не имею никаких связей с родиной на протяжении 5—6 лет. Не могу также выехать в Константинополь, так как не получаю помощи ниоткуда. К тому же путешествие очень опасно и требует больших затрат.

Будапешт, 15 октября 1919 г.

*Опубликовано в приложении к статье:

Jankowski H. Notes on Bekir Cobanzade's Life and Activity in Hungary // Acta Orientalia. — 1994. — № 1—2. — P. 141.

(Оригинал на венгерском языке).

Примечания

Профессор Г. Янковский, нашедший и опубликовавший этот ценный документ, к сожалению, не сообщает его архивных реквизитов. Тем не менее это прошение, как и публикуемые в нашей книге фотокопии зачетной книжки Б. Чобан-заде, дают конкретные факты и точные даты его учебы в Будапештском университете.

Приложение 4

Протокол № 22

заседания Научно-Политической Секции Государственного Ученого
Совета 3-го марта 1922 года

Присутствовали: Председатель М.Н. Покровский

Члены: Д.П. Боголепов, В.П. Волгин, И.И. Гливенко, Д.В. Кузовков,
Н.М. Лукин, И.И. Скворцов, В.М. Фриче.

Приглашен в заседание А.Н. Бернштейн.

Заведующий Секретариатом Академического Центра П.П. Дехтерев.

Слушали:

Ходатайство Крымского Государственного Университета об утверждении представленных им кандидатов в профессора и преподаватели Восточного факультета (Докл. В.П. Волгин)

Постановили:

А) Исключить из учебного плана Восточного факультета Крымского Государственного Университета следующие предметы: логику и психологию, учение о социально-правовых условиях торговли, русскую историю, русский язык, государственное право, западно-европейскую литературу и языки, историю философии, анатомию и физиологию и латинский язык.

Б) Утвердить профессорами: А.М. Лукьяненко — по сравнительному языковедению, М.О. Гредингера — по энциклопедии права и по конфликтному праву и Бекира Чабанзаде — по сравнительной грамматике тюркских языков и истории Востока.

В) Утвердить преподавателями: Абибуллу Одабаша — по крымско-татарскому языку, Измаила Леманова — по арабскому языку и мусульманскому праву, В.И. Филоненко — по персидскому языку, М.Х. Полякова — по публичному советскому праву, П.И. Новицкого — по истории XIX и XX вв. и историческому материализму, И.А. Левковского — по истории профдвижения и социализма, М.Е. Бененсона — по статистике, С.А. Богуславского — по методике преподавания и А.И. Маркевича — по истории Крыма.

(ГАРФ, ф. 298, оп. 1, д. 21, л. 36. Подлинник).

Приложение 5

Б. Чобан-заде

Письмо в редакцию газеты «Бакинский рабочий»

Уважаемый товарищ редактор. Прошу поместить в вашей газете следующее. В газете «Красный Крым» помещена статья, касающаяся меня. В этой статье Руж называет меня «буржуазным националистом». По своему происхождению я сын чобана-пастуха, и сам был пастухом до 15-летнего возраста.

Несмотря на это, сознаюсь, что в известном периоде своей жизни подпал под влияние татарской буржуазии и ее националистической интеллигенции, что выражалось в основном в следующих поступках:

- участвовал в совещаниях миллифирковцев как один из руководителей;
- выступал на съездах и конференциях, защищая идеи миллифирковцев;
- был в составе кооператива Ширкет, экономической организации миллифирковцев;
- подписал петицию, врученную в 1920 г. миллифирковцами Крымревкому.

Больше всего моя националистическая идеология отражалась в моей литературной деятельности, в поэмах и статьях. Вся эта деятельность охватывает период 20—24 годов. В 1924 г. мое первое выступление в защиту нового алфавита в присутствии тов. Агамали-оглы в Доме просвещения в гор. Симферополе было моим шагом к открытому разрыву с миллифирковцами.

К этому времени я познакомился с Крымом и, изучив язык¹, мог самостоятельно ориентироваться в оценке экономического и культурного роста страны. Для ясности следует прибавить, что я до 1920 г. Крыма не знал (выехал в 16-летнем возрасте)² и не мог читать марксистскую литературу.

За это время я для себя установил следующее:

1. Путь «Милли Фирка» — путь контрреволюции. Миллифирковцы заключают союз с духовенством и кулачеством, «миллет» — нация для них существует только в лице этих слоев;

2. «Миллифирковская» самостоятельность Крыма означает максимальную экономическую эксплуатацию крымских трудящихся в пользу татарской буржуазии;

3. Деятельность миллифирковцев в конечном итоге заключалась в

злостном и извращенном толковании национальной политики Советской власти и всех ее мероприятий, направленных к поднятию экономического состояния и культурного уровня бедняцких слоев крымско-татарского крестьянства;

4. У меня сложилось вполне твердое впечатление, что помещичье-кулацкие элементы Крыма, как Муслюмовы, Касимовы, Абдурахманы и многие другие, относятся к интеллигенции как к своему приказчику. «Милли Фирка» не более как несчастная артель приказчиков этих кулаков-«ага» (хозяин). Выяснив это положение, для меня было очень легко определить свой дальнейший путь и сделать выбор между широкой массой трудящихся и кулаком-помещиком и буржуазией;

5. Я своими глазами видел, как поднималось хозяйство бедняка, как растут различного рода культурно-просветительские очаги и сеть учебных заведений различных ступеней, как создавалось почти из ничего новая татарская научная и художественная литература. Несмотря на все это «Милли Фирка» ни на одну минуту не переставала развивать свою подлую работу, с одной стороны, стараясь извращать и препятствовать всем начинаниям Советской власти, а с другой стороны, — извлечь максимальную пользу для себя.

Все это заставило меня отвернуться навсегда от миллифирковцев и им подобных орудий эксплуатации приказчиков буржуазии.

На первом Всесоюзном тюркологическом съезде в начале 1926 г. в Баку я окончательно перешел на сторону культурной революции на Востоке и порвал всякие связи с буржуазией и ее приказчиками.

С лета 1926 г. начал ожесточенную борьбу с миллифирковцами (выступления в 26 г. в педтехникуме, фельдшерском техникуме, девятилетней школе, крымчацком клубе, два выступления в татарском клубе в Евпатории, в 27 г. выступления на первой крымской конференции по орфографии. Отчеты всех этих выступлений напечатаны).

С тех пор мною написан ряд статей и поэм, недвусмысленно направленных против националистов и буржуазных интеллигентов.

В настоящее время работаю над статьей «Курултайщина и национализм в крымско-татарской литературе», где указываю и на свои ошибки.

Таким образом, эпитет «буржуазный националист», данный мне тов. Руж, в настоящий период своей работы считаю по меньшей мере незаслуженным.

Вместе с тем еще раз заявляю перед лицом всех трудящихся Крыма, что «Милли Фирка» считаю группой-партией приказчиков кулаков и буржуа и

предателей трудящихся и готов в любую минуту выступить в защиту своего класса против буржуазии и ее служителей.

Призываю всех честных трудовых интеллигентов, не обнаруживших еще свою классовую физиономию, без всякого стеснения сознаться в своих ошибках и уверенно перейти в лагерь трудящихся.

Профессор Б. Чобан-Заде
(Бакинский рабочий. — 1929. — 13 сентября).

Примечания

1. Имеется в виду русский язык, которым Чобан-заде, вернувшись в Крым после более чем десятилетнего отсутствия, владел недостаточно.

2. Из этих слов можно сделать заключение, что Чобан-заде выехал на учебу в Стамбул не в 1908 году, как пишет в автобиографии, а годом позже, то есть в 1909 году.

Анкета переписи научных работников 1931 года

(в сокращении)

Госплан СССР. Сектор труда и кадров и Сектор науки

Республика Азербайджан

Город, адрес Баку. Кооперативная. 5

1. Фамилия, имя, отчество Чобанзаде. Бекир, Ваал Огълы

3. Возраст, сколько минуло от роду лет 38

4. Народность татарин

5. Родной язык татарский

6. Социальное положение отца крестьянин

7. Социальное положение отца в настоящее время нет отца, крестьянин-бедняк

9. Занятия опрашиваемого, начиная с 18-летнего возраста.

Год и месяц (поступ., уход).	Продолжительность пребывания	Точное указание занятия	Социальное положение	Наименование института	Место работы
1919—20	1 /	преп. тюрк. яз.	служ.	Восточн. Акад.	Будапешт
1919	3 м.	редактор газ. «Шарк» (Восток) (орган венгер. Сов. власти на тюрк. яз.)	-//-	Leninhaz	-//-
1920—24	4 г.	Н.К.П. Крыма	-//-	разн. ответ. должн.	Симферополь
-//-	-//-	ЦИК Крыма	член президиума	-//-	-//-
-//-	-//-	Гос. Ун-т	проф.	—	-//-
1925—31	6 л.	А.Г.У. и В.П.И.	проф.		Баку
1925—29	4 г.	уч. сек. и руковод.		Об-во Азербайджана	-//-
1924—30	6 л.	уч. сек.	служ.	Ком. Нов. Алфавита	Баку—Москва
1928—31	3 г.	действит. член	-//-	Институт Народов Востока	Москва
1929—31	2 /	действит. член	-//-	Аз.Г.Н.И.И.	Баку
1925—27	2 г.	декан	-//-	А.Г.У.	-//-

12. Научная квалификация действит. член

13. Какие дисциплины разрабатывает язык и литература

14. Какие дисциплины преподает язык и литература

15. Основная работа и совместительство в настоящее время *В.П.И., профессор, Аз. Г.Н.И.И., научный сотрудник*

16. Образование

Категория учебного заведения	Полное наименование учебного заведения	Название факультета	Название специальности	Сколько лет учился	Окончил или не окончил	Год окончания
Низшее	Карасубазар. Рушдие	—	—	4	окон.	1908
Среднее	Стамбульск. Лицей	—	—	5	-//-	1913
Высшее	Будапештск. ун-т	историко-филолог.	филолог	4	-//-	1919

17. В каких научных командировках, включая научные экспедиции, был заграницей и внутри СССР после 1917 г.

Какой организацией командирован	Место командировки	Цель командировки	В каком году	Продолжительность командировки
Н.К.П. Крыма А.Г.У.	Баку Москва—Ленинград	Краевед. съезд Изучение рукописей	1924 1925	2 м. 2 м.
Ростов. исследоват. институт А.Г.У.	Балкария	Изучение яз. и лит.	1929	1 м.
ВЦК Нов. алфавита	Дагестан Ташкент—Казань —Алма-Ата	-//-	1925 1928—1930	2 м.

18. На каких иностранных языках свободно говорит *русский, французский, венгерский и турецкий*

19. С каких иностр. языков самостоятельно переводит литературу по специальности *вышеуказанные и персидский, арабский и немецкий*

26. Для беспартийных пребывание в прошлом в политических партиях *не состоял, примыкал к Милли-Фирка в 1920—24 гг.*

48. Живет ли опрашиваемый (подчеркнуть) *с семьей*

49. Члены семьи, живущие отдельно от опрашиваемого (подчеркнуть) *дети*

50. Члены семьи, живущие совместно с опрашиваемым *жена, возраст 26. партийность б/п, имеет ли самостоятельный заработок нет*

Лица, имеющие научные труды, дают кроме того списки: *отдельных трудов на тюркском, татарском, русском и венгерском языках: 17; отписок и крупных статей до 60.*

Б. Чобан-заде

(Петербургский филиал Архива РАН, ф. 155, оп. 2, д. 755, л. 95—96 об. Подлинник.)

Анкета переписи научных работников 1934 года

I. Фамилия, имя, отчество *Чобанзаде Бекир Вагабович*

II. Место, число, месяц и год рождения (по ст. ст.) г. *Карасубазар (Таврич. губ.) 15-го мая 1893 г. (тысяча восемьсот девяносто третьего года)*

III. Национальность *татарин*

IV. Партийность *беспартийный*

V. Образовательный ценз (какое учебное заведение окончил) *Константинопольский Лицей, историко-филологический факультет Будапештского Университета*

VI. Год начала научной работы с *1918 г.*

VII. Научная степень и научное звание *доктор филологии, профессор с 1922 г. (утвержден ГУСом Р.С.Ф.С.Р.)*

VIII. Членство в *СНР, КСУ*

IX. Почетные звания и ордена *не имею*

X. Полное название мест работы и занимаемые должности (с перечислением по годам с начала научной деятельности) *Восточная Академия (Будапешт) с 1918—20 г.; Таврический Университет (Крым—Симферополь) 1920—25 г.; Азгосуниверситет (Баку) 1925—30 г.; Институт Народов Востока (Москва) 1928—30 г.; Аз. гос. научн. исслед. Институт (Баку) 1929—30 г.; Общество Обследования и изучения Азерб. (Баку) 1924—29 г.; Высш. Пед. и-т (Баку) 1929—34 г.; Азерб. АН (Баку) 1931—34 г.; Пед. и-т Узбекистана (Фергана) 1930—33 г. и пр.*

XI. Членство в научных обществах (Союзных) —

XII. Членство в иностранных научных учреждениях и обществах —

XIII. Научная область, в которой Вы работаете: общая — *языкознание и история литературы, специальная — тюркология и история Азерб. тюркской литературы*

XIV. Полный список научных трудов *Всех работ печатных 119, из них главные: 1) Кажущиеся сингармонические несоответствия в Codex Sitanicus, Будапешт, 1920 г. 2) Опыт научной грамматики крым.-татарского языка, Симф., 1924 г. 3) Введение в тюрко-татарск. языкознание, Баку, 1925 г. 4) Заметка о языке и словесности кумыков, Баку,*

1926 г. 5) Методика тюрк. языка и литературы. 2 тома, Баку, 1926—27 г.
 6) Тюркская грамматика, Баку, 1928 г. 7) Новейший период крым.-тат.
 литературы, Симферополь, 1928 г. 8) Новый период аз. тюрк. лит., Баку,
 1930 г. 9) Тюрк.-татар. диалектолог., Баку, 1927 г. 10) Итоги унификации
 алфавитов и проблемы языка, Баку, 1930 г. 11) Общий курс азерб. тюркской
 литературы, Баку, 1928 г. 12) Проблемы тюрк. научной грамматики, Баку,
 1931 г. 13) Антимарксистские течения в лингвистике, Баку, 1932 г. 14)
 Проблемы узбек. грамматики и орфографии, Ташкент, 1933 г. 15) Ленин и
 языкознание, Баку, 1934 г.

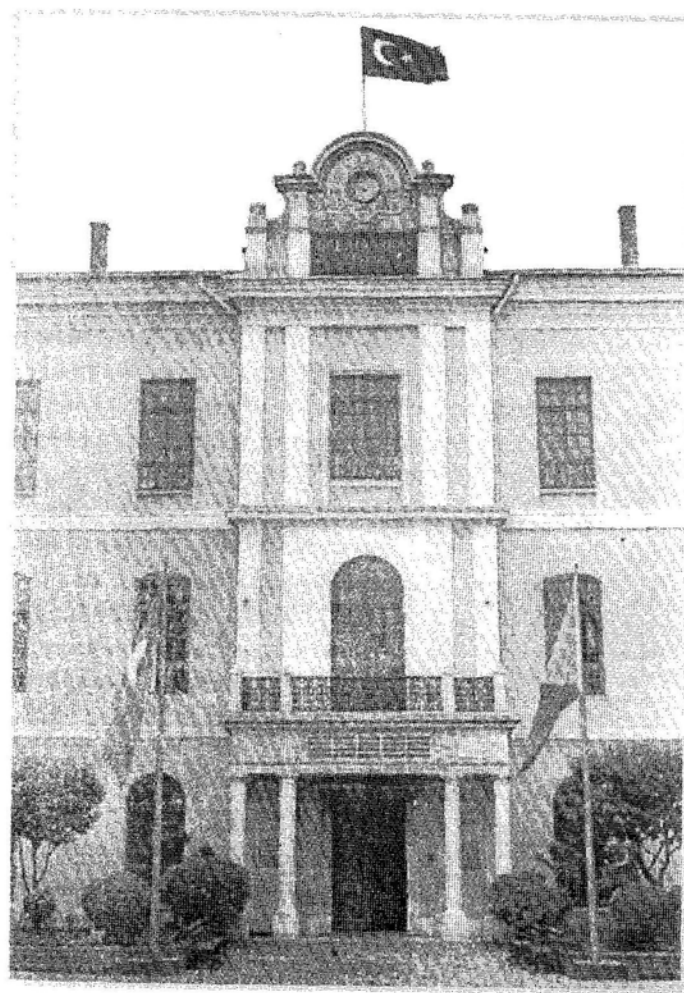
XV. Подробный адрес и телефон Баку, Азербайджанская Республика,
 Кооперативная улица № 3/5, тел. № 3-01-26.

Дата заполнения листа

14 мая 1934 г.

Проф. Б. Чобан-заде

(Петербургский филиал Архива РАН, ф. 155,
 оп. 2, д. 755, л. 97—98. Подлинник).

• Галатасарайский лицей в Стамбуле (современный вид)

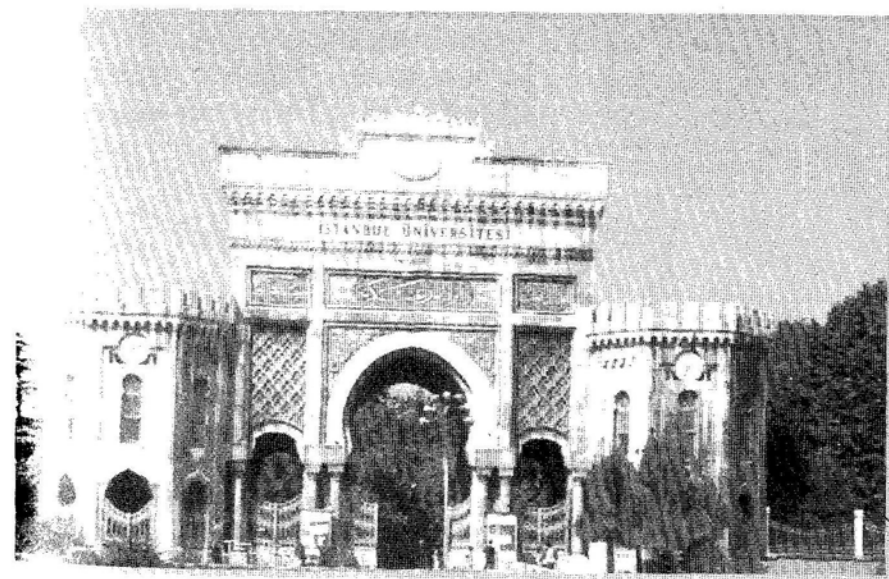
• Молодые крымчане на учебе в Турции (1910-е годы). Первый справа К. Джемалединов, четвертый — Б. Чобан-заде

• Б. Чобан-заде (слева) с товарищем во время учебы в лицее

О Б Р А З О В А Н И Е						
Перечень учебных заведений, в которых преподаватель обучался или обучается (общее образование, специальное, педагогическое, профессиональное, высшее), курсы переподготовки, языковые курсы и курсы по изучению языка и культуры Республики.						
Категория учебной заведения, высшего, среднего, низшее	Полное наименование учебного заведения	Название факультета отделения	Название специальности, цикла, уклона	Сколько лет учился или пробыл	Окончил или не окончил (учился)	Год окончания или выбытия
Нижнее	Корпус "Дар-уль-Фунун"			4	окончил	1908
Среднее	Стамбульский лицей			5	"	1913
Высшее	Будданаевский университет	Католический факультет	Грикология	4	"	1919

• Образовательный ценз Б. Чобан-заде. Фрагмент анкеты Всесоюзной переписи научных работников 1931 г., заполненной собственноручно Б. Чобан-заде

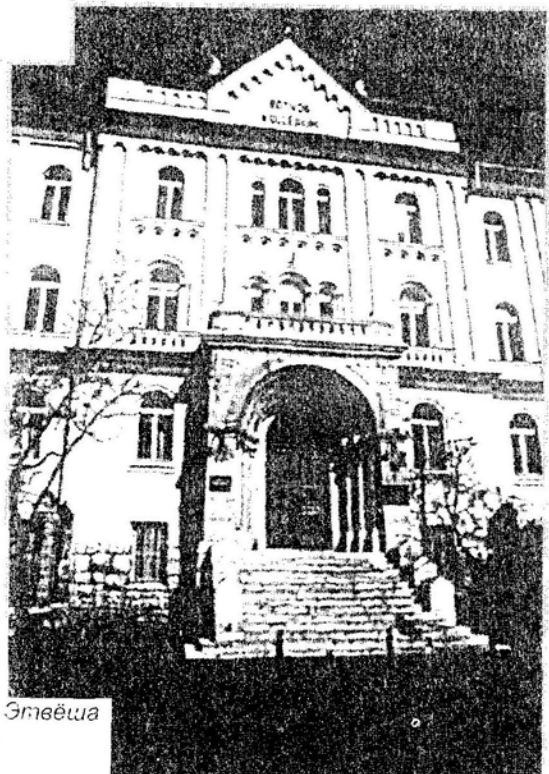
• Здание Стамбульского университета

N°	Nom de l'élève	Date de naissance	Classe	Notes
431	Abdullah Bekir	1311	8 ^{me} 1326	2, 5, 2
432	Abdullah Bekir	1311	8 ^{me} 1326	2, 5, 2
433	Bekir Sidki	1307	8 ^{me} 1326	6, 5, 2
434	Abdullah Bekir	1311	8 ^{me} 1326	2, 5, 2
435	Abdullah Bekir	1311	8 ^{me} 1326	2, 5, 2
436	Abdullah Bekir	1311	8 ^{me} 1326	2, 5, 2
437	Abdullah Bekir	1311	8 ^{me} 1326	2, 5, 2
438	Abdullah Bekir	1311	8 ^{me} 1326	2, 5, 2
439	Abdullah Bekir	1311	8 ^{me} 1326	2, 5, 2

• Б. Чобан-заде (Сидки) в списке учащихся Галатасарайского лицея за 1911—1912 учебный год

• Б. Чобан-заде в Будапеште (фото из зачетной книжки.) 1916 г.

• Кол. здание им. барона Йозефа Этьеша в Будапеште (современный вид)

B. S. ÇOBANZADE'nin ÜNİVERSİTE VESİKASI

3603 szám.

Ara 1 kor. 20 fill.

Mi

a budapesti királyi magyar tudomány-egyetem

Rektora

Köszöntjük az olvasót!

Adatjuk valamennyi kar doktoraival és más mindenkiel egyenkint és összesen a kiket illet, hogy *Belir Lidki* urat, ki *Körm* városban *Karaszubasar* megyében 1893 év *magis* hó 15-ik napján született, mint *bolcsesiet* tudománykari rendes hallgatót egyetemünk anyakönyvébe szabályszerűen beiktattuk; mit aláírásunkkal és kisebb pecsétünkkel ellátott jelen okmánnyal bizonyítunk. Kelt Budapest, 1916 év *október* hó 12-ik napján.

Miklósfi István
tit. mag. tud. egyetem

Belir Lidki
a kir. mag. tud. egyetem
bolcsesiet
tudománykari rendes
dékánja.

• Грамота о зачислении Б. Чобан-заде студентом Будапештского университета 12 октября 1916 г. (первая страница зачетной книжки)

• Портрет Д. Немета

TURÁN

HAGYAR NEPROKONSÁGI
SZEMLE

KÖRMEZŐS
CHOLMOKY JIMÓ
SZERKEZTŐ
VIRÁNTI ELEMÉR

• Журнал «Туран», в котором опубликована статья Б. Чобан-заде. 1918 г.

A TURÁNI TÁRSASÁG FOLYOIRATA

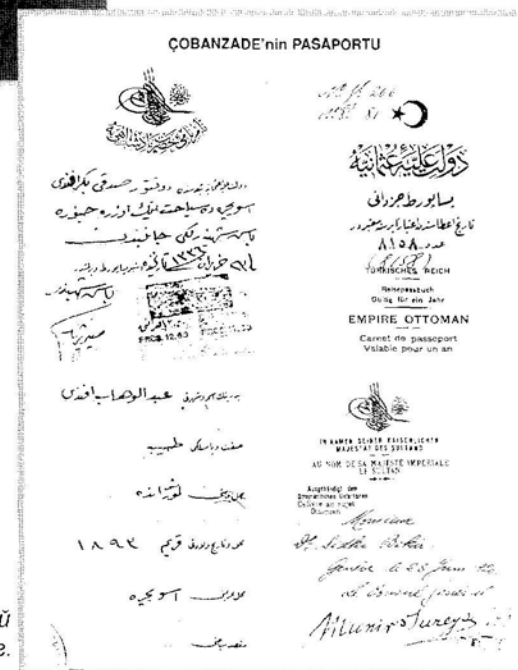
BUDAPEST 1941 DEC. 1942
XXIV. ÉVFOLYAM II. SZÁM

• Бекир Чобан-заде в бытность студентом Будапештского университета. 1918 г.

• Б. Чобан-заде перед возвращением на Родину. Фотография из паспорта. Женева, 23 июня 1920 г.

• Первая страница паспорта Б. Чобан-заде, выданного генеральным консулом Османской империи в Женеве 23 июня 1920 г.

[illegible]

ИЗДАНИЕ
Об-ва Обследования и Изучения
АЗЕРБАЙДЖАНА.
Бану. 1928

- Титульный лист работы Б. Чобан-заде «Предварительное сообщение о кумыкском наречии». 1926 г.

- Титул журнала «Бильги», в котором опубликована статья Б. Чобан-заде

DER ISLAM

ZEITSCHRIFT
FÜR GESCHICHTE UND KULTUR
DES ISLAMISCHEN ORIENTS

HERAUSGEGEBEN VON

C. H. BECKER IN BERLIN

MIT UNTERSTÜTZUNG DER
HAMBURGISCHEN WISSEN-
SCHAFTLICHEN STIFTUNG

FACHZEITSCHRIFT DER
DEUTSCHEN MORGENLÄNDISCHEN
GESELLSCHAFT

AUSGEGEBEN IM SEPTEMBER 1927

1927

WALTER DE GRUYTER & CO.

VORMALS G. J. GÖSCHEN'SCHE VERLAGSHANDLUNG — J. GUTTENTAG, VERLAGS-
BUCHHANDLUNG — GEORG REIMER — KARL J. TRÜBNER — VEIT & COMP.

BERLIN UND LEIPZIG

• Немецкий журнал «Дер Ислам», опубликовавший подробное изложение докладов Б. Чобан-заде на Всесоюзном тюркологическом съезде

III. Verwandtschaft der Sprache.

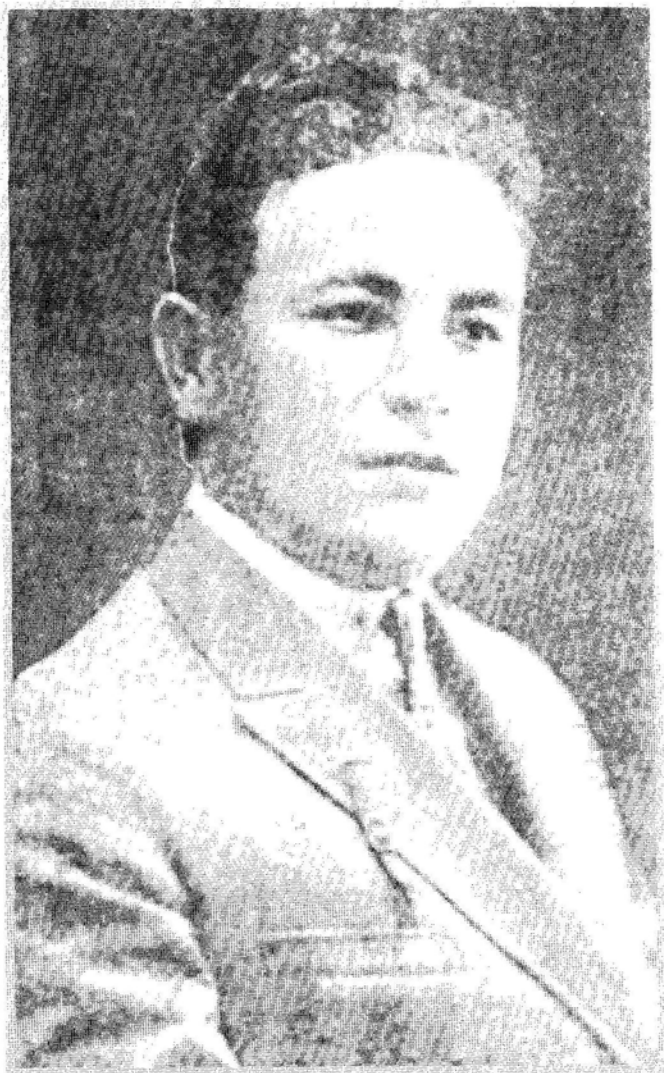
Die 3. Vortragsgruppe umfaßte das hochinteressante und noch immer nicht geklärte Gebiet der „*Verwandtschafts-Beziehungen der Türkssprachen untereinander und mit dem Mongolischen, Tungusischen, den Finno-Ugrischen und den Japhetidischen Sprachen*“. An Stelle MARRS war HENKO erschienen. Daneben sprachen MILLER, ÇOBAN-ZÂDE und POPPE.

ÇOBAN-ZÂDE¹⁾ behandelte das Thema als erster in türkischer Sprache und gab dann ein kurzes russisches Resumé.

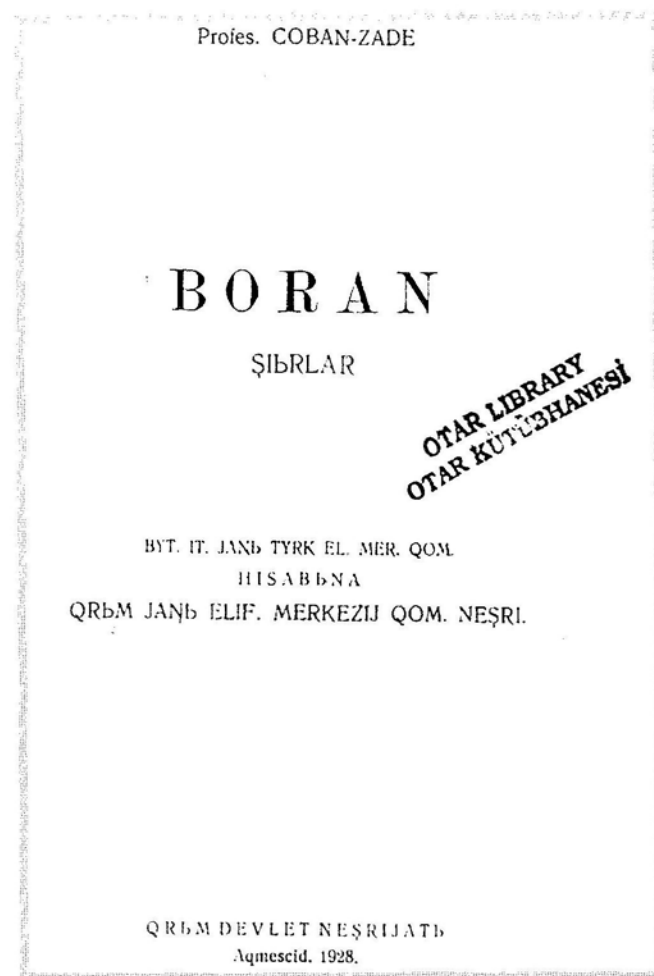
Nach einer eingehenden Polemik gegen einen Teil der BARTHOLD'schen Thesen stellte er im Anschluß an die von MÉSZÁROS betonte enge Verbindung der ethnographischen Arbeit mit der linguistischen die These auf: Ohne enge Verbindung der ethnographischen Forschungen mit den linguistischen und umgekehrt können keine richtigen Resultate erzielt werden. Ohne Aufhellung der Geschichte der gegenseitigen Beziehungen der Völker läßt sich über die sprachlichen Wechselbeziehungen und die Zugehörigkeit irgend einer Sprache zu irgend einem bestimmten Volke nicht sprechen.

Die Türk-Dialekte existierten schon vor den Orchoninschriften, die selbst in 2 Gruppen, eine östliche und westliche oder eine nördliche und südliche zerfallen und Namen verschiedener Stämme (Karluk, Ujgur, Tokuz oğuz, Kirgiz u. a.) geben. Die uns erhaltenen ältesten Sprachdenkmäler (*Kudatku Bilik*, *Divân-i Hikmet*, *Divân luyât-î-Türk*) sind in verschiedenen Dialekten geschrieben. Die Entstehung der Dialekte geht bereits in die Vor-Orchon-Zeit zurück. Doch sind uns keinerlei Materialien erhalten bis zum *Divân luyât-î-Türk*, der auf das 11. Jahrh. zurückgeht. Maḥmûd-al-Kašğari teilt in dem für seine Zeit genialen Werk die Türk-Dialekte ein in:

• Страница журнала «Дер Ислам» с изложением доклада Б. Чобан-заде

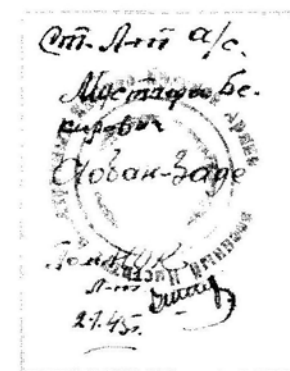
• Портрет Б. Чобан-заде, помещенный в поэтическом сборнике «Боран». 1928 г.

• Титульный лист сборника стихотворений Б. Чобан-заде «Боран»

• Зелиха Чобан-заде (Халилова),
сестра Б. Чобан-заде

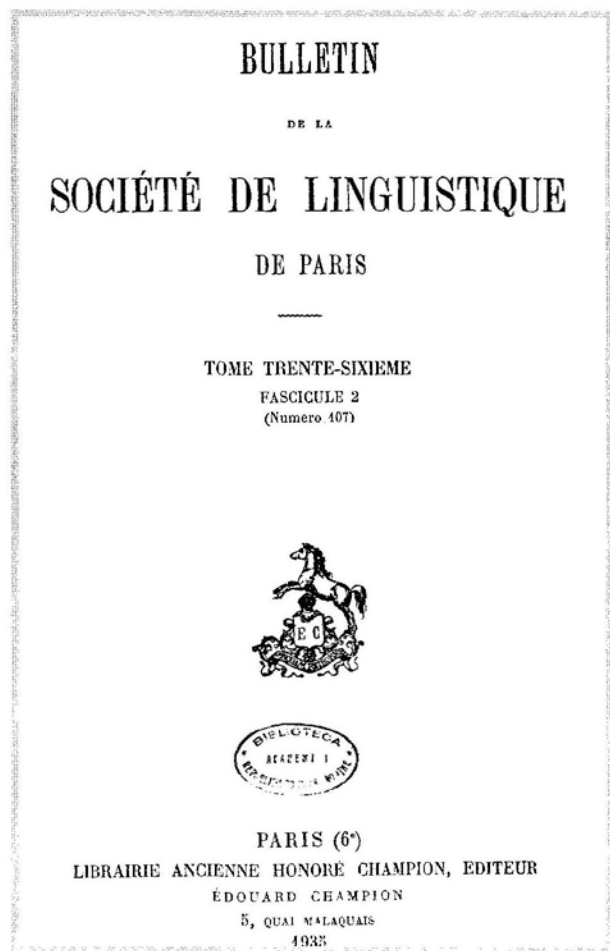
• Приемный сын Б. Чобан-заде
Мустафа Бекирович Чобан-заде —
слушатель Военного института
иностранных языков. Москва,
июль 1945 г.

• Дилъра Булгакова (стоит),
первая жена Б. Чобан-заде
(предположительно 1917 г.)

• Мустафа Чобан-заде с женой Фариде (в девичестве —
Рустамбекова). 1947 г.

- Журнал Парижского лингвистического общества, в котором помещено сообщение об избрании членом общества Б. Чобан-заде. 1935 г.

- Б. Чобан-заде в тюрьме (фотография из следственного дела). 1937 г.

- Группа преподавателей Тотайкойского педагогического техникума. Б. Чобан-заде (сидит второй слева), директор А. Озенбашлы (третий слева). На переднем плане — Мамут Недим. 1922 г.

• Памятник Б. Чобан-заде в Карасубазаре (Белогорске). Открыт 12 сентября 2001 г. (скульптор Али Белялов)

Выписка из протокола допроса

Чобанзаде Бекира Вагаповича от 7–9 февраля 1937 года

Допросил пом. Нач. 4 отд. 4 отд. УГБ АЗУНКВД лейт. госбезопасности Шер. Чобанзаде Бекир Вагапович, 1893 г. рожд., прож. в Баку, крымский татарин, гр-н СССР, профессор-языковед в Азерб. Педагогическом Институте, Азерб. АН и т. д., окончил в Константинополе (Турция) в 1914 г. лицей; Будапештский Университет (историко-филологический факультет) в 1918 г., доктор филологии в 1919 г. Беспартийный, с 1920 по 1924 г. член партии «Милли-Фирка», быв. секретарь партии «Милли-Фирка», с 1920 по 1925 г. член КрымЦИКа.

Вопрос. Ответьте прямо, когда оформилась Ваша контрреволюционная националистическая организация?

Ответ. Наша контрреволюционная националистическая организация оформилась в 1925 году.

Вопрос. Какие практические шаги Вы наметили?

Ответ. Мы наметили следующие мероприятия: 1. Создание контрреволюционных националистических групп из азербайджанской интеллигенции и вузовской молодежи. Подобные же группы должны были быть созданы среди крымских студентов и бакинской колонии казанских татар. 2. Сохранение имевшихся у нас контрреволюционных связей с партиями «Муссават», «Милли-Фирка» и контрреволюционной организацией Султангалиева. 3. Установление связи с контрреволюционными националистами восточных республик СССР, как-то в Узбекистане, Дагестане и др., для координации контрреволюционной работы. 4. Расширение контрреволюционной связи с работниками культурного фронта города Баку, независимо от национальности. 5. Широкую пропаганду идей пантюркизма и контрреволюционного национализма среди интеллигенции и вузовской молодежи.

Вопрос. Что Вами было сделано по осуществлению этих мероприятий?

Ответ. Отвечая на этот вопрос, я буду говорить о нашей практической контрреволюционной работе за период с 1925 по 1930 г. Наша

контрреволюционная организация в Баку создала 5 контрреволюционных групп. Первая группа — азербайджанская интеллигенция, руководителем — Чобанзаде. Вторая группа — среди крымских студентов, обучавшихся в бакинских вузах — руководителем — Чобанзаде. Третья группа — среди азербайджанской интеллигенции — руководителем Исмаил Хикмет¹, после его отъезда из СССР (1927 г.) часть его группы влилась в мою группу из азербайджанской интеллигенции. Четвертая группа — из азербайджанской интеллигенции — руководитель Габайдулин² (так в тексте. — Д.У.). Пятая группа — из казанских татар — руководитель Габайдулин.

Вопрос. Какие задачи Вы ставили перед контрреволюционными группами организации и их практическая контрреволюционная работа?

Ответ. Практическая работа созданных нами контрреволюционных групп организации характеризовалась следующими моментами:

I. Пропаганда и популяризация пантюркизма. Воспитание в этом направлении вузовской молодежи. Для этого в первую очередь использовались легальные возможности: доклады, лекции, диспуты по вопросам истории и культуры, распространение контрреволюционной пантюркистской литературы среди студенчества, составление учебников и издание «научных трудов», в которых проводилась пропаганда контрреволюционного пантюркизма и национализма. Издание этих учебников и трудов обеспечивалось путем производства через наркомпросовские инстанции членами организации (я — Чобанзаде, Фейзула Касим Заде, Зейналлы Ганифа, Катаваглы, Таги Заде Абдулла и др.)

II. Вербовка, вовлечение в организацию новых членов из числа контрреволюционных националистически настроенных студенчества и академического персонала вузов.

III. Захват в руки организации (контрреволюционных групп) общественных организаций в вузах, членам группы вменялось в обязанность голосовать за кандидатуры, согласованные с руководством организации, таким образом мы осуществляли расстановку контрреволюционных националистов и пантюркистов на руководящих постах общественных организаций вузов.

IV. Членам контрреволюционной группы, уезжающим в деревню после окончания вузов, предлагалось проводить контрреволюционную, националистическую и пантюркистскую работу на местах, для этого в первую очередь мы рекомендовали комплектовать учительский персонал школ из пантюркистской настроенной молодежи, этим преследовалась цель создать

костяк организации для дальнейшего разворота контрреволюционной работы в деревне.

Вопрос. Поддерживалась ли в дальнейшем контрреволюционная связь с членами организации, уехавшими в деревню?

Ответ. Контрреволюционная связь с членами организации, уехавшими на работу в районы, была, но она поддерживалась нерегулярно и не систематически. Приезжающим давались директивы и советы по развертыванию контрреволюционной пантюркистской и националистической работы.

Вопрос. Продолжайте Ваши показания.

Ответ. Наряду с этими общими моментами контрреволюционной работы контрреволюционные группы И. Хикмета среди казанских и крымских татар имели свои особенности, а именно: 1) Группа Исмаила Хикмета: а) популяризация турецкой литературы и деятелей турецкой республики и партии «Единение и прогресс» (Энвер Паша, Талаат Паша, Кемаль Паша и др.). Контрреволюционная националистическая и пантюркистская литература Хикметом получалась из Турции; б) идеализация среди контрреволюционной националистически настроенной азербайджанской интеллигенцией периода оккупации турками Азербайджана; в) пропаганда необходимости присоединения Азербайджана к Турции (в этом отношении активную роль играл азербайджанец Джабер Эфенди Заде). 2) Контрреволюционная группа среди крымских татар: а) сколачивание пантюркистских кадров из среды крымской вузовской молодежи, находящейся в Баку, закрепление их на контрреволюционных националистических позициях и отправка в Крым, после окончания вузов с целью использования в контрреволюционной работе партии «Милли-Фирка»; б) отправка в Крым из Азербайджана пантюркистской и контрреволюционной литературы; в) установление контакта с дагестанскими контрреволюционными националистическими кругами, главным образом студентами дагестанцами, с каковой целью организовать совместные контрреволюционные сборища, вечеринки и т. д. 3) Группа казанских татар (руководитель Губайдулин): а) популяризация среди казанских татар в гор. Баку «султангалиевщины» и развертывание контрреволюционной работы среди них; б) в своей практической контрреволюционной работе эта группа поддерживала связь с центральным духовным мусульманским управлением в гор. Уфа в лице Фахраддинова Риза Кади.

Вопрос. В чем заключалась эта связь?

Ответ. Мне известно со слов Губайдуллина, что они получали информацию от Фахраддинова о положении татарского духовенства в СССР, на настроениях его. Также во время Туркологического (так в тексте. — Д.У.) съезда Фахраддинов на Губайдуллина прислал письмо с требованиями отставать арабский алфавит, что Губайдуллиным и было сделано.

Вопрос. Вы показали не все.

Ответ. Вспомню и дам следствию исчерпывающий ответ.

Вопрос. Назовите состав контрреволюционных групп.

Ответ. Вторая группа из крымских татар — руководитель я — Чобан Заде.

1. Якуб Зеки, быв. студент АГУ, ныне преподаватель в средней школе; 2. Акимова Асие, б/п, быв. студент АГУ, ныне преподаватель в средней школе; 3. Куркчи Гусейн, б/п, быв. студент АГУ, ныне преподаватель в Крыму; 4. Топлы Осман, б/п, быв. студент педагогического института, ныне преподаватель в Крыму; 5. Аметов Исмаил, б/п, быв. студент Азерб. медицинского института, ныне доктор, проживает в Крыму; 6. Рефатов Решад, б/п, быв. студент АГУ, ныне преподаватель в гор. Симферополе (Крым); 7. Рефатов Асан, б/п, быв. студент консерватории, ныне композитор в гор. Симферополе (Крым); 8. Эннан Абдурахман, б/п, быв. студент АГУ, ныне преподаватель в Крыму; 9. Танабайлы Акмулла, б/п, быв. студент с АГУ, ныне преподаватель в гор. Симферополе (Крым). 10. Бекирбаев Осман, б/п, быв. студент сельхозинститута, ныне агроном, работает в Дагестане; 11. Тарпи Зейни, б/п, быв. студент Азерб. медицинского института, доктор, предполагаю, что работает в Крыму; 12. Баясанов Билял, б/п, быв. студент Азерб. медицинского института, доктор, проживает в Баку; 13. Баясанов Осман, б/п, быв. студент Политехникума, проживает в Баку; 14. Касимов Тофик, б/п, быв. студент АГУ, ныне проживает в Баку. 15. Шейхаметов Осман, б/п, быв. студент Азерб. медицинского института, ныне доктор, ранее проживал в гор. Кировабаде, а затем переехал в гор. Москву; 16. Джалалов Эреджаб, б/п, быв. студент сельхозинститута, ныне агроном, проживает в Кировабаде; 17. Шейхаметова Хатиджа, б/п, быв. студентка Азерб. медицинского института, ныне доктор, проживает в гор. Симферополе (Крым); 18. Гаджи Оглу Мамед, б/п, быв. студентка Азерб. медицинского института, умерла в 1930 году; 19. Куркчи Омар, б/п, быв. студент Азерб. медицинского института, ныне работает доктором в гор. Симферополе (Крым).

Вопрос. С какими контрреволюционными националистическими

организациями и антисоветскими политпартиями была установлена связь для координации контрреволюционной борьбы?

Ответ. Я на предыдущих допросах уже показал, что я, Губайдуллин и Хикмет имели контрреволюционную связь с партиями «Милли-Фирка», «Муссават» и «Султангалиевской» контрреволюционной организацией. После оформления нашей контрреволюционной организации связь с этими политпартиями мы не порвали и она продолжалась до момента их разгрома с «Милли-Фирка» связь держал я, Чобан Заде, с муссаватистами я, Губайдуллин и И. Хикмет, «султангалиевцами» — Губайдуллин. Отдельные члены наших контрреволюционных групп также работали в тесном контакте с мусаватистами и «Милли-Фирковцами». Поддерживая связь с этими антисоветскими политпартиями, преследовали цель — координация контрреволюционной работы среди интеллигенции и вузовской молодежи.

Протокол записан с моих слов правильно, прочитан мне, в чем и расписываюсь — Чобанзаде.

(Архив ГУ СБУ в АРК, арх. д. 09042, л. 30 — 37. Подписник).

Примечания

1. Исмаил Хикмет Эртайлан родился в Стамбуле в 1889 году. Закончил Галатасарайский лицей и финансовый техникум. Много лет преподавал историю и словесность. В 1923—1927 годах работал на восточном факультете АзГУ. Под конец жизни — профессор Стамбульского университета. Автор книги о крымском хане и поэте Гази Герае. Скончался 18 декабря 1967 года. (Emel. — 1968. — № 44. — S. 48).

2. Газиз Губайдуллин (1887—1938) — выдающийся татарский ученый, историк и литературовед. Закончил Казанский университет. С 1925 года работал в Баку доцентом, сменил Чобан-заде на посту декана восточного факультета АзГУ (1927), позже профессор, заведующий кафедрой истории тюрко-татарских народов. Участник I Всесоюзного туркологического съезда. С начала 1930-х годов подвергался публичным нападениям и травле. Арестован 17 марта 1937 года в Баку, расстрелян в Казани в мае 1938 года (Люди и судьбы. — С. 132—133; Кульпин Э. Две жизни Газиза Губайдуллина // Восток. — 2004. — № 1. — С. 134—142).

Приложение 9

В Военную коллегия
Верховного Суда СССР

Заключение по делу Чобан-Заде Бекира

12 октября 1937 года Военная коллегия Верховного Суда осудила по ст. ст. 64, 63 — 1 и 73 УК Аз.ССР, к расстрелу с конфискацией имущества бывш. действительного члена Азербайджанского филиала Академии наук, профессора Чобан-Заде Бекира Вагаповича, 1893 г. рожд., уроженца Крыма, татарина, б/п, с высшим образованием, женат, не судим, арестован 27 января 1937 г.

Чобан-Заде осужден как один из руководителей контрреволюционной организации и агент иностранных разведок (т. 3, л. д. 1019).

Обвинение Чобан-Заде основано на признании осужденным своей вины и показаниях арестованных Хулуфлу, Тихомирова, Давлатова, Сафарова, Ахундова и др.

Приговор в отношении Чобан-Заде подлежит отмене, а дело прекращению по следующим основаниям:

1. Показания Чобан-Заде о том, что он состоял участником контрреволюционной организации, был связан по антисоветской работе с Рухулом Ахундовым, Хулуфу и другими научными работниками бакинских вузов, по их указанию создал антисоветскую группу в Азербайджанском госуниверситете, в которую вовлек студентов Алекперова, Сеидова и других, — не соответствуют действительности.

Названные Чобан-Заде в числе участников контрреволюционной организации бывш. студенты Азерб. госуниверситета, а ныне профессора и доценты Бакинских вузов и писатели Азербайджана — Алекперий Гулам, Сеидов Ахмет, Султанлы Касум Заде, Рафили Михаил, Шанг Абдулла и другие не арестовывались и к уголовной ответственности не привлекались (м. пр. 1 — 2).

Рухула Ахундов, Тихомиров и др. научные работники Бакинских вузов, которые по показаниям Чобан-Заде состояли участниками контрреволюционной организации, в настоящее время реабилитированы (л. д. 3 — 4 м. пр.).

2. Показания арестованных Хулуфлу, Сафарова, Губайдуллина и других, копии протоколов допросов которых приобщены к данному делу, не могут служить доказательством вины Чобан-Заде, так как установлено, что эти лица членами контрреволюционной организации не состояли и были необоснованно осуждены. Сафаров Гасан, Давлатов Исаи, Рухула Ахундов, Тихомиров, Дадашев и Ахунд Заде Ахмет Джеваль посмертно реабилитированы. Дела в отношении Хулуфлу, Биляндарлы, Губайдуллина, Зейналы, Саламова и др. рассмотрены Главной Военной Прокуратурой и представлены в Военную коллегия Верховного Суда СССР с заключениями на предмет отмены приговоров и прекращения по п. 5 ст. 4 УПК РСФСР.

3. Не нашло своего подтверждения предъявленное Чобан-Заде Бекиру обвинение в шпионаже. В Центральном государственном особом архиве МВД СССР данных о связях Чобан-Заде с иностранной разведкой нет.

4. Допрошенные в процессе дополнительного расследования зав. отделом Института литературы и языка АН АзССР доктор филолог. наук проф. Ширалиев, проф. кафедры истории азербайджанской литературы АГУ Касум-заде, зав. кафедрой русской литературы Азерб. госуниверситета, доктор филолог. наук, проф. Султанлы Али и проф. Дадаш-Заде Мамад, препод. ун-та Пирумов, продолжительное время знавшие Чобан-Заде по совместной работе, характеризуют его как крупного ученого и честного советского человека.

5. Проводившие расследование по делу быв. работники АЗНКВД Герасимов, Шер, Григорьян, Цинман осуждены, а Сумбатов арестован и привлекается к уголовной ответственности за фальсификацию следственных дел.

18. 09. 1956 г.

Военный прокурор отдела ГВП
подполковник юстиции **Б. Плеханов**

«Утверждаю»

Зам. Главного военного прокурора
полковник юстиции **И. Максимов**

(Архив ГУ СБУ в АРК, арх. д. 09042, л. 127 — 128. Заверенная копия).

Приложение 10

Письмо КГБ АзССР военному прокурору ОДВО (1956 г.)

Комитет государственной безопасности
при Совете Министров Аз.ССР

секретно
22 августа 1956 г.,
гор. Баку

Следовательский отдел

Старшему помощнику военного прокурора ОДВО полковнику юстиции
т. Черняеву, г. Симферополь

На Ваш № ... от 23 июля 1956 г.

Сообщаем, что проходящий по показаниям Куркчи С.С. Чобан Заде Бекир Вагаф Оглы 12 октября 1937 года был осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР к ВМН за контрреволюционную деятельность.

Военной прокуратурой Закавказского военного округа дело на Чобан Заде 15 мая 1956 года представлено в Главную Военную Прокуратуру с протестом о его реабилитации. О существовании в 1925—1927 гг. в Азерб. госуниверситете контрреволюционной организации под названием «Крымское землячество» нам не известно.

Подпись

(Архив ГУ СБУ в АРК, арх. д. 09042, л. 129. Подлинник).

Примечание

Публикуемый выше документ неопровержимо свидетельствует о том, что обвинения Б. Чобан-заде были полностью сфабрикованы в недрах НКВД. Попытки представить любимого профессора, к которому тянулись студенты из Крыма, главарем мифической контрреволюционной организации оказались вымышленными от начала до конца, о чем азербайджанские чекисты и сообщают военным прокурорам в Крым.

Приложение 11

Свидетельство о смерти

№ 4Н — 021614/56
от 25 июня 1957 года

Чобан-заде Бекир Вагабович умер 12 июля 1939 года в селе Хачмаз Азербайджанской ССР.

Чобан-заде реабилитирован посмертно от 6 июня 1957 года.

Приговор за 12 октября 1937 года отменен Военной коллегией Верховного Суда СССР.

Свидетельство выдано Военной коллегией Верховного Суда СССР 18 апреля 1958 года.

(Заверенная копия).

Примечание

Фальсификаторы истории в высших органах власти СССР, чтобы скрыть массовый характер злодеяний сталинского режима в 1937—1938 годах, посредством КГБ обязали Военную коллегию Верховного Суда выдавать родственникам справки с ложными сведениями. В этих справках как обстоятельства, так и дата гибели человека были фиктивными. Некоторые биографы Чобан-заде оказались легковверными и поверили этой провокации, стали повторять фальшивку наследников Сталина. См., например: Нагаев С. Сын чабана. писатель, языковед // Народное слово. — 1993. — 13 мая.

Копия Форма 30

Военная коллегия
Верховного Суда
Союза ССР
25 июня 1957 г.
№ 4Н — 021614/56

СПРАВКА

Дело по обвинению Чобан-заде Бекира Вагабовича до ареста 27 января 1937 года — действительного члена Азербайджанского филиала Академии наук СССР; пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР 6 июня 1957 года.

Москва,
ул. Воровского, д. 13

Приговор Военной коллегией от 12 октября 1937 года в отношении Чобан-заде Б.В. по вновь открывшимся обстоятельствам отменен и дело за отсутствием состава преступления прекращено. Чобан-заде Б.В. реабилитирован посмертно.

*Председательствующий судебного состава
Военной коллегии Верховного суда СССР
полковник юстиции (подпись) А. Костромин
(Заверенная копия).*

А. Булдеев

Татарский поэт Чобан-Заде

Поэт крымских татар Чобан-Заде принадлежит к числу жертв большого террора. Будучи арестован органами ГПУ в Баку, он канул в неизвестность. Никто, кроме всеведующего палача, не знает его судьбы. Долг наш теперь вспомнить о нем. Чобан-Заде вышел из народа. Он родился в семье чабана в одной из деревень Карасубазарского района в 1897 году. До 10 лет он помогал отцу в его занятиях и сам был пастушком. Попав в школу, он обратил на себя внимание своими способностями. Известный татарский общественный деятель Сабри Айвазов, впоследствии павший наряду с другими жертвой большевизма, принял участие в его судьбе.

На средства мусульманского общества Чобан-Заде был послан в Турцию для получения образования и успешно окончил Константинопольский лицей, затем поступил в Будапештский университет, по окончании которого готовился к занятию кафедры по тюркологии и стал приват-доцентом этого университета.

Когда в России началась революция, Чобан-Заде рвался на родину, в Крым. Он пренебрег научной карьерой на Западе, отказавшись от занятия кафедры по тюркологии в Неапольском университете, и возвратился на родину.

Вначале все шло хорошо. Он становится профессором Крымского университета в качестве тюрколога и быстро приобретает имя и известность, сопровождающуюся популярностью как среди татарского народа, так и среди русского общества.

Репутация его крепнет, и имя становится известным далеко за пределами Крыма. В 1924 году он избирается на кафедру профессора тюркологии в Бакинский университет и переезжает в г. Баку, где читает из года в год лекции по своей специальности, пишет многочисленные научные работы и занимается литературной деятельностью. 14 лет он успешно подвигается на поприще научной деятельности в Бакинском университете, пользуясь симпатиями своих учеников и товарищей по науке, — и в результате всего... арест органами ГПУ, суд в застенке и никому не известный приговор.

<...> Чобан-заде был не только ученым, он известен еще как поэт. Он начал писать и печатать стихи, живя за границей. Имя его как поэта очень популярно в татарском народе.

Его стихи были доступны всем слоям читателей, они удовлетворяли и изысканный вкус любителей поэзии и неискушенную душу народа. Стихи его стали песней для татар Крыма и Анатолии, на побережье которой часто раздавались напевы, сложенные крымскими эмигрантами, переселившимися в Турцию из Крыма.

Чобан-заде в крымской поэзии является новатором; он первый после своих предшественников, находящихся под сильным воздействием турецких писателей, ввел в поэтический обиход народную речь. Он заговорил как истинный поэт, полный силы и мощи, языком тонким и нежным и в то же время мужественным и крепким. Поэзия его носит боевой характер, он поэт борьбы.

Трагедия Чобан-заде, как и многих других поэтов, появившихся в том, что он пришел в поэзию в тот жесточайший период, когда поэзия в России была поставлена на плаху. Большевики не признавали никакой поэзии, кроме ритмической и зачастую аритмической публицистики, все содержание которой должно было сводиться к барабанному бою в честь октябрьской революции и ее «вождей».

Чобан-заде в творчестве первого периода, когда он не был еще согнут непреодолимой силой кровавого режима, не пошел по этому официальному пути, и поэтому ему пришлось прибегать к символике и порой к аллегории. В стихах его читатель найдет противопоставление двух образов — джигита и мещанина. Мещанами он называл большевиков, а джигитами их непримиримых противников. «Джигитство» — это героизм, смелость, самопожертвование; мещанство — это обывательская трусость, лакейское угодничество перед властью, лицемерие, тупость, бездарность, насилие над слабыми и поработченными, словом, все то, что исчерпывающим образом характеризует большевиков.

В поэзии Чобан-заде много человечности, он страстно любит свою родину, любит родной народ, нежнейшие стихи он посвящает своей матери, он воспекает народные обычаи, обряды и т. п.

Вместе с тем в них чувствуется безумная устремленность к борьбе, битве, самопожертвованию.

Чобан-заде — истинный лирик, умеющий придать любому из изображаемых предметов то смутное волнение, которым отличается лирика от других видов художественного творчества.

В одном из своих превосходных стихотворений «Дунай разливается» он говорит: «И на могиле напишут слова «Слава Богу, умер!». Эта эпитафия самому себе не оправдалась. Мы должны написать ее заново: «О горе, о мщении! Поэт замучен».

(Голос Крыма. — 1942. — 12 апреля).

Профессор Бекир Ситки Чобан-заде *Воспоминания Шевки Бекторе (1961)*

Профессор-филолог Бекир Ситки Чобан-заде родился в 1893 году в Крыму, в городе Карасубазаре. Сын бедняка Абдульвагапа Бавбека, который зарабатывал на жизнь тем, что выпасал овец. Чобан-заде в одном из своих стихотворений так представлял себя:

Нет в моем роду ни мурзы, ни знатного бая.

Отец мой — чабан, мать — Зайдабай¹.

Бекир Чобан-заде стал известен своими ранними произведениями как Бекир Ситки Бавбек. Под стихами кратко подписывался Бекир Ситки. Настоящее же имя поэта Бекир, а точнее Эбу-Бекир. Псевдоним Ситки ему был дан после русской революции 1905 года учителями школы-рушдие в его родном Карасубазаре. Школа содержалась на средства благотворительного общества.

После окончания школы Бекир Ситки с помощью благотворительного общества был направлен для продолжения учебы в Стамбул. Накануне Первой мировой войны он с отличием окончил Султанскую среднюю школу-идади и в 1914 году вернулся в Крым². Здесь он был призван в русскую армию для отправки на фронт. Выбрав удобный случай, бежал и через Бессарабию, Кишинев и Румынию вновь оказался в Турции, где поступил на филологический факультет Стамбульского университета³. Своим умом, зрелостью и усердием на факультете он привлекает внимание профессора кафедры филологии, если не ошибаюсь, это был профессор Месарош⁴. После чего с целью получения высшего филологического образования Чобан-заде вместе с названным профессором едет в Венгрию, в город Будапешт. В годы Первой мировой войны Бекир Ситки учится в Будапеште. Материальную помощь ему оказывает владелец сети крупных обувных магазинов в стамбульском районе Бахчекапы, выходец из Крыма, Хаджи Бекир-заде Амди-бей (шурин покойного Джафера Сейдамета).

В то время я был знаком с Бекиром Ситки лишь по его произведениям. Позже мы стали переписываться. В письмах мы обсуждали вопросы тюркского народного языка и диалектов, строили планы на будущее для работы в области языкознания.

В этот период Бекир Ситки, взявший уже псевдоним Чобан-заде, заканчивает высшее филологическое образование и, защитив в 1919 г. докторскую диссертацию, возвращается в родной Крым, занятый белой армией царского генерала Врангеля. Поселившись в Симферополе, он становится одним из лидеров национально-освободительной борьбы, начатой интеллигенцией и народом еще в 1917 г. Я с ним лично познакомился в конце 1919 г.⁵, когда он приезжал в Евпаторию на организованный нами вечер.

После разгрома красноармейцами и отрядами анархиста Махно под Перекопом и у Сиваша, армия Врангеля оставила Крым большевикам⁶. Большевики, три года пытавшиеся овладеть Крымом, теперь уже пришли к власти не только в Крыму, но и во всей России. После установления большевизма в Крыму, образования Крымской автономной советской республики и властных структур Бекир Чобан-заде был назначен заведующим отдела народного образования⁷. Сотрудниками этого отдела были господа Абибулла Одабаш, Исмаил Леманов и я.

Бекир Чобан-заде до 1925 года, то есть до отъезда из Крыма, работал в комиссариате просвещения в главном отделе по специальным наукам, председателем Государственного научного совета и преподавателем языка в Крымском педагогическом техникуме в Тотайкое⁸. В этот период роль Бекира Чобан-заде в национальной борьбе, которую вела крымская молодежь против все усиливавшегося гнета коммунизма в сфере управления, политики, идеологии, была очень велика. Он проявил себя как наиболее компетентная личность в национальной борьбе того времени.

В 1924 г. Бекир Чобан-заде был приглашен комиссариатом просвещения Азербайджанской советской республики на работу в качестве профессора кафедры филологии Бакинского университета. В 1925 г. он поселился в Баку. С этого момента для Бекира Чобан-заде открылись еще более широкие возможности для плодотворной работы как в области профессиональной, так и общественной. В самом деле, за короткое время он проявил себя авторитетным ученым, написав следующие труды: «Научная грамматика крымскотатарского языка», «Сравнительная грамматика кумыкского языка», «Грамматические формы тюркского языка» и др. В 1926 г. на Первом Тюркологическом съезде по переводу тюркских языков с арабского на латинский алфавит Бекир Чобан-заде, представляя азербайджанскую делегацию, занимал почетное место в президиуме этого форума⁹.

Для претворения в жизнь решений съезда о переходе на латинскую графику и ее распространения среди всех тюркских народов Бекир Чобан-заде был включен в состав комиссии по унификации тюркских алфавитов и участвовал в научных сессиях в Казахстане, Киргизии, Узбекистане, Туркменистане¹⁰.

Крымская молодежь, как до русской революции 1917 г., так и после нее вплоть до 1920 г., получала образование и удовлетворяла свои культурные потребности только лишь в Турции. После того как большевики перекрыли этот путь, ее взоры обратились на Баку, бывшем центром тюркской науки и культуры. Еще в 1923 г. студенты старшего курса Тотайкойского педагогического техникума были направлены в Бакинский университет. В те годы, когда Бекир Чобан-заде занимал должность заведующего кафедрой филологии Бакинского университета, более ста студентов из Крыма обучались в различных высших учебных заведениях Баку. Молодая крымская интеллигенция тянулась к своему профессору и объединялась вокруг него.

В заключение приведем слова известного писателя из казанских тюрок уважаемого господина Абдуллы Таймаза: «Профессор Бекир Чобан-заде — тюркский мыслитель, ученый-языковед и народный поэт, — идеалист, созревший в тот период мировой истории, который был насыщен войнами, революциями, распрями и кровопролитием». Совершенно очевидно и то, что такая личность не могла прожить долгую жизнь в условиях коммунистического режима.

Так оно и случилось. Бекир Чобан-заде был арестован во время страшной кампании массовой чистки и уничтожения в 1937—1938 гг., организованной в России сталинско-ежовским НКВД. С того времени о нем ничего не слышно: жив ли? убит ли? Где находится? Однако я уверен, что он стал одной из сотен тысяч жертв, которых коммунистический строй, проводивший политику террора, обвинив «в предательстве родины», объявил «врагами народа» и «агентами империалистических разведок», приговорил к 25 года заключения и отправил в сибирские лагеря. Уверен, что и его могила затерялась среди сотен тысяч могил неизвестных жертв в одном из лагерей.

Если он жив, пусть узнает, что мы помним о нем. Сегодня ему было бы 68 лет.

(Bektore S. Prof. Bekir Sıtkı Çobanzade // Kırım. — 1961. — № 11(23). — S. 175—180).

Примечания

1. У Таймаза, впервые опубликовавшего это двустилие, слово дано как нарицательное и написано с маленькой буквы. Ф.Д. Ашнин перевел его «простая женщина». В данном случае написано с заглавной буквы и должно означать имя собственное. В справочнике о крымскотатарских именах такое имя не зафиксировано (*Озенбашлы Э.* Крымскотатарские имена. — Симферополь, 1992. — С. 20). По одним данным, мать Бекира звали Захиде, по словам его сестры, ее звали Шерфэ-вадэ.

2. Явная ошибка. Школу Чобан-заде окончил лишь в декабре 1915 года, и слово «идадие» в ее названии совершенно излишне. Идадие в Османской империи была неполная средняя школы I ступени с 5-летним обучением в городах, 4-летним в провинции. Султанская школа — это полная средняя школа с 6-летним сроком обучения, вскоре переименованная в лицей. Именно в ней учился Чобан-заде. Верно лишь утверждение о том, что он летом 1914 г. побывал в Крыму на летних каникулах. После них он вернулся в Стамбул продолжать учебу.

3. Это утверждение подтверждается документами из Будапешта.

4. Дьюла Месарош (1883—1957) — известный венгерский тюрколог, часто посещал Турцию. Установить, был ли он действительно в Стамбуле в 1914—1915 годах, нет возможности.

5. В 1919 г. Чобан-заде в Крыму не было. Знакомство Бекторе с Чобан-заде могло произойти лишь годом позже.

6. Отряды Махно вместе с Красной Армией штурмовали Перекоп, но позднее были атакованы своими недавними союзниками. Только немногим махновцам удалось прорваться и уйти из Крыма.

7. Распространенное заблуждение. Чобан-заде был лишь начальником татарского отдела (управления) Наркомпроса. См. подробнее часть II, главу 2 настоящей работы.

8. Должности, которые занимал Чобан-заде в Наркомпросе Крыма, указаны неверно. Не сказано о том, что он был профессором восточного факультета Крымского университета.

9. К этим словам Ш. Бекторе дает примечание, в котором говорит, что с Чобан-заде он был знаком в течение 20 лет (вероятно, опечатка; следует читать 12) до его, Бекторе, ареста в 1932 г. На летних каникулах 1926 г. он пригласил Чобан-заде в Дагестан, где тот провел два месяца, проживая в доме Бекторе в Махачкале. Далее он вспоминает, что тогда в Баку работал турецкий ученый Исмаил Хикмет Эртаилан, позже ставший профессором Стамбульского университета и заведующим отделением тюркологии. На Тюркологическом съезде были ученые из Европы, а из Турции приезжал профессор Кёпрюлю. Позже Бекторе встречался с Чобан-заде в 1930 г. во время сессии ВЦК НТА в Ашхабаде, где он тогда жил.

10. В Киргизии научных сессий ЦК НТА не проводил. В перечне пропущена Казань (Татарстан).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Аббасов — 195
 Абдулазиз — 25
 Абдул Лятиф — 41
 Абдул-Хамид — 27
 Абдуллаев В. — 139
 Абдильваапов Нариман — 15
 Абдураманов Эннан — 137, 187, 189
 Аблямитов Якуб — 27, 189
 Абду-л-Гази — 140
 Агамали Самед — 110, 118, 120, 124, 145, 163, 182
 Аджар Кенан — 9, 23, 48, 109, 140, 220
 Аджарьян — 155
 Аджиасан Умер — 129, 130
 Азизов Якуб — 129, 162, 165, 166, 170, 171, 175, 190, 196, 225, 226
 Аирчинская Роза — 15
 Айвазов Асан Сабри — 19, 52, 54, 63, 69—71, 74, 77, 92, 94, 120—123, 128—130, 165, 167, 174, 188, 189, 193, 206, 217, 219
 Айтанов В.К. — 124
 Акимова Асие — 137, 187
 Акулов И.А. — 63, 64, 89
 Акчокраклы Осман — 47, 93, 102, 103, 120, 122, 130, 148, 153, 167, 188, 189, 210
 Александрович Рамазан — 166, 167
 Аллатов В.М. — 9, 132, 183, 198
 Аметов Исмаил — 137, 187
 Андрусов Н.И. — 54
 Аралов С.И. — 72
 Аранья Янош — 40, 41
 Араслы Г. — 138
 Асанов Али — 119
 Асанов Риза — 220
 Асланов В. — 18, 106, 140
 Асфендиаров — 124
 Атаман Амди — 41, 48
 Атаман Эмир-Асан — 41
 Афизов Расим — 27
 Ахматович А. — 51
 Ахундов М.Ф. — 141, 172, 195
 Ахундов Рухулла — 110, 135, 156, 180—182, 195, 228
 Ашмарин И.Н. — 111, 118, 143, 146, 149, 182
 Ашнин Ф.Д. — 8, 9, 11, 12, 15, 18, 24, 33, 44, 89, 117, 134, 141, 183, 188, 197, 198, 216, 221

Б

- Бабаев Адиль — 9, 18, 109, 117, 144, 172, 183, 198, 215, 217, 220, 229
 Бабингер Ф. — 153
 Багиров Гулам — 139, 182, 228
 Багиров Мирджафар — 179—181, 185, 191, 196, 228
 Байбаков — 182
 Байков А.А. — 69, 101, 103, 104
 Байбуртлы Ягья — 128, 129, 148, 167, 188, 189, 219
 Байкар — 141

Байрашевский Омер — 104
 Байрашевский Ягъя — 108, 122, 129, 130, 189
 Байрон — 115
 Байтурсуноглу Ахмед — 112
 Байчурин Г.Г. — 190, 191
 Базен-Фуше — 155
 Балич Усеин — 63, 76, 83, 95, 96, 122, 125, 210, 212
 Бартольд В.В. — 111, 118, 145, 147, 149, 150, 217
 Баясанов Билял — 188
 Баясанов Осман — 188
 Бегич Энис — 47
 Бекиров Амди — 27
 Бекиров Мустафа — 90, 122, 212
 Бекиров Насыр — 15
 Бекиров Осман Зеки — 74, 76, 79, 209
 Бекирбаев Осман — 187
 Бекторе Шевки — 10, 17, 23, 31, 39, 92, 93, 121, 168, 197, 229, 262
 Беннигсен А. — 206
 Бенфай Т. — 111
 Бергсон Анри — 113
 Березин И.Н. — 111
 Берия Л.П. — 180
 Бертельс Е.Э. — 149
 Бобрышев С.Т. — 108
 Богданович — 86
 Боданинский Усеин — 62, 99, 153, 189
 Бодлер Шарль — 5, 6, 9, 10
 Бопп Ф. — 111
 Бочагов А.К. — 76, 169, 170, 209
 Булгакова Диляра — 144, 145, 194, 221
 Булгакова Хатидже — 15, 144, 194, 224
 Буддеев А.Н. — 8, 115, 116, 197
 Булушев Зейнулла — 60, 64
 Бурхан — 148
 Буслаев Ф.И. — 154
 Бухарин Н.И. — 164

В

Вамбери Армин — 9, 38, 39, 111
 Васильков Я.В. — 15
 Везир Юсул — 182
 Вейсберг Г.П. — 127, 165, 166, 225
 Велиев Аблязиз — 15
 Вельяминов-Зернов В.В. — 111
 Вересаев В.В. — 69
 Вёршмартин Михай — 41
 Верлен Поль — 113
 Вернадский В.И. — 213, 214
 Виттек Пауль — 146, 149
 Владимирцов Б.Я. — 154
 Воинова Хаят — 79
 Волков Ф.Д. — 177
 Волкогонов Д.А. — 177
 Вологдин Б.П. — 67

Волошин М.А. — 93
 Вышинский А.Я. — 192

Г

Гавен Ю.П. — 65, 68—70, 72, 96
 Гаджи Оглу Мамед — 188
 Гарютин М.И. — 89, 211, 212
 Гасанов И. — 139
 Гаспринский Исмаил — 13, 22, 27, 112, 173
 Гафаров Басыр — 19
 Гафаров Джафер — 128, 129, 196
 Гафаров М. — 129
 Гафаров Я. — 129
 Гегель — 10, 42, 111
 Гекальп Зия — 112
 Герасимов — 185, 196
 Геродот — 111
 Гете — 42
 Гетти Дж.А. — 178
 Гирибай Амди — 46, 128, 168, 169, 205
 Гольдцигер И. — 38—40, 234
 Гомер — 111
 Гордлевский В.А. — 147, 149
 Гредингер М.О. — 48, 101—103, 214
 Григорьян — 185, 196
 Гримм Я. — 111
 Губайдуллин Азиз — 118, 149, 182, 187, 190, 194, 195
 Гулиев А. — 18, 106
 Гулиев Мустафа — 172
 Гумбольдт В. — 111
 Гусейн-заде Алибей — 146, 151, 152, 223
 Гусейн-заде М. — 139
 Гусейнов С. — 182
 Гюго Виктор — 9

Д

Дадашев Агакарим — 182
 Дадаш-заде М. — 138
 Дашкевич Я.Р. — 46
 Демирчи-заде А. — 138
 Дени Жан — 146
 Дельер — 155
 Деревикский А.Н. — 47, 54, 101, 103
 Дерен-Айерлы Осман — 63, 64, 70, 74, 75, 77, 79, 95, 96, 104, 122, 159, 160, 209
 Дерменджи Абдулла — 162, 166, 167, 173, 196, 197
 Джавад Г. — 182
 Джавид Хусейн — 112, 182
 Джавтобели — 129
 Джалалов Эреджаб — 188
 Джевдет-заде Хикмет — 146, 152
 Жемаледин Шемикедин — 20
 Жемалединов Керим — 20—22, 27, 30, 76, 123, 129, 188, 189, 193, 219
 Диманштейн С.М. — 124

Динстман — 147
 Дмитриев Н.К. — 151
 Долинина А.А. — 100
 Дружинин С.А. — 114, 116

Е

Евлахов — 182
 Енукидзе А.С. — 118

Ж

Жузе Н.К. — 118, 149, 182

З

Зарифов Хади — 139
 Захидов Вахид — 139
 Зейналлы Ханафи — 182, 194
 Зиновьев — 164
 Зифельд-Симумяги А. — 182, 183
 Зленко Г.Д. — 15

И

Ибрагимов Галимзян — 213
 Ибрагимов Мирза — 144
 Ибрагимов Ш.Н. — 61, 63, 74, 86
 Ибраимов Вели — 56, 64, 72—77, 79, 95, 104, 122, 129, 156—158, 209
 Ибраимов Умер — 70, 79
 Ибн Муханна — 111, 141
 Ибн Сина — 111
 Израилевич А.И. — 65, 70
 Ильмий Абляким — 128, 167, 189
 Ипчи Умер — 128, 129, 168, 169, 173, 196, 219
 Исаченко А.И. — 154
 Исмагилов И.Ф. — 96, 99, 136
 Исхаки Аяз — 150
 Исхакова Айше — 63, 70

К

Каджаметова Сафуре — 15
 Кадыр Иргат — 173, 196, 197, 226
 Казембек А.К. — 111
 Каменев Л.Б. — 164
 Кампфмайер Г. — 153
 Кандым Юнус — 24, 116
 Кант — 42
 Кантемир — 182
 Каримов Али — 182
 Карцевский С. — 154
 Касимов Тофик — 188
 Кастанье Ж. — 149, 150, 206, 222
 Касум-заде Ф. — 138

Катрмер Э. — 111
 Керимов Исмаил — 11, 12, 50
 Керл Дитер — 15
 Керменчикли Джемиль — 168, 225
 Керменчикли Якуб — 188
 Кепрюлю Фуад — 112, 146, 150—153
 Кильдишев Алим — 79
 Кипчакский Исмаил — 144, 221
 Киримал Эдиге — 13
 Киров В.Г. — 211
 Киров С.М. — 194
 Ковач Элод — 116
 Кожин В. — 177, 178, 180
 Конквест Р. — 184
 Коркмазов Джелал — 146
 Коробчук П. — 116
 Крачковский И.Ю. — 100, 103, 105, 106, 148, 149, 204
 Крымский А.Е. — 8, 12, 28, 111, 147, 150, 153
 Кубаев — 77, 210
 Кульбешеров — 124
 Кун Бела — 45, 60, 61, 171, 207
 Кун Геза — 38, 111, 205
 Кунош Игнац — 39—41, 111
 Куркчи Абла — 122, 128
 Куркчи Омер — 137, 188
 Куркчи Усеин — 137, 187
 Куртсеитов Алим — 110
 Кырымпы Хакан — 24, 47, 209

Л

Лазерини Э. — 24
 Лаврентьев (Картвелишвили) Л.И. — 189, 230
 Лейбниц — 42, 111
 Леманов Исмаил — 86, 99, 101, 103, 122, 129, 130, 189, 210
 Ленин В.И. — 111, 118, 157
 Лермонтов М.Ю. — 115
 Лигети Лайош — 38
 Линниченко И.А. — 98, 99
 Литвин С. — 116
 Ломоносов М.В. — 19
 Лопухин — 182
 Лукач Дьердь — 45
 Луков — 182
 Лукьяненко А.М. — 48, 101—103
 Луначарский А.В. — 47
 Лятиф-заде Абдулла — 8, 12, 24, 27, 80, 128, 129, 132, 164, 174, 188

М

Маковельский — 182
 Макуха П. — 114, 116
 Малов С.Е. — 150
 Мамедкулузаде Дж. — 172
 Мандоки Иштван — 46

Малиновский — 128
 Манцев — 72
 Маркевич Арс. И. — 98, 102, 103
 Маркс К. — 111
 Марр Н. Я. — 111, 118, 132, 142, 155
 Махмуд Кашгарский — 111, 141, 182
 Махмуд-заде А. — 182
 Меджитов — 173
 Медиев Абдурешит — 19, 20, 201
 Меинов Джелал — 129, 136, 210
 Мейе Антуан — 111, 154, 155, 223
 Мелиоранский П. М. — 111
 Меметов Айдер — 15, 109
 Меметов Селим — 64, 70, 74, 76, 88
 Менцель Теодор — 146—150, 222
 Месарош Дьюла — 32, 33, 37—39, 146, 150, 151, 262
 Мехди Хусейн — 172
 Мещанинов И. И. — 118, 135
 Милибанд С. Д. — 89
 Моллова М. — 205
 Молотов В. М. — 75, 157
 Мольер — 41
 Мошони Липот — 32, 34
 Муединов Бекир — 79
 Муртоз — 182
 Муниф-Бей — 147
 Мусабеков Г. — 118
 Мусаниф Якуб — 77, 162, 172, 189, 196, 209, 229
 Муслимов — 75
 Мустафа Кемаль — 71, 95, 152
 Мустафа Курба — 74
 Муханлы — 182
 Муфтий-заде Абдуреим — 99, 100
 Муфтий-заде Исмаил — 19, 20, 201
 Мухитдинов, нарком — 89, 97, 209—211
 Мухитдинов Бекир — 96
 Мюллер А. — 9
 Мюшфик — 182

Н

Навои — 141
 Нагаев Сафтер — 11, 18, 24, 31, 33, 44, 48, 139, 141, 148, 198, 216
 Надинский П. Н. — 76
 Назим Али — 182, 194
 Назиров — 124
 Намык Кемаль — 112
 Нансен Ф. — 71
 Нариманов Н. — 94, 118
 Недим Мамут — 24, 27, 52, 54, 71, 74—76, 79, 83, 94, 95, 97, 120, 122, 123, 125, 127—130, 148, 161, 164—166, 189, 193, 204, 209, 219, 225
 Нельдеке Т. — 9
 Немет Дьюла — 34, 37—41, 146, 205
 Нефедьев — 107

Нечепорук Е. И. — 46
 Ниязий Мемет — 52
 Новицкий П. И. — 82, 100, 103, 104
 Ногаев Решид — 73, 75, 76, 95, 122, 210, 213
 Нойан Исмаил — 109
 Нузет Мемет — 167
 Ныри Мария — 32, 36, 116

О

Одабаш Абибулла — 12, 27, 56, 58, 62, 63, 83, 89, 93, 97, 100, 101, 103, 108, 120, 122, 129, 149, 159, 167, 174, 189, 203, 217
 Озенбашлы Амет — 13, 56, 62—65, 74, 75, 80, 83, 89, 90, 92, 96, 130, 159, 161, 167, 169, 189, 212
 Олонецкий — 88
 Ольденбург С. Ф. — 150
 Османов Юрий — 116
 Отар Исмаил — 9, 14, 15, 18, 22, 23, 31, 34, 40, 41, 48—50, 58, 106, 109, 112, 115, 116, 198, 216

П

Павлович (Вельтман) М. П. — 124, 145
 Памукчи Алпаз — 77, 210
 Паперный Л. Л. — 212
 Парнок София — 93
 Пасмани Петер — 35
 Пахомов В. — 118, 149, 182
 Писаревский — 182
 Платон — 111
 Поливанов Е. Д. — 124, 125, 132, 142
 Поляков М. Х. — 63
 Полпе — 150

Р

Радебольд Вальтер — 146
 Радлов В. В. — 9, 111, 142, 205, 220
 Раевский А. А. — 103
 Рази А. — 182
 Расул-заде М. Э. — 175, 227
 Рауф-Бей — 71
 Рафили Микаил — 172, 195
 Рахманов Гусейн — 181
 Раюньи Ласло — 34, 49
 Рефатов Асан — 77, 137, 153, 185, 187, 188, 195
 Рефатов Мамут — 70, 137
 Рефатов Мидат — 27
 Рефатов Решат — 137, 138, 187, 188
 Рефик Селим — 175
 Ренан Эрнест — 9
 Реденс С. Ф. — 72
 Рзакулиев Микаил — 195
 Ридл Фригеш — 41
 Рипка Ян — 153

Ромаскевич А.А. — 118
 Ротенберг А.И. — 72
 Рустамбеков Бекир — 194
 Рыскулов Турар — 190, 230

С

Саади — 111
 Саид-Галиев Сахибгай — 13, 65, 96, 207
 Саид Халид — 182, 194
 Салазкин С.С. — 69, 104, 107
 Салих Ариф — 26
 Самединов А. — 190
 Самойлович А.Н. — 118, 141, 143, 146, 147, 150, 183
 Самурский (Эфендиев) Н. — 72
 Саниев — 194
 Сафаров — 195
 Сейдамет Джафер — 9, 12, 23, 27, 34, 41, 51, 54, 55, 58, 75, 112, 116, 197
 Сейдаметов Джемиль — 153, 162, 164—168, 196, 197, 225
 Сеитбекиров Эльдар — 15
 Сейтягьяев Нариман — 15, 109, 110, 115
 Селим Шакир — 8, 15, 109
 Семашко Н.А. — 87
 Сент-Бев Шарль — 113
 Сергеев-Ценский С.Н. — 93
 Синнеи Йожеф — 39—41
 Ситки Мустафа — 27
 Солженицын А.И. — 176
 Спендиаров А.А. — 92
 Сталин И.В. — 60, 156, 157, 163, 176, 185, 196
 Сталь Жермена де — 9
 Султан Велед — 112
 Султан-Галиев Мирсаид — 57, 95, 155, 159, 186, 218
 Султанлы — 195
 Сулькевич Супейман — 51
 Сумбатов-Топуридзе Ю.Д. — 180, 185, 196, 228
 Сурейя Мунир — 50

Т

Тагирзаде А. — 18, 106, 139
 Тагишахбазы Симург — 182
 Таймаз Абдулла Баттал — 10, 17, 22, 23, 28, 31, 33, 47, 51, 117, 197, 230, 262
 Талалай Л. — 116
 Талыблы Б. — 182, 194
 Танабайлы Вейс — 137, 187, 189
 Таракчи С.У. — 58
 Тарпи Зейни — 187
 Тархан Ильяс — 75, 166, 167, 190, 191
 Тихомиров Б.Н. — 182, 194, 195
 Тоған (Валидов) Ахмед — 149
 Томсен В. — 111, 141, 146, 221
 Топлы Осман — 137, 187, 188
 Торолкин — 78, 120
 Тот Лайош — 37

Троцкий Л.Б. — 157, 172
 Трубецкой Н.С. — 154
 Трупчу Сервер — 76, 77, 189
 Тынчеров Раим — 128
 Тычина Павло — 152
 Тэн Ипполит — 9

У

Улькюсаль М. — 13
 Ульянов Д.И. — 86, 87
 Умеров — 96
 Уфимцев — 65, 96
 Ушаков Д.Н. — 142, 221

Ф

Федотов Г. — 177
 Фекете Лайош — 38
 Физули — 141
 Фикрет Тевфик — 26
 Филоненко В.И. — 47, 98—103, 105—107, 151
 Фитрат — 146
 Фирдевс Исмаил — 58, 62, 68, 74—76, 79, 82, 85, 87, 95, 159, 211, 218
 Фирдоуси — 111, 141
 Фишер Алан — 13
 Флобер — 9
 Фокс Э. — 71
 Фридман И.С. — 107, 212, 215
 Фрунзе М.В. — 98
 Фуад Паша — 112

Х

Хайдеггер М. — 177
 Хайсеров — 56
 Халиде-ханум — 43, 204
 Хамзин Керим — 62, 88—90, 92, 211, 212
 Хатаи — 141
 Хатиф О.К. — 203
 Хаттатов С.Дж. — 56, 58, 62, 70, 74, 77, 79, 80, 159, 189
 Хикмет (Эртайлан) Исмаил — 118, 146, 149, 152, 187
 Хлевнюк О. — 179
 Ходжаев Файзулла — 124
 Ходжаев Х.С. — 182
 Хорти, адмирал — 53
 Хулуфлу Вели — 118, 139, 182, 194, 195
 Хусейнов М. — 194

Ц

Цинман — 185, 196

Ч

- Чагар Билял — 76, 190, 196
 Чапчакчи Халиль — 20, 56, 58, 62—65, 74, 88, 93, 108, 122, 159, 161, 210
 Челебиджихан Номан — 24, 27, 28, 52, 64
 Чергеев Асан — 128
 Черчилль У. — 14
 Чобан-заде (Абдулина) Ругия — 18, 145, 194, 195, 221
 Чобан-заде Мустафа — 144, 194
 Чобан-заде (Халилова) Зелиха — 17—19, 34, 172, 173, 197, 201
 Чома де Керёши — 38
 Чуковский К.И. — 47

Ш

- Шанг Абдулла — 195
 Шарафутдинов А. — 139
 Шарифов А. — 139, 183
 Шацкая О. — 151
 Шварц С. — 72
 Шевченко Т.Г. — 16, 22, 115, 150
 Шейхаметов Осман — 188
 Шейхаметова Хатидже — 188
 Шейх-заде Вехби — 189
 Шейх-заде Номан — 128
 Шеллинг — 111
 Шемьи-заде Эшреф — 8, 18, 109, 115, 128, 164, 173
 Шер — 185, 186, 196
 Шиплер — 42
 Ширалиев М.Ш. — 138
 Широкогородов — 182
 Шмидт Й. — 39, 40, 54
 Шор Р. — 118
 Шпенглер О. — 160
 Шугу Эмиралли — 77, 119
 Шукри Амет — 27

Щ

- Щерба Л.В. — 154, 223

Э

- Эмин Мехмет — 39, 40, 43
 Эмирова Адиле — 109, 110
 Эмирова Е.Г. — 201
 Энгельс Ф. — 111
 Эпикур — 111
 Этвёш Йожеф — 36
 Этвёш Лоранд — 36
 Эфенди-заде О. — 139, 172
 Эфендиев С.М. — 181

Ю

- Юдакин А. — 11, 89, 106, 204
 Юнусов О. — 128
 Юнусов Шевкет — 9, 109, 143
 Юсуф Зия — 22

Я

- Якир И.Э. — 72, 74
 Яковлев Н.Ф. — 150, 155
 Якуб Заки Мустафа — 77, 182, 187
 Якуб Кемаль — 27, 121, 189
 Янковский Генрик — 15, 39, 40, 42, 44, 46—49, 116, 204, 221

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АзГНИИ	— Азербайджанский государственный научно-исследовательский институт
АзГУ	— Азербайджанский государственный университет
АзФАН	— Азербайджанский филиал Академии наук СССР
АН	— Академия наук
АССР	— автономная советская социалистическая республика
БСЭ	— Большая советская энциклопедия
ВМН	— высшая мера наказания
ВНАВ	— Всесоюзная научная ассоциация востоковедения
ВУЦИК	— Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет
ВЦИК	— Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
ВЦК НТА	— Всесоюзный центральный комитет нового тюркского алфавита
ГААРК	— Государственный архив Автономной Республики Крым
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации
ГПУ	— Государственное политическое управление
КГБ	— Комитет государственной безопасности
ГУЛАГ	— Главное управление исправительно-трудовых лагерей
ГУС	— Государственный ученый совет
ГУ СБУ	— Главное управление Службы безопасности Украины
КГУ	— Крымский государственный университет
КНР	— Китайская Народная Республика
КПИ	— Крымский педагогический институт
КПСС	— Коммунистическая партия Советского Союза
КРКМ	— Крымский республиканский краеведческий музей
Крымнаробраз	— Крымский отдел народного образования
КУТВ	— Коммунистический университет трудящихся Востока
ЛВИ	— Ленинградский восточный институт
НИИ	— научно-исследовательский институт
НКВД	— Народный комиссариат внутренних дел
НКП, Наркомпрос	— Народный комиссариат просвещения
НЭП	— новая экономическая политика
ОГПУ	— Объединенное государственное политическое управление
ОДНА	— Общество «Друзья нового алфавита»
ОЗЕТ	— Общество по земельному устройству трудящихся евреев
ОК	— областной комитет, обком
ОНО	— отдел народного образования
ОСО	— особое совещание
Помгол	— Комитет помощи голодающим (1921—1922)
ПФА РАН	— Петербургский филиал Архива Российской академии наук
РАПП	— Российская ассоциация пролетарских писателей
РГАЛИ	— Российский государственный архив литературы и искусства
РГАСПИ	— Российский государственный архив социально-политической истории
РК	— районный комитет
РКБ	— Республиканская крымскотатарская библиотека им. И. Гаспринского
РКП(б)	— Российская коммунистическая партия (большевиков)
СНГ	— Содружество Независимых Государств
СНК	— Совет народных комиссаров, Совнарком
Совнацмен	— Совет по просвещению национальных меньшинств
ТОИАЭ	— Таврическое общество истории, археологии и этнографии
ФОН	— факультет общественных наук
ЦГАВО	— Центральный государственный архив высших органов власти Украины
ЦИК	— Центральный исполнительный комитет
ЦКК	— Центральная контрольная комиссия

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Человек из легенды	5
Часть I. Годы странствий	16
Глава 1. Пастушок из Карасубазара	16
Глава 2. Лицеист в Стамбуле	23
Глава 3. Студент в Будапеште	33
Часть II. Годы возмужания: Крым	53
Глава 1. Во главе Народной партии	53
Глава 2. С неисчерпаемой энергией на ниве просвещения	81
Глава 3. Профессор Крымского университета	98
Глава 4. Со словарем и лирою в руках	109
Часть III. Годы испытаний: Баку	117
Глава 1. В борьбе за новый тюркский алфавит	117
Глава 2. Педагогическая и научная деятельность	134
Глава 3. Международное признание	145
Глава 4. Охота на человека	156
Глава 5. «Птицы смерти в зените стоят»	176
Примечания	199
Приложения	231
Именной указатель	263
Список сокращений	274

Наукове видання

Урсу Дмитро Павлович

БЕКІР ЧОБАН-ЗАДЕ

Життя. Доля. Доба

Директор І.Б. Чегертма

Редактор Є.М. Сидоренко

Коректор Е.А. Ібрагімова

Оператор А.В. Вєсєлов

Підписано до друку 10.10.2013 р. Формат 60х84¹/₁₆. Папір офсетний.

Гарнітура «Agiat». Умовн. друк. арк. 16,04+1,4 вкл.

Обл.-вид. арк. 15,15+1,06 вкл. Обсяг 17,25+1,5 вкл. друк. арк.

Тираж 500 прим. Зам. № 89/192.

КРП «Видавництво «Кримнавчпеддержвидав»

95000, м. Сімферополь, вул. Горького, 5.

E-mail: krimuchpedgiz@gmail.com

*Свідоцтво про внесення до Державного реєстру суб'єкта
видавничої справи ДК № 508 від 26.06.2001 р.*

Надруковано у СПД-ФО Подгорнов О.В.

95023, м. Сімферополь, вул. Радіонова, 17, кв. 23.

Свідоцтво про Державну реєстрацію № 04055564Ф0090012. від 28.05.2002 р.